МИР-КОЛЬЦО

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

НИВЕН

Мир-Кольцо
Ларри Нивен

Аннотация
Ларри Нивен. Мир-Кольцо
1. ЛУИС ВУ…
2. …И ЕГО ПЕСТРАЯ КОМАНДА
3. ТИЛА БРАУН
4. ГОВОРЯЩИЙ С ЖИВОТНЫМИ
5. РОЗЕТТА
6. ГОЛУБАЯ ЛЕНТА
7. ТРАНСФЕРНЫЕ ДИСКИ
8. КОЛЬЦО
9. ЧЕРНЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ
10. ПОВЕРХНОСТЬ КОЛЬЦА
11. НЕБЕСНАЯ ДУГА
12. КУЛАК БОГА
13. ЗВЕЗДНЫЕ СЕМЕНА
14. ИНТЕРЛЮДИЯ С СОЛНЕЧНИКАМИ
15. ЗАМОК ИЗ СНОВИДЕНИЙ
16. КОМНАТА КАРТ
17. ГЛАЗ ЦИКЛОНА
18. СЛУЧАЙНОСТИ ТИЛЫ БРАУН
19. В ЛОВУШКЕ
20. МЯСО

21. ДЕВУШКА ИЗ-ЗА КРАЯ
22. ИСКАТЕЛЬ
23. ГАМБИТ БОГА
24 КУЛАК БОГА

Аннотация

«Мир-Кольцо». Жемчужина творчества Ларри Нивена. Самый уникальный артефакт за всю историю мировой НФ — и, по словам Ларри Нивена, самое удивительное произведение инженерного искусства со времен «Божественной комедии» Данте.

Искусственно созданный вокруг далекого солнца «обруч» — толщиной в десятки метров, шириной — в миллионы километров и диаметром — в миллиард. «Обруч», внутренняя сторона которого способна вместить триллионы обитателей. «Обруч», который вновь и вновь становится «ареной» для войн, экспансий и невероятных, увлекательных приключений.

Ларри Нивен
Мир-Кольцо

1. ЛУИС ВУ…

Луис Ву материализовался в центре погруженного в темноту Бейрута, в одной из ряда трансферных кабин.

Его тридцатисантиметровая косичка сверкала идеальной белизной искусственного снега, кожа на бритой голове была желтая, зрачки золотые.

Одет он был в голубой халат с вышитым золотым трехмерным драконом. В момент материализации на его лице была широкая улыбка, открывающая великолепные жемчужные идеально ровные зубы. Он улыбался и махал рукой. Однако улыбка тут же исчезла, и лицо Луиса Ву стало похоже на обвисшую резиновую маску. Ему было уже немало лет.

Какое-то время он смотрел на кипевшую вокруг жизнь Бейрута, на людей, появляющихся в кабинах из неведомо каких мест, на толпы пешеходов, бродящих по выключенным на ночь тротуарам. Часы начали бить одиннадцать ночи. Луис Ву выпрямился и вышел в ожидающий его мир.

В Реште, где еще продолжался устроенный им прием, уже наступил следующий день, а здесь, в

Бейруте, он наступит через час. В ресторане под открытым небом он поставил всем по нескольку порций ракии, спел за компанию несколько песен по-арабски и на интерволде, а около полуночи — перенесся в Будапешт.

Интересно, заметили ли, что он ушел со своего приема? Вероятно, все решат, что он исчез с какой-нибудь женщиной и снова появится через несколько часов.

Но Луис Ву ушел один, убегая от настигающей полуночи, от нового дня. Двадцати четырех часов было решительно мало, чтобы отметить двухсотый день рождения.

Они справятся и без него. Друзья Луиса сами о себе позаботятся. В этом смысле его принципы были непоколебимы.

В Будапеште ждало вино, танцы, местные жители, принявшие его за богатого туриста, и туристы, решившие, что он богатый туземец. Он танцевал, пил вино и исчез перед полуночью.

В Мюнхене он вышел на прогулку.

Воздух был теплый и чистый, от этого в голове немного прояснилось. Он бодро шел по ярко освещенным движущимся тротуарам, добавляя к их десятимильной скорости скорость своего марша. Неожиданно мелькнула мысль, что в любом ме-

сте на Земле есть тротуары, и все они движутся со скоростью десяти миль в час.

Эта мысль была невыносима — не нова, а просто невыносима. Насколько же похож Бейрут на Мюнхен, на Решт… и на Сан-Франциско… и на Топику, Лондон, Амстердам… В магазинах, мимо которых двигались тротуары, везде можно было получить одно и то же. Все люди, мимо которых он ехал, выглядели одинаково и одинаково одевались. Не американцы, не немцы, не египтяне — просто люди. Это обезличивание вместо неисчерпаемой, казалось бы, оригинальности было заслугой действующих уже три с половиной столетия трансферных кабин, которые покрывали мир густой сетью. Расстояние между Москвой и Сиднеем сократилось до доли секунды и десятистаровой монеты. За прошедшие столетия города так перемешались между собой, что их названия стали всего лишь реликтами далекого прошлого.

Сан-Франциско и Сан-Диего стали северным и южным концами одного огромного, вытянутого вдоль побережья города. Однако много ли людей знало, где кончается один и начинается другой? Почти никто.

Такие пессимистические мысли мало подходили для двухсотого дня рождения.

Но соединение и перемешивание городов было чем-то вполне реальным. Все это происходило на памяти Луиса. Национальные, временные и исторические иррациональности соединялись в одну большую, монотонную рациональность огромного Города.

Кто сегодня говорит по-немецки, английски, французски или испански? Все пользуются интерволдом. Мода менялась разом по всему миру, единым конвульсивным чудовищным спазмом.

Неужели пришло время уйти в очередной Отрыв?

В одиночку, в маленьком корабле, в неизвестность… Пусть кожа, глаза и волосы обретут естественный цвет, а борода растет как и сколько ей влезет…

— Глупости, — сказал сам себе Луис Ву. — Ведь я вернулся совсем недавно.

Двадцать лет назад.

Приближалась полночь. Луис Ву нашел свободную трансферную кабину, вложил в прорезь считывающего устройства ридера свою кредитную карту и набрал код Севильи.

Материализовался он в комнате, залитой солнцем.

— Что такое? — удивился он, щуря привыкшие

к темноте глаза. Должно быть, что-то испортилось в кабине. В Севилье в это время не должно быть солнца.

Луис Ву поднял руку, чтобы попробовать еще раз, потом машинально вгляделся и замер. Он был в абсолютно стандартном, скучном и прозаичном гостиничном номере, поэтому вид его постояльца шокировал вдвойне.

С центра комнаты на Луиса смотрело нечто не только не человеческое, но даже не гуманоидное. Оно стояло на трех ногах и разглядывало Луиса глазами, помещенными на двух плоских головах, которые покачивались на тонких гибких шеях. Кожа создания была белой и на взгляд — необычно нежной, а между шеями вдоль позвоночника и на бедре задней ноги росла густая длинная грива. Две передние ноги были широко расставлены, так что маленькие копытца находились в вершинах почти идеального равностороннего треугольника.

Луис сразу догадался, что создание было каким-то животным с чужой планеты. В этих плоских головках не нашлось бы места для мозга достаточного размера. Потом его внимание привлекла поросшая густой гривой выпуклость между шеями… и вдруг вернулось с глубины в сто во-

семьдесят лет, всплыло воспоминание.

Это был кукольник, точнее, кукольник Пирсона. Его череп и мозг были именно под этим горбом, и он ни в коем случае не был животным, но обладал разумом, по меньшей мере, сравнимым с человеческим. Его глубоко посаженные глаза, по одному на каждой голове, неподвижно вглядывались в Луиса Ву.

Луис попытался открыть дверь кабины. Бесполезно.

Но он был закрыт в кабине, а не *вне* ее. В любую минуту он мог набрать какой-нибудь код и исчезнуть, но такая мысль просто не пришла ему в голову. Не каждый день встречаешь кукольника. Они исчезли из известного людям космоса задолго до рождения Луиса.

— Чем могу служить? — спросил Луис.

— Да, можешь, — ответил чужак голосом, взятым из роскошнейшего сна подростка. Женщина, обладающая таким голосом, должна быть Клеопатрой, Еленой, Мерилин Монро и Лорелеей Хантц одновременно.

— Ненис!

Проклятие было как нельзя более к месту. Нет в мире справедливости! Чтобы таким голосом говорило двухголовое существо непонятного пола!

— Не бойся, — сказал кукольник. — Ты знаешь, что можешь уйти, если захочешь.

— В школе нам показывали снимки таких, как ты. Вы исчезли совсем… Во всяком случае, так казалось нам.

— Когда мой вид покинул известный вам космос, меня с ними не было, — ответил чужак. — Я остался в известном космосе, ибо был нужен моему виду здесь.

— А где ты прятался? И где, черт побери, мы находимся?

— Это не должно тебя беспокоить. Ты Луис Ву ММГРЕПЛН?

— Откуда ты знаешь мой код? Ты следил за мной?

— Да. Мы можем контролировать сеть трансферных кабин вашего мира.

Луис осознал, что это действительно возможно. Потребуется целое состояние на взятки, но это не проблема. Вот только…

— А зачем?

— Долго объяснять…

— Ты не выпустишь меня отсюда?

Кукольник на секунду задумался.

— Полагаю, что придется. Но сначала убедись, что я не безоружен. Я смогу тебя остановить, если

ты нападешь на меня.

Луис Ву фыркнул и пожал плечами.

— А зачем мне это?

Кукольник не ответил.

— Ах, да, теперь я вспомнил. Вы просто трусы. Вся ваша этика основана на трусости.

— Хоть и неточная, пусть эта оценка останется.

— Вообще-то могло быть и хуже, — буркнул Луис.

У каждой разумной расы были свои чудачества. Все-таки легче было договориться с кукольником, чем с генетически параноидальным триноком, кзином с его неудержимыми рефлексами хищника или с медлительным грогсом с его шокирующим заменителем хватательных органов.

Вид стоящего перед ним кукольника вызвал у Луиса целую лавину хаотических воспоминаний.

С научными данными о кукольниках, об их торговой империи, о контактах с людьми и, наконец, о неожиданном исчезновении были перемешаны воспоминания о вкусе первой в жизни сигареты, об ударах неловкими пальцами в клавиатуру пишущей машинки; всплыли списки слов интерволда, которые нужно было заучить наизусть, звучание и вкус английского

языка, неуверенность и разочарования молодости. Впервые он узнал о кукольниках на лекции по истории, а потом забыл о них на целые сто восемьдесят лет. Просто невероятно, сколько всего может вместить человеческий мозг!

— Я останусь здесь, если хочешь, — сказал он.

— Нет. Мы должны встретиться ближе.

Под гладкой кожей кукольника нервно перекатились мышцы. Дверь открылась, и Луис Ву вошел в комнату.

Кукольник отступил на несколько шагов.

Луис сел в кресло, заботясь скорее о психическом комфорте кукольника, чем о своем удобстве. Сидя, он выглядел менее опасным. Кресло было такое же, как и везде, с массажем, подстраивающееся под фигуру, но только под человеческую. В воздухе чувствовался слабый, почти приятный запах — что-то среднее между аптекой и лавкой пряностей.

Чужак присел на подогнутую заднюю ногу.

— Ты удивлен, зачем я затащил тебя сюда. Потребуется долгое объяснение. Что ты знаешь о моем виде?

— С тех пор, как я учился в школе, прошло много лет… Когда-то у вас была настоящая торговая империя, правда? То, что мы называем «извест-

ным космосом», составляло только малую ее часть. Известно, что вы торговали с триноками, а мы сами столкнулись с ними только двадцать лет назад.

— Да, мы имели с ними дела. В основном, через роботов, насколько я помню.

— У вас была империя, существовавшая непрерывно по крайней мере несколько тысяч лет и протянувшаяся на сотни световых лет. А потом вы исчезли, оставили все, что имели. Почему?

— Разве об этом уже забыли? Мы бежали от взрыва ядра Галактики!

— Да, я знаю. — Луис вспомнил даже, что цепная реакция Новых была открыта именно кукольниками. — Но почему теперь? Звездные ядра превратились в Новые десять тысяч лет назад. Их свет доберется сюда не раньше, чем через двадцать тысяч лет.

— У людей не должно быть столько свободы, — ответил кукольник. — Вы обязательно сделаете себе плохо. Вы не видите опасности? Идущее со светом излучение превратит эту часть Галактики в пустыню!

— Двадцать тысяч лет — это прорва времени.

— Гибель и через двадцать тысяч лет останется гибелью. Мой вид бежал в направлении

Магеллановых Облаков. Часть из нас осталась на тот случай, если миграции кукольников будет угрожать какая-нибудь опасность. Теперь это случилось.

— Да? А что это за опасность?

— Пока я не могу ответить на этот вопрос. Но взгляни вот сюда, — кукольник взял лежащий на столе предмет, и Луис, который все время гадал, где у кукольника руки, увидел, что вместо рук он использует губы.

«И очень хорошо использует», — подумал он, когда кукольник подал ему предмет, который оказался голограммой. Большие, словно резиновые, губы кукольника на несколько дюймов выступали за зубы. Они были сухими, как человеческие пальцы, и окружены маленькими выростами. За сточенными плоскими зубами травоядного Луис заметил подвижный язык.

Он взглянул на голограмму.

Поначалу он просто не понял, что это такое, но продолжал терпеливо всматриваться, ожидая, пока образ сложится в осмысленное целое. Небольшой ярко-белый диск, похожий на солнце класса C0, K9 или K8, перечеркнутый ровной черной полосой. Но это не могло быть солнцем. Частично скрытая за ним, четко отделяясь от

черного фона, виднелась полоса необычайно чистой голубизны. Полоса была идеально ровной, с острыми краями из твердого материала, явно искусственной и более широкой, чем белый кружок.

— Похоже на звезду, окруженную обручем, — сказал Луис. — Что это, собственно, такое?

— Можешь оставить это себе, если хочешь. Теперь я могу открыть тебе причину, по которой затащил тебя сюда. Я предлагаю создать исследовательский отряд, состоящий из четырех членов, включая тебя и меня.

— И что мы будем исследовать?

— Этого я пока сказать не могу.

— Не шути. Нужно быть идиотом, чтобы решиться на то, о чем ничего не знаешь.

— Всего наилучшего по случаю двухсотого дня рождения, — сказал кукольник.

— Спасибо, — ответил несколько удивленный Луис.

— Почему ты ушел со своего приема?

— Это не твое дело.

— Мое. Прости меня, Луис Ву. Почему ты ушел со своего приема?

— Я просто подумал, что двадцать четыре часа — маловато, чтобы как следует отметить

двухсотый день рождения. Вот я и продлил себе этот день, убегая от полуночи. Как чужак, ты не в состоянии это понять.

— Ты был упоен радостью этого дня?

— Ну, не совсем. Пожалуй, нет… Даже наверняка. Хотя сам прием был очень хорош.

Начался он вчера, сразу после полуночи. Почему бы и нет? Его друзья были раскиданы по всем часовым поясам, и не было никаких причин терять хотя бы одну-единственную минуту. По всему дому были расставлены мини-спальни для короткого, но глубокого сна. Тех, кто не хотел терять время на сон, ждали возбуждающие средства, одни — с интересным побочным действием, другие — без.

На прием явились и те, кого Луис не видел самое малое сто лет, и те, с кем он виделся ежедневно. Некоторые из них когда-то, очень давно, были его смертельными врагами. Были женщины, которых он никак не мог вспомнить и удивлялся теперь, сколько раз за эти годы у него менялся вкус.

Как и следовало ожидать, одно представление гостей заняло несколько часов. Ох, уж этот список фамилий, и все нужно было запомнить. Слишком много друзей стали совершенно чужими.

За несколько минут до новой полуночи Луис Ву вошел в трансферную кабину, набрал код и исчез.

— Мне стало смертельно скучно, — признался он. — «…Луис, расскажи нам о своем последнем Отрыве!», «Как ты можешь быть так одинок, Луис?», «Как хорошо, что ты пригласил тринокского посла», «Мы так долго тебя не видели, Луис!», «Эй, Луис, знаешь сколько нужно джинксов, чтобы покрасить небоскреб?», «Ну, сколько?», «Что сколько?», «Этих джинксов», «А-а… Трое поливают краской, а двое двигают небоскреб». Я слышал эту шутку еще в детском саду. Все то, что было в моей жизни, все старые шутки, все одновременно — в одном, большом доме… Я не мог это выдержать.

— Ты беспокойный человек, Луис Ву. Ведь это ты придумал Отрывы, правда?

— Не помню. Знаю только, что они быстро распространились. Теперь так делает большинство моих знакомых.

— Но не так часто, как ты. Примерно через каждые сорок лет тебе надоедает общество людей. Тогда ты покидаешь их мир и мчишься к границе известного космоса. Ты летишь один, в маленьком корабле, до тех пор, пока не почув-

ствуешь потребности в чьем-нибудь обществе. Из последнего, четвертого Отрыва ты вернулся двадцать лет назад. Ты беспокоен, Луис Ву. На каждой из планет обжитого людьми космоса ты жил достаточно долго, чтобы тебя принимали за туземца. Сегодня ты ушел со своего приема. Тебя снова мучает беспокойство?

— Это мое личное дело, не так ли?

— Да. А мое дело — вербовка. Ты подходишь для моего исследовательского отряда. Ты можешь рисковать, но сначала все детально рассчитываешь. Не боишься оставаться один на один с собой. Ты достаточно рассудителен и хитер, чтобы жить и после двухсот лет. Поскольку ты всегда заботился о своем теле, в физическом смысле тебе не больше двадцати лет. И наконец — это, пожалуй, самое главное — ты любишь общество чужаков.

— Это правда, — признал Луис. Он знал нескольких ксенофобов и считал их полными идиотами. Жизнь была бы скучна, если бы вокруг были одни люди.

— Но ты не хочешь принимать решение втемную. Луис, разве тебе мало того, что я, кукольник, буду с тобой? Всего, чего ты мог бы опасаться, я буду опасаться с удвоенной силой и гораздо раньше… Разумная осторожность моей расы стала

поговоркой во всей галактике.

— Верно, — согласился Луис. Честно говоря, он уже проглотил приманку. Соединенные вместе ксенофилия, внутреннее беспокойство и любопытство победили: куда бы ни отправлялся кукольник, Луис решил быть с ним. Но он хотел знать больше.

Его позиция в этом торге была великолепна. Сам чужак наверняка не выбрал бы такой комнаты. Это совершенно обычное с человеческой точки зрения помещение явно специально подготовили для вербовки.

— Ты не хочешь говорить, что собираешься исследовать — сказал Луис. — Может, по крайней мере, скажешь, где это находится?

— В двухстах световых годах отсюда, в направлении Малого Магелланова Облака.

— Путешествие с гиперпространственным двигателем займет два года.

— Нет. У нас есть корабль, который полетит быстрее. Он преодолевает световой год за минуту с четвертью.

Луис открыл рот, но не сумел издать ни звука. Минута и пятнадцать секунд?

— Это не должно удивлять тебя, Луис Ву. Как бы иначе мы могли послать в ядро Галактики раз-

ведчика, который доложил о цепной реакции? Ты должен был догадаться о таком корабле. Если моя миссия закончится успехом, я отдам этот корабль экипажу, отдам вместе с планами, которые позволят построить много таких кораблей. Этот корабль будет твоей… платой, вознаграждением — назови это как хочешь… Ты увидишь его, когда мы догоним миграцию кукольников. Там же ты узнаешь, что является целью нашей экспедиции.

«Когда догоним миграцию кукольников…»

— Хорошо, я готов, — сказал Луис Ву. Увидеть миграцию целой расы! Огромные корабли, несущие на своих палубах сотни миллионов кукольников, целые экологические системы…

— Хорошо. — Кукольник встал. — Наш экипаж будет состоять из четырех членов. Сейчас мы идем за третьим, — и он направился в трансферную кабину.

Луис спрятал таинственную голограмму в карман и пошел за ним. В кабине он попытался прочесть код, который набрал кукольник, но тот сделал это так быстро, что человек ничего не заметил.

Луис Ву вышел из кабины вслед за кукольником и оказался в полумраке роскошного

ресторана. Он узнал его по черно-золотому декору и совершенно неэкономичной, если говорить об использовании площади, расстановке столиков. «Малютка» в Нью-Йорке.

Появление кукольника было встречено недоверчивым шепотом. Робот-метрдотель, которого ничем нельзя было пронять, пригласил их к столу. Вместо одного из стульев принесли большую прямоугольную подушку, и на нее уселся кукольник.

— Тебя здесь ждали, — скорее констатировал, чем спросил Луис Ву.

— Да, я заказал столик заранее. Они хорошо умеют обслуживать чужаков.

Только теперь Луис заметил, что кукольник был не единственным представителем чужой расы: за соседним столиком сидели четверо кзинов, а в другом конце зала сидел кдалтино. В этом не было ничего удивительного, если принять во внимание близость здания Объединенных Наций. Луис заказал себе кислую текилу и, как только ее принесли, занялся ею.

— Это была хорошая мысль, — сказал он. — Я умираю от голода.

— Мы здесь не для того, чтобы есть. Нам нужно найти третьего члена экипажа.

— Здесь? В ресторане?

Кукольник повысил голос, чтобы ответить, но то, что он сказал, вовсе не было ответом.

— Ты никогда не видел моего кзина? Его зовут Кхула-Ррит. Я держу его дома. Очень забавная зверушка.

Луис едва не захлебнулся текилой. За столиком позади кукольника каждая из четырех гор оранжевого меха была огромным живым кзином. Теперь все четверо обнажили свои острые, как стилеты, зубы и смотрели в их сторону. Выглядело это так, будто они смеются, но у кзина такая гримаса означает отнюдь не смех: фамилию Ррит носили члены семьи Патриарха Кзинов.

«Впрочем, — подумал Луис, которому удалось, наконец, справиться с несчастной текилой, — оскорбление и так было смертельным, а съеденным можно быть только один раз».

Ближайший к ним кзин поднялся. Густой оранжевый мех — только вокруг глаз были черные пятна — покрывал существо, которое можно было принять за толстого кота, если бы оно не было восьми футов роста. Вместо жира везде бугрились мышцы, странно расположенные вокруг не менее странного скелета.

Похожие на черные перчатки ладони перехо-

дили в мощные когти. Пятьсот фунтов разумной хищной плоти нависли над кукольником и спросили:

— Скажи, почему ты решил, что можно оскорбить Патриарха Кзинов и жить дальше?

Кукольник ответил сразу, и в голосе его не было заметно ни малейшей дрожи.

— Это именно я на планете Беты Лиры пнул кзина по имени Хафт-Капитан в живот и сломал ему три слоя внутреннего скелета. Мне нужен храбрый кзин.

— Говори дальше, — сказал черноглазый кзин. Несмотря на строение губ, его интерволд был безупречен. В голосе не было слышно ярости, которую он, несомненно, испытывал.

Для постороннего наблюдателя кзин и кукольник могли разговаривать, например, о погоде.

Однако еда, от которой оторвался кзин, состояла из одного красного, дымящегося мяса, подогретого перед подачей до температуры тела. Остальные кзины все это время широко улыбались.

— Этот человек и я, — продолжал кукольник, — будем изучать место, какое не снилось еще ни одному кзину. Для этого нам потребуется кзин. Осмелится ли кзин пойти туда, куда поведет

кукольник?

— Говорят, что кукольники травоядные и всегда скорее бегут от борьбы, чем принимают ее.

— Ты можешь судить об этом сам. Твоей платой, если останешься в живых, будут планы космического корабля плюс сам корабль. Плюс премия за риск.

Кукольник делал все, чтобы еще больше осложнить положение. Кзину не предлагают премию за риск. Кзин ничего не боится, он просто не замечает опасности.

Однако кзин сказал только одно слово:

— Согласен.

Трое его соотечественников что-то фыркнули ему, и кзин фыркнул им в ответ.

Когда говорит один кзин на своем родном языке, это звучит так, словно дерется стая котов. Четверо кзинов, ведущие оживленную дискуссию, напоминали целую кошачью войну с использованием ядерного оружия.

В ресторане немедленно включили глушители, но все равно спор чужаков был слышен.

Луис заказал очередную порцию. Судя по тому, что он знал о кзинах, эти четверо прошли специальную психологическую подготовку, поскольку кукольник был еще жив.

Наконец, спор окончился, и кзины повернулись к ним. Тот, с черными пятнами вокруг глаз, спросил:

— Как тебя зовут?

— Здесь я ношу человеческое имя Несс, — ответил кукольник. — На самом же деле меня зовут… — и тут из обоих ртов кукольника полились музыкальные звуки.

— Хорошо, Несс. Знай же, что мы вчетвером представляем кзинов на Земле. Это Харш, это Фтансс, а тот, с желтыми кольцами — Хррот. Я, как их помощник и кзин низкого рода, не имею имени. По моему занятию меня называют Говорящий с Животными.

Луис скрипнул зубами от ярости.

— Проблема заключается в том, что мы нужны здесь. Сложные переговоры… впрочем, вас это не касается. Было решено, что без меня здесь вполне обойдутся. Если этот твой корабль действительно окажется стоящей штукой, я присоединюсь к вам. Если же нет — докажу свою храбрость другим способом.

— Хорошо, — сказал кукольник и встал со своей подушки.

Луис не шевельнулся, только спросил:

— А как называют тебя другие кзины?

— На Языке Героев это звучит так… — кзин что-то проскрипел на очень низких нотах.

— Тогда почему ты этого не сказал? Ты хотел нас оскорбить?

— Да, — ответил Говорящий с Животными. — Я был зол на вас.

Луис привык к людскому двуличию и ждал, что кзин солжет. Тогда Луис мог бы сделать вид, что верит этому, и кзин в будущем был бы вежливее… но теперь было слишком поздно. Луис поколебался долю секунды, затем спросил:

— А чего в таком случае требует обычай?

— Мы должны помериться силами врукопашную, как только ты вызовешь меня на поединок, или же один из нас должен извиниться.

Луис встал. Он отлично понимал, что совершает самоубийство, но не менее отлично понимал, что иначе просто нельзя.

— Я вызываю тебя, — сказал он. — Клыки против зубов, когти против ногтей, поскольку для нас двоих нет места во Вселенной.

— Прошу прощения от имени моего товарища Говорящего с Животными, — сказал вдруг, не поднимая головы, кзин по имени Хррот.

— Что? — выдавил Луис.

— Именно в этом заключается моя роль, — по-

яснил кзин. — Быть под рукой во всех ситуациях, из которых натура кзинов видит только два выхода: сражаться или извиниться. Мы знаем, что происходит, когда мы сражаемся. Сегодня кзинов в восемь раз меньше, чем тогда, когда мы впервые столкнулись с людьми. Наши колонии стали вашими колониями, наши невольники освободились и учатся человеческой технологии и человеческой этике. В ситуации, когда нужно извиняться или сражаться, моя роль заключается в том, чтобы извиниться.

Луис сел. Похоже, он еще поживет.

— Я бы так не сумел, — сказал он.

— Конечно, нет, раз ты осмелился вызвать кзина на поединок. Но наш Патриарх считает, что я не гожусь ни для чего другого. Я не слишком умен, слаб здоровьем, меня подводит координация движений. Как еще я мог бы заслужить себе имя?

Луис хлебнул из своего стакана, моля в душе, чтобы кто-нибудь сменил тему разговора. Вежливый кзин смущал его.

— Давайте кончим ужин, — предложил Говорящий с Животными. — Или наша миссия начинается прямо сейчас?

— Вовсе нет, — ответил Несс. — У нас еще не до конца набран экипаж. Меня известят, если

мои агенты локализуют четвертого члена. А пока поедим.

Прежде чем вернуться к своему столику, кзин заметил:

— Луис Ву, твой вызов был слишком длинным. Вполне хватило бы обычного вопля ярости. Попросту верещишь и скачешь.

— Верещишь и скачешь, — повторил Луис. — Спасибо, буду знать.

2. ...И ЕГО ПЕСТРАЯ КОМАНДА

Луис Ву знавал людей, которые, пользуясь трансферной кабиной, закрывали глаза, чтобы побороть головокружение. По его мнению, это была сущая чепуха, но у его друзей бывали заскоки и похлеще.

Он тщательно набрал код. Чужаки исчезли, и кто-то неподалеку воскликнул:

— Смотрите! Луис уже вернулся!

У кабины собралась целая толпа, мешая открыть дверь.

— А, чтоб вас! Что, никто не ушел домой? — Он широко раскинул руки, сгреб их. — Дайте пройти, недоумки. Я жду новых гостей.

— Чудесно! — крикнул кто-то прямо в ухо. Его крепко схватили за руку, всучили полный бокал. Луис обнял семь или восемь гостей разом и улыбнулся, радуясь приему, который ему устроили.

Луис Ву. Его, с бледно-желтой кожей, издали можно было принять за восточного человека. Богатая голубая ткань была наброшена так небрежно, что должна была мешать ему двигаться, но все же не мешала.

Вблизи все оказывалось иначе. Кожа была не бледно-желтой, а с коричневым оттенком, хотя и гладкой, как у героя комиксов. Косичка была слишком толстой и поседела тоже не естественным способом. Она была чисто белого цвета с легким оттенком синевы, словно свет белых карликов. Как и все люди, Луис Ву был окрашен в цвета искусственных красителей.

Житель равнин… Это было видно с первого взгляда. Черты его лица не были ни кавказскими, ни монголоидными, ни негроидными, хотя можно было найти следы каждой из этих рас. Это была идеальная смесь, для которой требовались долгие столетия. Он поднял бокал и улыбнулся своим гостям.

Так получилось, что улыбнулся он паре серебристых глаз, которые были от него в каком-нибудь дюйме.

В общей толкотне и суматохе Тила Браун оказалась в конце концов лицом к лицу и грудью к груди с Луисом. Ее голубая кожа была покрыта сетью тоненьких серебряных ниточек, прическа пылала ярко-оранжевым огнем, а глаза отражали все окружающее, как два серебряных зеркальца. Ей было двадцать лет, и Луис уже успел с нею поговорить. То, что она говорила, было банально,

полно штампов и легкого энтузиазма, но зато она была очень красива.

— Я обязательно должна спросить, — задыхаясь, сказала она. — Как тебе удалось пригласить сюда тринока?

— Только не говори, что и он еще здесь!

— О нет. Кончился воздух, и он вынужден был пойти домой.

— Неправда, — информировал ее Луис. — У него был запас на несколько недель. Если это тебя действительно интересует, то именно этот тринок был когда-то моим гостем и пленником одновременно. Его корабль со всем экипажем погиб на окраине известного космоса; мне пришлось доставить его на Марграв, чтобы создать ему привычные условия.

Глаза девушки светились восхищением и изумлением. Луиса приятно удивило, что они были на уровне его собственных. Из-за хрупкого сложения Тила Браун казалась меньше ростом. Потом она увидела что-то за спиной Луиса, и глаза расширились еще больше.

Из трансферной кабины вышел кукольник Несс.

Покидая «Малютку», Луис попытался разговорить Несса, чтобы тот подробнее рассказал о

цели путешествия, но кукольник боялся следящих лучей.

— Тогда загляни ко мне, — предложил Луис.

— Но твои гости…

— Мой кабинет абсолютно безопасен, и гостей там нет. Кроме того, подумай, какой фурор ты произведешь на приеме! Конечно, при условии, что кто-то там еще остался.

Впечатление было именно таким, какого Луис и ждал. Внезапно единственным звуком, нарушающим тишину, стал перестук кукольниковых копыт. Тем временем из трансферной кабины вышел Говорящий с Животными; он оглядел море окружающих его человеческих лиц и неторопливо обнажил зубы.

Кто-то пролил вино из бокала, стоящие в углу говорящие орхидеи что-то нервно зашелестели. Люди отшатнулись от кабины. Слышно было, как они тихо шушукаются.

— Ничего с тобой не случится. Я их тоже вижу.

— Отрезвляющие таблетки? Сейчас, где-то они у меня были…

— Ну и придумал, верно?..

— Старый добрый Луис…

— Простите, а как оно называется?

Они понятия не имели, как реагировать на

Несса; кукольника почти все проигнорировали, опасаясь ляпнуть какую-нибудь глупость. Еще удивительнее отнеслись они к Говорящему с Животными — кзина, когда-то злейшего врага человечества, приняли с уважением, словно героя.

— Иди за мной, — обратился Луис к кукольнику, надеясь, что кзин пойдет с ними. — Прошу прощения! Прошу прощения! — крикнул он и стал пробиваться сквозь толпу. В ответ на возбужденные и удивленные вопросы он только таинственно улыбался.

Добравшись, наконец, до кабинета, Луис старательно закрыл двери и включил защиту от подслушивания.

— Порядок. Кто хочет выпить?

— Если сможешь подогреть немного бурбона, я охотно выпью, — сказал кзин. — Если не сможешь, я все равно выпью.

— Несс?

— Какого-нибудь растительного сока будет вполне достаточно. Может, у тебя есть теплый морковный сок?

— Брр! — содрогнулся Луис, но передал заказ в бар, и тот секунду спустя выдал бокал теплого морковного сока.

Несс присел на подогнутую заднюю ногу, а кзин

тяжело опустился в надувное кресло, которое под его тяжестью чуть не лопнуло, как тоненький шарик. Один из самых давних врагов человека выглядел грозно и одновременно забавно, балансируя на слишком маленьком для него пневматическом сиденье.

Войны между людьми и кзинами были многочисленны и страшны. Если бы кзинам удалось выиграть первую войну, они бы обратили людей в невольников и рабочий скот. Однако этого не произошло, а в войнах, что были потом, значительно большие потери понесли кзины. Обычно они атаковали слишком рано, без подготовки.

Среди неведомых им понятий были такие, как терпение, жалость и ограниченная война. Каждая война стоила им потери изрядной части своей популяции и нескольких, некогда покоренных ими, планет.

Вот уже двести пятьдесят лет кзины не атаковали заселенные человечеством колонии в известном космосе: им просто было нечем и некем атаковать. Двести пятьдесят лет люди не атаковали населенные кзинами планеты, чего ни один из кзинов понять не мог. Кзины вообще не могли понять людей.

Они были прямолинейны и грубы, а Несс, пред-

ставитель расы, чья трусость вошла в поговорку, смертельно оскорбил в общественном месте четверых взрослых кзинов.

— Расскажи мне еще раз, — попросил Луис, — о врожденной осторожности кукольников. То, что я сегодня видел, не очень-то с этим вяжется.

— Может, это было нечестно с моей стороны, но я не сказал тебе, что соотечественники считают меня безумцем.

— Великолепно, — процедил Луис и глотнул из врученного бокала. В нем оказалась смесь водки, фруктового сока и дробленого льда.

Кзин беспокойно махал хвостом из стороны в сторону.

— Значит, мы должны лететь с психом? Должно быть, ты действительно безумен, если хочешь взять с собой кзина, — сказал Луис.

— Вы слишком легко возбуждаетесь, — сказал Несс своим мягким, нежным, невыносимо чувственным голосом. — Все кукольники, с которыми столкнулись люди, по нашим меркам более или менее безумны. Ни один чужак не видел еще родной планеты кукольников, и ни один нормальный кукольник не доверил бы свою жизнь хрупкой скорлупе космического корабля, который унесет его к чужим мирам, полным

смертельных опасностей.

— Безумный кукольник, кзин и я. Четвертый член нашей команды должен, наверное, быть психиатром.

— Нет, Луис. Ни один из кандидатов не является психиатром.

— А почему бы и нет?

— Я действовал не вслепую. — Несс говорил одной парой губ, а другой потягивал из своего бокала. — Сначала был я. Наша экспедиция имела целью принести выгоду моей расе, значит, нужен наш представитель. Он должен быть достаточно безумен, чтобы отправиться в неизвестность, и одновременно — настолько нормален, чтобы воспользоваться своим разумом и выжить. Получилось так, что я отвечаю этим условиям. У нас были важные причины, чтобы включить в команду кзина. То, что я сейчас скажу, Говорящий с Животными, — большая тайна. Мы уже давно следим за вашим видом. Мы знали о вас еще до того, как вы в первый раз атаковали людей…

— Ваше счастье, что вы тогда не попались нам под руку, — рявкнул кзин.

— Я тоже так считаю. Поначалу мы считали, что кзины грозны, но ни для чего не пригодны. Начались исследования, нельзя ли вас безопасно

и безболезненно уничтожить.

— Я тебе шеи узлом завяжу!

— Ничего подобного ты не сделаешь.

Кзин поднялся.

— Он прав, — сказал Луис. — Садись, Говорящий. Убив кукольника, ты не заработаешь себе громкой славы. — Кзин снова сел. Кресло и на этот раз не лопнуло.

— Мы отказались от этой идеи, — продолжал Несс. — Войн с людьми оказалось достаточно для ограничения экспансии кзинов. Вы становились все менее опасными, а мы продолжали наблюдения. На протяжении нескольких столетий вы шесть раз атаковали населенные людьми планеты. Шесть раз вы были побеждены, каждый раз теряя по две трети мужского населения. Нужно ли говорить, как это характеризовало вашу разумность? Во всяком случае, вам никогда не грозило полное уничтожение. Война не убивала ваших самок, и вид достаточно быстро восстанавливался. Вы просто шаг за шагом теряли огромную империю, чье создание заняло у вас несколько тысяч лет. В конце концов мы поняли, что вы развиваетесь с устрашающей скоростью.

— Развиваемся?

Несс фыркнул что-то на Языке Героев. Луис да-

же подскочил от удивления: он не предполагал, что гортани кукольника могут и это.

— Да, ты сказал именно так, — согласился Говорящий с Животными. — Не знаю только, как я должен это понимать.

— Эволюция зависит от выживания наиболее приспособленных. Много ваших столетий наиболее приспособленными среди вас были те, кому удавалось избежать столкновений с людьми. Результаты очевидны. Уже почти двести ваших лет между вами и людьми царит мир.

— Эта война не имела бы смысла! Мы не смогли бы ее выиграть!

— Однако это не удержало ваших предков.

Говорящий с Животными глотнул горячего бурбона. Его хвост, голый и розовый, как у крысы, нервно колотил по полу.

— Вы были разбиты, — продолжал кукольник. — Все живущие сейчас кзины являются потомками тех, кто сумел избежать участия в войне. Некоторые среди вас считают даже, что теперь кзины обладают достаточно большим запасом разумности, выдержки и хороших манер, чтобы мирно сосуществовать с другими расами.

— И потому ты ставишь на кон свою жизнь и рискуешь отправиться в путешествие в обществе

кзина.

— Именно, — подтвердил Несс и затрясся всем телом. — Но есть и другие причины. Если моя храбрость окажется полезной, а путешествие принесет выгоду моему виду, я смогу получить разрешение иметь потомство.

— Трудно поставить это в ряд других причин, — заметил Луис.

— Есть еще одна причина взять с собой кзина. Мы окажемся в чуждом окружении, полном неизвестных опасностей. Кто защитит меня? Кто подходит для этого лучше кзина?

— Защищать кукольника?

— Это звучит странно?

— Еще как, — сказал Говорящий с Животными. — Кроме того, это соответствует моему чувству юмора. Ну, а он? Луис Ву?

— Сотрудничество с людьми для нас оказалось очень выгодным, поэтому вполне понятно, что мы решились по крайней мере на одного человека. Луис Гридли Ву с его беззаботным и сумасшедшим образом жизни — особь с огромным потенциалом выживания.

— Именно — беззаботный и сумасшедший. Он вызвал меня на поединок.

— Если бы не вмешательство Хррота, ты при-

нял бы этот вызов? Нанес бы ему вред?

— Чтобы сразу же отправиться домой за провоцирование серьезного дипломатического инцидента? Но дело ведь не в этом, правда?

— Может, именно в этом. Луис жив, а ты убедился, что не можешь запугать его. Надеюсь, ты понимаешь, что из этого следует?

Луис хранил вежливое молчание: если кукольник хочет представить его хладнокровным игроком, он не имеет ничего против.

— Ты объяснил свои мотивы, — сказал Говорящий с Животными. — Теперь поговорим о моих. Что ты можешь предложить мне за участие в твоей экспедиции?

И начался торг.

Для кукольников гиперпространственный привод типа Квантум II представлял огромную ценность. Благодаря ему космический корабль мог преодолевать световой год за минуту и пятнадцать секунд, тогда как обычно на это уходило три дня. Но обычный корабль мог брать на борт какой-нибудь груз.

— Мы установили двигатель в корпусе «Дженерал Продактс» номер четыре, самом большом, какой вообще производится. Когда наши ученые и инженеры закончили работу, оказалось, что

почти весь корпус забит машинами, поэтому нам будет немного тесно.

— Экспериментальная модель, — буркнул кзин. — А как ее испытывали?

— Корабль совершил путешествие до ядра Галактики и обратно.

Это был единственный в своем роде полет. Кукольники не могли детально изучить корабль сами и не могли найти никого, кто сделал бы это, поскольку находились в миграции.

Корабль не нес на борту практически никакого груза, хотя корпус его был более мили в диаметре. Более того, уменьшение скорости кончалось немедленным возвращением в нормальное космическое пространство.

— Нам он уже не нужен, — говорил Несс, — зато вам может пригодиться. Мы отдадим его экипажу вместе со всеми необходимыми планами. Вы, несомненно, сможете внести в него множество усовершенствований.

— За такое я наверняка получил бы имя, — заметил кзин. — Собственное имя. Я должен посмотреть этот корабль в деле.

— Ты можешь сам полететь на нем.

— За такой корабль сам Патриарх дал бы мне имя. В этом я уверен. Какое бы я выбрал? Мо-

жет… — Кзин что-то очень громко фыркнул.

Кукольник ответил ему на том же языке.

Луис нетерпеливо дернулся. Он не мог принять участие в разговоре на Языке Героев и уже хотел оставить их одних, но тут вспомнил о таинственной голографии. Он вынул ее из кармана и бросил кзину.

Говорящий с Животными подхватил ее, осторожно взял двумя пальцами и рассмотрел против света.

— Похоже на звезду, окруженную каким-то кольцом, — сказал он после паузы. — А что это на самом деле?

— Это связано с целью нашего путешествия, — ответил кукольник. — Ничего больше я пока сказать не могу.

— Какой скрытный! Когда мы отправимся?

— Думаю, что это вопрос считанных дней. Мои агенты непрерывно ищут четвертого члена экипажа.

— Значит, нам остается только ждать. Луис, можем мы присоединиться к твоим гостям?

Луис встал и потянулся.

— Разумеется. Пусть немного подрожат. Говорящий, прежде чем мы туда пойдем, я хочу кое-что предложить. Не принимай это за попытку оскор-

бить тебя. Но…

Прием разделился на несколько групп: одни смотрели стереовизор, другие играли в бридж и покер, третьи занимались любовью парами или большими группами, четвертые рассказывали истории, а пятые пали жертвами питья и закусок. Довольно много этих «пятых» лежало на газоне, нежась в рассветных лучах. Неподалеку от них расположились Несс, Говорящий с Животными, Луис Ву, Тила Браун и работающий на максимальной скорости самодвижущийся бар..

Сам газон был ухожен в лучших британских традициях: его подсеивали и подстригали по крайней мере пятьсот лет кряду. В конце этого пятисотлетия разразился биржевой крах; в результате Луис Ву стал обладателем солидной суммы, а некая аристократическая семья — наоборот, разорилась. Трава была зеленая и блестящая; настоящая, разумеется. Никто и никогда не рылся в ее генах в поисках сомнительных соединений. У подножия травянистого склона был теннисный корт, по нему взад-вперед бегали маленькие фигурки, энергично размахивая ракетками.

— Спорт — это великолепно, — лениво заметил Луис Ву. — Я мог бы сидеть и смотреть на них хоть целый день.

Смех Тилы немного удивил его. Он подумал о миллионах шуток, которые она никогда не слышала и не услышит, ибо их уже все позабыли, а из тех, что помнил Луис, по крайней мере 99 % были с длинной бородой. Прошлое и современность стыкуются редко.

Луис лежал на траве, положив голову на колени Тилы. Бар наклонился над ними, чтобы он мог дотянуться до клавиатуры, не поднимаясь; он заказал две порции моха, схватил бокалы и вручил один из них Тиле.

— Ты напоминаешь мне девушку, которую я когда-то знал, — сказал он. — Ты слышала о Пауле Черенков?

— Это художница? Из Бостона?

— Да. Теперь она уже отошла от дел.

— Это моя пра-пра-прабабка. Когда-то я даже была у нее.

— Когда-то из-за нее мое сердце бесилось. Ты могла бы быть ее сестрой.

Смех Тилы приятной дрожью отозвался в позвоночнике Луиса.

— Обещаю, что с моей стороны тебе ничего такого не грозит, конечно, если ты объяснишь, что это такое.

Луис задумался. Выражение было его собствен-

ным, придуманным для того, чтобы выразить неописуемое состояние, в котором он тогда находился. Он не часто пользовался им, и ему никогда не приходилось его объяснять. Люди, как правило, понимали, что это значит.

Было спокойное, нежное утро. Если бы он теперь лег, то спал бы часов двадцать: усталость давала себя знать. В объятиях Тилы ему было хорошо и удобно. Половину гостей Луиса составляли женщины, большинство из них когда-то были его женами или любовницами. В начале приема он отмечал свой юбилей, уединяясь по очереди с тремя женщинами, которые когда-то были для него очень важны, а он для них.

С тремя или четырьмя? Нет, с тремя. Все указывало на то, что он стал неподвластен бешенству сердца. Двести лет оставили на нем слишком много шрамов. А теперь он лежал головой на коленях у женщины, до боли похожей на Паулу Черенков.

— Я любил ее, — сказал он. — Мы были знакомы много лет, часто встречались, а потом однажды вечером начали о чем-то говорить, и я вдруг влюбился. Я думал, что она тоже меня любит. В ту ночь мы не легли в постель. Я спросил ее, не хочет ли она выйти за меня замуж. Она ответила,

что нет. Тогда ее занимала карьера. «На такие вещи у меня просто нет времени», — сказала она. И все же мы решили вместе поехать в Амазонский Народный Парк, — устроить что-то вроде медового месяца. Следующая неделя была настоящими качелями настроений. Я купил билеты и забронировал номера в отелях. Ты когда-нибудь любила человека, точно зная, что недостойна его?

— Нет.

— Я был тогда молод. Два дня я убеждал себя, что все-таки достоин Паулы Черенков. Наконец, мне это удалось, а она вдруг объявила, что не поедет. Не помню уже, почему. Во всяком случае, причина была. В ту же неделю мы еще несколько раз обедали вместе. Ничего не происходило. Я старался не быть навязчивым, и думаю, она даже не догадывалась, чего мне это стоило. Я все время то взмывал вверх, то летел вниз. А потом все стало ясно. Она сказала, что не любит меня, что нам было хорошо вместе и что мы должны остаться хорошими друзьями. Я был не в ее вкусе. Я думал, что мы любим друг друга. Может, и она так думала; по крайней мере, с неделю. Нет, она не была жестокой — просто она понятия не имела, что происходит.

— А как же с этим бешенством?

Луис поднял взгляд на Тилу Браун. Серебряные глаза ответили ему зеркальным взглядом, и Луис понял, что она ничего не поняла.

Ему часто приходилось иметь дело с чужаками. Интуитивно, а может быть, благодаря большому опыту, он чувствовал, когда то или иное понятие было слишком чужим, чтобы его можно было уразуметь. Здесь он имел дело с такой же непреодолимой пропастью.

Какая же бездна отделяла Луиса Ву от двадцатилетней девушки! Неужели он действительно так постарел? А если так оно и есть, то остался ли он еще человеком?

Тила все смотрела на него, ожидая, когда ее просветят.

— Ненис! — выругался Луис и вскочил на ноги. Комочки земли скатились по его одежде и упали на траву.

Несс разглагольствовал об этике. Он на мгновение прервался (на мгновение в буквальном смысле, так как тут же заговорил другой головой к восторгу слушателей), чтобы ответить на вопрос Луиса. Нет, о результатах поисков четвертого члена экипажа не было никаких донесений.

Говорящий с Животными, окруженный толпой поклонников, разлегся на траве, как оранжевая

гора. Две женщины осторожно чесали ему за ушами. Это были особые уши, их можно было развернуть как китайские зонтики или плотно прижать к голове. Сейчас они стояли торчком, и Луис отчетливо видел вытатуированный на каждом из них рисунок.

— Вот видишь! — воскликнул Луис. — Хорошая была мысль.

— Великолепная, — ответил кзин, не меняя позы.

Луис мысленно рассмеялся. Грозная бестия кзин, правда? Но кто испугается кзина, которого чешут за ушами? И гости Луиса и сам кзин благодаря этому чувствовали себя гораздо свободнее. Любое создание размером больше полевой мыши любит, когда ему чешут за ушами.

— Они все время меняются, — сонно пробормотал кзин. — Подошел какой-то мужчина, сказал женщине, которая меня чесала, что он тоже это любит, и они тут же ушли. Должно быть, это очень интересно — принадлежать к виду с двумя разумными полами.

— Порой это бывает даже слишком интересно.

— В самом деле?

Девушка, чесавшая кзина за левым ухом — ее кожа напоминала черную бездну космоса со

сверкающими звездами и галактиками, а волосы развевались, как хвост кометы — оторвалась от своего занятия.

— Тила, теперь твоя очередь, — весело сказала она. — Я хочу есть.

Тила послушно села к большой оранжевой голове.

— Тила Браун, познакомься — это Говорящий с Животными. Чтобы вы с ним…

Рядом с ними вдруг зазвучала странная, путаная музыка.

— …жили долго и счастливо. Что это такое? А-а, это ты Несс. Что-то случилось?

Источником музыки были две чудесные гортани кукольника, он бесцеремонно втиснулся между Луисом и девушкой и спросил:

— Ты Тила Джендрова Браун, идентификационный код ИКЛУГГТИН?

Девушка удивилась, но не испугалась.

— Да, меня зовут именно так, а свой код я просто не помню. А в чем дело?

— Уже неделю мы прочесываем всю Землю, ищем тебя, а я встречаю тебя на вечеринке совершенно случайно! Мои агенты не дождутся награды.

— Нет, только не это… — тихо простонал Луис.

Тила встала, не зная, как себя вести.

— Я вовсе не пряталась ни от тебя, ни от кого другого. В чем, собственно, дело?

— Подожди! — Луис встал между кукольником и девушкой. — Несс, Тила не годится в открыватели. Выбери кого-нибудь другого.

— Но, Луис…

— Минуточку, — вставил кзин, садясь. — Позволь кукольнику самому подбирать членов экипажа.

— Но ты посмотри на нее!

— А ты посмотри на себя. Неполные два метра роста, худой даже для человека. Похож ли ты сам на открывателя? Правда, Несс?

— В чем, собственно, дело? — повторила Тила, повышая голос.

— Луис, пройдем в твой кабинет, — сказал кукольник. — Тила Браун, у нас есть к тебе предложение. Ты не обязана принимать его, не обязана даже выслушивать, но уверяю, оно покажется тебе интересным.

Спор продолжался уже в кабинете Луиса.

— Она отвечает всем моим требованиям, — упирался Несс, — и потому мы должны взять ее с собой.

— Не может быть чтобы она была единствен-

ной на Земле!

— Нет, Луис, конечно же, нет. Просто мы не в состоянии добраться до остальных.

— А для чего это я могу нам понадобиться?

Кукольник начал ей объяснять. Тут же выяснилось, что Тила Браун совершенно не интересуется астрономией, никогда не была даже на Луне и не испытывала никакого желания пересечь границы известного космоса. Гиперпространственный привод типа Квантум II нисколько ее не заинтересовал. Когда на ее лице появилось выражение беспокойства и смущения, в разговор вмешался Луис.

— Несс, а почему ты решил, что Тила должна участвовать в путешествии?

— Мои агенты искали потомков тех, кто выигрывал в Лотерею Жизни.

— Сдаюсь. Ты действительно безумен.

— Вовсе нет. Именно такое поручение я получил от Идеально Укрытого, который ведет нас всех. Его разумность не подлежит сомнению. Вы позволите мне объяснить?

Для людей контроль за рождением уже давно не составлял никакой проблемы. Достаточно было поместить под кожу пациента — чаще всего на предплечье — небольшой кристалл, который

растворялся в течение года, и все это время пациент не мог зачать ребенка. Когда-то для этой цели использовали гораздо менее элегантные и надежные методы.

Около середины двадцать первого столетия население Земли стабилизировалось на уровне восемнадцати миллиардов. Совет Людей, орган, созданный по решению Организации Объединенных Наций, принял и провел в жизнь законы, касающиеся контроля за рождением, и более пятисот лет законы эти оставались неизменными: двое детей на семью, если Совет не решит иначе. От постановления Совета зависело, кто и сколько раз мог стать родителем. Совет мог дать дополнительное решение или отобрать одно или даже два — в зависимости от уровня пригодности данных генотипов.

— Невероятно, — буркнул кзин.

— Почему? Это не шутки — восемнадцать миллиардов людей в тисках примитивной технологии.

— Если бы Патриарх захотел ввести такой закон у кзинов, он умер бы за свое чванство.

— Но люди — не кзины. Пятьсот лет закон действовал, и никто не протестовал против него, пока около двухсот лет назад не пошли сплетни

о махинациях Совета. Скандал, который тогда разразился, привел к изменению закона.

Каждый человек, невзирая на состояние и ценность его генов, получал право иметь одного ребенка. Право на второго ребенка и всех последующих автоматически давалось в том случае, если у родителя был необычайно высокий уровень интеллекта, доказанные парапсихические способности, если он был телепатом, происходил из семьи долгожителей или обладал непортящимися зубами.

Право на очередного ребенка можно было купить. За миллион. А почему бы и нет? Умение зарабатывать деньги тоже было весьма ценно и часто определяло способность данной особи к выживанию. Кроме того, это в зародыше ликвидировало любые попытки перепродажи.

Если кто-то не использовал Первого Права, он мог сражаться на арене. Победитель получал сразу Второе и Третье Право, побежденный терял Первое и свою жизнь. Тем самым счет сходился.

— Я видел эти бои в ваших развлекательных программах, — сказал кзин. — Я думал, это в шутку.

— Нет. Все это было всерьез, — ответил Луис. Тила захохотала.

— А лотерея?

— Сейчас скажу и об этом. При всей гамме средств, замедляющих процесс старения, каждый год умирает людей больше, чем рождается…

Каждый год Совет Людей суммировал количество смертей и эмигрантов, с одной стороны, и количество рождений и иммигрантов, с другой — отнимал один результат от другого и получал, тем самым, количество свободных рождений, которые становились предметом и главным призом Новогодней Лотереи Жизни.

Принять в ней участие мог каждый. При удачном раскладе можно было получить право на десять или даже на двадцать детей — конечно, если это можно назвать удачей. Из участия в Лотерее не исключали даже отсиживающих свои сроки преступников.

— У меня было четверо детей, — сказал Луис, — из них один — благодаря Лотерее. Вы встретили бы троих из них, если бы явились на двенадцать часов раньше.

— Это очень странно и сложно, — заметил кзин. — Когда наша популяция становится слишком велика…

— …вы атакуете ближайшую людскую планету.

— Вовсе нет, Луис. Мы сражаемся между собой. Чем больше вокруг народу, тем легче кого-то оскорбить или быть оскорбленным самому. Проблема решается сама собой. Мы никогда даже близко не подходили к такой перенаселенности, как на вашей планете!

— Кажется, я начинаю понимать, — сказала Тила Браун. — Мои родители выиграли в Лотерею. — Она нервно рассмеялась. — Если бы не это, меня бы не было на свете. Когда я думаю об этом, то мне кажется, что мой дед…

— Все твои предки до шестого колена рождались благодаря выигрышам в Лотерею.

— Правда? А я и не знала!

— В этом нет ни малейшего сомнения, — заверил ее Несс.

— Я не получил ответа на свой вопрос, — напомнил Луис. — Что это значит для нас.

— Те-Которые-Правят в нашем флоте решили, что люди размножаются для того, чтобы наследовать счастье.

— Что?

Тила Браун заинтересованно подалась вперед. Несомненно, она впервые видела перед собой безумного кукольника.

— Подумай о Лотерее, Луис. Подумай об эво-

люции. Семьсот лет люди размножаются по простому арифметическому закону: два Права на человека, двое детей на пару. Тот и другой могут получить Третье Право или потерять даже Первое, но подавляющее большинство людей все же имеет двух детей. А потом Право меняется. Уже двести лет от десяти до тринадцати процентов людей рождается на основании разрешения, полученного по Лотерее. Что решает, кто выживет и произведет потомство? Только счастливый случай. А Тила Браун — наследница поколений счастливчиков…

3. ТИЛА БРАУН

Тила изнемогала от хохота.

— Успокойся, — сказал Луис Ву. — Можно унаследовать густые брови, но не счастье!

— Но можно ведь унаследовать способности к телепатии.

— Это не одно и то же. Телепатия — это реальная психическая сила. Центр ее расположен в правом полушарии мозга, и точно известно, как он работает. Правда, у большинства людей он еще не действует.

— Когда-то и телепатию считали сверхъестественной. А теперь ты утверждаешь, что счастье сверхъестественно.

— Счастье — это счастье. — Положение было действительно смешным, именно таким, как его воспринимала Тила. Однако Луис знал такое, о чем она даже не подозревала: кукольник говорил правду. — Все это вопрос случая. Изменяется какой-то микроскопический фактор и — бах! — ты выходишь из игры, как динозавры когда-то. Или десять раз подряд выбрасываешь шестерку и…

— Есть люди, которые могут воздействовать

на это.

— Согласен, это неудачный пример. Речь идет о…

— Именно, — прогудел кзин. При желании он мог голосом потрясать стены. — Дело в том, что мы согласимся на любого, кого выберет кукольник. Это твой корабль, Несс. Так где же четвертый член экипажа?

— Минутку! — Тила вскочила с места. Серебряная сеть сверкала на ее голубой коже, а огненные волосы развевались в струе воздуха из кондиционера. — Все это просто смешно. Я никуда не полечу. Зачем мне вообще куда-то лететь?

— Выбери кого-нибудь другого, Несс. Наверняка у тебя множество подходящих кандидатов.

— Вовсе не множество, Луис. В нашем списке несколько тысяч фамилий, большинство с точными адресами или кодами частных трансферных кабин. Предки каждого из этих людей по крайней мере пять поколений подряд рождаются благодаря выигрышам в Лотерею.

— Так в чем же дело?

Несс начал прохаживаться по комнате.

— Многих дисквалифицировали последующие неудачи, а из остальных нам ни до одного не удалось добраться. Когда мы им звоним, их

нет дома. Когда звоним второй раз, компьютер неправильно соединяет. Когда хотим поговорить с кем-нибудь из семьи Брандтов, звонят все видеофоны в Южной Америке. Были уже жалобы, а это очень неприятно.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

— Ты даже не сказал мне, куда вы летите, — пожаловалась Тила.

— Еще слишком рано. Зато ты можешь…

— Красные когти Финагла! Ты даже этого нам не скажешь?

— Ты можешь взглянуть на голографию, она у Луиса. Это единственная информация, которую я пока могу вам дать.

Луис вручил ей голографию с ослепительно белым диском, окруженным голубой лентой. Тила долго смотрела на нее, и только Луис заметил, что от ярости кровь бросилась ей в лицо.

Когда она заговорила, то выплевывала каждое слово, словно косточки от мандарина.

— Это самая сумасшедшая история, о которой я слышала. Ты хочешь, чтобы мы с Луисом полетели куда-то за пределы известного космоса в обществе кзина и кукольника, получив вместо информации о цели путешествия только голографию со светлым пятном, опоясанным голубой

лентой? Это… это же смешно!

— Видимо, надо понимать, что ты отказываешься?

Брови девушки поднялись.

— Я должен получить ясный ответ. В любой момент мои агенты могут локализовать другого кандидата.

— Именно, — сказала Тила Браун. — Я отказываюсь.

— В таком случае помни, что, согласно вашим законам, ты должна хранить в тайне все, что здесь услышала. Ты получишь гонорар, как консультант.

— А кому я могла бы сказать? — рассмеялась Тила. — Кто бы мне поверил? Луис, неужели ты хочешь отправиться в это неслыханное…

— Да. — Луис уже думал о других делах, а среди прочего — о том, как поделикатнее выставить ее из кабинета. — Но еще не сейчас. Прием продолжается. Кстати, ты не могла бы кое-что сделать для меня? Переключи воспроизведение с четвертой ленты на пятую. И скажи тем, кто будет спрашивать, что я через минуту приду.

Когда дверь за ней закрылась, Луис сказал:

— У меня к тебе просьба, Несс. Для твоего собственного блага. Позволь мне оценивать, годится

ли выбранный человек, чтобы лететь в Неизвестное.

— Ты знаешь, какие качества меня интересуют, — ответил Несс. — Знаешь и то, что нам не из кого выбирать.

— Ты сам говорил, что вы нашли несколько тысяч…

— Многие не годятся, а других мы не можем локализовать. Может, ты все-таки скажешь, почему, по-твоему, Тила не годится для наших целей?

— Она слишком молода.

— Любой другой кандидат будет ее ровесником.

— Наследники счастья! Ну, хорошо, не будем об этом дискутировать. Я знаю людей, у которых найдутся и гораздо более серьезные бзики. Некоторые из них еще здесь… Кроме того, ты сам видел, что она не ксенофил.

— Но и не ксенофоб. Она не боится никого из нас.

— У нее нет искры. Нет… нет…

— В ней нет беспокойства, — подсказал Несс. — Она счастлива там, где находится. Это, действительно, минус. Она ничего не хочет. Хотя, откуда мы можем знать? Мы же не спросили ее.

— Ладно, ищи дальше, — буркнул Луис и от-

крыл дверь кабинета.

— Луис! Говорящий! — почти пропел кукольник. — Пришел сигнал! Один из моих агентов нашел очередного кандидата!

Луис медленно просыпался. Он помнил, что вошел в спальню, надел на голову ленту и запрограммировал сон на час. Вероятно, это и было час назад. Устройство выключилось, а его разбудило давление ленты… Однако на голове ее не было.

Луис резко сел.

— Я сняла ее, — сказала Тила Браун. — Тебе нужен был сон покрепче.

— О, боже, сколько времени?

— Пять минут шестого.

— Хороший же из меня хозяин. Как там прием?

— Сократился до двадцати человек. Не беспокойся, я сказала им, что делаю. Все решили, что это хорошая мысль.

— Ну, ладно. — Луис скатился с кровати. — Спасибо. Может, почтим своим присутствием самых выносливых?

— Сначала я хотела бы с тобой поговорить.

Он снова сел. Сонливость медленно проходила.

— О чем? — спросил он.

— Ты действительно летишь в это безумное путешествие?

— Действительно.

— Я не понимаю, почему.

— Я в десять раз старше тебя. Мне не нужно зарабатывать на жизнь и не хватает терпения, чтобы стать ученым. Когда-то я немного писал, но оказалось, что это тяжкий труд, я не ожидал такого. Что мне еще остается? Вот я и развлекаюсь.

Она покачала головой, и по стенам заплясали огненные тени.

— Это вовсе не похоже на забаву.

Луис пожал плечами.

— Мой главный враг — скука. Она убила многих моих друзей, но я ей не дамся. Когда мне скучно, я рискую.

— А не лучше ли сначала узнать, в чем заключается этот риск?

— Я получу много денег.

— Они тебе не нужны.

— Зато человечеству нужно то, что предлагают кукольники. Ты же сама слышала о корабле с гиперпространственным двигателем. В известном космосе это единственный корабль, который может преодолеть световой год быстрее, чем за три дня. Ровно в четыреста раз быстрее!

— А зачем летать так быстро?

Луису не хотелось начинать лекцию о взрыве в

ядре Галактики.

— Вернемся на прием.

— Нет! Подожди.

— Хорошо.

У нее были длинные ладони с тонкими пальцами, которые сверкали отраженным светом, когда она нервно расчесывала свои пылающие волосы.

— Ненис, не знаю как это сказать. Луис, сейчас в твоей жизни есть кто-то, кого ты любишь?

Он не ждал такого вопроса.

— Пожалуй, нет.

— Я действительно похожа на Паулу Черенков?

В полумраке спальни она выглядела, скорее, как пылающая жирафа с картины Дали. Ее волосы светились собственным светом, словно яркие оранжевые языки пламени. В этом свете все остальное тело Тилы Браун было только тенью, обозначенной кое-где случайным отблеском. Все недостающие детали были в памяти Луиса: длинные, стройные ноги, округлые груди, нежная красота небольшого лица. Впервые он увидел ее четыре дня назад, она висела на плече Тедрона Догени, который прилетел на Землю лишь затем, чтобы поздравить Луиса.

— Я думал, что это она, — сказал он. — Она живет теперь на Нашем Деле, где я и познакомился с Догени. Когда я вас увидел, то подумал, что Тед и Паула прилетели одним кораблем. Только подойдя поближе, я заметил разницу. У тебя ноги лучше, но у Паулы красивее походка. Ее лицо было… пожалуй, холоднее. А может, мне только кажется.

За дверью каскадом звуков взорвалась компьютерная музыка, дикая, чистая и какая-то неполная без огней, составляющих с ней единое целое. Тила беспокойно шевельнулась.

— О чем ты думаешь? — спросил Луис. — Помни, что кукольник может выбирать среди тысяч кандидатов. Он может найти четвертого члена экипажа в любой день, в любую минуту. Ну что, идем?

— Идем.

— Останешься со мной, пока мы не отправимся?

Тила кивнула своей огненной головой.

Кукольник появился два дня спустя.

Луис и Тила сидели на газоне, занятые смертельно серьезной игрой в магические шахматы. Луис только что сбил ее коня и начинал уже жалеть об этом. Тила играла по наитию, и ее

очередной ход невозможно было предсказать. К тому же она сражалась не на жизнь а на смерть.

Она думала над ходом, когда к ним подъехал робот, обратив на себя внимание громким писком. Луис взглянул на его экран и увидел на нем двух одноглазых питонов.

— Давайте его сюда, — лениво сказал он.

Тила грациозно встала.

— Вы, наверное, будете говорить о каких-нибудь секретах.

— Возможно. Что ты будешь делать?

— Я давно не читала. — Она погрозила ему пальцем. — Не трогай доску!

В дверях они разминулись с кукольником: она махнула ему рукой, а он прыгнул футов на шесть в сторону.

— Прошу прощения, — сказал он своим чувственным голосом. — Ты меня напугала.

Тила удивленно подняла брови и исчезла в доме, не сказав ни слова.

Кукольник присел возле Луиса, подогнув под себя все три ноги. Один его глаз смотрел на Луиса, тогда как другая голова нервно двигалась, оглядываясь по сторонам.

— Эта женщина может за нами следить?

— Разумеется, — удивленно ответил Луис. — Ты

же знаешь, что на открытом пространстве нет защиты от следящих лучей.

— Каждый может шпионить за нами. Луис, пойдем в твой кабинет.

— Ненис! — Луису было очень хорошо там, где он сейчас был. — Ты не мог бы прекратить махать головой? Ведешь себя, как будто смертельно напуган.

— Я боюсь, хотя и знаю, что моя смерть не много бы значила. Сколько метеоритов падает в год на Землю?

— Понятия не имею.

— Мы находимся опасно близко от пояса астероидов. Впрочем, это не имеет значения, поскольку мы не смогли найти четвертого участника нашей экспедиции.

— Это плохо, — сказал Луис. Поведение кукольника весьма удивило его. Если бы Несс был человеком… Но он был кукольником. — Надеюсь, ты не сдаешься?

— Нет, хотя нас и преследуют неудачи. Последние дни мы ищем некоего Нормана Хейвуда КДЖММСВТАД, великолепного кандидата.

— ?..

— Он абсолютно здоров, ему двадцать четыре и одна треть земного года, его предки шесть поко-

лений подряд рождались благодаря выигрышам в Лотерею. Самое главное, что он любит путешествовать. В нем есть беспокойство, которое нам нужно. Разумеется, мы пытались с ним связаться. Три дня мои агенты шли за ним по пятам, всегда будучи на один трансфер сзади, тогда как Норман Хейвуд ездил на лыжах в Швейцарии, занимался серфингом на Цейлоне, делал покупки в Нью-Йорке, навещал друзей в Скалистых Горах и Гималаях. Вчера вечером мой агент настиг его в момент, когда он садился в корабль, летящий на Джинкс. Корабль улетел прежде, чем агент переборол естественный страх перед творениями вашей техники.

— Понимаю. У меня тоже бывают дни, когда ничего не получается. А вы не могли отправить ему сообщение на сверхпространственных волнах?

— Луис, эта экспедиция должна остаться в тайне.

— Ах, да…

Сидящая на змеиной шее голова непрерывно вращалась в поисках опасностей.

— В конце концов нам должно повезти, — сказал Несс. — Тысячи потенциальных кандидатов не могут бесконечно прятаться от нас, верно, Луис? Ведь они даже не знают, что мы их ищем!

— Ну, разумеется, ты кого-нибудь найдешь. Просто должен.

— Чего бы я только ни отдал, чтобы так и было! Луис, как мне это сделать? Как мне лететь в неизвестность с тремя чужаками и в экспериментальном корабле, предназначенном поначалу только для одного пилота? Ведь это же безумие!

— Несс, что тебя мучает? Ведь эта экспедиция — твоя идея.

— Вовсе нет. Я получил приказ от Тех-Которые-Правят, удаленных от меня на двести световых лет.

— Что-то тебя испугало, и я должен знать — что. О чем ты узнал? Ты знаешь, куда и зачем мы летим. Что изменилось? Ведь еще недавно ты был достаточно отважен, чтобы публично оскорбить четырех кзинов. Эй, спокойно, спокойно!

Кукольник спрятал обе головы между передними ногами и свернулся в клубок.

— Ну, ладно, вылезай. — Луис погладил кукольника по обоим затылкам. Несс задрожал. Его кожа была мягкой, как бархат, и очень приятной на ощупь.

— Вылезай, говорю. Ничего с тобой не случится. Я еще могу обеспечить безопасность своим гостям.

— Это было безумие! Безумие! — заплакал кукольник, откуда-то из-под своего живота. — Неужели я действительно оскорбил четырех кзинов?

— Ну, выходи, выходи. Ничего тебе не грозит! Вот видишь?

Плоская голова выскользнула из укрытия и тревожно посмотрела по сторонам.

Бояться нечего.

— Четырех кзинов? А не трех?

— Действительно, я ошибся. Их было только три.

— Прости меня, — появилась и вторая голова. — Период паники прошел. Я в депрессивной фазе цикла.

— Ты можешь с этим как-то справляться? — Луис представил себе невеселые последствия, если в критический момент окажется, что кукольник находится не в той фазе.

— Я могу ждать, пока это не пройдет. Могу спрятаться, если это возможно. Могу постараться, чтобы это не влияло на мою оценку ситуации.

— Бедный Несс. Ты уверен, что не узнал ничего нового?

— А разве того, что я знаю, не достаточно, чтобы испугать любое разумное существо? — Куколь-

ник неуверенно поднялся на ноги. — Откуда здесь взялась Тила Браун? Я думал, ее уже давно нет здесь.

— Она останется со мной, пока ты комплектуешь экипаж.

— Зачем?

Луис и сам задумывался над этим.

Это имело мало общего с Паулой Черенков. С тех пор Луис слишком изменился. Кроме того, он не имел обыкновения подбирать себе женщин, похожих друг на друга.

Это правда, что спальни были предназначены для двоих, а не для одного… но ведь на приеме были и другие девушки. Правда, не такие красивые, как Тила. Неужели старый мудрый Луис попался на одну красоту?

В этих неглубоких серебряных глазах было что-то большее, чем просто красота. Что-то гораздо более сложное.

— Чтобы не совершить акта чужеложества, — сказал Луис Ву. Он помнил, что говорит с чужаком, который не в состоянии понять подобные сложные, исключительно человеческие проблемы. Только теперь он заметил, что кукольник еще дрожит всем телом. — Пойдем в кабинет, — добавил он. — Он под землей, и можно не бояться

метеоритов.

Когда кукольник ушел, Луис отправился искать Тилу. Он нашел ее в библиотеке, она сидела перед читником и меняла страницы в темпе, голово-кружительном даже для владеющих искусством быстрого чтения.

— Привет, — сказала она. — Как чувствует себя наш двухголовый друг?

— Испуган до потери сознания. А я страшно устал. Нелегко давать психиатрические советы кукольнику Пирсона.

Тила явно повеселела.

— Расскажи мне о сексуальной жизни кукольников! — попросила она.

— Я знаю только, что у Несса нет разрешения на потомство, и это здорово мучает его. Можно подумать, что отсутствие такого разрешения — единственная помеха. Ничего больше мне не удалось у него узнать. Мне очень жаль.

— В таком случае, о чем вы разговаривали?

Луис махнул рукой.

— Триста лет страха — столько времени Несс находится в нашей части Космоса. Он почти не помнит планету кукольников. Мне кажется, за эти триста лет он ни на секунду не переставал бояться.

Луис тяжело опустился в массирующее кресло. Попытки понять совершенно чужие проблемы утомили его и исчерпали все резервы воображения.

— А что делала ты? Что ты читаешь?

— О взрыве ядра Галактики, — ответила Тила, указывая на экран читника.

На нем виднелись звезды, мириады звезд, сгруппированных в облака, полосы и туманности. Их было так много, что нигде не было видно черноты космоса.

Именно так выглядело ядро Галактики диаметром в пять тысяч световых лет, шаровое скопление звезд на самой оси галактического водоворота. Туда добралось только одно живое существо двести лет назад на борту экспериментального корабля кукольников. Звезды были красные, голубые и зеленые, самые крупные и яркие — красные. В самом центре снимка было ослепительно белое пятно: на нем можно было различить области тени и блеска, но даже эти тени светили во много раз ярче, чем самые яркие из окружающих их звезд.

— Именно для этого вам нужен корабль кукольников, правда?

— Да.

— Как это случилось?

— Звезды находятся слишком близко друг к другу, — ответил Луис. — В среднем в половине светового года. Чем ближе к центру, тем плотнее. В ядре они уже так близко, что греют друг друга, а разогретые — ярче светят и быстрее стареют. Десять тысяч лет назад все звезды ядра оказались на грани превращения в Новые, и одна из них взорвалась. Выделилось огромное количество тепла и излучения, окружающие звезды все это поглотили, и некоторые из них взорвались. Скажем, три. Выделившееся тепло разогрело следующие, и началась цепная реакция, которую уже ничто не могло остановить. Это белое пятно — Сверхновая. Если хочешь, немного дальше можно найти описывающую все это математику.

— Нет, спасибо. — Как он и ожидал, она отказалась.

— Теперь уже, наверное, все кончилось?

— Да. Свет, запечатленный на снимке, очень стар, хотя не не добрался до этой части галактики. Цепная реакция должна была закончиться около десяти тысяч лет назад.

— Так в чем же дело?

— В излучении. Быстрые частицы, любые, какие хочешь.

Расслабляющий массаж постепенно начинал действовать. Луис втиснулся поглубже в бесформенную глыбу кресла: — Известный Космос — это маленький шарик, полный звезд, удаленный от оси Галактики на тридцать три тысячи световых лет. Реакция началась более десяти тысяч лет назад, а это значит, что волна дойдет до нас примерно через двадцать тысяч лет. Верно?

— Да.

— А волна эта не что иное, как всевозможные виды излучения.

— Ох…

— Через двадцать тысяч лет нам придется эвакуировать каждую планету, о которой ты когда-нибудь слышала, а может, и еще больше.

— Двадцать тысяч лет — это прорва времени. Если бы мы начали уже сейчас, то наверняка справились бы, даже с теми кораблями, которые имеем.

— Ты не хочешь думать. При скорости в один световой год за три дня первые наши корабли добрались бы до Магеллановых Облаков не раньше, чем через шестьсот лет.

— Они могли бы останавливаться, чтобы пополнить запасы воздуха и провизии…

— Не знаю, удалось бы кого-нибудь на это под-

бить или нет, — рассмеялся Луис. — Знаешь, как это будет выглядеть? Паника начнется, когда люди собственными глазами увидят первые признаки взрыва. И тогда у них останется не более ста лет. Кукольники хорошо придумали. Они отправили разведчика у ядру Галактики, устроив вокруг этого большой шум — им требовались средства на дальнейшие исследования. Разведчик прислал снимки, вроде того, который ты видела. Прежде, чем он успел вернуться, кукольники уже смылись. Мы будем ждать и ждать, а когда наконец решим действовать — окажемся перед трудной проблемой: транспортировать через всю Галактику много триллионов существ. Нам понадобятся самые большие и самые быстрые корабли, какие только существуют, причем в огромном количестве. Уже сейчас нам нужен новый привод, чтобы помаленьку совершенствовать его. Кроме того…

— Ладно, я лечу с вами.

— Что? — Луиса словно по голове стукнули.

— Я лечу с вами, — повторила Тила Браун.

— Ты с ума сошла.

— Но ведь ты летишь, правда?

Луис стиснул зубы, чтобы сдержать гнев. Он заговорил снова, гораздо спокойнее, чем сам мог

ожидать.

— Действительно, лечу. Но у меня есть причины, которых нет у тебя. Кроме того, я лучше знаю, как выжить, ибо занимаюсь этим дольше тебя.

— А мне везет.

Луис презрительно фыркнул.

— У меня тоже есть причины. Может и не такие, как твои, но тоже достаточно важные! — Она повысила голос, в нем отчетливо послышались нотки гнева.

— Да, конечно, я их уже вижу!

Тила постучала пальцем по белому пятну на экране.

— А это? Может, плохая причина?

— Мы получим корабль кукольников независимо от того, полетишь ты или нет. Ты слышала, что говорил Несс. У него есть тысячи таких, как ты.

— Но я одна из них!

— Да, действительно. И что с того?

— Почему ты так заботишься обо мне? Я же не просила тебя опекать меня, правда?

— Извини. Я не имею права ничего запрещать тебе. Ты уже взрослый человек.

— Спасибо, что ты это заметил. Я хочу присоединиться к вашему экипажу, — официальным тоном заявила Тила.

Она действительно была уже взрослой. Ее ни к чему нельзя было принудить: такая попытка не только обличала бы плохое воспитание, но и ничего бы не дала. Но можно ведь попробовать и уговорить…

— Ты вот над чем подумай, — сказал Луис Ву. — Несс делает все, чтобы сохранить экспедицию в тайне. Зачем? Что ему скрывать?

— Это уже его дело, правда? Может, там, куда мы летим, есть что-то ценное? Что-то, что можно захватить?

— А если и так, то что с того? Ведь это за двести световых лет отсюда. Только мы можем туда добраться.

— В таком случае, речь может идти о самом корабле.

Что ни говори, а глупой Тилу нельзя было назвать. Не исключено, что она была права.

— Возьми наш экипаж, — не сдавался Луис. — Двое людей, кукольник и кзин. Ни одного профессионального ученого или астронавта.

— Я знаю, к чему ты клонишь, Луис, можешь не терять времени. Я лечу с вами и очень сомневаюсь, что тебе удастся удержать меня.

— Ты должна, по крайней мере, знать, во что суешься. Откуда такой странный выбор экипажа?

— Это проблема Несса.

— Боюсь, что и наша. Несс получает распоряжения непосредственно от Тех-Которые-Правят. Похоже, он только несколько часов назад понял, что именно означают эти распоряжения. Он испуган. Эти… эти жрецы выживания играют на четырех столиках одновременно, не говоря уже о самой цели путешествия. — В глазах Тилы появился интерес, и Луис с удвоенной энергией продолжал: — Во-первых, Несс. Если он достаточно безумен, чтобы высадиться на неизвестной планете, то хватит ли ему здравого смысла, чтобы выжить? Те-Которые-Правят должны это знать. Добравшись до Магеллановых Облаков, они начнут восстанавливать свою торговую империю, и ее основой будут именно такие безумные кукольники. Во-вторых, наш мохнатый приятель. Как посол своего вида на чужой планете, он должен быть одним из терпимейших кзинов, каких вообще можно встретить. Настолько ли, чтобы жить вместе с нами двумя? Может, он убьет нас ради жизненного пространства и свежего мяса? В-третьих, ты и твое якобы везение. Именно его нужно исследовать. В-четвертых, я — вероятно, контрольный объект. Знаешь, что я думаю?

Уже довольно давно Луис стоял, извергая из

себя поток слов и сдерживая себя тем способом, из-за которого сто тридцать лет назад проиграл на выборах в Генеральные Секретари ООН. Он не собирался ни к чему принуждать Тилу, но очень, очень хотел убедить ее: — Я думаю, что кукольников нисколько не интересует та планета, на которую мы летим. Зачем она им, раз они покидают Галактику? Это будет просто тест. Прежде, чем мы погибнем, кукольники узнают о нас много интересных вещей.

— Это, пожалуй, не планета, — задумчиво сказала Тила.

— Ненис! Какое это имеет значение? — взорвался Луис.

— Если мы должны погибнуть, то хорошо бы знать где и для чего. По-моему, это космический корабль.

— Что ты говоришь?

— Большой, в форме кольца, с силовым полем, чтобы захватывать атомы водорода. Водород сгорает, давая движущую силу и образуя маленькое солнце. Кольцо все время вращается, и на его поверхности создается центробежная сила.

— Гмм... — буркнул Луис, думая о странной голограмме. Пожалуй, он слишком мало думал над ней. — Возможно. Большой, примитивный

и неповоротливый. Но почему им интересуются Те-Которые-Правят?

— На этом корабле тоже могут быть беглецы. Существа, живущие возле ядра Галактики, узнали о взрыве гораздо раньше. Они могли даже предвидеть его тысячи лет назад, когда реакция только начиналась.

— Может, и так… А тебе ловко удалось сменить тему. Я уже сказал, во что, по моему мнению, играют кукольники; и все же я лечу, ибо это меня забавляет. А почему *тебе* кажется, что ты тоже хочешь лететь? Альтруизм — прекрасная вещь, но не говори, будто тебя трогает то, что должно произойти через двадцать тысяч лет. Ну, я слушаю.

— Черт возьми, если ты можешь быть героем, то и я тоже! Кроме того, ты ошибаешься в том, что касается Несса. Он наверняка отказался бы, если бы речь шла о самоубийственной миссии. Кстати, зачем кукольникам какие-то данные о нас или о кзинах? С какой целью им нас тестировать? Ведь они покидают нашу Галактику и уже никогда не будут иметь с нами дела.

Нет, Тила решительно была умна. Но…

— Ты ошибаешься. У кукольников есть очень серьезные причины, чтобы знать о нас как мож-

но больше.

Взгляд Тилы ободрил его, и он продолжал:

— Мы знаем об их миграции только то, что каждый здоровый, нормальный кукольник участвует в ней. Знаем мы и то, что они движутся со скоростью на долю процента меньше скорости света. Кукольники боятся гиперпространства. Теперь дальше: летя с такой скоростью, они доберутся до Магеллановых Облаков через восемьдесят пять тысяч лет. И кого они там застанут? — Он широко улыбнулся ей. — Конечно, нас. Наверняка людей и кзинов. Может, еще кдалтино и перинов. Они знают, что мы будем тянуть до последней минуты, знают, что мы используем корабли, летящие быстрее света. Когда они доберутся до Облаков, то будут иметь дело с нами… или с тем, кто нас уничтожит. Зная нас, они будут знать и наших победителей. Да-да, у них есть причины детально изучать нас.

— О'кей.

— Ты не передумала?

Тила покачала головой.

— Почему?

— Это мое дело.

Она была совершенно спокойна и уверена в своей правоте. Что было с ней делать? Будь ей

девятнадцать лет, он поговорил бы с ее родителями. Но ей было двадцать, и официально она была уже взрослой. Где-то ведь нужно было провести границу.

Как взрослый человек, она имела свободу выбора, имела право ожидать от Луиса Ву хороших манер, ее личные убеждения и решения были святы. Луис мог только убеждать, а ему это явно не удавалось.

Короче говоря, Тила вовсе не должна была делать того, что сделала. Неожиданно она взяла его руки в свои и мягко, с улыбкой, попросила:

— Возьми меня с собой, Луис. Я действительно приношу удачу. Если бы Несс не выбрал именно меня, ты спал бы один. Это было бы ужасно, ты сам знаешь.

Этим она его достала. Он не мог сделать ничего, чтобы остановить ее.

— Ну, хорошо, — вздохнул он. — Я дам тебе знать.

Одинокие ночи были бы воистину ужасны.

4. ГОВОРЯЩИЙ С ЖИВОТНЫМИ

— Я присоединяюсь к экспедиции, — сказала Тила экрану видеофона.

Кукольник протяжно засвистел на ноте «ми».

— Что-что?

— Прошу прощения, — извинился Несс. — Завтра в 8:00 на Австралийском Стартовом Поле. Личные вещи — до двадцати пяти земных килограммов. Луис — то же самое. Ааа…

Кукольник поднял обе свои головы и душераздирающе застонал.

— Ты болен? — с беспокойством спросил Луис.

— Нет. Просто я увидел свою смерть. Я надеялся, что твоя аргументация не подействует. До свидания. Встретимся на Стартовом Поле.

Экран потемнел.

— Видишь, что ты получаешь в награду за то, что можешь так здорово убеждать?

— Что же делать, если я настолько красноречив, — буркнул Луис. — Во всяком случае, я делал, что мог. Не будь на меня в претензии, если погибнешь страшной смертью.

В ту ночь, когда Луис уже погружался в бездон-

ную пропасть сна, он услышал ее слова:

— Я люблю тебя. Я лечу с тобой, потому что люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — механически пробормотал он в полусне, и только тогда до него дошло, что она сказала.

— Что? Ты летишь за двести световых лет потому, что не хочешь со мной расстаться?

— Угу…

— Спальня, мягкий свет! — возбужденно сказал Луис.

Засветились лампы.

Они лежали друг против друга между двумя параллельными плоскостями. Готовясь к космическому путешествию, оба убрали с кожи искусственные красители. Косичка Луиса была теперь прямой и черной, а затылок, обычно выбритый, покрывала седая короткая щетина; желто-коричневая кожа и карие, уже не раскосые, глаза совершенно изменили его внешность.

Тила тоже изменилась. Волосы, черные и мягкие, она завязала хвостом. Ее кожа приобрела бледный северный оттенок, а на овальном лице обращали на себя внимание большие карие глаза и маленькие, серьезные губы, нос был почти незаметен. В поле, излучаемом двумя плоскостями

«кровати», она плавала так же легко и спокойно, как масло на воде.

— Ведь ты никогда не была даже на Луне.

Она кивнула.

— А я вовсе не самый лучший любовник в мире. Ты сама это сказала.

Еще один кивок. Тила Браун не признавала недомолвок. За эти два дня и две ночи она ни разу не солгала, не сказала полуправды, не попыталась уйти от ответа на какой-нибудь вопрос. Она рассказала Луису о своих двух любовниках: один из них перестал интересоваться ею через полгода, а второй был ее кузеном, он получил шанс эмигрировать на Маунт Лукиткет.

Луис был гораздо сдержаннее в высказываниях, и она, казалось, принимала эту сдержанность, хотя сама была совершенно открыта. И задавала дьявольские вопросы.

— Так почему именно я? — допытывался Луис.

— Понятия не имею, — призналась она. — Может, из-за твоих чар? Ты же герой.

В этот момент он был единственным живым человеком из тех, что впервые столкнулись с чужой цивилизацией. Неужели этот эпизод с триноками будет преследовать его до самого конца?

Он попытался еще раз.

— Знаешь, так получилось, что я знаю лучшего любовника на Земле. Это его хобби. Он мой друг, и пишет об этом книги. У него докторская степень по физиологии и психологии.

— Перестань, — Тила зажала уши руками. — Перестань.

— Я просто не хочу, чтобы ты погибла. Ты слишком молода.

На ее лице появилось удивление, и он понял, что снова употребил слова интерволда в контексте, который лишал их всякого смысла. «Бешенство сердца»? «Погибла»? Луис вздохнул.

— Спальня, соединить поля, — сказал он.

Два независимых поля, удерживающих Луиса и Тилу между излучающими плоскостями, слились в одно. Мгновение казалось, что они куда-то падают, а потом они оказались рядом.

— Я действительно хотела спать, Луис… Но это ничего…

— Подумай еще вот о чем, прежде чем отправиться в страну мечты. В кабине будет довольно тесно.

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем любить друг друга? Черт возьми, Луис, меня не волнует, будут на нас смотреть или нет. Ведь это чужаки.

— А меня волнует.

Снова этот удивленный взгляд.

— А если бы они были людьми? Ты тоже переживал бы?

— Да. Разве что мы были бы очень хорошо с ними знакомы. Я очень старомоден?

— Немного.

— Помнишь того приятеля, о котором я говорил? Лучшего любовника? Так вот, у него была, гмм… знакомая, она научила меня тому, чему научилась от него. Но для этого нужно тяготение, — добавил он. — Спальня, выключить поле!

— Ты пробуешь сменить тему.

— Действительно. Сдаюсь.

— Подумай еще об одном. Твой знакомый кукольник мог бы пожелать себе представителей четырех, а не трех видов. Вместо меня ты с тем же успехом мог бы заниматься любовью с самкой тринока.

— Ужасная перспектива. Но вернемся к делу: целое состоит из трех фаз. Начнем с позы «на всаднике»…

— А что это за поза «на всаднике»?

— Сейчас покажу…

Утром Луис был счастлив, что они летят вместе. Когда сомнения вернулись, было уже слишком поздно. Впрочем, уже давно было слишком позд-

но.

Внешние торговали информацией. Они хорошо за нее платили и дорого продавали. Купленное один раз они продавали многократно, поскольку область их деятельности охватывала целую ветвь Галактики. Во всех банках заселенного людьми космоса Внешние имели неограниченный кредит.

Скорее всего, их раса возникла на небольшом холодном спутнике какого-нибудь газового гиганта, таком, как, например, Нереида — крупнейший спутник Нептуна. Сейчас они обживали межзвездное пространство в огромных кораблях с движителями от фотонных парусов до таких, чье существование, а тем более — действие, было абсолютно невозможно с точки зрения человеческой науки. Если какую-нибудь планетарную систему населяли потенциальные клиенты, если в ней находилась подходящая планета или спутник, Внешние основывали там огромный торгово-развлекательный центр. Пятьсот лет назад они получили Нереиду.

— Пожалуй, именно здесь у них что-то вроде центральной базы, — сказал Луис, одной рукой указывая вниз, а другой — держась за рулевые рычаги транспортника.

Нереида была потрескавшейся ледяной равниной, освещенной лишь ярким светом звезд. Солнце выглядело отсюда как большая жирная точка и давало примерно столько же света, как Луна в полнолуние. Именно оно освещало раскинувшийся внизу невысокий лабиринт. Тут и там стояли купола и орбитальные корабли с открытыми пассажирскими кабинами, но больше всего места занимал именно лабиринт.

— Интересно, зачем им это? — спросил Говорящий. — Для обороны?

— Это что-то вроде пляжа, — объяснил Луис. — Внешние живут благодаря термоэлектрической энергии. Они лежат головой на солнце, а хвостом в тени, и разница температур порождает ток. Благодаря этим стенам они имеют множество мест, в которых свет четко граничит с тенью.

За время десятичасового полета Несс почти успокоился. Он осмотрел системы безопасности, заглядывая то туда, то сюда, засовывая то одну, то другую голову в различные углы. Его скафандр с утолщением на горбе, прикрывающем мозг, производил впечатление легкого и удобного. Системы, регенерирующие воздух и продукты, были неправдоподобно малы.

Он немного удивил всех перед стартом. В ка-

бине раздалась странная музыка, тоскливая, как завывания компьютера, страдающего сексуальной манией. Это был Несс. Две глотки делали его ходячим оркестром.

Кукольник настоял, чтобы за управление сел Луис: его доверие к землянину было так велико, что он даже не застегнул ремней. Луис подозревал, что на корабле кукольников должны стоять какие-то исключительные системы безопасности.

Говорящий явился на борт с небольшим багажом, который, как выяснилось, состоял из микроволновой плиты для разогревания мяса и огромного куска самого мяса, явно неземного происхождения и, разумеется, сырого. Неизвестно почему Луис ожидал, что скафандр кзина будет напоминать средневековые доспехи, но все оказалось совсем иначе. Это был, скорее, составной баллон, совершенно прозрачный, с огромным рюкзаком и похожим на мыльный пузырь шлемом, переключатели передвигались языком. Хотя при кзине не было никакого оружия, рюкзак походил на военное снаряжение, и Несс потребовал положить его в багажное отделение.

Большую часть пути кзин просто проспал. Теперь все стояли за спиной Луиса, глядя на пейзаж,

расстилавшийся под ними.

— Я сяду у корабля Внешних, — сказал Луис.

— Нет. Лети дальше на восток. «Счастливый Случай» спрятан там.

— Почему? Вы боитесь, что Внешние будут за вами шпионить?

— Нет. Им могла бы повредить температура плазменных двигателей.

— А почему «Счастливый Случай»?

— Так назвал его Беовульф Шэфер, единственный, кто летал на нем. Я имею в виду путешествие к центру Галактики. Разве «Счастливый Случай» не имеет ничего общего с азартом?

— Имеет. Наверное, этот Шэфер не ожидал, что ему удастся вернуться. Пожалуй, будет лучше, если я скажу тебе сразу: я никогда не пилотировал корабли с плазменными двигателями. У моего были обычные, как у этого, например.

— Тебе придется научиться, — сказал Несс.

— Минутку, — вставил Говорящий. — Я уже летал на корабле с плазменными двигателями. Значит, я и поведу «Счастливый Случай».

— Это невозможно. Кресло пилота, все указатели и приборы управления приспособлены для человека.

Из горла кзина вырвалось зловещее рычание.

— Здесь, Луис, прямо перед нами.

«Счастливый Случай» оказался прозрачным пузырем около трехсот метров в диаметре. Описывая круги вокруг гиганта, Луис не мог найти свободного места. Все было занято зелено-коричневой машинерией гиперпространственного двигателя. Сам корпус был стандартным «Дженерал Продактс» N4, таким большим, что обычно его использовали только для транспорта новых колоний. «Счастливый Случай» совсем не походил на космический корабль. Скорее, на огромный примитивный спутник, созданный расой с такими ограниченными технологией и минеральными ресурсами, что приходилось экономить даже на объеме.

— А где будем сидеть мы? — заинтересовался Луис. — Верхом?

— Кабина расположена внизу. Садись возле корпуса.

Луис осторожно посадил корабль на темный лед, после чего подвел его под огромный шар.

Система жизнеобеспечения сверкала разноцветными огоньками. В кабине экипажа были два маленьких помещения: в нижнем с трудом размещались противоперегрузочное кресло, детектор массы и пульт управления, похожий

на подкову. Верхнее было такое же тесное. Кзин шевельнулся в своем скафандре-пузыре.

— Интересно, — сказал он. — Полагаю, Луис будет путешествовать в нижней кабине, а мы — в верхней?

— Да. Нам удалось втиснуть туда три койки. Каждая снабжена статическим полем. Теснота не имеет значения, мы будем путешествовать со включенным полем.

Кзин только фыркнул в ответ. Луис подождал, пока корабль продвинется еще на несколько дюймов, и выключил маневровые двигатели.

— У меня к тебе дело, — сказал он Нессу. — Мы с Тилой вдвоем получаем столько же, сколько один Говорящий с Животными.

— Ты хочешь дополнительной оплаты? Я обдумаю твое предложение.

— Я хочу того, — ответил Луис, — что вам уже никогда не понадобится. — Это был подходящий момент. Он не надеялся, но попробовать стоило. — Я хочу знать координаты планеты кукольников.

Головы Несса закачались на змеиных шеях, после чего повернулись и уставились друг на друга.

— Зачем тебе это? — спросил кукольник после

долгой паузы.

— Когда-то положение планеты кукольников было самым ценным секретом во всем известном космосе. Вы сами отдали бы состояние, чтобы заткнуть рот тому, кто бы его узнал. Именно в этом заключалась его ценность. Искатели счастья проверяли одну за другой все звезды типа G и K. Даже теперь за эту информацию заплатили бы немалую сумму.

— А если наша планета находится вне известного космоса?

— Гмм… — буркнул Луис. — Именно такую теорию выдвинул мой учитель истории. Несмотря ни на что, даже сама такая информация стоила бы кучу денег.

— Прежде, чем мы отправимся в путешествие, — медленно сказал Несс, — ты узнаешь координаты планеты кукольников. Думаю, эта информация будет для тебя скорее удивительной, чем полезной.

Головы кукольника еще раз переглянулись.

— Обрати внимание на четыре конические…

— Да-да. — Луис еще раньше заметил четыре конических отверстия, видневшихся недалеко от кабины. — Это дюзы двигателей?

— Верно. Ты убедишься, что корабль ведет

себя так, как будто снабжен классическим двигателем, с той лишь разницей, что на нем нет искусственного тяготения. Просто не хватило места для машин. Что же касается самого гиперпространственного двигателя Квантум II, то хочу обратить твое внимание на…

— У меня меч, — сказал вдруг Говорящий с Животными. — Сидите спокойно.

Луис не сразу понял, о чем речь. Он повернулся, стараясь не делать резких движений.

Кзин стоял у противоположной стены, держа в ладони с высунутыми на всю длину когтями что-то похожее на слишком большую рукоять рулевого рычага. В трех метрах от рукояти, точно на уровне глаз кзина, висел в воздухе маленький, светящийся красным, шарик. Провод, соединявший его с рукоятью, был слишком тонок, чтобы его можно было заметить, но Луис не сомневался, что он там есть. Поддерживаемый полем Славера, он мог с легкостью разрезать почти любой металл, в том числе и тот, из которого была сделана спинка кресла Луиса. Кзин стоял так, что вся кабина была у него на виду.

На полу лежал тот самый кусок мяса, только теперь он был разорван, а внутри виднелось специальное углубление.

— Я бы, конечно, предпочел более гуманное оружие, — сказал Говорящий, — но другого у меня с собой нет. Луис, убери руки с приборов и положи на подлокотники.

Луис повиновался. У него мелькнула было мысль, не попробовать ли фокус со сменой тяготения, но кзин разрезал бы его пополам, прежде чем он успел бы дотянуться до переключателя.

— А теперь, если будете вести себя спокойно, я поделюсь с вами своими планами.

— Скажи сначала, зачем, — ответил Луис. Он пытался как можно быстрее оценить свои шансы. Красный шарик показывал кзину, где находится конец невидимого острия. Если бы Луису удалось схватить этот конец и не потерять при этом пальцев…

Нет, ничего не выйдет. Шарик слишком мал.

— Полагаю, это очевидно, — сказал Говорящий с Животными. Черные пятна вокруг глаз делали его похожим на бандита из комикса. Кзин не был ни особо напряжен, ни слишком расслаблен, и стоял там, где его нельзя было ничем достать. — Я собираюсь захватить «Счастливый Случай»… Используя его как образец, мы построим множество таких кораблей и получим в будущей войне подавляющее превосходство над людьми.

Конечно, в случае, если они их иметь не будут. Полагаю, это ясно?

— Надеюсь, ты не испугался нашей экспедиции? — саркастически спросил Луис.

— Нет. — Кзин не обратил внимания на оскорбление. Сарказма он просто не заметил. — Сейчас вы все разденетесь: я хочу быть уверен, что вы безоружны. Потом кукольник наденет свой скафандр, и мы вместе пройдем на «Счастливый Случай». Вы останетесь здесь, но без одежды, без скафандров и с испорченным кораблем. Несомненно, Внешние заинтересуются, почему вы не возвращаетесь на Землю, и появятся прежде, чем у вас кончится кислород. Все поняли?

Луис Ву максимально расслабился, но следил за каждым движением кзина и готов был использовать малейшую его ошибку… Краем глаза он посмотрел на Тилу Браун и окаменел.

Тила готовилась прыгнуть.

Кзину было достаточно одного движения руки, чтобы перерезать ее пополам.

Нужно было действовать. И быстро.

— Только без глупостей, Луис. Медленно встань и иди к стене. Ты первый сними…

Остальное перешло в протяжный стон.

Луис замер в недоумении. Говорящий откинул

назад свою оранжевую голову и стонал, точнее, почти пищал душераздирающим высоким голосом. Он широко раскинул руки, будто хотел обнять всю Вселенную. Невидимое острие меча рассекло резервуар с водой, и она вытекала обильной струей, но кзин ничего не слышал и не видел.

— Заберите у него оружие, — приказал Несс.

Луис очнулся. Он осторожно подошел, готовый отскочить, если острие повернется в его сторону. Кзин слегка шевелил им, словно дирижировал невидимым оркестром. Луис вынул меч из ослабевшей ладони, коснулся нужного места, и красный шарик приблизился и исчез в рукояти.

— Не убирай эту штуку, — сказал Несс. Он осторожно сжал челюсти на плече кзина и подвел того к койке. Говорящий не сопротивлялся. Он перестал стонать, а только смотрел куда-то перед собой, и все его большое, поросшее шерстью лицо, излучало необыкновенный покой.

— Что случилось? Что ты с ним сделал?

Кзин начал потихоньку урчать.

— Смотрите, — сказал Несс и осторожно отодвинулся от койки одурманенного кзина. Все это время шеи его были напряжены, головы направлены прямо на Говорящего.

Глаза кзина прояснились. Он быстро окинул взглядом Луиса, Тилу и Несса, что-то проскрежетал на Языке Героев, после чего сел и сказал, уже на интерволде:

— Это было очень приятно. Жаль, что…

Он замолчал, а потом обратился уже к одному кукольнику:

— Никогда больше этого не делай.

— Я выбрал тебя, как одного из самых развитых и умелых кзинов — сказал Несс. — И я не ошибся. Только у такого, как ты, тасп может вызывать опасения.

— Ох! — вздохнула Тила.

— Тасп? — спросил Луис. — А что это такое?

Кукольник продолжал, обращаясь к кзину:

— Надеюсь, ты понимаешь, что я буду пользоваться им всегда, когда ты меня к этому принудишь. Если ты будешь слишком часто использовать насилие или запугивать меня каким-либо другим способом, то очень быстро попадешь в зависимость от него. Поскольку он хирургически вживлен в мое тело, тебе придется убить меня, чтобы до него добраться. Но это нисколько не уменьшит твоей зависимости.

— Очень хитро, — сказал кзин. — Необычная тактика. Больше я не причиню тебе неприят-

ностей.

— Ненис! Кто-нибудь объяснит мне, что такое тасп?

Казалось, невежество Луиса всех удивило.

— Тасп возбуждает центры наслаждения в мозгу, — сказала Тила.

— На расстоянии? — Луису и в голову не приходило, что подобное возможно хотя бы теоретически.

— Конечно. Это так, будто у тебя в мозгу электрод, и кто-то пропускает через него ток. Правда, с таспом не нужно такой возни. Обычно он так мал, что им можно управлять одной рукой.

— Ты уже пробовала его? Я знаю, что это не мое дело, но….

Тила улыбнулась, развеселенная его деликатностью.

— Да, я знаю, что это за впечатление. Так, будто… Нет, я не смогу описать. Тасп не применяют к самому себе, а только к тем, кто этого не ожидает. Именно в этом и заключается вся штука. Полиция постоянно ловит тасперов в парках.

— Ваши таспы действуют максимум секунду, — вставил Несс. — Мой работает дольше.

Видимо, действие в самом деле было мощным, если произвело такое впечатление на Говоря-

щего.

Луису вдруг пришла в голову идея.

— Что ж, это великолепно. Кто, кроме кукольника, может использовать оружие, которое доставляет врагу наслаждение?

— И кто, кроме гордого и высокоразвитого существа может его бояться? — спросил кзин. — Кукольник прав: я больше не рискну. Я могу и в самом деле стать его невольником. Я, кзин!..

— Перейдем на борт «Счастливого Случая», — прервал дискуссию Несс. — Мы и так потеряли слишком много времени.

Луис вышел первым.

Почти полное отсутствие тяжести на поверхности Нереиды не удивило его. Он знал, как следует двигаться в таких условиях. Входя на борт корабля, он подсознательно ждал, что тяготение в нем будет нормальным, и чуть не упал.

— Хорошенькое дело, — бормотал он, карабкаясь в кабину. — Могли бы по крайней мере… Ой…

Кабина была проста, даже примитивна и полна острых углов и граней, отлично подходящих для разбивания локтей и коленей. Все было какое-то неуклюжее, приборы размещены не так…

Кабина была еще и мала. Даже в корабле таких

размеров не хватило места для всех машин. Еще чуть-чуть, и не хватило бы места для пилота.

Пульт управления, детектор массы, кухонька, кресло-кровать и еще ровно столько места, чтобы один человек встал за креслом, согнувшись в три погибели. Луис повернулся и выдвинул меч кзина.

Говорящий медленно протиснулся мимо Луиса и сразу направился к верхнему помещению.

Там было что-то вроде комнаты развлечений для пилота, но теперь оттуда убрали спортивный инвентарь и читники, а на их место поставили три койки. В одну из них и забрался Говорящий с Животными.

За ним вошел Луис, все время держа готовым меч. Опустив крышку над койкой кзина, он повернул рычаг.

Койка превратилась в огромное, непрозрачное яйцо. Время внутри него остановилось и должно было стоять, пока действует статическое поле. Если бы корабль столкнулся с зарядом антиматерии, даже корпус «Дженерал Продактс» превратился бы в ионизированное облако, но укрытый в статическом поле кзин перенес бы взрыв без малейшего вреда.

Луис перевел дух.

Все это походило на какой-то магический ритуальный танец, но у кзина действительно была причина завладеть кораблем. Тасп ничего не изменил. Нужно было позаботиться, чтобы Говорящему не представилось другого случая.

Луис вернулся в кабину пилота.

— Поднимайтесь на борт, — позвал он Несса и Тилу.

Через сто часов Луис Ву был уже за пределами Солнечной системы.

5. РОЗЕТТА

Математика гиперпространства полна всевозможных аномалий; одна из них появляется вокруг каждой достаточно большой массы в эйнштейновской Вселенной. За пределами аномалий корабли могут двигаться со сверхсветовой скоростью, но если стартуют в их пределах — исчезают бесследно.

«Счастливый Случай» удалился на восемь световых часов от Солнца и вышел за пределы аномалии.

А Луис Ву сражался с невесомостью.

Все его мышцы были напряжены, диафрагма дергалась сама по себе, и ему казалось, что желудок с минуты на минуту вывернется наизнанку. Все это, к счастью, должно было скоро пройти. Кроме того, ему ужасно хотелось летать…

Он летал уже много раз, хотя бы в лишенном тяготения Внешнем Отеле — огромном, прозрачном шаре, что кружился на окололунной орбите. Здесь же нельзя было махнуть рукой, чтобы не повредить что-нибудь весьма важное.

Он покидал Солнечную систему с ускорением

в 2 «же». Более пяти дней он работал, ел и спал, не покидая своего кресла-кровати. Несмотря на великолепное оборудование, он был грязен и нечесан; несмотря на пятьдесят часов сна — совершенно истощен.

Будущее рисовалось ему во все более темных тонах. Для него путешествие будет связано главным образом с неудобствами.

Небо глубокого космоса не слишком отличалось от того, что видно с Луны; планеты Солнечной системы не очень-то бросаются в глаза, и на них можно просто не обратить внимания. В направлении юга Галактики светила яркая звезда — Солнце.

Луис коснулся рулей: «Счастливый Случай» повернулся, и звезды вокруг него сдвинулись.

«Двадцать семь, триста двенадцать, тысяча», — такие координаты сообщил Несс, прежде чем Луис закрыл крышку его койки. Это были координаты, описывающие нынешнее положение миграционного флота кукольников. Только теперь Луис понял, что указанная точка находилась вдали от пути к Магеллановым Облакам. Кукольник солгал.

«Однако, — подумал Луис, — все-таки и это около двухсот световых лет отсюда. И вдоль оси

Галактики. Может, кукольники решили бежать кратчайшей дорогой, чтобы потом, уже за плоскостью Галактики, направиться к Облакам? Так они избегают опасности столкнуться с космическим мусором: облаками пыли, скоплениями водорода, остатками комет».

Впрочем, это не имело особого значения. Словно пианист перед началом концерта, Луис занес пальцы над пультом управления, опустил их и…

«Счастливый Случай» исчез.

Луис старался не смотреть через прозрачный пол. Он уже перестал гадать, почему вся кабина совершенно прозрачна. Некоторых такое зрелище доводило до безумия, другие переносили его легко. Первый пилот «Счастливого Случая» явно относился ко второй категории.

Взгляд Луиса был прикован к детектору массы — прозрачному шару, что висел над таблицей указателей. Из его центра расходился пучок голубых линий. Детектор, несмотря на тесноту, был больше, чем обычно. Луис опустился в кресло, следя за голубыми линиями.

Они заметно перемещались. Это было необычно и тревожно. Во время полета с обычным гиперпространственным двигателем линии стояли неподвижно целыми часами.

Палец Луиса лег на кнопку аварийного выключения двигателя.

Миниатюрная кухонька угостила его порцией странного на вкус кофе и холодной закуской, которая рассыпалась у него в руке, обнажив чередование слоев мяса, сыра, хлеба и каких-то таинственных листьев. Кухню нужно было отправить на свалку уже добрых сто лет назад. Линии на детекторе массы стали толще, быстрее поползли к верхнему полюсу шара и исчезли. Снизу всплыла одна, очень толстая черта, с размытыми границами.

Луис нажал кнопку, и под его ногами появился незнакомый красный гигант.

— Слишком быстро! — раздраженно фыркнул Луис. — Слишком быстро, черт побери! На нормальном корабле хватило бы одной проверки детектора каждые шесть часов, здесь же не успеваешь даже моргнуть.

Луис перевел взгляд на яркий красный диск.

— Ненис! Я уже за пределами известного Космоса!

Он повернул корабль, чтобы рассмотреть звезды. Под ногами поплыли чужие созвездия.

— Это мое, все мое! — захохотал он, радостно потирая руки. Во время Отрывов Луису Ву прихо-

дилось самому себя развлекать.

Снова появилась красная звезда, Луис позволил ей повернуться еще на девяносто градусов, он слишком приблизился к ней, и теперь приходилось огибать ее.

Все это происходило на девяностой минуте полета. На сто восьмидесятой он снова вышел из гиперпространства.

Чужие звезды не пугали его. На Земле огни городов затмевали их слабое мерцание, и первую звезду он увидел в двадцать шесть лет. Убедившись, что находится в открытом Космосе, он заблокировал рули и, наконец, позволил себе потянуться.

— Ух-х! Глаза у меня, как вареные луковицы.

Он отстегнул ремни и повис, разминая левую ладонь. Три часа эта ладонь сжимала рычаг торможения и совершенно окаменела.

Под потолком висели устройства для изометрических упражнений. Вскоре ему удалось разработать мышцы, но усталость не прошла.

«Гмм… Разбудить Тилу? Сейчас было бы приятно с ней поговорить. Да, это хорошая мысль. В следующий Отрыв возьму с собой женщину. Разумеется, в статическом поле. Нужно брать все самое лучшее».

Однако пока он чувствовал себя, словно труп, сто лет пролежавший в неудобной позе. Пожалуй, его общество не доставит ей удовольствия. Эх…

Он не должен был пускать ее на борт «Счастливого Случая», и вовсе не из-за себя самого. Он был очень доволен, что она осталась с ним на эти два дня. Это было так, словно к истории Луиса Ву и Паулы Черенков дописали счастливый конец.

Однако, Тила была пустовата. И дело даже не в ее молодости. У Луиса были друзья разного возраста, и некоторые из самых молодых были действительно глубокими личностями. Они же, наверняка, больше всего страдали, словно страдание составляло неотъемлемую часть познания. Впрочем, так оно и было на самом деле.

Тила не могла сочувствовать, не могла отождествить себя с чужой болью.

Зато она могла остро почувствовать чужое наслаждение, могла ответить на него, могла стать его причиной…

Она была великолепной любовницей: болезненно красивая, свежая, чувственная, как кошка, открытая…

Однако ни одно из этих качеств не было нужно в путешествии.

Жизнь Тилы была счастливой и бесцветной.

Она дважды полюбила, и дважды первой пришла к выводу, что это не то. Она никогда не оказывалась в настоящей стрессовой ситуации, никогда ее всерьез не обижали. Если она окажется перед настоящей опасностью, то наверняка впадет в панику.

— Но я выбрал ее в любовницы! — сказал сам себе Луис. — И пусть черти возьмут этого Несса!

Если бы Тила хоть раз в жизни имела дело с опасностью или с какой-нибудь грозной ситуацией, Несс наверняка отбросил бы ее кандидатуру.

Он сделал ошибку, забрав ее с собой. Она будет балластом: ее придется защищать, пренебрегая для этого своей безопасностью.

Но какая опасность может им грозить? Кукольники были хорошими торговцами — они никогда не переплачивали.

«Счастливый Случай» был совершенно бесценной наградой, и Луис интуитивно чувствовал, что у него еще будет возможность заслужить ее.

А может, и еще кое-что.

Он вернулся к койке, поспал часок, после чего повернул корабль и еще раз нырнул в гиперпространство.

Спустя пять с половиной часов он снова затормозил.

Сообщенные кукольником координаты указывали небольшой сектор видимого из окрестностей Солнца космоса, а также расстояние до этого места от точки наблюдения. Этот «небольшой сектор» был в действительности кубом с гранью в половину светового года. Именно здесь должен был находиться огромный флот кукольников. Если верить приборам, именно в этом секторе находились Луис Ву и «Счастливый Случай».

За своей спиной он оставил полный звезд шар диаметром в семьдесят световых лет. Известный космос был очень мал и очень далек отсюда.

Поиски флота не имели ни малейшего смысла. Луис не знал даже, как выглядят корабли. Вместо этого он пошел и разбудил Несса:

Кукольник, ухватившись зубами за гимнастический поручень, заглянул Луису через плечо.

— Я должен найти несколько навигационных звезд. Дай-ка на центр тот зелено-белый гигант…

В кабине пилота стало вдруг тесно. Луис почти лежал на пульте, защищая приборы от копыт кукольника, которыми тот беззаботно размахивал.

— Анализ спектра… Ага… Теперь ту двойную, голубовато-желтую…

— Что мы, собственно, ищем? Плазменные струи? Нет, скорее вы воспользовались бы…

— Включи телескоп. Поймешь, когда увидишь..

Множество чужих звезд. Луис постепенно усиливал увеличение, пока наконец…

— Пять точек, сгруппированных в правильный пятиугольник, верно?

— Это и есть наша цель.

— Сейчас, я только проверю расстояние… Ненис! — Что-то не так, Несс. Они слишком далеко.

Кукольник не отозвался.

— Впрочем, это все равно не могут быть корабли, даже если сломался дальномер. Ведь ваш флот движется почти со скоростью света. Это было бы видно.

Пять тусклых пятен, обозначающих вершины равностороннего пятиугольника лежали в одной пятой светового года от них и были незаметны невооруженным глазом.

Они были, принимая во внимание увеличение, размером с большие планеты. На экране телескопа одна из них была менее голубой и более тусклой, чем остальные.

Розетта Кемплерера. Очень странно.

Берутся три или больше предмета с одинаковой массой, помещаются в вершинах равностороннего многоугольника и разгоняются до одинаковой угловой скорости относительно центра их общей

массы.

При этом фигура находится в состоянии идеального равновесия. Орбиты отдельных ее составляющих могут иметь форму эллипса или круга, в центре фигуры может находиться какое-нибудь тело, но не обязательно. Это не имеет никакого значения. Фигура стабильна, как пара троянских точек.

Конечно, любое тело могло быть очень легко перехвачено троянской точкой, взять хотя бы астероиды на орбите Юпитера, но было почти невозможно, чтобы сразу пять объектов случайно образовали розетту Кемплерера.

— Странно, — пробормотал Луис. — Необычно. Никто еще не видел такой розетты… — Он вдруг замолчал.

Они находились в межзвездном пространстве. Что же тогда освещало эти объекты?

— Нет, — медленно сказал Луис Ву. — Я никогда в это не поверю. Ты что, считаешь меня идиотом?

— Во что ты так не хочешь поверить?

— Ты отлично знаешь, во что!

— Ну, раз ты так считаешь… Это и есть цель нашего путешествия, Луис. Приблизимся к ней, и нам навстречу вышлют корабль.

У обещанного корабля был корпус ДП N3, с закругленными концами и уплощенным центром. Он был покрашен в шокирующе оранжевый цвет и не имел никаких окон. Не было у него и никаких видимых двигателей. Вероятно, на нем использовали классический, применяемый людьми привод, или какую-нибудь его производную.

Повинуясь Нессу, Луис даже не коснулся рулей, позволяя другому кораблю выполнять все маневры на плазменном двигателе. «Счастливый Случай» догнал бы флот кукольников не раньше, чем через несколько месяцев, у чужого же корабля на это ушел неполный час. Вскоре он оказался возле «Счастливого Случая» с выдвинутой стыковочной трубой.

Похоже было, что пересадка окажется на таким уж простым делом. На их корабле было слишком мало места, чтобы весь экипаж мог одновременно подняться с коек. Кроме того, это был последний шанс для Говорящего, если он еще хотел завладеть кораблем.

— Наверняка попробует, — сказал Луис. — Знаешь, что мы сделаем?

Они отключили рули и пульт от главного привода. Разумеется, в этом не было ничего сложного, и кзин, имей он немного времени, мог бы все

исправить. Вот только времени у него не было…

Луис наблюдал, как Несс проходит по стыковочной трубе. Кукольник нес скафандр кзина и шел наощупь, с закрытыми глазами. А жаль — зрелище было великолепное.

— Несовместимость, — сказала Тила, когда поднялась крышка ее койки. — Я чувствую себя не очень хорошо, помоги мне. Что случилось? Мы уже на месте?

По дороге к шлюзу Луис вкратце обрисовал ей ситуацию. Она слушала внимательно, но ему показалось, что больше всего ее заботит, как совладать с бунтующим желудком. Она казалась очень несчастной.

— На том корабле будет тяготение, — утешил он, и указал на пятистороннюю розетту: ее уже было отлично видно невооруженным глазом. Удивленная Тила резко повернулась к нему, внезапное движение нарушило ее чувство равновесия и, прежде чем за ней закрылась дверь шлюза, Луис успел увидеть, как моментально позеленело ее лицо.

Розетта Кемплерера — это одно, а невесомость — совсем другое.

Когда отошла крышка последней койки, Луис сказал:

— Не дергайся. Я вооружен.

Оранжевое лицо кзина не изменило выражения.

— Добрались?

— Да. Я отключил плазменный привод, и быстро ты его не исправишь. Мы на прицеле у лазерной пушки.

— А если бы я удрал в гиперпространство? Впрочем, нет, ошибка. Мы наверняка в пределах аномалии.

— Мы в пределах ПЯТИ аномалий.

— Пяти? В самом деле? Но насчет пушки ты соврал. Стыдись, Луис…

Кзин спокойно встал с койки. Луис шел за ним с изготовленным мечом. В шлюзе кзин замер, пораженный видом пяти светящихся точек.

Вид и вправду был великолепен.

«Счастливый Случай» вышел из гиперпространства в половине светового часа от флота кукольников — примерно столько от Земли до Юпитера. Однако «флот» двигался с огромной скоростью, несся за светом, который излучал. Когда «Счастливый Случай» остановился, розетту нельзя было заметить невооруженным глазом. Когда проснулась Тила, ее уже было слегка видно, теперь же ее невозможно было не заметить, и

она росла буквально на глазах.

Пять бледно-голубых пятнышек приближались и росли с огромной скоростью…

Спустя мгновение «Счастливый Случай» был окружен пятью планетами, а мгновением позже планеты исчезли. Они не удалились, не потемнели, просто исчезли. Отраженный ими свет перешел в инфракрасную область.

Теперь уже Говорящий с Животными держал в руке меч.

— Глаза Финагла! — взорвался Луис. — У тебя что, вообще нет любопытства?

Кзин на мгновение задумался.

— Мне интересно, но гораздо выше я ценю гордость. — Он убрал лезвие и вручил меч Луису. — Каждая угроза — это вызов. Идем.

На корабле кукольников не было никакого экипажа. Всю его внутренность занимало одно большое помещение, в центре которого, вокруг консоли с напитками, стояли четыре койки, формой соответствующие тем существам, для которых были здесь размещены.

Окон на корабле не было.

Зато, к удивлению Луиса, была гравитация. Однако не земная, да и воздух был не совсем земным. Воздух пахнул — нельзя сказать, чтобы неприят-

но, скорее — странно. Луис отчетливо чувствовал озон, какие-то углеводороды, запах целой толпы кукольников и еще несколько дюжин других, которые даже не надеялся определить.

Внутри каюты не было ни острых углов, ни граней. Изогнутая стена плавно переходила в потолок и пол, койки и консоль казались как бы слегка расплывшимися. В мире кукольников все острое или твердое, все, обо что можно удариться и покалечиться, было вне закона.

Несс, вытянувшись, лежал на своей койке и казался вполне довольным жизнью.

— Не хочет говорить! — шутливо пожаловалась Тила.

— По-моему, это очевидно, — ответил кукольник. — Итак, мне придется начинать сначала. Вас, конечно, удивили…

— …летающие планеты, — закончил за него кзин.

— …и розетта Кемплерера, — дополнил Луис.

Едва слышный шум сказал ему, что корабль начал движение. Одновременно с Говорящим они заняли места на койках. Тила вручила Луису ярко-красный напиток в прозрачном тюбике.

— Сколько у нас времени? — спросил он кукольника.

— Приземление через час. Тогда вы и узнаете конечную цель нашего путешествия.

— Должно хватить. А теперь просвети нас: почему летающие планеты? Наверное, это довольно опасно — двигаться по Вселенной на целых планетах?

— Это самый безопасный способ! — серьезно ответил кукольник. — Гораздо безопаснее, чем, к примеру, путешествовать на этом корабле. А он — гораздо безопаснее большинства ваших машин. Впрочем, у нас большой опыт в передвижении планет.

— Опыт? Что ты имеешь в виду?

— Чтобы объяснить это, мне придется рассказать вам о тепле… и о контроле над рождаемостью. Вы не будете чувствовать себя оскорбленными?

Они покачали головами, причем Луис сдержал смех, а Тила не выдержала и прыснула.

— Вы должны знать, что для нас такой контроль — дело очень трудное. Есть только два способа, чтобы избежать появления потомства. Первый — это серьезная хирургическая операция, второй — полное сексуальное воздержание.

— Это… это… УЖАСНО! — прошептала потрясенная Тила.

— Скорее — неудобно. Пойми меня правильно:

операция не является заменой воздержанию. Она должна вынудить к нему. Еще недавно нельзя было устранить ее последствий; сегодня это можно делать, но все же решаются на нее немногие.

Луис протяжно свистнул.

— Я думаю… Значит, основой вашей системы контроля является сила воли?

— Да. Сексуальное воздержание вызывает неприятное побочное действие; как у нас, так и у других видов. Результат очевиден: чрезмерное размножение. Полмиллиона лет назад нас было полмиллиарда. В системе счисления кзинов это будет…

— Я достаточно хорошо знаю математику, — прервал его кзин. — То, что ты говоришь, не имеет никакой связи с необычностью вашего флота. — Кзин не возмущался, просто констатировал факт. Потянувшись к консоли, он снял с нее сосуд с двумя ручками, емкостью не менее половины галлона.

— Уверяю тебя, имеет. Побочным продуктом цивилизации, состоящей из полумиллиарда особей, является масса тепла.

— Вы были цивилизованы в таком далеком прошлом?

— Конечно. Разве примитивная культура смог-

ла бы прокормить такую огромную популяцию? Мы давно израсходовали всю пригодную для посевов землю и были вынуждены переделать две планеты нашей системы так, чтобы на них можно было производить продукты. Чтобы этого добиться, нам, среди прочего, пришлось передвинуть их поближе к солнцу. Понимаете?

— Так вы начали приобретать опыт в передвижении планет. Полагаю, вы пользовались беспилотными кораблями…

— Конечно. После этой операции продовольствие перестало быть проблемой, а пространства нам всегда хватало. Уже тогда мы воздвигали очень высокие здания. Лучше всего мы чувствуем себя в большой группе.

— Кажется, это называется «стадный инстинкт». Скажи, именно поэтому корабль пахнет, как стадо кукольников?

— Да. Мы чувствуем себя в безопасности, если ощущаем присутствие других. Единственной проблемой осталось тепло.

— Тепло?

— Тепло — неизбежный побочный продукт цивилизации.

— Не понимаю, — сказал кзин.

Луис, который понимал это отлично, удержался

от комментариев. Земля была заселена гораздо плотнее, чем планета Кзин.

— Вот тебе пример. Ты хотел бы иметь ночью источник света, правда? Без света ты должен спать, невзирая на то, есть у тебя дела или нет.

— Это очевидно.

— Допустим, твой источник света совершенен, то есть излучает только в пределах спектра, видимого для кзинов. Но даже при этом та часть тепла, которая не уйдет через окно наружу, будет поглощена стенами и предметами, находящимися внутри. Свет превратится в тепло. Другой пример. На Земле нет достаточного количества естественной свежей воды для восемнадцати миллиардов жителей. Воду нужно создавать. Но при этом выделяется тепло. На наших планетах, заселенных гораздо плотнее, мы не можем прервать этого процесса ни на секунду. Третий пример. Средства транспорта всегда были мощными источниками тепла. Нагруженный урожаем корабль, летящий с одной из наших планет, при входе в атмосферу производит огромное количество тепла, и еще больше — когда стартует.

— Но охлаждающие системы…

— Большинство охлаждающих систем просто перемещает тепло с одного места в другое, при

этом добавляя к нему собственное.

— Гммм… Начинаю понимать. Чем больше кукольников, тем больше образуется тепла.

— Значит, ты понимаешь, что тепло, составляющее побочный продукт нашей цивилизации, постепенно делало наш мир непригодным для жизни?

«Смог, — подумал Луис Ву, — выхлопные газы. В атмосфере — термоядерные бомбы и ракетные двигатели. Промышленные отходы в океанах и озерах. Порой не хватает малости, чтобы мы задохнулись в наших собственных отходах. Если бы не Совет Людей, разве Земля не сварилась бы в собственном тепле?»

— Неправдоподобно, — сказал Говорящий с Животными. — А почему вы не перебрались на другую планету?

— Кто станет подвергать свою жизнь тысячам опасностей Космоса? Только кто-нибудь вроде меня. Так что же, посылать на новые миры безумцев?

— Вы могли бы посылать корабли с замороженными эмбрионами. Пилотами были бы как раз эти «безумцы».

— У меня всегда возникают сложности, когда приходится объяснять вопросы, связанные с

полом. Наша биология не позволила бы использовать такой метод, но мы несомненно придумали бы что-нибудь подобное… Вот только зачем? Наша численность не изменилась бы, и мы продолжали бы умирать, удушаемые собственным теплом!

— Жаль, что мы не можем выглянуть наружу, — ни с того, ни с сего сказала Тила.

Кукольник на мгновенье замолчал от удивления.

— Ты уверена? — спросил он наконец. — Ты не испугалась бы?

— Пугаться? На корабле кукольников?

— Ах, да… В общем-то, сам вид нисколько не увеличит опасность. Прошу. — Он что-то мелодично свистнул, и корабль исчез.

Они видели друг друга, койки, на которых лежали, и консоль с напитками, но вокруг была только пустота Космоса. И пять планет, горящих белым огнем в черных волосах Тилы. Все они были одинаковой величины — примерно в два раза больше видимой с Земли Луны — и образовывали правильный пятиугольник. Четыре из них были окружены, как нитками, маленькими, сверкающими огнями искусственных солнц, дающих желто-белый свет. Эти четыре были совершенно

одинаковы и по яркости, и по внешнему виду: слегка туманные, голубые шары. Зато пятая…

Вокруг пятой планеты не было никаких огней. Она светилась собственным светом, а континенты разделялись темнотой почти такой же глубокой, как мрак Космоса. Этот мрак тоже был заполнен блеском звезд. Казалось, космос охватывал освещенные солнечными лучами континенты.

— В жизни не видела ничего прекраснее, — сказала Тила таким голосом, будто с трудом сдерживала слезы. Луис, видевший в жизни гораздо больше ее, вынужден был согласиться.

— Невероятно, — пробормотал кзин. — Никак не могу в это поверить. Вы забрали с собой свои планеты.

— Кукольники не доверяют космическим кораблям, — заметил Луис, и подумал со смесью удивления и страха, что мог бы этого не увидеть, что кукольник мог выбрать кого-нибудь другого. Он умер бы, так и не увидев розетты кукольников…

— Но как?..

— Я уже объяснял вам, — сказал Несс, — что наша цивилизация задыхалась в собственном тепле. Нам удалось избавиться от всех побочных

продуктов цивилизации за исключением тепла. У нас был один выход — отодвинуть планету от солнца…

— Разве это не было опасно?

— И даже очень. В тот год множество кукольников сошло с ума, и потому он памятен. Мы купили у Внешних специальный инерционный привод. Можете себе представить, какую они затребовали цену — мы выплачиваем им до сих пор. Сначала мы передвинули две сельскохозяйственные планеты, провели эксперименты с другими, незаселенными планетами. В конце концов нам удалось передвинуть и нашу. За следующие тысячелетия наша численность достигла миллиарда. Недостаток солнечного света заставил нас освещать улицы и днем, отчего эмиссия тепла только увеличилась. Через некоторое время мы пришли к выводу, что солнце — скорее помеха, чем благо, и отодвинулись от него на расстояние одной десятой светового года, используя его только в качестве якоря. Нам требовались новые сельскохозяйственные планеты, и было неразумно бродить по космосу наугад. Если бы не это, мы вообще отказались бы от солнца.

— Понятно, — сказал Луис Ву. — Теперь я знаю, почему никому так и не удалось найти планету

кукольников.

— И поэтому тоже.

— Мы обыскали все желтые карлики в известном Космосе, и множество — за его пределами. Минутку, Несс! Кто-то ведь должен был наткнуться на сельскохозяйственные планеты, собранные в розетту Кемплерера.

— Вы искали не там.

— Как так? Ведь вашей родной звездой, вне всяких сомнений, был желтый карлик!

— Действительно, мы пришли из района желтого карлика, очень похожего на Процион. Как ты знаешь, примерно через полмиллиона лет Процион превратится в красного гиганта.

— О, тяжелые лапы Финагла! Это случилось с вашей звездой?

— Да. Сразу после того, как мы управились с перемещением нашей планеты, началась экспансия солнца. В это время твои предки еще разбивали друг другу головы берцовыми костями антилоп. Когда вы начали задумываться, где находится наша планета, — то обыскивали не те орбиты вокруг не тех солнц.

Мы перетащили подходящие планеты из ближайших систем, увеличив число сельскохозяйственных планет до четырех и собрав их в

розетту Кемплерера. Было очень важно в момент отправления сдвинуть их одновременно и дать каждой достаточное количество ультрафиолета. Теперь вы понимаете, что когда подошло время покинуть Галактику, мы были к этому готовы. Мы уже знали, как двигать планеты.

Розетта все увеличивалась. Теперь планета кукольников сверкала под ногами, при этом продолжая расти. Звезды, мерцающие в черных океанах, оказались архипелагами неисчислимых островов. Континенты пылали искусственным светом.

Когда-то давно Луис Ву стоял на вершине Маунт Лукиткет. Великая Река, текущая у подножия горы, кончалась самым грандиозным в известном космосе водопадом.

Луис смотрел вниз, так далеко, насколько его взгляд мог проникнуть в водяную пыль облака. Бесформенная белизна бездонной пропасти совершенно ошеломила его, и Луис, наполовину загипнотизированный, поклялся жить вечно. А как иначе можно увидеть все то, что стоит повидать?

Теперь он повторил эту клятву. Планета кукольников была совсем близко.

— Мы проиграли, — сказал кзин. Его розовый

голый хвост нервно двигался из стороны в сторону, но лицо и голос не выражали никаких чувств. — Ваша трусость заслужила нашего презрения, и это презрение ослепило нас. Вы очень опасны. Если бы вы сочли нас врагами, то уничтожили бы нас. Вы располагаете страшной силой, и мы ничего не смогли бы сделать.

— Думаю, невозможно, чтобы кзин боялся обычного травоядного. — Несс сказал это безо всякой насмешки, но Говорящий взорвался:

— Какое мыслящее существо не испугается такой мощи!

— Ты беспокоишь меня. Страх идет вместе с ненавистью. Скорее следовало бы ожидать, что кзин атакует то, чего боится.

Дискуссия вступала на скользкую почву. «Счастливый Случай» был в самом начале своего пути, но уже в сотнях световых лет от известного Космоса. Они зависели от благорасположения кукольников. Если те решат, что чужаки представляют для них реальную угрозу…

Нужно было менять тему. И быстро. Луис открыл рот…

— Эй! — воскликнула Тила. — Вы все время говорите о розетте Кемплерера. А что это, собственно, такое?

Кзин и кукольник взялись объяснять ей, а Луис с удивлением подумал, что еще недавно считал Тилу не слишком интеллигентным созданием и неглубокой личностью.

6. ГОЛУБАЯ ЛЕНТА

— Ты обвел меня вокруг пальца, — сказал Луис Ву. — Теперь я действительно знаю, где находится планета кукольников. Большое спасибо, Несс. Ты сдержал слово…

— Я же предупреждал, что это удивит тебя, но пользы не принесет.

— Это хорошая шутка, — вставил Говорящий. — Я не ожидал, что у тебя есть чувство юмора.

Они снижались над небольшим островом вытянутой формы. Остров рос, как огненная саламандра, и Луису на мгновение показалось, что он видит высокие, стройные здания. Остров… Что ж, вряд ли им можно доверять настолько, чтобы пустить на континент.

— Мы не шутим, — ответил Несс. — У кукольников нет чувства юмора.

— Странно. Я всегда считал, что чувство юмора — одна из составляющих разумности.

— Нет. Юмор связан с ослаблением защитных реакций.

— И все же…

— Ни одно разумное существо не ослабляет

своих защитных механизмов.

Корабль опускался все ниже, и пятна света начали обретать определенные формы: освещение улиц, окна в зданиях, светильники на больших, похожих на парки, площадях. В последний момент перед Луисом мелькнули здания, тянущиеся вверх на целые мили, потом город поглотил их корабль. Они были в парке, полном разноцветных незнакомых растений.

Никто не шевельнулся.

Из всех видов, которые населяли известный космос, кукольники выглядели самыми беззащитными. Они были слишком трусливыми, слишком маленькими и странными, чтобы кто-либо мог их бояться. Они были просто забавными.

И вдруг Несс перестал быть только маленьким смешным кукольником, он стал представителем расы, гораздо более могущественной, чем кто-либо мог представить. Безумный кукольник сидел неподвижно, разглядывая своих подчиненных, ибо все прочие ощущали себя именно так. В этот момент он вовсе не был смешон. Его раса умела двигать планеты. Пять планет одновременно.

Внезапно Тила захохотала.

— Я подумала, — объяснила она, когда успокои-

лась, — что единственным способом ограничения численности кукольников является полная сексуальная абстиненция. Правда, Несс?

— Да.

Она снова захохотала.

— Тогда ничего удивительного, что у вас нет чувства юмора.

Они шли через парк — слишком симметричный, слишком правильный и упорядоченный — следом за голубым огоньком.

Воздух был насыщен запахом кукольников. Он заполнял все закоулки корабля, и не исчез, когда открылись двери шлюза. Планета пахла миллиардом кукольников и должна была пахнуть так до последнего своего дня.

Несс танцевал: его маленькие, острые копытца, казалось, вообще не касаются мягкого тротуара. Кзин двигался пружинистым кошачьим шагом, размеренно ударяя оранжевым хвостом. Кукольник выбивал чечетку на три четверти, кзина вообще не было слышно.

Тила шла почти так же тихо. Ее движения всегда производили впечатление несколько неловких, но это было далеко не так. Она не спотыкалась и ни за что не цеплялась. Самым неловким из всей четверки оказался Луис Ву.

Хотя, почему, собственно, Луис Ву должен был оказаться ловким? Обычная старая обезьяна, которую эволюция и не думала приспосабливать для хождения по земле. Миллионы лет его предки ходили на четвереньках и при первом удобном случае забирались на деревья.

Плейстоцен со своими миллионами лет засухи положил этому конец. Леса исчезли, оставив предков Луиса голодных и без защиты. В отчаянии они начали есть мясо. Дела пошли лучше только тогда, когда они нашли применение берцовой кости антилопы, разбив с ее помощью не один череп.

И вот теперь — ступни, еще снабженные рудиментарными пальцами. Луис Ву и Тила Браун шли с двумя чужаками через город кукольников.

Все они были здесь чужими, в том числе безумный Несс с растрепанной гривой и головами, беспокойно оглядывающимися по сторонам. Кзин тоже чувствовал себя не слишком свободно. Его глаза, окруженные черными ободками, непрерывно прочесывали незнакомую растительность в поисках затаившихся тварей с отравленными жалами или острыми, как бритва, зубами. Это работали инстинкты. Кукольники никогда не допустили бы, чтобы по их паркам бродили такие

опасные создания.

Наконец, они добрались до блестящего купола, похожего на жемчужину, до половины закопанную в землю. Путеводный огонек разделился на два.

— Я должен вас покинуть, — сказал Несс, и Луис заметил, что кукольник смертельно испуган.

— Я иду на встречу с Теми-Которые-Правят. — Несс говорил быстро и тихо. — Говорящий, скажи мне: если бы я не вернулся, стал бы ты меня искать, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное в «Малютке»?

— А разве есть опасность, что ты не вернешься?

— Да. Тем-Которые-Правят может не понравиться то, что я им скажу. Как ты будешь искать меня?

— Здесь? На чужой планете, населенной могучими существами, сомневающимися в мирных намерениях кзинов? — Хвост кзина с силой хлестнул по земле. — Нет. Но я тут же откажусь от участия в экспедиции.

— Этого должно хватить. — И Несс, дрожа всем телом, отправился за своим огоньком.

— Чего он так боится? — удивилась Тила. — Ведь он сделал то, что ему велели. Какие могут

быть к нему претензии?

— Я думаю, он что-то затевает, — сказал Луис. — Что-то дьявольское. Только что?

Голубой огонек двинулся снова, и следом за ним они вошли в матовый купол…

Купол исчез. Двое людей и кзин со своих подвесных коек следили сквозь чащу великолепных растений за приближающимся чужим кукольником. Или купол был изнутри настолько прозрачен, или то, что они видели, было проекцией.

Воздух благоухал кукольниками.

Чужой кукольник был уже почти рядом. (В этот момент Луис вдруг понял, что думает о Нессе, как о «нем», а не о «том». Когда произошла эта перемена? В то же время, кзин был «им» с самого начала.) Он остановился в месте, где должна была проходить граница жемчужного купола. Его серебристая грива была заплетена в искусные косички, а голос был таким же, как у Несса — дрожащее, вибрирующее, чувственное контральто.

— Простите, что не приветствую вас лично. Можете называть меня Хирон.

Значит, все-таки проекция. Луис и Тила что-то буркнули в ответ, Говорящий оскалил зубы.

— Тот, кого вы зовете Нессом, знает все, что должны знать и вы. Его присутствие необходимо

сейчас в другом месте. Однако он упомянул о впечатлении, которое произвели на вас наши инженерные способности.

Луис слегка скривился, а кукольник продолжал.

— Это может оказаться весьма полезно. Вы лучше поймете нашу реакцию на творение, многократно превосходящее все, что удалось достичь нам.

Половина купола погасла.

К сожалению, это была половина, противоположная той, на которой находилось изображение кукольника. Луис, правда, нашел рычаги устройства, управляющего положением койки, но все равно, чтобы смотреть одновременно в обе стороны, одной головы было мало. Темная сторона купола осветилась многочисленными звездами, на их фоне сиял небольшой ярко-белый диск.

Он был окружен кольцом. Луис Ву разглядывал увеличенную голограмму, копию той, что была у него в кармане.

Сам диск весьма походил на Солнце, как оно выглядит с орбиты Юпитера. Кольцо было большого диаметра, но узкое, немногим шире, чем находящийся в центре яркий источник света. Его ближняя часть была черной и имела острые края,

зато дальняя напоминала растянутую в космосе бледно-голубую ленту.

Луис, правда, потихоньку привыкал к чудесам, но еще не настолько спятил, чтобы провозглашать какие-нибудь идиотские теории. Вместо этого он сказал:

— Это похоже на звезду, окруженную кольцом. А что это на самом деле?

— Это и есть звезда, окруженная кольцом. Постоянным и искусственным.

Тила хлопнула в ладоши и радостно рассмеялась. Через некоторое время она справилась с собой и на мгновение стала очаровательно серьезной, только глаза сверкали, как два огонька. Луис отлично понимал ее, он и сам испытал такую же радость. Окруженное кольцом солнце стало его личной игрушкой, совершенно новой штучкой в старой доброй Вселенной.

(Берется пятьдесят футов светло-голубой ленты, шириной в дюйм, лучше всего той, какой обвязывают подарки под елкой. В центре пустого стола ставится горящая свеча, после чего ее окружают поставленной на ребро лентой так, чтобы ее внутренняя сторона отражала свет пламени).

Хвост кзина размеренно колотил по полу.

(Но это была не свеча, а настоящее большое солнце).

— Вы уже знаете, что двести четыре земных года мы летим на север Галактики, точно вдоль ее оси. По вашей системе времени это будет…

— Знаю, двести семнадцать лет, — прервал его кзин.

— Верно. Все это время мы, разумеется, наблюдали за расстилающимся перед нами космосом в поисках возможных опасностей. Мы еще раньше знали, что звезда ЕС-1752 окружена необычно плотным кольцом материи, и подозревали, что оно состоит из камня или замерзших газов. Нас только удивляла его необыкновенная правильность.

Примерно девяносто дней назад флот наших планет занял положение, из которого было четко видно, что это кольцо имеет совершенно ровные острые края. Дальнейшее изучение позволило со всей определенностью установить, что состоит оно не из газов и не из остатков астероидов: это монолитная плоская конструкция огромной прочности. Вполне естественно, что мы испугались.

— На основании чего вы оценили его прочность? — спросил Говорящий.

— Анализ спектра и другие точные измерения позволили нам установить разницу относительных скоростей. Кольцо вращается вокруг своего солнца со скоростью 770 миль в секунду, благодаря чему создает силу, противодействующую притяжению звезды, а также дополнительное ускорение порядка 9,94 метра в секунду. Думаю, очевидно, что конструкция, выдерживающая такие огромные напряжения, должна иметь просто невероятную прочность!

— Сила тяжести… — задумчиво сказал Луис. — Она должна быть там немного меньше, чем на Земле. Там на внутренней поверхности кто-то живет. Да-а-а… — Он замолчал, чувствуя, как его волосы поднимаются дыбом. Воцарилась тишина, в которой слышался только свист рассекающего воздух хвоста кзина.

Не первый раз люди встречали лучших, чем они. Но до сих пор им везло…

Неожиданно Луис встал и подошел к проекции. Это ничего не дало: кольцо удалялось от него, пока Луис не коснулся гладкой стены. Однако, он сумел разглядеть одну деталь, на которую прежде не обратил внимания: голубая лента была равномерно усеяна прямоугольными пятнами тени.

— Вы можете дать лучшее изображение?

— Мы можем его увеличить.

Звезда двинулась прямо на Луиса, прошла где-то справа и исчезла. Теперь он видел только освещенную внутреннюю поверхность кольца. Хотя картина была нечеткой, можно было догадаться, что светлые, почти белые пятна — это блики, темно-голубые — суша, а светло-голубые — океаны.

И тени: широкая полоса голубизны, узкая тень, широкая полоса голубизны… и все сначала. Точки и тире.

— Эти тени берутся ниоткуда, — буркнул он. — Что-то на орбите?

— Верно. Двадцать объектов в форме прямоугольников, размещенных на ближней орбите розеттой Кемплерера. Мы еще не выяснили их назначение.

— И не выясните. Вы слишком долго обходились без своего солнца. Благодаря этим прямоугольникам на кольце происходит смена дня и ночи. Иначе там всегда был бы полдень.

— Сам видишь, почему нам необходима ваша помощь. Вы на все смотрите с другой точки зрения.

— Угу. А насколько велико кольцо? Вы детально изучили его? Посылали какие-нибудь зонды?

— Мы изучили его настолько детально, насколько это было возможно без уменьшения нашей скорости и привлечения к себе внимания. Конечно, мы не посылали никаких зондов. Ими пришлось бы управлять на гиперволнах, а это выдало бы наше положение.

— Но ведь обнаружение источника гиперпространственной волны даже теоретически невозможно!

— У тех, кто построил кольцо, могут быть и не такие возможности.

— Гмм…

— Мы изучали кольцо с помощью всех доступных нам инструментов. — Картина начала изменяться, расцвечиваясь разными красками. — Мы делали снимки и голограммы во всех диапазонах электромагнитных волн. Если это тебя интересует…

— На них видно не так уж много.

— Действительно. Слишком велико искажение света гравитационными полями, а кроме того, солнечный ветер и облака пыли… Наши телескопы не смогли подметить ничего другого.

— Значит, в сумме вам удалось увидеть очень мало.

— Я бы все же сказал, что много. И еще кое-что,

очень странное: кольцо задерживает почти сорок процентов нейтрино.

Лицо Тилы выражало обычное удивление, но сейчас Говорящий фыркнул от удивления, а Луис протяжно свистнул.

Это действительно было *кое-что*.

Обычная материя, даже чудовищно сжатая в ядре звезды, не в состоянии задержать ни одного нейтрино. Слой свинца толщиной в несколько световых лет задержал бы, пожалуй, одно.

Любой предмет, находящийся в статическом поле Славера, отражал все нейтрино. Точно так же действовали и корпуса «Дженерал Продактс».

Однако ничто не задерживало сорок процентов нейтрино, пропуская остальные шестьдесят.

— Это необычно, — признал Луис. — Насколько велико это кольцо? Сколько оно весит?

— В граммах его масса составляет 2×10^{30}, радиус в милях — $0{,}95\times10^{8}$, а ширина — неполные 10^{6}.

Луис не очень хорошо представлял абстрактные величины, поэтому решил перевести их в более представимые числа.

Его сравнение с поставленной на ребро цветной лентой оказалось совершенно верным. Диаметр кольца составлял более девяноста миллионов миль, длина — шестьсот миллионов, быстро

сосчитал он в уме, а ширина от края до края — неполный миллион миль.

— Это не так много, — заметил он вслух. — Такая огромная штука должна, пожалуй, иметь массу крупного солнца.

— Это то же самое, что заставить миллиарды существ жить на тверди не толще алюминиевой фольги, — добавил кзин.

— Все не совсем так, как вы говорите, — ответил кукольник. — Если бы конструкция кольца была сделана из того же металла, из которого собраны корпуса наших кораблей, оно имело бы толщину в пятьдесят футов.

Тила, глядя в потолок, быстро зашевелила губами.

— Точно, — сказала она наконец. — Только… зачем все это? Для чего и кому это нужно?

— Для пространства.

— Пространства?

— Для жизненного пространства, — с нажимом повторил Луис. — Только ради этого и ни для чего другого. Шестьсот миллиардов квадратных миль — это в три миллиона раз больше Земли. Это примерно то же, что сделать карты трех миллионов планет в масштабе один к одному и соединить их края. Три миллиона планет, до

которых можно дойти пешком! Это должно исключить проблему перенаселенности. А у хозяев кольца она действительно была! Такие вещи не делают от скуки или ради развлечения.

— Кстати, — вставил кзин. — Хирон, вы обыскали ближайшие системы? Там нет колец?

— Да, но…

— …не нашли ни одного. Так я и думал. Если бы у них был гиперпространственный привод, они заселили бы другие системы. Им бы не нужно было кольцо. Именно поэтому оно в единственном экземпляре.

— Верно.

— Что ж, это уже лучше. Значит, по крайней мере в одном мы имеем над ними преимущество. — Кзин вскочил со своего места. — Мы должны изучить поверхность кольца.

— Посадка — это большой риск…

— Ерунда. Должны же мы опробовать корабль, который вы для нас приготовили. Его посадочные системы достаточно универсальны? Когда мы сможем отправиться?

Из обоих гортаней Хирона вырвался удивленный диссонирующий свист.

— Да ты просто безумец! Подумай, какой мощью должны обладать те, на чье творение ты

смотришь! Рядом с ними даже моя раса выглядела бы, как сборище варваров!

— Или трусов.

— Как хочешь. Осмотрите ваш корабль, когда вернется тот, кого вы называете Несс. Но до этого вам предстоит узнать еще много вещей.

— Ты испытываешь мое терпение, — сказал кзин, но все же сел на свое место.

«Ну и лгун, — подумал Луис. — Ты прекрасно сыграл свою роль, и я горжусь тобою». — Он сам чувствовал неприятную тяжесть в желудке. Голубая лента висела между звездами, а человек в очередной раз встретил лучших, чем он сам.

Первыми были кзины.

Когда люди впервые использовали в своих кораблях термоядерный привод, военный флот кзинов уже давно пользовался поляризаторами гравитации. Поэтому их корабли были гораздо быстрее и маневреннее. Сопротивление земного флота было бы чисто символическим, если бы не *урок кзинов*: любой привод является оружием с эффективностью прямо пропорциональной его исправности.

Первое нападение кзинов на заселенный людьми космос потрясло человечество. Люди уже несколько столетий жили в мире и почти за-

были, что такое война. Но на земных кораблях стояли фотонные термоядерные двигатели, а для пуска применялись огромные, смонтированные на астероидах лазерные пушки. Поэтому, когда телепаты кзинов в очередной раз подтвердили, что у людей нет никакого оружия, в их корабли внезапно ударил шквал огня.

Военные действия замедлялись сопротивлением людей и непреодолимым барьером скорости света. Они длились десятилетиями, однако рано или поздно кзины выиграли бы эту войну, если бы на маленькой земной колонии, называемой Наше Дело, не приземлился корабль Внешних. Губернатор купил у них, разумеется, в кредит, чертежи гиперпространственного привода. В то время колонисты ничего не знали о войне, и узнали, только построив первые сверхсветовые корабли.

После этого у кзинов не осталось никаких шансов.

Потом появились кукольники и включили известный космос в свою торговую империю.

Правда, человечеству повезло. Трижды встречало оно расы с превосходящим технологическим развитием. Кзины уничтожили бы людей, если бы не гиперпространственный привод Внешних.

В свою очередь. Внешние не хотели ничего, кроме информации и места для баз, да и то покупали, а не захватывали. Впрочем, Внешние с их метаболизмом, основанным на гелии-II, слишком плохо переносили тепло и тяготение, чтобы вести войну. Кукольники же, могучие сверх всякой меры, были слишком трусливы.

Кто же сделал Кольцо? Может быть, раса… воинов?

Спустя несколько месяцев Луис понял, что это был переломный момент в его жизни. До этого момента он еще мог отступить — разумеется, из-за Тилы. Даже в цифровом выражении Кольцо было достаточно пугающим. Приблизиться же к нему и приземлиться…

Луис заметил, насколько испугали кзина летающие планеты кукольников. Ложь Говорящего была настоящим подвигом. Неужели он, Луис, мог теперь показать себя трусом?

Он взглянул на картину, занимающую половину купола.

По дороге его взгляд зацепился за Тилу, и Луис мысленно выругался. Ее лицо выражало только восторг и удивление. Ее энтузиазм был столь же искренен, сколь лжива была отвага кзина. Неужели она была слишком глупой, чтобы бояться?

Над внутренней поверхностью кольца была атмосфера. Анализ спектра показал, что ее плотность и состав близки к земной: ею могли дышать и человек, и кзин, и кукольник. Откуда она там взялась, и как удерживалась, оставалось тайной. Нужно было просто полететь и проверить.

Вокруг звезды типа С2 не было ничего, кроме Кольца — никаких планет, астероидов или комет.

— Хорошо подчистили, — заметил Луис. — Не хотели, чтобы Кольцу что-то угрожало.

— Конечно, — согласился кукольник. — Если бы что-то столкнулось с Кольцом, это произошло бы на скорости минимум 770 миль в секунду. Какой бы ни была твердость и прочность материала, всегда есть опасность повреждения внутренней, населенной стороны.

Сама звезда была немного меньше и чуть холоднее Солнца.

— Пожалуй, нам понадобятся термические скафандры, — сказал Говорящий с Животными.

— Нет, — ответил Хирон. — Температура на внутренней поверхности терпима для всех трех наших видов.

— Откуда ты это знаешь?

— Инфракрасное излучение внешней…

— Это был глупый вопрос.

— Вовсе нет. Мы уже какое-то время изучаем Кольцо, а ты узнал о нем всего несколько минут назад. На основании инфракрасного излучения можно предположить, что температура внутренней стороны составляет около 290 градусов по абсолютной шкале. Для Луиса и Тилы это оптимум, для тебя же на десять градусов больше.

— Пусть вас не тревожит и не вводит в заблуждение наша забота о мелочах, — добавил Хирон. — Мы не согласимся на посадку, если против нее будут сами строители Кольца. Мы просто хотим, чтобы вы были готовы к любой возможности.

— Вы не знаете ничего о форме поверхности?

— К сожалению, нет. Разрешающая способность наших инструментов слишком мала.

— О многом можно догадаться, — вставила Тила. — Например, о том, что в сутках у них тридцать часов. Видимо, именно так было на их родной планете. Как по-вашему, они из этой системы?

— Мы полагаем, что да, поскольку у них нет гиперпространственного привода, — ответил Хирон. — Но, конечно, они могли перевести свою планету в другую систему, используя ту же тех-

нику, что и мы.

— Скорее всего так они и сделали, — сказал кзин, — ведь иначе при строительстве Кольца им пришлось бы уничтожить всю свою систему. Думаю, их родную систему можно найти неподалеку, точно так же освобожденную от планет, как и эта. Сначала они, конечно, заселили все подходящие для этого планеты, и только потом решились на такой отчаянный шаг.

— Отчаянный? — повторила Тила.

— Закончив строительство Кольца, они просто перевели на него все населенные планеты.

— А может и нет, — заметил Луис. — Для перевозки людей хватило бы больших кораблей.

— Почему отчаянный? — не унималась Тила.

Все посмотрели на нее.

— Я думала, они построили его потому… потому… — она заколебалась. — Потому, что хотели.

— Ради развлечения? Ради красивых пейзажей? Подумай, сколько для этого требуется энергии и материалов. И одновременно на них постоянно давила проблема перенаселенности. Когда, наконец, единственным решением стало Кольцо, они наверняка не могли себе этого позволить. И все-таки построили, потому что крайне нуждались в нем.

Тила задумчиво хмыкнула.

— Возвращается Несс, — объявил Хирон, повернулся и исчез в кустах.

7. ТРАНСФЕРНЫЕ ДИСКИ

— Да, учтивым его не назовешь — заметила Тила.

— Он явно не хотел встречаться с Нессом. Разве я не говорил? Кукольники считают его безумным.

— Они все изрядно повернутые.

— Ну, они думают иначе, но это вовсе не значит, что ты не права. Ты все еще хочешь лететь?

Тила ответила ему таким же взглядом, каким одарила, когда он пытался объяснить, что такое «бешенство сердца».

— Значит, хочешь, — печально констатировал Луис.

— Конечно. Да и кто бы не хотел? Почему только кукольники так боятся?

— Я их понимаю, — сказал кзин. — Они трусы. Но почему тогда им приспичило узнать о Кольце что-то новое? Они уже миновали его со скоростью чуть меньше скорости света, а его строители наверняка не знают гиперпространственного привода и, значит, никогда не будут представлять для кукольников никакой опасности. Я не

вполне понимаю, какую роль во всем этом должны сыграть мы.

— Ничего удивительного.

— Это оскорбление?

— Что? Нет, конечно, нет. Я только хотел сказать, что это у нас проблема с перенаселенностью, а не у вас. Откуда же вам это понимать?

— Пожалуй, верно. Тогда объясни, если можешь.

Луис огляделся по сторонам в поисках Несса.

— Несс объяснил бы это лучше меня. Ну что ж, делать нечего. Представь себе миллиард кукольников, живущих на этой планете. Сможешь?

— Я могу почувствовать каждого из них. При одной мысли о них у меня все начинает чесаться…

— А теперь представь их себе на Кольце. Что, уже лучше?

— Гмм… Да. Имея в распоряжении столько места… Но это не имеет смысла. Неужели ты думаешь, что кукольники планируют вооруженное нападение? Да и как им потом перебраться на Кольцо? Ты же знаешь, что они не доверяют космическим кораблям.

— Это, действительно, проблема. Кроме того, они же не сражаются. Но дело тут не в этом. Вопрос звучит так: опасно ли Кольцо?

— Ppp…

— Понимаешь? Может, они хотят построить свои собственные Кольца? А может, надеются, что там, в Магеллановых Облаках найдут пустые Кольца, ждущие заселения? Это вовсе не обязательно, но вполне возможно, и прежде, чем решиться на что-то, они должны знать, что это безопасно.

— Идет Несс. — Тила встала с места и подошла к невидимой стене. — Он выглядит, словно пьяный. Интересно, кукольники пьют?

Несс не рысил, как обычно, а двигался шаг за шагом на кончиках своих копыт, с преувеличенной осторожностью огибая каждую преграду. Его головы вертелись во все стороны, окидывая местность испуганным взглядом. Он был всего в нескольких шагах от купола, когда что-то похожее на большую черную бабочку село ему на спину. Несс заорал, как перепуганная женщина, и сделал рекордный прыжок с места вверх. Упав, он прокатился несколько футов и замер, свернувшись в клубок.

Луис уже мчался к нему.

— Депрессивная фаза цикла! — крикнул он через плечо. Благодаря хорошей памяти и капле везения он попал на выход из купола с первого

раза и через секунду был уже снаружи. Все цветы пахли, как кукольники. (Если вся жизнь на планете основывалась на одних и тех же составляющих элементах, то каким же образом Несс усваивал теплый морковный сок?) Луис миновал ярко-оранжевый куст и присел около кукольника.

— Это я, Луис, — сказал он. — Ты в безопасности.

Он вытянул руку и стал осторожно гладить спутанную гриву кукольника. Несс дернулся, потом вернулся в прежнее положение. Что ж, пока не было необходимости ставить кукольника лицом к лицу с враждебным миром.

— Это было что-то опасное? То, что село на тебя?

— Нет. — Чарующее контральто звучало немного приглушенно, но все равно прекрасно. — Это был просто… опылитель цветов.

— Как прошло с Теми-Которые-Правят?

Несс нервно вздрогнул.

— Я выиграл.

— Отлично. А что ты выиграл?

— Право на размножение и партнеров.

— И потому ты так боишься?

«Это не так уж невозможно, — подумал Луис. — Несс вполне может быть чем-то вроде самца

черной вдовы, для которого любовь равнялась смертному приговору… или же нервной девицы. Любого пола».

— Я мог проиграть, Луис, — сказал кукольник. — Я возражал и угрожал им.

К ним подошли Тила и кзин. Луис все это время гладил растрепанную гриву, но кукольник не шевелился.

— Те-Которые-Правят, — наконец заговорил он, — обещали дать мне право на потомство, конечно, если я вернусь из экспедиции. Но этого еще слишком мало. Чтобы иметь потомство, нужно найти партнеров. А кто по собственной воле соединится с безумным кукольником? Мне пришлось блефовать. «Найдите мне партнера, — сказал я, — или я откажусь участвовать в экспедиции. А если откажусь я, то же самое сделает кзин». Это привело их в ярость.

— Представляю! Ты, наверное, был в маниакальном состоянии.

— Я специально довел себя до него и угрожал разрушить все их планы. Они уступили. «Должен найтись доброволец, — сказал я, — который решится стать моим партнером».

— Отлично. Ты здорово их разыграл. И что, нашлись добровольцы?

— Один из наших полов является… имуществом, собственностью. Его представители не имеют разума, поэтому требовался только один доброволец. Те-Которые-Правят…

— Почему ты не скажешь просто «предводители» или «правители»? — прервала его Тила.

— Я стараюсь как можно точнее перевести наши термины, — ответил кукольник. — Вообще-то это нужно переводить так: «Те-Которые-Правят-Сзади». Среди них избирается один предводитель или Говорящий-За-Всех… В точном переводе его титул «Лучше-Всех-Спрятанный». Так вот, именно Лучше-Всех-Спрятанный согласился стать моим партнером. Он сказал, что не может требовать такой жертвы ни от кого другого.

Луис протяжно свистнул.

— Да, это действительно кое-что. Действительно… Лучше, чтобы ты дрожал сейчас, когда все позади.

Несс как будто немного расслабился.

— Только вот это местоимение, — продолжал Луис. — Теперь либо о тебе, либо о Лучше-Всех-Спрятанном я должен начать думать как о *ней*, а не о *нем*.

— Это крайне неделикатно с твоей стороны, Луис. С представителем чужой расы не говорят

о вопросах пола. — Одна питонья голова неодобрительно уставилась на Луиса. — Например, вы с Тилой не стали бы спариваться в моем присутствии, правда?

— Интересно, что однажды мы обсуждали эту тему…

— Я оскорблен, — заявил кукольник.

— Но чем же? — воскликнула Тила. Голова мгновенно нырнула в безопасное укрытие. — Ну, успокойся же! Ведь я тебе ничего не сделаю.

— Правдиво?

— Правди… то есть, правда. Я считаю, что ты большой хитрец.

Кукольник распрямился.

— Мне показалось, или ты действительно назвала меня хитрецом?

— Ага. — Она посмотрела вверх на оранжевое тело кзина и великодушно добавила: — И ты тоже.

— Я бы не хотел, чтобы ты обиделась, — сказал кзин, — но никогда больше так не говори. Никогда.

На лице Тилы появилось выражение искреннего удивления.

Парк окружала оранжевая изгородь высотой футов десять с безвольно свисающими щупаль-

цами. Судя по их виду, когда-то изгородь была плотоядной. Несс решительно направился к ней.

Луис ожидал, что в изгороди вот-вот появится какой-то проход, поэтому буквально окаменел, заметив, что Несс идет прямо на оранжевую стену. Стена расступилась, пропустив кукольника, и тут же сомкнулась снова.

Они не колеблясь последовали за ним.

Мгновенье назад небо над их головой было светло-голубым, но едва они оказались по другую сторону, оно стало черно-белым. На черном фоне вечной ночи сверкали, подсвеченные огнями города, белые облака. Итак, они были в городе.

На первый взгляд единственным, что отличало его от земных городов, были размеры. Здания были больше и однообразнее; прежде всего, они были выше, и почти доставали до неба, и казалось, что освещенные окна и балконы поднимаются бесконечно, чтобы где-то на страшной высоте закончиться линией того, что было здесь горизонтом, а находилось почти в зените. Здесь, может быть, уже были прямые углы, которые было бы бесполезно искать внутри зданий. Но углы эти были слишком большими, чтобы разбить о них колено.

Однако, как получалось, что город не занял

кусочек неба над парком? На Земле было немного зданий высотой более мили, здесь же не было ни одного меньше. Луис сообразил, что парк окружает целая система полей, искривляющих свет, однако спрашивать не стал — это было самое маленькое из чудес планеты кукольников.

— Наш корабль находится на другой стороне острова, — сказал Несс. — С помощью трансферных дисков мы можем добраться туда за минуту. Я покажу вам.

— Ты уже пришел в себя?

— Все в порядке, Тила. Как сказал Луис, худшее уже позади. — Кукольник слегка подпрыгивал в нескольких метрах от них. — Я буду заниматься любовью с Лучше-Всех-Спрятанным. Вот только вернусь с Кольца…

Тропа была мягкой и удобной. Она походила на бетонную, но пружинила под ногами, словно влажная земля. Наконец, они добрались до конца необычайно длинной стены и оказались на чем-то вроде перекрестка.

— Идем туда, — сказал Несс, указывая перед собой. — Не становитесь на первый диск, а идите за мной.

Посреди перекрестка находился большой голубой четырехугольник. На каждой из его сторон,

прямо напротив выходов улиц, виднелся голубой диск.

— Если хотите, можете встать на четырехугольник, — сказал месс, — но смотрите, не станьте не на тот диск.

Он обошел ближайший диск, пересек по диагонали четырехугольник, взошел на диск по другую сторону и исчез.

Мгновенье никто не шевелился, потом Тила испустила дикий крик торжествующего вампира, вбежала на тот же диск и тоже исчезла.

Говорящий фыркнул что-то на Языке Героев и прыгнул. Ни один тигр не сумел бы прицелиться лучше. Луис остался один.

— О, демоны Страны Туманов, — удивленно буркнул он. У них открытые трансферные кабины…

Он двинулся вперед и оказался в голубом квадрате на следующем перекрестке, между кукольником и кзином.

— Твоя партнерша вырвалась вперед, — сказал Несс. — Надеюсь, она подождет нас.

Кукольник сошел с квадрата и через три шага оказался на другом диске. И снова исчез.

— Что за мысль! — восхищенно воскликнул Луис, но его уже никто не слушал, поскольку кзин

последовал за Нессом. — Просто идешь — и все. Три шага и прыжок. И можно прыгать так далеко, как захочешь. Чудеса!

И он сделал три шага.

Это было так, будто на ногах у него семимильные сапоги. Он неторопливо бежал вперед, и через каждые три шага пейзаж вокруг менялся. Круглые знаки на углах зданий оказались адресными кодами, и каждый путешественник легко мог сориентироваться, где он находится.

Вдоль улиц тянулись шеренги витрин, которые Луис был бы не прочь осмотреть. А может, это были вовсе не витрины, а что-то другое? Однако, все остальные значительно опередили его, и он ускорил шаги, пытаясь их догнать.

Через некоторое время он оказался лицом к лицу со своими чужаками.

— Я боялся, ведь ты не знаешь, где свернуть, — сказал Несс и вскочил на диск слева.

— Подождите… — но кзин тоже исчез. Где, черт побери, была Тила?

Наверняка, где-то впереди. Луис сделал шаг влево…

Семимильные сапоги… Город проплывал мимо, словно во сне. Луис бежал, а в голове у него прыгали дикие мысли. Разноцветные трансферные

диски действовали на разные расстояния. Одни дальние, на сто миль, каждый в центре города, другие ближние, на каждом перекрестке. С перекрестка на перекресток, из города в город, с острова на остров, с континента на континент…

Открытые трансферные кабины… Кукольники достигли поразительно высокого уровня развития… Каждый диск был диаметром в ярд и срабатывал, как только на него становились. Один шаг, и ты приземляешься в совершенно другом месте. Какими смешными выглядели в сравнении с этим движущиеся тротуары!

В воображении Луиса возник образ гигантского кукольника, высотой в несколько сотен миль, осторожно и грациозно перескакивающего с острова на остров. Даже очень осторожно, ибо промахнувшись он мог бы замочить свои копытца… Чудовищный кукольник рос и рос… Теперь он перескакивал уже с планеты на планету…

Кукольники *действительно* достигли поразительно высокого уровня развития.

Наконец, диски кончились. Луис стоял на берегу спокойного черного океана, а над горизонтом поднимались четыре огромные луны. На полпути к горизонту миллиардами огней сверкал очередной остров. Чужаки ждали его.

— Где Тила?

— Понятия не имею, — ответил Несс.

— О, толстые лапы Финагла! Несс, как ее теперь искать?

— Это она должна нас найти. Беспокоиться не о чем. Когда…

— Она потерялась на совершенно чужой планете! Все может случиться!

— Только не здесь, Луис. Во всей Вселенной нет места более безопасного, чем это. Когда Тила доберется до берега острова, она убедится, что диски, которые должны перенести ее на следующий, не действуют. Тогда она пойдет вдоль берега, пока не попадет на нужный, который будет действовать!

— Ты думаешь, речь идет о компьютере! Это двадцатилетняя девушка!

Рядом с ним появилась Тила.

— Привет! Я немного заблудилась. Что-то случилось?

Говорящий одарил его насмешливой ухмылкой. Луис, стараясь избежать вопросительно-любопытного взгляда Тилы, почувствовал, что краснеет, но Несс сказал только:

— Идите за мной.

И они пошли. У самого берега находился коричневый пятиугольник. Они взошли на него…

Теперь они стояли на голой, ярко освещенной скале. Точнее, это был островок размером с частный космодром. Посередине поднималось высокое здание, а рядом стоял одинокий корабль.

— Вот он, — объявил Несс.

Тила и Говорящий с Животными были явно разочарованы: уши кзина почти целиком исчезли в оранжевом мехе, а Тила обернулась и взглянула на остров, с которого они только что прибыли. Зато Луис наконец-то расслабился. Ему уже надоели чудеса. Трансферные диски, огромный город, четыре планеты, висящие над горизонтом… все это подавляло. Зато корабль — нет. Это был корпус «Дженерал Продактс» N2, посаженный на треугольное крыло, из которого торчали знакомые дюзы двигателей. Наконец, хоть что-то привычное.

Кзин позаботился о том, чтобы благое чувство привычности исчезло так же быстро, как и появилось.

— Если взглянуть на него с точки зрения кукольников, то это довольно странная конструкция. Разве ты не чувствовал бы себя безопаснее, если бы все агрегаты корабля находились под прикрытием корпуса?

— Нет. Этот корабль — нечто совершенно новое. Идемте, я вам покажу.

Замечание кзина было не лишено смысла.

«Дженерал Продактс», корпорация, целиком принадлежащая кукольникам, торговала самыми разными вещами, но главным товаром с незапамятных времен были корпуса космических кораблей. Имелись четыре разновидности: от шара размером с баскетбольный мяч до шара с диаметром больше тысячи футов. Именно таким корпусом был снабжен «Счастливый Случай». Корпус N3 — цилиндр со скругленными торцами — отлично подходил для универсальных пассажирских кораблей. Именно такой корабль несколько часов назад высадил их на планету кукольников. Корпус N2 напоминал узкую, заостренную на концах сигару, как правило, он был одноместным.

Корпуса «Дженерал Продактс» свободно пропускали видимый свет, но были непреодолимы для электромагнитной энергии любого другого вида, а также для всех видов материи. Корпорация ручалась за это своей репутацией, а репутация эта пережила уже сотни лет и миллионы кораблей. Корпус «Дженерал Продактс» сам по себе являлся крепчайшей гарантией безопасности.

У корабля, стоящего перед ними, был корпус «Дженерал Продактс» N2, однако, насколько видел Луис, внутри у него были только системы жизнеобеспечения и комплекс машин гиперпространственного привода. Все остальное — малые и большие плазменные двигатели, навигационная аппаратура, излучатели тяги и тормозные двигатели — размещалось на большом треугольном крыле.

Более половины систем, жизненно необходимых для корабля, располагались вне корпуса. Почему бы не использовать более крупный корпус и не разместить все внутри?

Кукольник подвел их к свисающей корме.

— Нам не хотелось нарушать корпус, — сказал он.

Сквозь прозрачную оболочку Луис заметил толстый пучок кабелей: они выходили наружу и расползались по всему крылу, и выглядело все это достаточно сложно. Только потом он заметил двигатель, который мог втянуть всю эту путаницу внутрь, и люк, готовый в любую секунду закрыть отверстие.

— Корпус обычного корабля пришлось бы дырявить во многих местах, — продолжал кукольник. — А в этом — всего два отверстия:

входной люк и тот, который вы видите. Через первый входят и выходят пассажиры, а через второй — информация. Оба могут быть в случае необходимости плотно закрыты. Наши инженеры покрыли внутреннюю поверхность корпуса слоем прозрачного проводника и, когда закрыты оба выхода, создается единая проводящая поверхность.

— Статическое поле, — догадался Луис.

— Вот именно. В случае опасности вся внутренность корпуса на несколько десятков секунд подвергается действию статического поля Славера, благодаря чему с пассажирами ничего плохого не случается. Мы не настолько глупы, чтобы доверять устойчивости самого корпуса. Луч лазера, работающего в области видимого света, может без труда пройти сквозь оболочку, убивая пассажиров и не причиняя ни малейшего вреда самому кораблю. То же самое с антиматерией — один корпус тут не поможет.

— Я и понятия не имел об этом.

— Потому что никто об этом особо не говорит.

Луис присоединился к кзину, который все это время осматривал направленные вниз трубы дюз:

— Зачем столько двигателей?

— Разве люди забыли Урок Кзинов? — фыркнул Говорящий с Животными.

— Гмм… Каждый кукольник, знакомый с историей людей и кзинов, должен об этом знать. Любой привод одновременно является средством уничтожения, с эффективностью, прямо пропорциональной его исправности, — ответил кукольник. Эти дюзы могли служить для самых мирных целей, но в них дремала грозная сила.

— Теперь я знаю, где ты научился пилотировать корабль с плазменным двигателем.

— Полагаю, нет ничего странного, что я прошел обычное военное обучение, — заметил кзин.

— На случай очередной войны с людьми.

— Может, показать *чему* меня научили?

— У тебя еще будет возможность, — прервал его Несс. — Наши инженеры приспособили систему управления к требованиям кзинов. Хочешь взглянуть?

— Пожалуй, да. Кроме того, мне нужны все данные о пробных полетах, записи приборов и так далее. Вы поставили стандартный гиперпространственный привод?

— Да. И никаких пробных полетов не было.

«Это типично, — подумал Луис, когда они подходили к люку. Они построили корабль и

поставили его здесь, чтобы мы прилетели и забрали его. Ни один кукольник не осмелился бы испытать его».

Но куда подевалась Тила?

Он уже открыл рот, чтобы спросить об этом вслух, когда девушка появилась из ниоткуда на трансферном диске. Все это время она где-то прыгала, совершенно не интересуясь кораблем. Она поднялась с ними на борт, но все поглядывала через плечо на сверкающий на горизонте город кукольников.

Луис ждал ее у шлюза, собираясь устроить нагоняй. Она уже потерялась один раз, и этого должно было хватить.

Дверь открылась и вошла сияющая Тила.

— Ох, Луис, я так рада, что прилетела сюда! Этот город… он… чудесный! — Она схватила его руки и изо всех сил сжала их. Улыбка ее была, как луч солнца.

— Я тоже рад, — ответил Луис и крепко поцеловал ее, не в силах начать выговор. Они обнялись и подошли к пульту управления.

Теперь он был совершенно уверен: Тилу Браун никто и никогда не обижал. Она просто не знала, что иногда можно и нужно бояться. Первая боль, которую она испытает, будет для нее шокирую-

щим и непонятным переживанием. А может и просто уничтожить ее.

Луис Ву решил сделать все, чтобы такое никогда не произошло.

— Бог не опекает глупцов. Глупцов опекают еще большие глупцы.

Корпус «Дженерал Продактс» N2 был двадцати футов в ширину, ста футов в длину и сужался к концам.

Большинство агрегатов корабля были вне корпуса, на тонком и слишком большом крыле. Сам корпус был достаточно велик, чтобы вместить три кабины, длинный, расширяющийся в одном месте коридор, рулевую рубку, кухню и множество ящичков, батарей, вспомогательных устройств и так далее, и тому подобное. Пульт управления был сделан с расчетом, что пилотом корабля будет кзин. Правда, Луису показалось, что в случае опасности он тоже справился бы, но эта опасность должна была быть действительно большой.

В ящичках находилось великое множество различных исследовательских инструментов, но не было ничего такого, про что можно было бы сказать: «Это оружие». Правда, многие вещи вполне могли бы служить оружием. Кроме того,

Луис заметил четыре воздушных скутера, четыре реактивных ранца, приборы для анализа продуктов и проб воздуха, медицинские приборы, фильтры… Кто-то был дьявольски уверен, что этот корабль все-таки где-то приземлится.

А почему бы и нет? Существа настолько могучие, что построили Кольцо, и одновременно запертые как в тюрьме из-за отсутствия гиперпространственного привода, могли и пригласить их к себе. Может, именно этого и ждали кукольники.

На борту не было ничего, на что Луис мог бы показать пальцем и уверенно сказать: «Это не оружие».

Экипаж корабля состоял из представителей трех видов; точнее, четырех, если мужчину и женщину относить к разным видам, а именно так могли воспринимать это и кзин, и кукольник… (Допустим, что Несс и Лучше-Всех-Спрятанный были одного пола. Разве не могло быть так, что для оплодотворения нужны два самца и одна не имеющая разума самка?) Благодаря этому строители Кольца могли с первой же минуты понять, что разные расы вполне могут мирно сосуществовать.

Однако слишком уж много инструментов из

снаряжения корабля можно было использовать как оружие.

Они стартовали на инерционном приводе, чтобы случайно не уничтожить островка, и спустя полчаса были уже за пределами притяжения розетты кукольников. Только тогда Луис осознал, что кроме Несса и переданного в купол изображения Хирона, они не видели ни одного кукольника.

После перехода в гиперпространство Луис провел более полутора часов, внимательно разглядывая содержимое ящиков. Лучше удивиться сейчас, чем потом, сказал он себе. Однако весь этот арсенал и прочее снаряжение вызвали у него сначала неудовольствие, а потом и дурные предчувствия.

Слишком много оружия, и в то же время каждую вещь можно было использовать для чего-то другого. Легкие лазеры… Плазменные двигатели… Когда в первый день полета в гиперпространстве они крестили свой корабль, Луис предложил назвать его «Отчаянный Лгун». Тила и Говорящий по каким-то своим причинам поддержали его, а Несс по каким-то своим не воспротивился.

Они провели в гиперпространстве целую неделю, преодолели расстояние в два с половиной

световых года, а когда вернулись в обычное пространство, оказались возле желтой звезды типа C2, окруженной голубым кольцом. Дурные предчувствия ни на секунду не покидали Луиса.

Кто-то был дьявольски уверен, что они все-таки высадятся на Кольцо.

8. КОЛЬЦО

Планеты кукольников мчались на север Галактики со скоростью, близкой к световой. Говорящий с Животными, введя корабль в гиперпространство, повернул на юг, и когда «Лгун» вернулся в эйнштейновское пространство, то он с огромной скоростью мчался прямо на звезду, опоясанную таинственной конструкцией.

Она светила ослепительным белым светом, весьма напоминая Солнце, видимое с орбиты Плутона. Однако у этой звезды было еще едва заметное гало. Луис подумал, что никогда не забудет этого зрелища — именно так выглядело Кольцо, наблюдаемое невооруженным глазом.

Кзин тормозил всеми дюзами, используя кроме главных двигателей малые вспомогательные. «Лгун» мчался вперед, словно комета, теряя скорость с перегрузкой в 200 «же».

Тила понятия не имела об этом, поскольку Луис ничего ей не сказал, не желая беспокоить. Если бы вдруг исчезла искусственная гравитация, их просто раздавило бы, как тараканов.

Однако, искусственная гравитация действовала

отлично, имитируя небольшое тяготение, такое же, как на планете кукольников. Под ногами они чувствовали едва заметную приглушенную дрожь, а до ушей доносилось низкое гудение. Звуки работы двигателей попадали внутрь корабля через единственное отверстие, в которое выходил пучок кабелей, и были слышны везде.

Даже во время полета в гиперпространстве кзин не включал поляризацию корпуса. Он любил видеть все вокруг себя, и то, что он видел, явно не производило на него особого впечатления. Поэтому-то корабль все время был прозрачен — кроме кабин — отчего представлял собой зрелище достаточно удивительное.

Постепенно переходящие друг в друга стены, полы, и потолки коридора и рулевой рубки были даже не прозрачны, а попросту невидимы. В чем-то, что казалось абсолютной пустотой, находились твердыни телесности — кзин в своем кресле-кровати, окруженный подковой зеленых и оранжевых приборов, горящие неоновым светом края дверей, койки в коридоре, выполнявшем одновременно роль кают-компании, на корме — матовые стены кабины и, разумеется, большой треугольник крыла. Вселенная казалась очень близкой… и в то же время статичной,

поскольку окруженное кольцом солнце светило прямо перед кормой, скрытое за непроницаемыми стенами кабин, и они не могли видеть, как оно растет с каждой минутой.

Воздух пахнул озоном и кукольниками.

Несс, который должен был корчиться от страха, представляя себе двухсоткратные перегрузки, спокойно сидел вместе со всеми за столом, поставленном в расширении коридора.

— Они наверняка не знают гиперпространственных волн, — рассуждал он. — Это гарантирует математика, на которую опирается их система. Кроме того, гиперпространственная волна является обобщением математики гиперпространственного привода, а они его тоже не знают.

— Но они могли открыть его случайно.

— Нет, Тила. Впрочем, мы можем что-нибудь послушать, поскольку все равно заняться нечем. Но…

— Только ждать и ждать! — Тила вскочила с места и выбежала из помещения.

В ответ на вопросительный взгляд кукольника Луис только пожал плечами.

Тила была в отвратительном настроении. Неделя, проведенная в гиперпространстве, довела

ее почти до истерики, а перспектива еще полутора дней полного бездействия — сводила с ума. Однако чего она хотела от Луиса? Разве он мог изменить ради нее законы физики?

— Мы должны ждать, — подтвердил со своего места за пультом Говорящий. Скорее всего, он не обратил внимания на тон, которым Тила произнесла свои последние слова. — Никаких гиперволновых передач. Я гарантирую, что обитатели Кольца даже не пытаются связаться с нами. Во всяком случае, не таким способом.

Вопрос установления контакта вырос до ранга главной проблемы. Пока им не удастся договориться со строителями Кольца, их присутствие в обитаемой звездной системе будет похоже на шпионаж. Однако до сих пор ничто не указывало на то, что их заметили.

— Я слушаю непрерывно, — сказал кзин. — Если они захотят связаться с нами с помощью электромагнитных волн, я их наверняка услышу.

— Если только они попробуют что-то знакомое.

— Верно. Многие расы пользовались длиной волны холодного водорода.

— Как, скажем, кдалтино. Они очень элегантно обнаружили нас.

— А мы очень элегантно их завоевали.

В Космосе радио звучит голосами звезд: тишина царит только на волне двадцать один сантиметр, очищенной неисчислимыми кубическими световыми годами холодного межзвездного водорода. Каждая мыслящая раса, желающая связаться с другими существами, воспользовалась бы именно этой волной. К сожалению, выбрасываемый дюзами «Лгуна» водород с температурой Новой глушил именно эту волну.

— Помните, — сказал Несс, — что наша орбита не должна проходить сквозь Кольцо.

— Ты повторял это много раз. У меня хорошая память.

— Мы не можем позволить, чтобы жители Кольца сочли нас угрозой для своего существования. Надеюсь, ты об этом не забудешь.

— Ты кукольник, и потому не веришь никому и ничему.

— Спокойно, спокойно, — утомленно прервал их Луис. Эти придирки были развлечениями, без которых отлично можно обойтись. Он направился в свою кабину, чтобы поспать.

Шли часы. «Лгун», перед которым бушевало плазменное пламя, все медленнее падал к таинственной звезде.

Во внимательные глаза инструментов не попадал ни один модулированный луч света. Жители Кольца либо до сих пор не заметили «Лгуна», либо не пользовались лазерами в качестве наблюдательных приемопередающих устройств.

Эту неделю Говорящий часто проводил свободное время с людьми. Луис и Тила полюбили его кабину. В ней царила несколько большая гравитация, стены украшали голограммы, изображающие желто-оранжевые джунгли и старинные таинственные крепости, а в воздухе плавали острые непривычные запахи чужого мира. В своей собственной кабине они могли видеть сельские пейзажи и океанские поля, наполовину покрытые генетически укороченными водорослями. Кзину это нравилось гораздо больше, чем им самим.

Как-то они попытались даже поесть вместе, но кзин ел как оголодавший волк, а кроме того, жаловался, что их пища пахнет подгоревшим мусором, и затею пришлось бросить.

Сейчас Тила и кзин разговаривали вполголоса за одним концом стола, а за другим Луис вслушивался в тишину и приглушенный звук работающих двигателей.

Он уже привык к тому, что его жизнь зависит

от четкой работы системы искусственного тяготения. Его собственная яхта могла выдержать перегрузки порядка 30 «же», правда, на ней не было слышно работы двигателей.

— Несс… — прервал он мурлыканье рукотворных солнц, пылающих за стеной корабля.

— Да, Луис?

— Скажи, что ты знаешь о гиперпространстве такого, о чем мы не имеем понятия?

— Не понимаю.

— Гиперпространство пугает тебя. Зато полет на колонне солнечного огня — нет. Вы построили «Счастливый Случай» и, значит, должны знать о гиперпространстве такое, чего не знаем мы.

— Возможно, все именно так, как ты говоришь.

— Тогда скажи, что это? Если, конечно, это не тайна.

Тила и Говорящий прервали беседу. Уши кзина, обычно почти невидимые, развернулись двумя прозрачными оранжевыми зонтиками.

— Мы знаем, что в нас нет ничего бессмертного, — сказал Несс. — Я не говорю о твоей расе — не имею права. В нас же нет никакой бессмертной частицы. Наши ученые доказали это уже давно. Мы боимся смерти, потому что знаем — это конец.

— И?..

— Корабли уходили в гиперпространство и исчезали. Ни один кукольник никогда не приблизился бы к области действия аномалии, и все же корабли не возвращались. По крайней мере тогда, когда на борту были экипажи. Я верю инженерам, которые построили «Лгуна», значит, верю и генераторам искусственной гравитации. Они нас не подведут. Но даже наши инженеры боятся гиперпространства.

Потом пришла «ночь», которую Луис кое-как проспал, а за ней «день», во время которого Луис и Тила пришли к выводу, что не могут больше смотреть друг на друга. Тила не боялась, и Луис подозревал, что никогда не заметит у нее ни малейших признаков страха. Ей было просто ужасно скучно.

В тот вечер «Лгун» повернулся на 180 градусов. Звезда, цель их путешествия, величественно выползла из-за кормы: белая, менее яркая, чем Солнце, окруженная узкой, местами голубой, ленточкой.

Все столпились за спиной Говорящего, следя, как кзин включает экран телескопа. Он нашел голубую ленту внутренней поверхности Кольца, коснулся выключателя…

…и почти сразу разрешилась одна из мучивших их загадок.

— Там что-то на краю! — сказал Луис.

— Держи это на экране, — приказал кукольник.

Грань Кольца увеличивалась все сильнее, вдоль края виднелась стена, тянувшаяся перпендикулярно к его поверхности, в сторону Солнца. Они видели ее наружную, темную поверхность на фоне голубого пейзажа. Низкий барьер, но низкий только в сравнении с размерами Кольца.

— Если его ширина составляет миллион миль, — вслух считал Луис, — то стена должна быть, по крайней мере, тысячу миль высоты. Что ж, теперь мы знаем, как там удерживается атмосфера.

— А этого хватит?

— Должно хватить. Центробежная сила создает тяготение порядка 1 «же». Немного воздуха, наверняка, уходит, но потерю можно восполнить. Тем более, что для строительства стены они должны были овладеть какой-то невероятно дешевой технологией превращения материи. Это помимо всего прочего.

— Интересно, как это выглядит изнутри.

Говорящий коснулся другой кнопки, и картина

начала перемещаться. Увеличение было слишком мало, чтобы разглядеть детали — по экрану замелькали всевозможные оттенки голубого и синего…

Затем появился другой край. На этот раз они смотрели на внутреннюю сторону стены.

Несс сунул обе головы под лапы кзина и потребовал:

— Дай максимальное увеличение.

Изображение рванулось к ним.

— Горы! — воскликнула Тила. — Как здорово!

Стена была неправильной, изъеденной, как эродированная скала, а цветом напоминала Луну.

— Горы высотой в тысячу миль…

— Больше мы ничего не разглядим. Нужно приближаться.

— Сначала попробуем поговорить, — сказал кукольник. — Мы уже затормозились?

Кзин проверил данные компьютера.

— Мы сближаемся со звездой со скоростью около тридцати миль в секунду. Это достаточно медленно?

— Да. Начни передачу.

На «Лгуна» по-прежнему не упал еще ни один лазерный луч.

Труднее оказалось с другими диапазонами. Радиоволны, ультрафиолетовое, инфракрасное, рентгеновское излучение — все нужно было проверить, весь спектр, начиная с температуры внешней поверхности Кольца и кончая теплом, излучаемым звездой. Волна 21 сантиметр была пуста, так же как и частоты кратные ей, которые могли быть использованы именно потому, что волна холодного водорода была *настолько* очевидна. Проверив все это, оставалось рассчитывать только на удачу.

Из крыла «Лгуна» выдвинулись антенны и излучатели, и началась бомбардировка внутренней поверхности Кольца всевозможными радиоволнами, слабыми лучами лазера, и даже плазменные двигатели передавали пульсирующими точками и тире информацию, закодированную азбукой Морзе.

— Наш компьютер рано или поздно справится с переводом любого сигнала, — сказал Несс. — Можно предположить, что их устройства по крайней мере настолько же хороши.

— А может твой дебильный компьютер перевести полное молчание? — язвительно спросил Говорящий с Животными.

— Передавай в сторону края. Если у них вообще

есть космопорты, они должны быть именно там. Посадка в любом другом месте была бы связана с огромной опасностью.

Кзин фыркнул что-то оскорбительное на Языке Героев, и на этом обмен мнениями закончился. Однако, кукольник остался на месте, крутя во все стороны своими головами.

Голубая лента бесшумно неслась под кораблем.

— Ты хотел рассказать мне о сфере Дайсона, — напомнила Тила.

— А ты посоветовала мне заняться ловлей блох. — Луис нашел описание сферы Дайсона в библиотеке корабля. Это так его взволновало, что он совершил непростительную ошибку и нарушил задумчивость Тилы, чтобы рассказать об этом.

— Расскажи сейчас.

— Займись лучше ловлей блох.

Она терпеливо ждала.

— Ну, ладно, — сдался он наконец. Уже полчаса он тупо смотрел на величественно движущееся Кольцо, и это наскучило ему не меньше, чем ей.

— Я просто хотел сказать тебе, что Кольцо является конструктивным компромиссом между сферой Дайсона и обычной планетой. Дайсон был

одним из старых философов, кажется, еще предатомных. Он выдвинул гипотезу, что развитие цивилизаций лимитировано энергией, которой она может располагать. Если человечество хочет использовать всю возможную энергию, оно должно построить вокруг Солнца огромную сферу, не выпускающую наружу ни одного кванта света. Если бы хоть на секунду ты перестала хохотать, то поняла бы, в чем дело. На Землю попадает всего около одной миллиардной части энергии, излучаемой Солнцем. Если бы можно было использовать ее целиком… Тогда эта мысль не казалась безумной. Не было даже теоретических разработок гиперпространственного привода. Впрочем, если помнишь, их не было *никогда*, поскольку не мы его изобрели. И никогда не сделали бы этого — кому пришло бы в голову ставить эксперименты за пределами нашей местной аномалии? Что бы произошло, если бы корабль Внешних не приземлился на Нашем Деле? Что бы случилось, если бы не был создан Совет Человечества или если бы не удалось провести в жизнь его постановления? Как думаешь, сколько бы мы выдержали, имея на Земле миллиарды людей, а как средство коммуникации — корабли с термоядерными двигателями? Всего водорода земных

океанов нам хватило бы не более, чем на сто лет. Но сфера Дайсона — это не только способ перехватывать всю солнечную энергию. Допустим, что ее диаметр составляет одну астрономическую единицу. Как строительный материал мы используем все планеты, поскольку все равно нужно будет очистить всю систему. Получим скорлупу из, скажем, хромистой стали, толщиной в несколько ярдов. Теперь на ее внутренней поверхности расставим генераторы тяготения. Получим поверхность в миллиард раз больше поверхности Земли. Миллиарды людей могли бы бродить по ней всю жизнь и не встретить ни одной живой души.

— Генераторы гравитации нужны для того, чтобы все стояло на земле?

— Да. Внутреннюю поверхность покрывали бы слои почвы.

— А если бы такой генератор вдруг перестал действовать?

— Если бы у тетки были усы… Что ж, тогда миллиарды людей полетели бы прямо на Солнце. Вместе с воздухом, почвой и всем прочим. Возник бы гигантский вихрь, способный поглотить целую планету. Шансов на спасение не было бы.

— Это мне вовсе не нравится, — убежденно

заявила Тила.

— Только спокойно. Есть способы уменьшить вероятность такой аварии почти до нуля.

— Дело не в этом. Мы бы не видели звезд.

Об этом Луис не подумал.

— Неважно. Самое главное в сфере Дайсона то, что рано или поздно каждая развивающаяся цивилизация приходит к моменту, когда начинает нуждаться в ней. Технические цивилизации с течением времени используют все больше энергии. Кольцо вроде этого является компромиссом между сферой Дайсона и нормальной планетой: приобретается только часть дополнительной площади, и перехватывается только часть энергии, зато можно видеть звезды и не беспокоиться о генераторах гравитации.

Из рубки доносилось гневное фырканье кзина, достаточно громкое, чтобы выдавить через шлюз весь воздух с корабля. Тила захохотала.

— Если кукольники рассуждают так же, как Дайсон, — продолжал Луис, — они могут ожидать, что в Магеллановом Облаке встретят сотни или даже тысячи таких колец.

— И поэтому им потребовались мы.

— Я боюсь держать пари, в котором речь идет о мыслях кукольника, но на этот раз, пожалуй,

рискнул бы.

— Теперь меня не удивляет, что ты все время сидел, уткнувшись в читник.

— Это наглость! — вдруг закричал кзин. — Оскорбление! Нас сознательно игнорируют! Провоцируют на атаку!

— Невозможно, — запротестовал Несс. — Если ты не можешь обнаружить радиоизлучение, значит, они не пользуются радио. То же самое касается лазеров.

— Не имеют радио, не имеют лазеров, не имеют гиперпространственных волн! Как же тогда они общаются? Телепатией? Гонцами? Зеркалами?

— У них есть попугаи, — подсказал Луис. — Огромные попугаи, разводимые специально. Они слишком велики, чтобы летать, сидят на вершинах гор и кричат друг другу.

Кзин повернулся и посмотрел Луису прямо в глаза.

— Четыре часа я пытаюсь установить какой-либо контакт. Четыре часа меня совершенно игнорируют. Мне не ответили ни одним словом, ни одним сигналом. У меня дрожат все мускулы, мех растрепался и поблек, глаза слезятся, мне мало места, а моя микроволновая кухня подогревает все до одной и той же температуры, и я не

знаю, как ее исправить. Если бы не твоя помощь, я наверняка впал бы в отчаяние.

— Неужели они растеряли все достижения своей цивилизации? — задумчиво сказал Несс. — Это было бы довольно глупо, принимая во внимание все остальное.

— Может, они просто вымерли, — с ненавистью сказал кзин. — Это тоже было бы глупо. Но самая большая глупость, что они не хотят с нами контактировать. Мы сядем и выясним, в чем тут дело.

— Садиться? В месте, которое, возможно, убило тех, кто там жил? — в ужасе пропел кукольник. — Ты сошел с ума!

— А как еще можно что-нибудь узнать?

— Вот именно! — поддержала кзина Тила. — Не затем мы тащились в такую даль, чтобы теперь летать по кругу.

— Я не согласен. Говорящий, продолжай попытки установить контакт.

— Я уже их закончил.

— Значит, начни сначала.

— Нет.

Было самое время, чтобы в разговор включился Луис Ву, дипломат-доброволец.

— Только спокойно, меховушка. Несс, он прав.

Обитателям Кольца нечего сказать нам. Если бы было, они сумели бы найти способ, чтобы передать это.

— Но что нам остается, кроме дальнейших попыток?

— Нужно заняться своими собственными делами. Дадим им еще время подумать.

Кукольник неохотно кивнул головами.

Они продолжали полет с черепашьей скоростью.

Говорящий направил нос «Лгуна» так, чтобы корабль прошел мимо края Кольца — это была уступка Нессу. Кукольник опасался, что гипотетические жители Кольца могли бы воспринять полет над его внутренней поверхностью как угрозу. Настоял он и на том, чтобы не пользоваться большими плазменными двигателями, поскольку они выглядели опасным оружием.

Трудно было оценить масштаб того, что они видели. За эти несколько часов Кольцо изменило положение, но это происходило слишком медленно, а в искусственной гравитации корабля, нивелирующей все изменения ускорения, внутреннее ухо не информировало организм о каком-либо движении. Время текло капля за каплей, и Луис Ву впервые после отлета с Земли

готов был грызть ногти.

Наконец, Кольцо повернулось к «Лгуну» краем. Говорящий вышел на круговую орбиту вокруг солнца, после чего слегка подтолкнул корабль к Кольцу.

Вскоре край Кольца вырос из тонкой линии в огромную черную стену высотой в тысячу миль, лишенную каких-либо деталей, хотя они все равно прошли бы мимо их внимания, размазанные огромной скоростью. В полутысяче миль от них, заслоняя собой четверть неба, чудовищная стена мчалась со скоростью 770 миль в секунду. Спереди и сзади она исчезала, истончаясь до бесконечности, чтобы где-то высоко расшириться до голубой нереальной ленты.

Глядя на это чудовищное творение технологии, Луис попадал в другую вселенную. Вселенную идеально параллельных линий, прямых углов и других геометрических абстракций. Он, словно загипнотизированный, смотрел в точку, где стена истончалась так, что становилась практически не видна, а пройдя ее — растекалась ошеломляющей голубизной.

Было это началом или концом? Исчезала ли черная стена в этом месте, или же появлялась?

…что-то мчалось на них именно из этой точки,

из бесконечности.

Это была острая грань, вырастающая из стены, как очередная абстракция, а на ней — ряд черных отверстий, одно возле другого. Они мчались прямо на «Лгуна», прямо на Луиса. Он закрыл глаза и прикрыл лицо ладонями. Кто-то тихо, испуганно застонал.

Вот-вот должна была прийти смерть, а когда она так и не пришла, он открыл глаза. Отверстия проплывали под ним; каждое из них имело в диаметре не менее пятидесяти миль.

Несс лежал, свернувшись в плотный шар. Тила, упершись руками в прозрачную стену, остолбенело смотрела вперед, а Говорящий как ни в чем не бывало сидел за пультом. Вероятно, он единственный из них правильно оценил расстояние.

А может, он просто делал вид. Этот стон мог вырваться именно из его горла.

Несс развернулся, посмотрел на исчезающие вдали отверстия и сказал:

— Говорящий, уравняй скорость с Кольцом. Мы должны изучить это подробнее.

Центробежная сила — это всего лишь видимость, доказательство существования закона инерции. Реальностью является центростремительная сила, векторы которой складываются

под прямым углом с вектором скорости данной массы. Масса же сопротивляется, стремясь двигаться по прямой линии.

Именно из-за этой скорости и закона инерции Кольцо проявляло тенденцию к распаду, чему противостояла только его могучая конструкция. «Лгуну», чтобы зависнуть над выбранной точкой, требовалось достичь скорости почти 770 миль в секунду.

Вскоре так оно и случилось. Корабль, ускоряемый тягой в 0,992 «же», неподвижно висел возле стены Кольца, а экипаж занялся наблюдением за космическим портом.

Сам порт находился в узкой щели, такой узкой, что при первом взгляде ее нелегко было заметить. Только когда кзин направил «Лгуна» вниз, оказалось, что в ней свободно могли разместиться рядом два огромных корабля. Это были цилиндры с несколько сплюснутыми носами — совершенно чужая конструкция, но можно было догадаться, что двигатели у них термоядерные. Они могли пополнять топливо во время полета, захватывая в космическом пространстве атомы рассеянного водорода. Один из них был частично демонтирован, и его внутренности выставлены под любопытные взгляды пришельцев.

В корпусе второго, нетронутого корабля отраженным светом звезд сверкали окна. Тысячи окон. Этот корабль был по-настоящему большим.

И совершенно темным. Впрочем, темнота царила во всем порту. Быть может, существам, которые им пользовались, не требовался свет, но Луису Ву показалось, что порт уже давно покинут.

— А зачем эти отверстия? — спросила Тила.

— Электромагнитные пушки, — машинально ответил Луис. — Для стартов.

— Нет, — отрезал Несс.

— Что?

— Скорее, для посадок. Я даже могу сказать, как это выглядело. Корабль выходил на орбиту прямо над стеной, скажем, в двадцати пяти милях от ее поверхности, после чего выключал двигатели. Линии электромагнитных волн, излучаемые вращающимися вместе с Кольцом пушками, вскоре сообщали ему скорость 770 миль в секунду. Только тогда корабль снижался и садился. Этот метод делает честь строителям Кольца. Благодаря ему опасность, которую несла с собой каждая посадка, была сведена до минимума.

— Но ведь пушки могли использовать и для

стартов.

— Нет. Обрати внимание на конструкцию слева.

— Ненис.

«Конструкция» оказалась закрытым сейчас шлюзом, достаточно большим, чтобы в нем разместился любой из огромных кораблей. Ничего больше и не требовалось.

Каждая точка на внешней поверхности Кольца мчалась вперед со скоростью 770 миль в секунду, поэтому для старта достаточно было просто вытолкнуть корабль в пространство, а там пилот мог сразу включать основные двигатели.

— Порт выглядит совершенно покинутым, — сказал кзин.

— А как с энергией?

— Приборы ничего не чувствуют. Никакой электромагнитной активности, никаких пятен тепла. Но, разумеется, могут действовать устройства, потребляющие так мало энергии, что наши приборы не могут их засечь.

— Выводы?

— Все устройства порта могут находиться в полной исправности. Мы можем проверить это, входя в сферу их действия и готовясь к посадке.

Несс мгновенно свернулся в клубок.

— Ничего не выйдет, — заметил Луис. — Вся машинерия включается по какому-то строго определенному сигналу, которого мы не знаем. Или реагирует исключительно на корпус из металла. Если бы она не перехватила нас в нужный момент, мы могли бы врезаться в порт и устроить немалый переполох.

— Я уже пилотировал корабль в подобных условиях во время боевых маневров.

— И давно?

— Может, слишком давно. Впрочем, неважно. Что ты предлагаешь?

— Заглянуть снизу, — сказал Луис.

Кукольник тут же выставил наружу обе головы.

С тягой в 1 «же» они висели над нижней стороной Кольца.

— Свет, — бросил Несс.

Мощные рефлекторы «Лгуна» светили на пятьсот миль, но даже если их свет доходил до цели, он уже не возвращался: они были сконструированы только для облегчения посадки.

— Ты все еще веришь в ваших инженеров, Несс?

— Я признаю, что они должны были предвидеть такую возможность.

— Я сделаю это за них. Я освещу Кольцо, если ты согласишься использовать для этого плазменные двигатели, — предложил кзин.

— Согласен.

Говорящий включил четыре двигателя — два больших, направленных назад, и два поменьше, тормозных. Именно в них он открыл дюзы на всю ширину. Водород проскакивал слишком быстро и, вылетая в пустоту, сгорал еще не до конца, благодаря чему выхлоп, обычно горячий, как ядро Новой, имел теперь температуру желтого карлика. Два потока света озарили черную изнанку Кольца.

Она не была гладкой: по всей поверхности виднелись впадины и возвышенности самых разных форм и размеров.

— Я думала, что будет идеально ровно, — сказала Тила.

— Ничего подобного, — ответил Луис. — Держу пари, что там, где мы видим углубление, на внутренней стороне поднимается гора, а где возвышенность — море или океан.

Подробности они увидели только когда Говорящий подвел «Лгуна» ближе. Теперь они медленно двигались над фантастическими выпуклостями и впадинами наружной поверхности Кольца,

таинственными, но каким-то странным образом приятными для глаза…

Уже много столетий экскурсионные корабли и частные яхты точно так же двигались над поверхностью Луны. Зрелище было даже чем-то похоже: поднимающиеся в безвоздушную пустоту вершины, острые, четкие границы между светом и тенью. Единственное различие было в том, что на Луне всегда можно заметить изрезанный, выгнутый дугою горизонт.

Здесь горизонт не был ни изрезанным, ни выгнутым — он тянулся в невообразимой дали идеально прямой, едва заметной на фоне черноты космоса, полосой. «Как выдерживает это Говорящий?», — подумал Луис. Час за часом у рулей корабля, рядом с невероятным колоссом…

Он содрогнулся. Постепенно до его сознания начали доходить истинные размеры, действительные масштабы Кольца. Это было не слишком приятное чувство.

С трудом он оторвал взгляд от этого невиданного горизонта и устремил его на освещенную поверхность над ними.

— Все моря, похоже, одинаковых размеров, — заметил Несс.

— Я видела несколько маленьких, — ответила

Тила. А там… Кажется, это река. Да, наверняка. Зато я нигде не видела таких больших океанов.

Морей было много, если, конечно, все выпуклости были морями. Хотя их размеры, что бы ни говорил кукольник, довольно значительно отличались, размещены они были довольно регулярно, так что ни одна область не располагалась слишком далеко от воды. Кроме того…

— Они плоские. У всех морей совершенно плоское дно.

— Действительно, — согласился Несс.

— Значит, мы уже кое-что знаем. Все моря слишком мелкие, следовательно, обитатели Кольца живут на суше, как и мы.

— У всех морей очень сложная форма, — думала вслух Тила. — И развитая береговая линия. Знаешь, что это означает?

— Бухты. Целая масса бухт, которыми можно пользоваться.

— Значит, обитатели Кольца, хоть и живут на суше, воды не боятся, — констатировал Несс. — Будь иначе, им не требовалось бы только бухт. Луис, они должны быть очень похожи на человека. Кзины не выносят даже вида воды, а мы очень боимся утонуть.

«Как много можно узнать о мире, разглядывая

его с изнанки», — подумал Луис. Пожалуй, нужно написать на эту тему какую-нибудь работу…

— Это должно быть приятно — вырезать себе мир, какой хочется, — заметила Тила.

— А твой тебе уже не нравится?

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Мощь? — Луис любил неожиданности. Мощь, сила — это его не интересовало. Он не был созидателем и предпочитал находить вещи такими, как они есть, чем творить их.

Далеко перед ними что-то появилось. Очень большая выпуклость… даже огромная: свет плазменного огня не мог осветить ее границ.

Если предыдущие были морями, то теперь они видели перед собой океан — короля всех океанов Вселенной. Он тянулся без конца. Дно его уже не было плоским, скорее, напоминало топографическую карту Тихого океана с его многочисленными долинами, уступами и возвышенностями, некоторые из них были настолько высоки, что наверняка возвышались над поверхностью воды.

— Чтобы сохранить морскую флору и фауну, им требовался по крайней мере один настоящий океан, — догадалась Тила.

Океан, может не слишком глубокий, зато до-

статочно широкий, чтобы в нем поместилась вся Земля.

— Довольно, — неожиданно сказал кзин. — Теперь нужно взглянуть на внутреннюю сторону.

— Сначала нужно провести необходимые замеры. Идеально ли кругло Кольцо? Достаточно малейшего отклонения, чтобы вся атмосфера улетучилась в космос.

— Но мы же знаем, что она не улетучивается. А о том, есть ли какие-нибудь отклонения, можно узнать, изучая размещение воды на внутренней поверхности.

— Ну ладно, — сдался Несс. — Но сначала долетим до другого края.

Тут и там виднелись метеоритные кратеры. Луис подумал, что строители Кольца недостаточно чисто прибрали свою солнечную систему. Впрочем, нет, это невозможно — метеориты наверняка пришли из-за пределов системы, из межзвездного пространства. Один из кратеров, исключительно глубокий, как раз проплывал над ними, и на его дне Луис заметил что-то блестящее.

Это наверняка была «основа» Кольца, сделанная из вещества настолько плотного, что оно задерживало 40 % нейтрино. И, конечно, необы-

чайно прочного. Над ним находился слой почвы, моря, города и, наконец, воздух. Под ним был слой губчатого материала, в задачу которого входила защита от прямых ударов метеоритов. Большинство из них не могли серьезно разрушить его, но некоторые имели достаточно силы, чтобы образовать крупные кратеры.

Далеко в стороне, глядя вдоль едва заметной кривизны Кольца, Луис заметил какое-то углубление. Оно было большим, даже огромным, если его можно было разглядеть даже в слабом свете звезд.

Вероятно, туда тоже ударил метеорит, подумал он, не удостоив углубление особым вниманием. Его разум, еще не привыкший к масштабам Кольца, не мог оценить, каким большим был этот метеорит.

9. ЧЕРНЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ

Из-за черного края Кольца вынырнуло ослепительно белое солнце. Только когда кзин включил поляризацию кабины, Луис смог без прищура взглянуть прямо на диск звезды. Часть ее была закрыта черным прямоугольником.

— Нужно быть очень внимательными, — предупредил Несс. — Если мы надолго задержимся над внутренней поверхностью Кольца, то наверняка будем атакованы.

Говорящий прохрипел что-то в ответ. После многих часов за пультом управления, он уже изрядно устал.

— Атакованы! Может, скажешь, чем? Ведь у них нет даже порядочной передающей станции!

— Мы ничего не знаем о том, как они пересылают информацию. Может, используют телепатию, а может — вибрацию почвы, или пользуются проводной связью. Так же мало мы знаем об их вооружении. Приближаясь к заселенной поверхности, мы будем представлять собой огромную опасность, и они используют против нас все, чем располагают.

Луис кивнул. По натуре он не был слишком осторожен, к тому же Кольцо пробудило его врожденное любопытство, но сейчас кукольник был прав.

Пролетая над внутренней поверхностью, «Лгун» становился просто опасным метеоритом. К тому же очень большим. Даже при орбитальной скорости он представлял бы огромную опасность: первое же касание верхних слоев атмосферы мгновенно потащило бы его вниз. Двигаясь быстрее, с включенными двигателями, он представлял опасность, возможно, не непосредственную, зато фатальную. Хватило бы малейшей аварии привода, чтобы мощная центробежная сила с огромной скоростью швырнула его на заселенные районы. Жители Кольца наверняка опасались метеоритов: хватило бы одного отверстия в его конструкции, чтобы вся атмосфера была высосана наружу.

Говорящий с Животными повернулся в их сторону, и его лицо оказалось прямо против голов кукольника.

— Тогда говори, что делать.

— Сначала притормози до орбитальной скорости.

— А потом?

— Ускоряйся в направлении Солнца. Так мы успеем осмотреть внутреннюю часть Кольца. Нашей целью будут черные прямоугольники.

— Излишняя осторожность не нужна и оскорбительна. Черные прямоугольники нас совершенно не интересуют.

Усталый и голодный, Луис не имел ни малейшего желания играть роль арбитра между двумя чужаками. Они слишком долго были на ногах. Если уж Луис чувствовал усталость, то кзин должен быть просто изнурен.

— Интересуют, и даже очень, — ответил Несс. — Их поверхность перехватывает больше солнечного света, чем само Кольцо. Не исключено, что в действительности это чрезвычайно эффективные термоэлектрические генераторы.

Кзин фыркнул что-то чудовищно оскорбительное на Языке Героев, однако его ответ на интерволде был удивительно спокоен.

— Я не понимаю тебя. Какое нам дело до источников энергии, которыми располагает Кольцо? И если даже так оно и есть, давай сядем, найдем какого-нибудь туземца и попросту спросим его об этом!

— Я не согласен на посадку.

— Ты сомневаешься в моих способностях пи-

лота?

— А ты сомневаешься в моих полномочиях командира?

— Раз уж ты сам затронул этот вопрос…

— Не забывай, что у меня по-прежнему есть тасп. Я распоряжаюсь «Счастливым Случаем» и гиперпространственным приводом Квантум II, и я Лучше-Всех-Спрятанный на этом корабле. Помни, что…

— Хватит, — прервал его Луис.

Оба посмотрели на него.

— Вы слишком рано начали ссориться. Почему бы не осмотреть прямоугольники в телескоп? Тогда вы оба будете знать больше фактов, которыми можно будет бросаться друг в друга. Это даст вам большее удовлетворение.

Головы Несса быстро переглянулись. Кзин выпускал и втягивал когти.

— А теперь поговорим о более приятных вещах, — продолжал Луис. — Все мы изнервничались, устали и голодны. Кому нравится ругаться с пустым желудком? Я лично собираюсь часок вздремнуть. Советую и вам сделать то же самое.

— Ты не будешь смотреть? — удивленно спросила Тила. — Но ведь мы будем пролетать над внутренней поверхностью Кольца!

— Расскажешь мне потом, что увидишь, — сказал он и отправился спать.

Проснувшись, он почувствовал сильный голод и головокружение. Голод был настолько силен, что сначала заставил его съесть огромный бутерброд и только потом разрешил пойти в рубку.

— Ну как?

— Все кончилось, — холодно ответила Тила. — Крейсера, черти, драконы, все одновременно. Говорящий дрался с ними голыми руками. Тебе это наверняка понравилось бы.

— А Несс?

— Мы с Говорящим решили, что летим к черным прямоугольникам. Говорящий лег спать.

— Есть что-то новое?

— Немного. Сейчас покажу.

Кукольник что-то сделал с экраном. Он умело управлялся на месте кзина.

Зрелище напоминало поверхность Земли с большой высоты: горы, реки, долины, озера, пустые пространства, которые могли быть пустынями.

— Пустыни?

— Похоже на то. Говорящий замерил температуру и влажность. Все указывает на то, что Кольцо, по крайней мере частично, вышло из-

под контроля своих создателей. Зачем им могли понадобиться пустыни? По другую сторону мы открыли еще один океан, такой же большой, как и первый. Изучение спектра позволило сделать вывод, что вода соленая.

— Твое предложение оказалось весьма разумным, — продолжал Несс. — Хотя Говорящий и я — профессиональные дипломаты, ты, пожалуй, лучше нас обоих. Когда мы направили телескоп на прямоугольники, кзин тут же согласился лететь туда.

— Да? И почему же?

— Мы заметили кое-что странное. Эти прямоугольники движутся со скоростью гораздо больше орбитальной.

Луис едва не подавился.

— Это не так уж невозможно, — ответил самому себе кукольник. — Они могут кружить вокруг солнца по эллиптической орбите, а не по круговой. Им вовсе не обязательно выдерживать постоянное расстояние.

Луис наконец проглотил кусок, застрявший в горле.

— Но это же безумие! Постоянно менялась бы продолжительность дня и ночи!

— Поначалу мы решили, что речь идет о раз-

делении зимы и лета, — вставила Тила, — но это тоже не имело смысла.

— Конечно, нет. Прямоугольники совершают один оборот за неполный месяц. Кому нужен год, который длится три недели?

— Значит, ты понимаешь, в чем заключается проблема, — сказал Несс. — Это аномалия была слишком мала, чтобы заметить ее из нашей системы. В чем же дело? Может, вблизи звезды резко возрастает гравитация и отсюда эта скорость? Как бы то ни было, черные прямоугольники заслуживают того, чтобы заняться ими вплотную.

Кзин выбрался из своей кабины, обменялся несколькими словами с людьми, после чего заменил Несса у пульта. Вскоре после этого он вышел из рубки. Он не сказал ни слова, но кукольник, дрожа всем телом, начал отступать перед яростным взглядом кзина, готового убивать.

— Ну, хорошо, — отрешенно вздохнул Луис. — В чем дело на этот раз?

— Это травоядное… — начал Говорящий, но слова застряли у него в горле. Он откашлялся и начал еще раз. — Этот шизофреник вывел нас на траекторию, требующую минимального расхода топлива. Такими темпами мы доберемся до пояса прямоугольников через четыре месяца.

И кзин начал ругаться на Языке Героев.

— Ты сам выбрал эту траекторию, — слабо запротестовал Несс.

— Я хотел постепенно выйти из плоскости Кольца, чтобы присмотреться к его поверхности, — возбужденно ответил кзин. — Потом мы могли бы сразу двинуться к прямоугольникам и добрались бы до них за несколько часов вместо месяцев!

— Не кричи на меня, Говорящий. Если бы мы двинулись к прямоугольникам полной тягой, наша траектория уперлась бы прямо в Кольцо. Я хотел избежать этого.

— Но ведь мы можем нацелиться на солнце, — заметила Тила.

Все повернулись к ней.

— Если жители Кольца боятся, что мы на них свалимся, они, конечно, все время следят за нами, — спокойно объяснила она. — Когда расчетная трасса нашего полета будет направлена прямо на солнце, мы перестанем представлять для них опасность. Понимаете?

— Совсем не глупо, — буркнул кзин.

Кукольник сделал жест, заменявший у него пожатие плечами.

— Пилот — ты. Делай, как знаешь, но не за-

бывай…

— Не бойся, я не собираюсь пролетать сквозь солнце. В подходящий момент я перейду на орбиту, параллельную прямоугольникам.

Сказав это, кзин отправился в рубку. Отступление в нужный момент было искусством, которым владели немногие кзины.

Некоторое время корабль летел параллельно Кольцу; кзин, послушный приказам кукольника, не включал основных двигателей. Затем он погасил орбитальную скорость, так что «Лгун» начал падать к солнцу, а потом повернул его носом в направлении полета и начал ускорение.

Внутренняя поверхность Кольца выглядела теперь как широкая голубая лента, испещренная многочисленными синими и белыми пятнами. Даже быстрого взгляда хватало, чтобы заметить, как быстро она удаляется. Кзин не терял времени.

Луис заказал два стакана мохи и подал один из них Тиле.

Он понимал гнев кзина. Кольцо поражало его. Говорящий был уверен, что им придется садиться, поэтому старался довести до этого поскорее, пока его не покинула отвага.

Кзин снова вышел из рубки.

— Через четырнадцать часов мы выйдем на орбиту черных прямоугольников. Я хочу сказать тебе кое-что, Несс. Мы, воины Патриарха, с детства обучаемся терпению, но у вас, кукольников, терпение покойников.

— Мы поворачиваем, — не своим голосом сказал Луис и поднялся с места. Нос корабля все больше отклонялся от выбранного курса.

Несс отчаянно крикнул и прыгнул вперед. Он был еще в воздухе, когда «Лгун» осветился чудовищной вспышкой, как будто огромная лампа, и закачался как пьяный. Они почувствовали это, несмотря на искусственную гравитацию. В последнее мгновение Луис судорожно ухватился за спинку стула, Тила с невероятной точностью упала прямо на свою койку, а свернувшийся клубком кукольник сильно ударился о стену. Долю секунды царила полная темнота, а потом все осветилось призрачным фиолетовым светом, который окружил весь корпус.

«Видимо, Говорящий вывел „Лгуна“ на курс, а потом включил автопилота, — подумал Луис. — Автопилот проверил курс, счел сияющую неподалеку звезду огромным метеоритом, угрожающим кораблю, и постарался сделать все, чтобы обогнуть его».

Гравитация вернулась к норме. Луис поднялся с пола. Судя по первым ощущениям, с ним ничего не случилось, так же как и с Тилой. Она стояла около стены, глядя наружу сквозь заслон из фиолетового света.

— Не действует половина приборов, — объявил кзин.

— Ничего удивительного, — сказала Тила. — Мы потеряли крыло.

— Что?

— Потеряли крыло.

Так оно и было. Вместе с крылом они потеряли все двигатели, приемо-передающую аппаратуру и посадочный комплекс. Остался только чистый, гладкий корпус «Дженерал Продактс», и то, что в нем находилось.

— В нас стреляли, — сказал кзин. — И сейчас стреляют. Вероятно из лазеров-Х. Этот корабль находится в состоянии войны, и я принимаю командование.

Несс не протестовал, поскольку неподвижно лежал под стеной, свернувшись в клубок. Луис присел рядом с ним и начал осторожно его ощупывать.

— О, лапы Финагла! Я не знаток физиологии кукольников, и понятия не имею, что с ним слу-

чилось.

— Он просто перепугался и пытается спрятаться в собственном животе. Привяжите его к койке.

Луис без особого удивления заметил, что с облегчением подчиняется приказам. Он пережил сильный шок. Еще минуту назад он был в космическом корабле, теперь же этот корабль стал просто стеклянной иглой, безвольно падающей на Солнце.

Вместе с Тилой они уложили кукольника на койку и закрепили ремнями.

— Мы имеем дело с воинственной цивилизацией, — сказал кзин. — Лазер-Х — оружие, безусловно, наступательное. Если бы не корпус, мы были бы уже мертвы.

— Кажется, включилось статическое поле, — заметил Луис. — Черт его знает, как долго оно действовало.

— Несколько секунд, — ответила Тила. — Фиолетовое сияние — это фосфоресцирующие остатки того, что было снаружи.

— Распыленные лучом лазера. Верно. Похоже, оно ослабевает.

Действительно, сияние померкло.

— К сожалению, оружие, которым мы располагаем, исключительно оборонительное. Да и

как может быть иначе, ведь это корабль кукольников! — фыркнул кзин. — Даже плазменные двигатели были на крыле. А мы все еще под обстрелом. Ничего, они еще узнают, что такое атаковать кзина!

— Ты хочешь преподать им урок?

Кзин не почувствовал сарказма.

— Конечно.

— Чем? — взорвался Луис. — Ты знаешь, что у нас осталось? Гиперпространственный привод и система жизнеобеспечения — вот и все! У нас нет даже вспомогательных двигателей! У тебя мания величия, если ты думаешь, что с *этим* можно вести войну!

— Именно так думает противник! Но он же знает, что…

— Какой противник?

— …вызывая на поединок кзина…

— Это автоматы, меховушка! Живой противник открыл бы огонь сразу, едва мы оказались в пределах выстрела!

— Меня тоже удивила их странная тактика.

— Говорю тебе, это автоматы! Управляемые компьютером лазеры противометеоритной системы. Они запрограммированы так, чтобы уничтожать все, что могло бы ударить во

внутреннюю поверхность Кольца. Когда они рассчитали, что наша траектория пересекается с его плоскостью — бах!

— Это… это возможно. — Кзин начал отключать энергию от бездействующих приборов. — Но я надеюсь, что ты ошибаешься.

— Разумеется. Всегда лучше, когда есть на кого все свалить.

— Было бы лучше, если бы траектория нашего полета не пересекалась с плоскостью Кольца. — Он говорил, опуская заслонки на мертвых окошках приборов. — Мы движемся с большой скоростью и вскоре выйдем за пределы системы и местной аномалии. Тогда можно будет включить гиперпространственный привод и догнать флот кукольников. Но сначала мы должны избежать столкновения с Кольцом.

Луис еще не заглядывал так далеко вперед.

— Зачем была эта спешка? — кисло спросил он.

— По крайней мере мы знаем, что не упадем на солнце. Если бы мы летели прямо на него, то не были бы обстреляны.

— Огонь продолжается, — доложила Тила. — Я вижу звезды, но сияние не проходит. Это значит, что мы на курсе, ведущем к поверхности Кольца,

правда?

— Если лазеры управляются автоматически, то да.

— Мы погибнем, если упадем на Кольцо?

— Спроси у Несса — это его соотечественники построили корабль. Только сначала попробуй его развернуть.

Кзин раздраженно фыркнул. Только несколько огоньков на пульте свидетельствовали о том, что небольшая часть того, что когда-то было «Лгуном», еще функционирует.

Тила наклонилась над кукольником, который неподвижно лежал на койке, опутанный своей упряжью. Вопреки ожиданиям Луиса, во время неожиданной атаки она не ударилась в панику, и сейчас осторожно массировала основания шей Несса, как когда-то это делал Луис.

— Ты глупая, трусливая зверушка, — ласково сказала она кукольнику. — Ну, давай, покажи свои головки. Выгляни, а то пропустишь самое интересное.

Двенадцать часов спустя Несс все так же был в глубокой кататонии.

— Я пытаюсь его расслабить, а он сжимается еще сильнее! — пожаловалась Тила со слезами на глазах. Они пошли в кабину, чтобы поесть, но

ей кусок не лез в горло. — Наверно, я делаю это плохо, Луис. Наверняка.

— Ты все время говоришь ему о том, что здесь происходит, — заметил Луис, — а это его вовсе не интересует. Оставь его на время в покое. Он не делает ничего плохого ни себе, ни нам. Когда будет необходимо, он наверняка очнется, хотя бы для того, чтобы спасаться. А пока пусть жмется к собственному животу.

Тила неуверенно ходила по маленькой кабине. Она еще не успела привыкнуть к разнице между земной гравитацией и той, что царила на корабле. Открыв рот для какой-то фразы, она, казалось, передумала, но потом все-таки выдавила:

— Ты боишься?

— Конечно.

— Так я и думала, — кивнула она и продолжала ходить. Потом спросила снова: — А почему Говорящий не боится?

С момента атаки кзин постоянно был чем-то занят: осматривал вооружение, старался приблизительно рассчитать их курс, время от времени отдавал короткие, ясные распоряжения.

— Я думаю, что он вне себя от ужаса. Помнишь как он реагировал на розетту кукольников? Он смертельно испуган, но ни за что не позволит,

чтобы Несс догадался об этом.

Тила покачала головой.

— Не понимаю, ничего не понимаю! Почему все боятся, а я — нет?

Любовь и жалость пронзили Луиса такой острой иглой, что он едва не застонал.

— Несс был в чем-то прав, — постарался он объяснить. — До сих пор с тобой не случалось ничего плохого, правда? Тебе слишком везет, чтобы такое случилось. Мы боимся боли, но ты этого не понимаешь, ибо никогда ее не испытывала.

— Это безумие! Действительно, я никогда не ломала ноги или чего-то в этом роде, но это же не какая-то парапсихическая сила!

— Нет, счастье — не парапсихическая сила. Счастье — это статистика, а ты — математическая абстракция. Было бы странно, если бы среди сорока трех миллиардов людей Несс не нашел бы никого вроде тебя. Знаешь, что он сделал? Выделил группу людей, потомков тех, кто выигрывал в Лотерею Жизни. Якобы их были тысячи, но держу пари, что если бы среди этих тысяч он не нашел того, кого искал, то начал бы поиски в гораздо большей группе, среди тех, которые могли похвалиться меньшим количеством предков-счастливцев. Думаю, их были бы десятки

миллионов.

— Но что он искал?

— Скорее «кого». Тебя. Он изучил эти несколько тысяч людей и начал постепенно их отбрасывать. Этот ребенком сломал себе палец. Этот часто ввязывается в драки и всегда бывает бит. У той — неприятности с психикой. Тот был испытателем новых моделей космических кораблей и отдавил себе ноготь. Понимаешь? С тобой никогда не случалось ничего подобного. Независимо от того, сколько раз ты роняла кусок хлеба, он всегда падал маслом вверх.

— Значит, все зависит от теории вероятности… — задумчиво сказала Тила. — Но, Луис, что-то тут не так. Например, я вовсе не всегда выигрывала в рулетку.

— Но никогда и не проигрывала помногу.

— Ну… Нет.

— Это и имел в виду Несс.

— Значит, по-твоему, я какой-то невероятный неудачник…

— Ненис! Как раз наоборот! Несс отбрасывал одного за другим тех кандидатов, которым что-то не удавалось и, наконец, попал на тебя. Он думает, что нашел исключение, в соответствии с которым можно установить новые принципы, а я

утверждаю, что он просто добрался до самой дальней точки совершенно обычной кривой. Теория вероятности утверждает, что ты существуешь. Утверждает она и то, что когда ты в очередной раз бросишь вверх монету, то, как все прочие, будешь иметь равные шансы на выигрыш и проигрыш. У счастья нет памяти.

Тила села с громким вздохом.

— Что ж, я действительно оказалась невероятной счастливицей. Бедный Несс, он обманулся во мне.

— Это пойдет ему на пользу.

Уголки ее губ подозрительно задрожали.

— Мы можем это проверить прямо сейчас.

— Что?

— Закажи бутерброд с маслом. Побросаем.

Черный прямоугольник был чернее самой черной темноты, с большим трудом получаемой во время лабораторных экспериментов. Один его угол слегка закрывал голубую ленту Кольца. Используя его как образец, можно было дорисовать остальное — чернота на фоне черноты Космоса, отличающаяся только тем, что в ней не мерцали звезды. Он заслонял уже изрядный кусок неба и продолжал расти.

Глаза Луиса были закрыты очками из необы-

чайно сильно поляризующего материала. В тех местах, где на них попадал самый яркий свет, появлялись черные пятна. Поляризации корпуса было уже недостаточно. Говорящий все время сидел в рубке и управлял тем, что осталось от корабля. Он тоже надел очки. Нашли они и два отдельных стекла, каждое с короткой резинкой, и совместными усилиями надели их на Несса.

Луис видел удаленную на двадцать миллионов миль звезду как черный диск, окруженный ярко-оранжевой короной. Внутри корабля все сильно нагрелось, хотя климатизатор работал в максимальном режиме.

Тила открыла дверь кабины, мгновенно захлопнула ее, и через минуту появилась с очками на глазах.

Прямоугольник был теперь просто чудовищной пустотой, будто кто-то протер тряпкой часть покрытой белыми точками доски.

Рев климатизатора делал невозможным какой-либо разговор.

Каким образом он избавлялся от тепла, если снаружи горячее, чем внутри? А он вовсе не избавлялся, сообразил Луис. Он его накапливал. Где-то внутри климатизатора была маленькая точка с температурой звезды, растущая с каждой

минутой.

Еще один повод для беспокойства.

Черная пустота увеличивалась непрерывно.

Это из-за ее размеров казалось, что они приближаются медленно. Прямоугольник имел ширину, по крайней мере равную диаметру звезды, то есть около миллиона миль. Длина его составляла, самое малое, два с половиной миллиона миль. Они вдруг увидели его истинные размеры. Край его вошел между ними и солнцем, и воцарилась темнота.

Черный прямоугольник закрывал половину вселенной. Его края, черные на черном фоне, простирались слишком далеко, чтобы их можно было увидеть.

Часть корабля, находившаяся за кабинами, была раскалена добела — это климатизатор избавлялся от накопленного тепла. Луис, как будто очнувшись от дурного сна, повернулся к чудовищному прямоугольнику.

Вой климатизатора внезапно смолк, оставив после себя звон в ушах.

— Но… — неуверенно сказала Тила.

В дверях рубки появился Говорящий с Животными.

— Жаль, что от телескопа остался только

экран, — сказал он. — Он мог бы многое показать.

— Что, например? — крикнул Луис, забыв, что в корабле тихо.

— Например то, почему прямоугольники движутся со скоростью большей, чем орбитальная. Действительно ли это генераторы энергии? Что удерживает их в одинаковом положении? Если бы действовал телескоп, мы могли бы получить ответы на все вопросы, которые задал этот пожиратель листьев.

— Мы упадем на звезду.

— Разумеется, нет. Ведь я уже говорил. Полчаса мы будем лететь в тени этого прямоугольника, а потом пройдем между Солнцем и следующим прямоугольником. Если станет слишком жарко, можно будет выключить статическое поле.

Снова вернулась звенящая тишина. Прямоугольник был теперь бесформенным, безграничным полем идеальной полноты. Человеческий глаз был не в силах выделить из идеальной черноты никаких деталей.

Через некоторое время на них снова обрушился ливень солнечного света, и вскоре после этого завыл климатизатор.

Луис напряженно вглядывался в небо — нако-

нец-то он разглядел следующий прямоугольник. Он как раз следил, как приближается непроницаемо черная поверхность, когда ударила молния.

Во всяком случае, именно так это выглядело. Вспыхнуло, как молния, без предупреждения, взрываясь страшным блеском, словно они вдруг оказались в сердце Сверхновой. Корабль задрожал… и свет погас. Луис потянулся к очкам, чтобы протереть слезящиеся глаза.

— Что это было? — воскликнула Тила.

Способность видеть медленно возвращалась. Когда, наконец, исчезли разноцветные пятна, Луис увидел, что Несс выставил одну защищенную очками голову, что кзин ищет что-то в ящике, а Тила смотрит прямо на него.

Нет, не на него. На что-то прямо за его спиной. Он повернулся.

Солнце было черным кружком, меньшим, чем прежде, окруженным желто-белым сиянием. За то мгновение, что они были в статическом поле, оно сильно сжалось. Вероятно, это «мгновение» длилось несколько часов. Рев климатизатора перешел в негромкое, но раздражающее пофыркивание.

Снаружи что-то горело.

Это была черная тонкая нить, окруженная

бледно-фиолетовым сиянием. Один ее конец исчезал в солнце, второй — где-то впереди, перед «Лгуном», слишком далеко, чтобы его можно было заметить.

Она извивалась, как разрезанный пополам червяк.

— Кажется, мы обо что-то ударились, — спокойно сказал Несс. Можно было подумать, что все это время он контролировал ситуацию. — Говорящий, тебе придется выйти наружу. Надевай скафандр.

— Мы находимся в состоянии войны, — ответил кзин, — здесь командую я.

— Отлично. И что же ты собираешься делать?

Кзин был достаточно умен, чтобы ничего не ответить. Он как раз кончал вытаскивать свой скафандр — вероятно, сам он тоже решил пойти на разведку.

Он взял один из скутеров — экипажей, похожих формой на торпеду, с удобным, углубленным в корпусе креслом для пилота.

Они смотрели, как он маневрирует вокруг извивающейся черной нити. Она уже несколько остыла — цветной ореол вокруг нее потемнел и светился теперь темно-оранжевым. Массивная фигура кзина вылезла из скутера и поплыла к

нити. Они слышали его дыхание. Один раз он что-то удивленно фыркнул, но не сказал ни слова. Снаружи он был около получаса.

Когда он вернулся на борт «Лгуна», они сосредоточенно ждали, что он скажет.

— Она действительно имеет толщину нити, — сказал он. — Как видите, у меня только половина грейфера.

Он показал им изувеченный инструмент. Рукоять была чисто обрезана. Металл на срезе был отполирован, как зеркало.

— Когда я приблизился, чтобы разглядеть ее толщину, то коснулся ее грейфером. Она прошла сквозь него, как сквозь воздух. Я почти не почувствовал сопротивления.

— То же самое сделал бы твой меч.

— Но меч сделан из провода, заключенного в поле Славера, и не может изгибаться. Эта же… нить извивается во все стороны.

— Значит, это что-то новое. Что-то, что может резать, как меч кзина, небывало легкое, тонкое и крепкое. Что-то, остающееся неизменным при температуре, которая любой естественный материал давно превратила бы в плазму. Что-то, действительно новое. Но откуда оно взялось?

— Подумай. Пролетая между двумя прямо-

угольниками, мы обо что-то ударились. Затем мы видим вокруг нас гигантской длины нить, разогретую до температуры звездных недр. Именно с ней мы и столкнулись, это ясно. Температура — это результат столкновения. По-моему, можно считать, что она была протянута между двумя прямоугольниками.

— Возможно. Но зачем?

— Мы можем только догадываться. Создатели Кольца разместили черные прямоугольники на околосолнечной орбите затем, чтобы на его внутренней поверхности получить цикл день-ночь. Прямоугольники, чтобы выполнять свою роль, должны находиться точно между Кольцом и звездой и не должны поворачиваться к нему ребром. Строители Кольца использовали нить для соединения прямоугольников в единую цепь и придали им скорость выше орбитальной, чтобы нить все время была натянута.

Луис мысленно представил странную картину: двадцать черных прямоугольников, размещенных как для игры в «зубчатое колесо» и соединенных кусками нити, каждый длиной в пять миллионов миль…

— Мы должны получить эту нить, — сказал Луис. — Трудно даже представить все области, в

которых ее можно использовать.

— Я не мог принести ее на борт или хотя бы отрезать кусочек.

— Из-за столкновения наш курс мог серьезно измениться, — сказал кукольник. — Есть какой-нибудь способ проверить, столкнемся ли мы с Кольцом?

Никто не смог предложить такого способа.

— Мы могли бы его миновать, но столкновение отняло у нас значительную часть скорости. Возможно, мы навсегда останемся на эллиптической орбите вокруг этого солнца, — посетовал кукольник. — Тила, твое счастье обмануло нас.

Она пожала плечами.

— Я никогда не называла себя талисманом.

— Это вина Лучше-Всех-Спрятанного. Будь он здесь, я нашел бы резкие слова для своей партнерши.

В тот вечер ужин почти напоминал какой-то ритуал. Экипаж «Лгуна» ел последний ужин на борту своего корабля. Тила Браун, одетая в просторный черно-оранжевый наряд, который наверняка весил не более нескольких граммов, была просто болезненно красива. Кольцо за ее спиной росло буквально на глазах, и время от времени Тила поворачивалась, чтобы на него

посмотреть. Смотрели, конечно, все, но только догадываясь о чувствах кукольника и кзина, Луис не видел в Тиле ничего, кроме интереса и ожидания. Она чувствовала то же, что и он: им не миновать Кольца.

Той ночью он любил ее со страстью, которая сперва удивила ее, а потом восхитила.

— Так вот как действует на тебя страх! Нужно будет запомнить!

Он не мог ответить улыбкой на ее улыбку.

— Я все время думаю, что это, быть может, в последний раз.

Вообще последний, добавил он мысленно.

— Ох, Луис! Мы же все-таки в корпусе «Дженерал Продактс»!

— А если что-то случится и статическое поле подведет? Корпус, конечно, выдержит падение, но от нас останется только студень!

— О, глаза Финагла, перестань паниковать! — Ее ладони поползли вниз по его телу, и он прижал ее покрепче, чтобы она случайно не увидела его лица…

Когда она заснула, сама похожая на чудесный сон, Луис вышел из кабины. Он принял горячую ванну, потягивая из стакана холодный бурбон. Существовали наслаждения, от которых трудно

было отказаться.

Ясная голубизна с белыми полосками, чистая синева, снова голубизна… Кольцо закрывало уже почти все небо. Сначала подробности можно было разглядеть только на участках, покрытых тучами: бури, атмосферные фронты, осадки. Потом появились контуры морей. Поверхность Кольца примерно наполовину была покрыта водой.

Все лежали в своих койках: кзин, Тила и Луис — пристегнутые противоперегрузочными ремнями, Несс — еще и свернутый в клубок.

— Лучше бы немного посмотрел, — посоветовал ему Луис. — Знание топографии может нам пригодиться.

Несс послушался: высунулась одна голова, чтобы посмотреть на мчащийся на них пейзаж.

Океаны, изогнутые линии рек, горные цепи…

Никаких признаков жизни. Только с высоты менее тысячи миль можно заметить следы цивилизации. Поверхность Кольца проносилась под ними, быстро менялись детали, их едва успевали распознавать. Впрочем, это было не важно. Все равно они упадут в чужом, незнакомом районе.

Корабль мчался со скоростью около двухсот миль в секунду — этого вполне хватило бы, чтобы вынести их за пределы системы, если бы на пути

не было Кольца…

Оно приближалось. Сбоку выползло навстречу какое-то море, мелькнуло и исчезло. Внезапно ударила ослепительно фиолетовая молния.

10. ПОВЕРХНОСТЬ КОЛЬЦА

Ослепительная ярко-фиолетовая вспышка… Сто миль атмосферы, за долю секунды спрессованной в тонкий слой плазмы, ударили корабль прямо в лоб.

Луис машинально моргнул. Они были уже внизу.

— Ненис! — услышал он гневное восклицание Тилы. — Я ничего не видела!

— Наблюдение за титаническими событиями всегда опасно, иногда болезненно, и часто кончается фатально, — ответил кукольник. — Благодари статическое поле Славера или свое счастье.

Луис едва слушал его. Он чувствовал себя как-то странно. Глаза его пытались найти какой-нибудь горизонтальный или вертикальный ориентир.

Этот внезапный переход от страшного падения к полной неподвижности уже сам по себе был бы достаточно ошеломляющим, а кроме того, «Лгуну» не хватало каких-то тридцати градусов, чтобы лежать точно кверху брюхом. Искусственная гравитация действовала безукоризненно,

поэтому казалось, что не корабль встал на голову, а вся окружающая местность.

Небо напоминало умеренную климатическую зону Земли, но расстилающийся вокруг пейзаж был достаточно странным: идеально гладкая, блестящая поверхность с изъеденными темно-коричневыми краями. Что-то еще можно было сказать, только выйдя наружу.

Луис расстегнул свою упряжь и встал.

Сделал он это довольно неуверенно, поскольку его глаза и внутреннее ухо спорили о том, где именно находится *низ*. Только спокойно. Спешить некуда, опасность миновала.

Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть закрывающиеся за Тилой створки шлюза. Девушка была без скафандра.

— Тила, сумасшедшая, вернись! — рявкнул он.

Слишком поздно. Она уже не могла его слышать. Он бросился к люку.

Анализаторы воздуха, размещенные на крыле «Лгуна», исчезли вместе с прочими внешними датчиками и приборами. Чтобы проверить пригодность атмосферы Кольца для дыхания, следовало выйти наружу в скафандре и воспользоваться переносным анализатором.

Правда, если Тила упадет мертвой в шлюзе, не

нужны будут никакие тесты.

Внешние створки открылись.

Автоматически в шлюзе перестала действовать искусственная гравитация, и Тила полетела головой вниз. В последний момент ей удалось ухватиться вытянутой наугад рукой за край внешнего люка. Она повернулась на 180 градусов и вместо того, чтобы упасть на голову, приземлилась на прямо противоположную часть тела.

Луис запрыгнул в скафандр, застегнул его, захлопнул шлем. Снаружи, над его головой, Тила медленно встала на ноги, потирая болезненно ушибленное место. Она все еще дышала.

Луис вошел в шлюз. Он даже не проверил, надолго ли ему хватит воздуха, поскольку собирался оставаться в скафандре ровно столько, сколько потребуется для анализа атмосферы.

В последний момент он вспомнил, в каком необычном положении находится корабль, крепко ухватился за то, что еще недавно было порогом, а теперь оказалось верхней границей выходного люка, повис на руках и прыгнул.

Ноги тут же вывернулись из-под него, и Луис приземлился на свои ягодицы.

Гладкая, сероватая, полупрозрачная поверхность была невероятно скользкой. Луис пару раз

попытался встать, после чего сдался. Он читал показания анализатора сидя.

— Луис, ты слышишь меня? — спросил кзин.

— Ага.

— Воздух пригоден для дыхания?

— Да. Вот только немного разрежен. На Земле я бы сказал, что мы в миле над уровнем моря.

— Мы можем выйти?

— Конечно. Только возьмите с собой веревку и привяжите ее к чему-нибудь в шлюзе, иначе мы не сможем вернуться. Будьте осторожны при спуске — здесь почти нет трения.

Скользкая поверхность не представляла для Тилы почти никаких хлопот. Она стояла неподвижно, сложив руки на груди и ожидая, когда Луис перестанет валять дурака и снимет шлем.

— Я должен тебе кое-что сказать, — заявил он. И сказал, выбрав для этого наименее элегантный способ.

Он сказал о том, что спектральный анализ атмосферы, проведенный с расстояния в два световых года, ни в коем случае не дает уверенности в ее истинном составе, сказал о трудно распознаваемых ядах, соединениях металлов, пыли, органических взвесях и микроорганизмах, которые даже в малых дозах могут отравить

вроде бы пригодную для дыхания атмосферу и которые можно обнаружить только во взятой на месте пробе воздуха; сказал о заслуживающей наказания неосторожности и невероятной глупости; сказал о безответственности тех, чьим единственным притязанием является роль морской свинки. Все это он сказал до того, как двое чужаков покинули корабль.

Говорящий спустился по веревке и сделал несколько осторожных шагов, будто танцор, изучающий натертый паркет. Несс спустился тем же способом, пользуясь вместо рук двумя своими ртами, после чего встал в безопасной стойке на трех ногах.

Если кто-то из них и заметил подавленность Тилы, то не подал виду. Они стояли перед перекошенным корпусом «Лгуна» и оглядывались вокруг.

Они находились в широкой, но неглубокой борозде. Дно ее, идеально гладкое, было сероватого цвета. По обе стороны от корабля, на расстоянии каких-нибудь ста ярдов, поднимались края, образованные грудами грязно-красной лавы. Луису казалось, что лава еще движется, стекая неисчислимыми ручейками на дно огромной колеи. Она наверняка еще не успеха остыть, разогретая

падением «Лгуна» до чудовищной температуры.

Борозда тянулась далеко, и конца ее не было видно.

Луис в очередной раз попробовал встать. Из всех четверых только у него были проблемы с сохранением равновесия. Он поджал ступни и поднялся с преувеличенной осторожностью; теперь он стоял, но не мог сделать ни одного шага.

Кзин вынул из кобуры свой лазер, прицелился в точку недалеко от своих ног и нажал на спуск. Все молча смотрели на луч зеленого света. При этом не раздалось ни единого щелчка растапливаемого или хотя бы лопающегося материала, не поднялась ни одна струйка дыма. Когда Говорящий ослабил нажим, на стеклянистой поверхности не было ни малейшего следа.

— Мы находимся в борозде, пропаханной при посадке корпусом «Лгуна», — сделал вывод Говорящий с Животными. — Наше падение остановил слой материала, из которого сделана основная конструкция Кольца. Несс, что ты можешь нам о нем сказать?

— Это нечто совершенно новое, — сказал кукольник. — Похоже, оно вообще не проводит тепла, но это наверняка не разновидность корпуса «Дженерал Продактс» или статического поля

Славера.

— При подъеме на эти стены нам потребуется какая-то защита, — заметил Луис. В эту минуту рассуждения о конструкции Кольца мало его интересовали. — Вы подождите здесь, а я попытаюсь забраться наверх.

Он единственный был в термически изолированном скафандре.

— Я с тобой! — воскликнула Тила. Она безо всякого усилия подошла к нему, он тяжело оперся на нее, и они вместе двинулись в сторону пологого склона лавы.

Идти по лаве было очень хорошо, хотя и несколько круто.

— Спасибо, — сказал он и начал подъем. Только через минуту он заметил, что Тила идет следом. Луис промолчал: чем скорее она научится осторожности, тем дольше будет жить.

Они прошли ярдов двенадцать, когда Тила вдруг удивленно вскрикнула и начала дикий танец. Подскакивая так высоко, как только было возможно, она повернула назад и побежала вниз, а добравшись до скользкой поверхности Кольца, поехала, как на лыжах. Уже у корабля она повернулась к Луису и, уперев руки в бедра, посмотрела на него удивленным, яростным и одновременно

испуганным взглядом.

«Могло быть и хуже, — подумал Луис. — Она могла упасть и сильно обжечься». Он продолжил подъем, глуша в себе неприятное чувство вины.

Стена лавы была около сорока футов высоты, а на вершине сменялась чистым, белым песком.

Они приземлились в пустыне. Оглядываясь по сторонам, Луис не заметил ни следа растительности или воды. Им повезло — с тем же успехом «Лгун» мог пропахать и целый город!

Или даже несколько городов. Борозда тянулась через белую пустыню на целые мили. Вдали виднелся ее конец, но сразу же за ним начиналась следующая. Садясь, «Лгун» несколько раз отскакивал от поверхности, оставляя за собой прерывистый след своего падения. Взгляд Луиса следовал за этой колеей все дальше и дальше… в бесконечность.

У Кольца не было горизонта. Не существовало линии, за которой кончалась бы земля и начиналось небо. Здесь земля и небо, казалось, смешивались между собой на таком расстоянии, что целые континенты казались там маленькими точками, а цвета теряли свою интенсивность, приобретая голубой оттенок неба. Зрелище это подействовало на него почти гипнотически.

Когда он наконец решил отвести взгляд, на это понадобилось немалое усилие.

Это было как туманные пропасти у подножия Маунт Лукиткет, виденные десятки лет назад в сотнях световых лет отсюда… Как незамутненные бездны космоса, какими их видит одинокий пилот маленького одноместного кораблика… Этот необыкновенный горизонт Кольца мог поглотить душу человека быстрее, чем тот понял бы грозящую опасность.

— Мир плоский! — крикнул он вниз, в борозду.

Они удивленно посмотрели на него.

— Мы пропахали приличную колею. Впрочем, нам повезло: похоже, вокруг нет ничего живого. Там, где мы ударились, все полетело вверх и попадало, как малые метеоры. Перед нами… — он повернулся и замер.

— Луис?

— Ненис! Это самая большая гора, какую я видел в своей жизни!

— Луис!

Он говорил слишком тихо.

— Гора! — рыкнул он. — Сами увидите! Видимо, они хотели иметь одну гору, настолько большую, чтобы от нее не было никакой пользы. Она слишком велика, чтобы чем-то на ней заниматься. Она

слишком велика даже для лыж! Великолепна!

Действительно, она была великолепна. Одинокая, могучая гора — почти идеальный конус, чем-то напоминающая вулкан, точнее, псевдовулкан, поскольку под поверхностью Кольца не было магмы, которая искала бы себе выхода. Ее основание тонуло в густом тумане, склоны были видны отчетливо благодаря разреженному воздуху, а вершина сверкала снежной белизной. Даже, скорее, серостью: пожалуй, это был не снег, а вечная мерзлота.

Контуры вершины вырисовывались с невероятной отчетливостью. Неужели она торчала над атмосферой? Настоящая гора такой высоты тут же рухнула бы под своей тяжестью, но эта наверняка была лишь пустой внутри скорлупой, созданной из таинственного конструктивного материала Кольца.

— Я начинаю любить тех, кто это строил, — буркнул Луис себе под нос. Не было ни малейшей логической причины, по которой в мире, сделанном «на заказ», должна быть такая гора.

Но каждый мир должен иметь неприступную гору.

Оставшаяся троица ждала его под выпуклостью корпуса. Все их вопросы объединились в один:

— Ты видел какие-нибудь следы цивилизации?

— Нет.

Они заставили его описать все, что он увидел, для начала определив направления: «по вращению» было вдоль пропаханной «Лгуном» борозды, назад, «против вращения» было вперед, в направлении горы; левая и правая стороны отвечали рукам человека, стоящего лицом в направлении вращения.

— Ты заметил справа или слева какую-нибудь из стен?

— Нет, хотя не знаю, почему. Они должны там быть.

— Это плохо.

— Это невозможно. Там, наверху, можно видеть на тысячи миль.

— Это плохо, — повторил Несс. И снова: — Ты видел что-нибудь кроме пустыни?

— Нет. Далеко слева маячило что-то голубое. Может, океан, а может, просто дымка.

— И никаких зданий?

— Никаких.

— Инверсионные следы на небе? Какие-нибудь коммуникационные трассы?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Если бы я что-то увидел, то сказал бы вам. Судя по тому, что я успел увидеть, все десять миллиардов жителей Кольца в прошлом месяце перебрались в настоящую сферу Дайсона.

— Луис, мы должны найти эту цивилизацию.

— Это я знаю.

Это было даже слишком очевидно. Рано или поздно им нужно было покинуть Кольцо, а не было даже разговора о том, чтобы своими силами переместить корпус «Лгуна». Дикари, даже самые многочисленные и дружески настроенные, не могли им в этом помочь.

— Во всем этом есть один позитивный аспект, — сказал Луис. — Нам не нужно ремонтировать корабль. Если только нам удастся доставить «Лгуна» на край Кольца, скорость вращения выбросит нас за пределы аномалии звезды, и мы сможем сразу уйти в гиперпространство.

— Но сначала мы должны получить помощь.

— Или заставить оказать ее, — добавил Говорящий.

— Тогда чего вы все стоите и болтаете? — взорвалась Тила. До этой минуты она терпеливо ждала, не вступая в дискуссию. — Мы должны отсюда выбраться, правда? Тогда почему мы не

достаем скутеры? Шевелитесь! Поговорить можно и потом.

— Я не уверен, что нужно покидать корабль, — сказал кукольник.

— Не уверен? Ты намерен ждать, пока придет помощь? Кто, по-твоему, нами заинтересуется? Разве кто-нибудь ответил на наши сигналы? Луис говорит, что мы в самом центре пустыни. Сколько мы еще будем здесь сидеть?

Она еще не понимала, что Нессу нужно какое-то время, чтобы собрать всю свою храбрость.

— Конечно, мы уйдем отсюда, — ответил кукольник. — Я просто выразил свои сомнения. Но сначала мы должны установить, куда идти. Иначе как решить, что взять, а что оставить?

— Нам нужно добраться до ближайшего края!

— Тила права, — поддержал ее Луис. — Если тут вообще еще осталась цивилизация, то наверняка — возле края. Вот только мы не знаем, с какой стороны. Я должен был что-то увидеть, когда был наверху.

— Вовсе нет, — сказал кукольник.

— Ненис! Это я там был, а не ты! Взгляд не встречает никаких преград, видно на тысячи миль! Сейчас, минутку…

— Ширина Кольца около миллиона миль.

— Именно это я и вспомнил, — вздохнул Луис. — Ох уж эти размеры! До меня никак не дойдет, что может существовать что-то такое большое.

— Наверняка дойдет, — утешил его кукольник.

— Возможно. Наверное, у меня слишком маленькая голова, чтобы в ней это поместилось. Издалека Кольцо выглядело, как узкая лента… Голубая лента…

Луис вздрогнул. Если боковая стена Кольца имела тысячу миль высоты, то как далеко от нее они приземлились, если он вообще не смог ее разглядеть?

Допустим, что в запыленном, влажном воздухе его взгляд проникал на тысячу миль. Если уже на высоте сорока миль атмосфера сменялась полным вакуумом… Это означало, что от ближайшего края их отделяло по крайней мере двадцать пять тысяч миль.

Если проделать такой путь на Земле, они вернулись бы в исходную точку. А ведь край мог быть дальше, гораздо дальше…

— Наши скутеры не смогут сдвинуть «Лгуна» с места, — рассуждал вслух Говорящий. — Впрочем, в случае атаки нам все равно пришлось бы его бросить. Лучше оставить его здесь: найти потом будет нетрудно.

— А разве кто-то предлагал его тащить?

— Хороший воин думает обо всем. Может дойти и до этого, если мы не получим помощи.

— Получим, — уверенно сказал Несс.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Луис. — На краю находятся космические порты. Даже если все Кольцо вернулось в каменный век, цивилизация начала бы возрождаться именно там.

— Это ни на чем не основанные домыслы, — упирался кзин.

— Возможно.

— И все же я согласен с тобой. Даже если здешняя цивилизация утеряла все свои секреты, в портах мы еще можем найти действующие машины. Действующие или хотя бы такие, которые можно исправить.

Вот только… к какому краю они ближе?

— Тила права, — опомнился наконец Луис. — Принимаемся за дело, а ночью оглядимся еще раз.

Следующие часы были заполнены тяжелой работой. Они вытряхивали содержимое ящиков, сортировали, опускали на веревках тяжелые предметы и расставляли их под корпусом. Резкая смена направления гравитации доставляла немало хлопот, но, к счастью, ни один из грузов

не оказался слишком хрупким.

Во время работы Луис поймал Тилу одну внутри корабля.

— Ты ведешь себя так, будто кто-то сорвал твою любимую орхидею. Хочешь поговорить?

Избегая его взгляда, она энергично покачала головой. Он только теперь заметил, что губы ее очень хороши, когда она дуется или плачет. Она была одной из немногих женщин, которых плач не уродует.

— Тогда я тебе скажу. Когда ты вышла наружу без скафандра, я устроил тебе порядочный разнос, а спустя пятнадцать минут ты попыталась почти босиком подняться по потоку горячей лавы.

— Ты хотел, чтобы я обожглась!

— Конечно. И не смотри так. Ты нам нужна, и мы не хотим, чтобы ты погибла. Я хочу, чтобы ты привыкла к осторожности. Ты не научилась этому раньше, значит, научишься сейчас. Этот ожог ты запомнишь гораздо лучше, чем мои лекции.

— Я им нужна! Ты отлично знаешь, почему Несс взял меня. Я должна быть счастливым талисманом, а принесла неудачу.

— Согласен. Как талисман, ты оказалась никуда не годной. Ну, улыбнись! Ты нужна нам для того, чтобы по ночам заниматься со мной, чтобы мне

не пришлось насиловать Несса. Ты нужна нам, чтобы надрываться как ишак, пока мы греемся на солнышке, нужна ради твоих разумных и продуманных замечаний.

На ее лице появилась вымученная улыбка, которая тут же исчезла. Тила расплакалась. Она всхлипывала, прижавшись к груди Луиса, крепко обняв его руками.

Не первый раз женщина плакала на груди Луиса Ву, но у Тилы было больше причин, чем у всех предыдущих вместе взятых.

Луис прижал ее к себе, осторожно гладя по затылку, и ждал, когда она успокоится.

— Откуда мне было знать, что это жжется! — пожаловалась она его скафандру.

— Вспомни Закон Финагла: извращенность Вселенной стремится к максимуму. Вселенная в принципе и всегда враждебна.

— Но это было больно!

— Лава атаковала тебя, хотела причинить вред. Послушай! — сказал он умоляюще. — Ты должна научиться думать именно так. Как параноик. Как Несс.

— Я не смогу! Откуда мне знать, как он думает? Я его не понимаю! — Она подняла мокрое от слез лицо. — Тебя я тоже не понимаю.

Он провел ладонями по ее лопаткам и вниз, вдоль позвоночника.

— Послушай, — сказал он после паузы. — Если бы я сказал, что Вселенная ненавидит меня, ты решила бы, что я спятил, правда?

Она энергично кивнула.

— Так вот, я говорю, что Вселенная действительно меня ненавидит. Она против меня. Двухсотлетний человек не представляет для нее никакой ценности. Какая сила формирует вид? Эволюция, верно? Это она снабдила Говорящего отличным зрением и непоколебимым чувством равновесия. Это она привила Нессу рефлекс бегства от малейшей опасности. Это она ликвидирует у пятидесяти или шестидесятилетнего человека сексуальное влечение, после чего перестает им интересоваться. Эволюция не занимается организмами, слишком старыми, чтобы размножаться. Понимаешь?

— Понимаю. Ты слишком стар, чтобы размножаться, — повторила она, передразнивая его тон.

— Вот именно. Несколько столетий назад какие-то биологи немного покопались в генах каких-то растений и дали миру то, что в обиходе называют «закрепителем». Благодаря этому мне двести лет, а я все еще здоров. Но это вовсе не

потому, что Вселенная за что-то любит меня. Вселенная меня ненавидит и много раз пыталась убить. Жаль, что я не могу показать тебе шрамов. И она будет пытаться, пока не добьется своего.

— Потому что ты слишком стар, чтобы размножаться!

— Женщина, ведь это ты не имеешь понятия, как позаботиться о себе! Мы оказались в чужом мире, не знаем правил игры и не знаем, что и с кем может случиться. Если ты и дальше будешь бегать босиком по горячей лаве, то в следующий раз это может кончиться гораздо хуже! Будь хоть немного осторожнее. Понимаешь?

— Нет, — ответила Тила. — Нет.

Когда она вымыла залитое слезами лицо, они общими усилиями вытащили последний, четвертый скутер. Целых полчаса они были совершенно одни. Неужели кзин и кукольник решили, что лучше не вмешиваться в чисто человеческие дела? Возможно, возможно…

Между двумя стенами застывшей лавы тянулась полоса стеклянистой основы Кольца, такой же гладкой, как отполированная столешница. Около перекошенного прозрачного цилиндра стояло множество всевозможных предметов, и крутились четыре большие фигуры.

— Что с водой? — спросил Луис. — Я не видел никаких озер. Придется нам тащить с собой запас или нет?

— Это не обязательно, — ответил Несс. Он открыл люк в задней части своего скутера. Там были контейнер и система, конденсирующая воду из воздуха.

Скутеры были настоящим чудом функциональности и удобства. Они отличались только креслами пилотов, а в остальном выглядели одинаково: два четырехфутовых шара, соединенные конструкцией, поддерживающей кресло. Половина задней части предназначалась для багажа. Кроме того, там находились крепления дополнительных двигателей. Четыре телескопические ноги убирались во время полета.

Кресло кукольника напоминало маленькую лежанку с тремя отверстиями для ног. Во время полета Несс лежал неподвижно, трогая приборы управления своими двумя парами губ.

Кресла Луиса и Тилы имели удобные подголовники, а приборы управления были от спинки на расстоянии вытянутой руки. Кресло кзина отличалось своими размерами, у него не было подголовника; кроме того, по обе стороны от него размещались какие-то кобуры. Неужели для

оружия?

— Мы должны взять с собой все, что в той или иной мере может служить оружием, — в очередной раз повторил Говорящий, беспокойно прохаживаясь между расставленным снаряжением.

— У нас нет ничего подобного, — ответил Несс. — Мы хотели показать, что явились с мирными намерениями, поэтому не взяли с собой оружия.

— А это, по-твоему, что? — спросил кзин, показывая большую коллекцию довольно грозно выглядевших предметов.

— Инструменты, только инструменты. Например, это, — он указал головой, — переносной лазер с регулируемой интенсивностью луча. Ночью может служить дальнобойным прожектором. Конечно, нужно быть очень внимательным, чтобы не причинить кому-нибудь вреда, ибо в крайнем положении луч света весьма плотен и имеет большую мощность. Парализующие пистолеты должны служить решению вопросов среди нас. Заряд действует всего десять секунд, но нужно следить, чтобы случайно не сдвинуть вот этот предохранитель, ибо тогда…

— …заряд действует больше часа. Это оружие

джинксов, правда?

— Да, Луис. А это слегка модифицированные инструменты для копания. Там, куда попадает узкий луч генерируемого ими поля, заряды электронов меняют знак с отрицательного на положительный. Материя, внезапно лишенная связующих сил, мгновенно рассыпается в атомную пыль.

— Как оружие не имеет никакой ценности, — пробормотал кзин. — Мы изучали это. Действует слишком медленно.

— Ну, разумеется. Просто безобидная игрушка. А вот этот предмет…

Предмет, который кукольник держал в губах, немного походил на какое-то двухствольное огнестрельное оружие, вот только имел характерную форму, которой отличались все вещи кукольников: как будто кто-то остановил в движении большую каплю ртути.

— …в действии похож на дезинтегратор Славера, правда, излучает два луча, второй из которых нейтрализует заряд протона. Нужно внимательно следить, чтобы не попасть во что-нибудь обоими лучами одновременно.

— Понимаю, — буркнул кзин. — Если оба луча попадут на какую-нибудь поверхность, возник-

нет разряд.

— Именно.

— Ты думаешь, этого хватит? Мы не знаем, с чем нам придется столкнуться.

— Все не так уж плохо, — вставил Луис. — Прежде всего, это не планета. Если создатели Кольца опасались каких-то животных, то наверняка оставили их там, откуда прибыли. Нам не придется иметь дело с какими-нибудь тиграми или москитами.

— Разве что создатели Кольца любили тигров, — как ни в чем не бывало добавила Тила.

Ее замечание, хотя и сделанное мимоходом, не было лишено смысла. Что они знали о физиологии строителей, а значит, и жителей Кольца? Только то, что они пришли, вероятно, с планеты, частично покрытой водой, кружащейся вокруг солнца типа К9 или близкого к нему. Исходя из этого, они могли выглядеть как люди, кукольники, кзины, дельфины, касатки или киты; но скорее всего выглядели совершенно по-своему.

— Пожалуй, нам следует больше опасаться туземцев, чем их зверей, — сказал кзин. — Мы должны забрать все наше оружие. Предлагаю возложить командование на меня, вплоть до момента, когда мы сможем отсюда улететь.

— У меня есть тасп.

— Я не забыл о нем, Несс. Ты можешь считать его своим решающим аргументом. Однако, я бы советовал им не злоупотреблять. Вы только подумайте! — Кзин возвышался над ними, как настоящий гигант — двести пятьдесят килограммов клыков, когтей и оранжевого меха. — Мы же мыслящие существа, вот и задумайтесь над нашим положением. Нас коварно атаковали, наш корабль частично уничтожен. Нас ждет долгое путешествие через совершенно незнакомые земли, жители которых располагали когда-то чудовищной мощью. Мы не знаем, обладают ли они ею сейчас, или же самым изощренным оружием, которое им известно, является стрела с костяным наконечником. С тем же успехом они могут располагать конвекционным излучением и техникой трансмутаций, которой воспользовались для строительства этого… этого… — кзин огляделся по сторонам, взглянул на стекляни-стое основание и темные стены лавы и, похоже, внутренне содрогнулся, — этого необычайного творения.

— У меня есть тасп, — повторил кукольник. — Это моя экспедиция.

— Ты доволен ее ходом? Я не хочу тебя оскор-

бить, просто спрашиваю. Это я должен быть командиром. Из всех нас только я прошел обучение военному искусству.

— Может, подождем еще немного? — предложила Тила. — Может, мы не встретим никого, с кем пришлось бы сражаться.

— Вот именно, — поддержал ее Луис. Ему вовсе не улыбалось попасть под команду кзина.

— Ладно. Но мы должны взять оружие.

Они принялись грузить снаряжение. Кроме оружия, в него входило множество других вещей: анализаторы и материализаторы, фильтры для воздуха и воды, оборудование для лагеря…

Среди снаряжения были также личные коммуникаторы: их носили на руке или, как в случае с кукольником, на затылке. Они были довольно велики, и вряд ли их можно было назвать удобными.

— Зачем нам это? — спросил Луис, поскольку кукольник еще раньше показал им, как пользоваться интеркомами скутеров.

— Вообще-то они служат для установления контакта с автопилотом «Лгуна». С их помощью можно вызвать корабль куда угодно.

— Тогда для чего они могут нам пригодиться?..

— Для перевода, Луис. Если мы наткнемся на

мыслящих существ, нам придется пользоваться компьютером «Лгуна» как переводчиком.

Они закончили погрузку. Вокруг корпуса корабля оставалось еще множество снаряжения, но им просто негде было его использовать. Среди прочего там были вакуумные скафандры, запасные части для приборов, которых они лишились вместе с крылом, оборудование, необходимое только при полете в глубоком космосе. Они забрали все, что могло оказаться полезным — даже воздушные фильтры, скорее, из-за малых размеров и веса, чем потому, что собирались ими пользоваться.

Луис едва не падал от усталости. Он вскарабкался на кресло своего скутера и огляделся по сторонам, думая о том, что мог забыть. При этом он заметил, что Тила поглядывает вверх и даже сквозь застилающий глаза туман, разглядел выражение ужаса на ее лице.

— Ненис! — неуверенно выругалась она. — Все еще полдень!

— Только не паникуй. Просто…

— Луис, я отлично знаю, что мы работали не менее шести часов! Как может все еще быть полдень?

— Не волнуйся. Ты же знаешь, что солнце здесь

не заходит.

— Не заходит? — Приступ истерики прошел так же быстро, как и начался. — Ну, конечно, не заходит.

— Мы должны к этому привыкнуть. Кстати, взгляни еще раз — видишь? Это край черного прямоугольника.

Висевшее в зените солнце начало вдруг гаснуть.

— Пора в дорогу, — поторопил их Говорящий с Животными. — Когда стемнеет, мы должны быть уже в воздухе.

11. НЕБЕСНАЯ ДУГА

В сгущающейся темноте четыре скутера одновременно поднялись в воздух, и вскоре обнаженная основа Кольца исчезла из виду.

Несс еще раньше проинструктировал их, — как включать дистанционное управление, и теперь все скутеры послушно повторяли маневры Луиса. Удобно сидя в своем кресле, он уверенно вел скутер, двигая двумя педалями и рычагом.

Над приборной доской реяли четыре миниатюрные полупрозрачные головки: одна из них принадлежала очаровательной черноволосой сирене, одна — грозному быстроглазому тигру, а две — не слишком умно выглядевшим одноглазым питонам. Интерком действовал безупречно, вызывая чувства, сродни белой горячке.

Когда скутеры пролетели над черными стенами лавы, Луис стал следить за своими спутниками.

Тила среагировала первой. Она окинула взглядом окрестности; потом ее глаза поднялись вверх и там, где обычно натыкались на границу, встретили бесконечность. Внезапно они округлились, а лицо вспыхнуло, как светящее сквозь тучи

солнце.

— О, Луис!

— Какая огромная гора! — заметил кзин.

Несс ничего не сказал, его головы нервно поглядывали по сторонам.

Темнота опустилась очень быстро. Глубокая тень вдруг проглотила огромную гору, не оставив от нее даже следа. Солнце стало тоненькой чертой, граничащей с бездонной чернотой. А потом на темнеющем небе что-то появилось.

Огромная дуга… Она становилась все более отчетливой, а когда и землю и небо поглотила темнота, показалась во всей красе.

Полосы испятнанной белым голубизны чередовались с участками черноты. У основания дуга была очень широкой, но по мере подъема быстро сужалась и в зените превращалась в тонкую черту. Там же ее пересекала невидимая днем линия прямоугольников.

Скутеры быстро поднимались в полной тишине. Звукопоглощающее поле не пропускало к Луису даже шума рассекаемого воздуха, поэтому он крайне удивился, когда его личная сфера тишины и покоя вдруг заполнилась звуками музыки.

Словно разом запели все трубы органа. Звук

был болезненно громким, и Луис торопливо зажал уши. Ошеломленный, он не сразу понял, что, собственно, произошло. Только через некоторое время он ткнул пальцем кнопку интеркома, и обе головы кукольника исчезли, как привидение на рассвете. Чудовищная какофония, словно сжигали живьем весь соборный хор, стала гораздо тише, теперь она шла до него кружным путем, через интеркомы Тилы и кзина.

— Почему он это сделал? — удивленно спросила Тила.

— Он вне себя от страха. Пройдет немало времени, прежде чем он к этому привыкнет.

— К чему привыкнет?

— Я принимаю командование, — заявил Говорящий. — Кукольник не в состоянии принимать решения. Объявляю, что с этой минуты экспедиция носит военный характер, а я становлюсь командиром.

На мгновенье Луис задумался над единственной альтернативой: он мог объявить командиром себя. Однако ему вовсе не хотелось вступать в борьбу с Говорящим, да и, если говорить честно, кзин больше подходил для этой роли.

Скутеры шли на высоте полумили. Земля и небо были совершенно черными, но чернота земли

была тут и там усеяна еще более темными пятнами, отчего приобретала не столько вид, сколько характер карты. Небо, подавляющее огромной дугой, сверкало многочисленными звездами.

Неожиданно Луис вспомнил «Божественную Комедию» Данте. Вселенная итальянского поэта была сложным творением, в котором души людей и ангелов играли строго определенные роли маленьких шестеренок невообразимо большой машины. Кольцо было творением назойливо искусственным, чем-то таким, что было *сделано*. Нельзя было даже на секунду забыть об этом: над головой поднималось совершенно определенное доказательство.

Ничего странного, что Несс не вынес этого. Он слишком боялся, а кроме того, был прирожденным реалистом. Может, он замечал красоту того, что видел, а может и нет. Однако он наверняка отдавал себе отчет в том, что они оказались на огромной искусственной конструкции, во много раз больше всех планет, образующих огромную империю кукольников.

— Кажется, я вижу боковые стены, — сказал кзин.

Луис с трудом оторвал взгляд от небесной дуги, посмотрел по сторонам и почувствовал ледяной

пароксизм страха.

Слева край боковой стены Кольца виделся едва заметной черточкой на темно-синем фоне. Луис даже не пытался оценить ее высоту, поскольку понятия не имел, где может находиться ее основание. Он видел только верхнюю грань, а когда слишком долго вглядывался в нее, она исчезала. Она была там, где должен быть горизонт. С одинаковым успехом она могла быть и гранью и основанием чего-то.

Вторая стена, справа, выглядела почти так же. Та же высота, та же тенденция к исчезновению.

Все указывало на то, что «Лгун» ударил в Кольцо недалеко от середины. Стены казались одинаково далекими, и это значило, что до каждой из них было около полумиллиона миль.

Луис с трудом откашлялся.

— Говорящий, что ты об этом думаешь?

— По-моему, та, что слева — чуточку выше.

— Отлично, — Луис повернул влево. Остальные экипажи послушно повторили маневр.

Он включил интерком, чтобы проверить, как там Несс. Кукольник, судорожно охватив кресло всеми тремя ногами, спрятал обе головы под себя и летел, не глядя куда.

— Говорящий, ты уверен? — спросила Тила.

— Конечно, — ответил кзин. — Эта стена явно выше.

Луис мысленно усмехнулся. Его никогда не учили боевым навыкам, но он кое-что знал о войне. На Вундерланде он неожиданно оказался в самом сердце революции и три месяца партизанил, — прежде чем удалось попасть на случайный корабль.

Он отлично помнил, что одной из черт хорошего офицера было умение быстро принимать решение, и можно было только радоваться, если решения эти, ко всему прочему, оказывались еще и верными…

Они летели над темной поверхностью Кольца. Голубая дуга светила гораздо ярче Луны, но даже полная Луна — не слишком хорошая помощь для пилота быстроходного воздушного корабля. Какое-то время за ними серебрилась борозда, пропаханная «Лгуном», потом и она исчезла в темноте.

Скутеры непрерывно разгонялись. На подходе к скорости звука сквозь звукопоглощающее поле прорвался пронзительный монотонный вой. Он все усиливался, достигнув максимума при скорости 1 Маха, потом разом смолк. Звукопоглощающее поле изменилось, и снова воцарилась

тишина.

Когда скутеры достигли максимальной скорости, Луис расслабился и сел поудобнее. У него мелькнула мысль, что в этом кресле ему придется провести больше месяца, поэтому лучше привыкнуть к нему поскорее. Сейчас же, поскольку он вел всю четверку, спать было нельзя, и он стал знакомиться со своей машиной.

Санитарные приспособления были простыми, удобными, но исключали всякую мысль о человеческом достоинстве или чем-то вроде этого.

Он попытался сунуть руку в звукопоглощающий барьер. Это была разновидность силового поля с векторами, направленными таким образом, чтобы потоки воздуха шли в обход места, занимаемого в данный момент скутером. На ощупь это нисколько не походило на стеклянную плиту. Луису показалось, что он подставил руку очень сильному ветру, дующему со всех сторон. Он находился в идеально спокойном глазе циклона.

Барьер казался непроницаемым.

Чтобы проверить это, Луис выбросил камешек, оказавшийся в кармане. Он упал вниз, под днище скутера, и повис в воздухе, вибрируя, как безумный. Луису очень хотелось верить, что то

же самое произойдет и с ним, если он вдруг случайно выпадет из кресла. Это, впрочем, казалось непростым делом.

Наверняка будет именно так. Эти кукольники такие перестраховщики…

Он потянул из гофрированной трубки — дистиллированная вода. Открыл подаватель пищи — темно-коричневый кирпичик. Луис заказал шесть таких кирпичиков, каждый из них надкусил, а остальное бросил в предназначенное для этого отверстие. У каждого был свой вкус, довольно приятный.

Похоже было, что еда ему долго не надоест. Во всяком случае, достаточно долго.

Однако, если они не найдут растения и воду, чтобы пополнить запасы «сырья» для пищевого регенератора, подаватель перестанет поставлять темно-коричневые кирпичики.

Луис заказал седьмой и съел его целиком.

Думая о расстоянии, отделявшем их от какой бы то ни было помощи, он чувствовал, что отвага покидает его. Земля была в двухстах световых годах, а удаленный на световые годы флот кукольников летел прочь почти со скоростью света. Даже корпус «Лгуна» исчез из вида через несколько минут после старта. Сейчас то же самое случилось с

пропаханной им бороздой. Смогут ли они снова найти его?

Конечно, смогут, и без особых проблем. Рядом высилась самая большая гора из всех, что видели глаза человека… Трудно было предположить, что поверхность Кольца усеяна такими горами. Чтобы найти «Лгуна», достаточно оказаться рядом с горой, а потом отыскать борозду, тянущуюся на тысячи миль.

Над головой все сверкала невероятная дуга. В три миллиона раз больше места, чем на Земле. Достаточно, чтобы заблудиться.

Тело Несса слегка вздрогнуло, потом одна за другой появились головы. Кукольник включил языком звук и спросил:

— Луис, мы можем поговорить только вдвоем?

Миниатюрные лица Тилы и кзина, казалось, дремали. Луис заблокировал их интеркомы.

— Говори.

— Что произошло?

— Ты ничего не слышал?

— Мои органы слуха находятся возле губ, а поскольку головы были спрятаны, до меня ничего не доходило.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю, не впаду ли я снова в кататонию. Я

чувствую себя совсем потерянным.

— Я тоже. За последние три часа мы преодолели две тысячи двести миль. Дело шло бы лучше с трансферными кабинами или хотя бы дисками.

— Наши инженеры не в состоянии перенести сюда трансферные диски. — Головы кукольника повернулись друг к другу, разглядывая себя. Луис уже несколько раз обращал внимание на этот жест, и сейчас у него мелькнула мысль, не эквивалентен ли он смеху. Неужели безумный кукольник обзавелся чувством юмора?

— Мы направились влево, — продолжал Луис. — Говорящий решил, что до этой стены ближе. По-моему, с тем же успехом мы могли бросить монету. Но Говорящий — наш начальник: он взял на себя руководство, когда ты впал в кататонию.

— Это плохо. Его скутер находится за пределами действия моего таспа. Я должен…

— Подожди немного. Почему бы не позволить ему побыть начальником?

— Но… но…

— Подумай, — не сдавался Луис. — В случае чего ты всегда можешь воспользоваться таспом. Если же не сделать его начальником, он раз за разом будет пытаться силой заставить тебя согласиться на это. Кроме того, он действительно подходит

для этой роли.

— Пожалуй, это нам не повредит, — пропел после паузы кукольник. — Мое командование не увеличило бы наших шансов.

— В том-то и дело. Вызови Говорящего и скажи, что он Лучше-Всех-Спрятанный.

Луис подключился к интеркому кзина, чтобы не упустить ни слова, однако его ждало разочарование: кзин и кукольник обменялись несколькими фразами на шипяще-фыркающем Языке Героев, после чего кзин отключился.

— Я должен перед вами извиниться, — сказал Несс. — Моя глупость поставила всех нас перед серьезной опасностью.

— Не бери в голову, — утешил его Луис. — Ты просто в депрессивной фазе цикла.

— Я мыслящее существо и могу смотреть правде в глаза. Я совершил страшную ошибку в том, что касается Тилы Браун.

— В самом деле. Но это не твоя вина.

— Моя, Луис. Я должен был понять, почему мне так не везет в поисках других кандидатов.

— Ну?..

— Просто им слишком везло.

Луис беззвучно свистнул. Кукольник родил новую теорию.

— Им слишком везло, чтобы они могли впутаться в такую опасную историю, как наше путешествие. Лотерея Жизни действительно привела к формированию новой, наследственной черты: счастья. Однако, это счастье не стало моим уделом. Пытаясь связаться с потомками тех, кто выигрывал в Лотерею, я попал на Тилу Браун.

— Послушай…

— Другим удалось избежать этого, поскольку счастье сопутствовало им, а Тилу я нашел потому, что она не получила этого гена. Луис, мне действительно очень жаль.

— Иди-ка ты лучше спать, а?

— Я должен извиниться и перед Тилой.

— Нет. Это уже моя вина. Я мог ее удержать.

— Правда?

— Не знаю… Может быть. Иди спать.

— Не могу.

— В таком случае веди, а я посплю.

Так они и сделали. Перед тем, как заснуть, Луис еще успел удивиться, как гладко, без сотрясений летит его скутер. Кукольник был отличным пилотом.

Луис проснулся на рассвете.

За свою долгую жизнь ему никогда не приходилось проводить всю ночь сидя, поэтому, когда

он, раздирая рот, зевнул и попытался потянуться, мышцы его затрещали так, будто вот-вот порвутся. Он громко охнул, протер заспанные глаза и осмотрелся.

Свет и тени были не такие, как должны бы быть. Он взглянул вверх, прямо на сверкающий диск стоящего в зените солнца, тут же отвел глаза и некоторое время ждал, пока они перестанут слезиться. Его рефлексы были быстрее его мыслей.

Слева еще царила темнота, углублявшаяся с расстоянием, а место, в котором должен был находиться горизонт, казалось смесью ночи и хаоса, из которой поднималась вверх невероятная дуга Кольца.

Справа был уже ясный день.

Все-таки рассвет на Кольце выглядел совершенно необычно. Пустыня постепенно кончалась. Ее граница, резкая, как ножевая рана, мягко изгибалась вправо и влево. Позади, за их спинами, светлел желто-белый разогретый песок. Огромная гора все еще закрывала значительную часть неба. Впереди сверкали реки и озера, разделенные коричневыми и зелеными кусками суши.

Скутеры мчались вперед, не нарушая строя, напоминая одинаковых серебристых жуков. Луис двигался впереди: память подсказала ему,

что справа от него кзин, слева — кукольник, сзади — Тила.

Склон горы пересекала висящая в воздухе пыльная полоса, будто след от катящего по пустыне колесного экипажа.

— Ты уже проснулся, Луис?

— Добрый день, Несс. Ты ведешь до сих пор?

— Несколько часов назад управление взял на себя Говорящий с Животными. Может, ты заметил, что мы пролетели уже более семи тысяч миль.

— Да. — Однако, это была лишь малая часть пути, который еще ждал их. Луис, всю жизнь пользовавшийся трансферными кабинами, совершенно потерял чувство расстояния.

— Оглянись, — сказал он. — Видишь этот след? Как, по-твоему, что это такое?

— Наверняка, это осталось после нашего пролета через атмосферу. Он еще не успел рассеяться.

— Ага… А я думал, это какая-то пыльная буря. Ненис! Что и говорить, мы неплохо падали! — Полоса была, по крайней мере, несколько тысяч миль в длину.

Небо и земля были двумя плоскостями, прижатыми одна к другой, а люди — микробами, ползающими в пространстве между ними.

— Атмосферное давление увеличилось.

Луис отвел взгляд от места, где должен был находиться горизонт.

— Что ты сказал?

— Посмотри на барометр. Мы сели мили на две выше, чем находимся сейчас.

Луис заказал себе на завтрак кирпичик.

— Это важно?

— В незнакомой обстановке нужно обращать внимание на все. Неизвестно, какая деталь вдруг окажется важной. Например, эта гора, которой мы пользуемся как ориентиром — она наверняка более высока, чем нам кажется. Или эта серебряная точка перед нами.

— Какая точка? Где?

— Почти на линии горизонта, если бы он здесь был. Прямо перед нами.

Это напоминало попытку найти что-либо на карте, разглядываемой почти точно сбоку, однако Луису удалось его найти: яркий, зеркальный блик, а не отдельная точка.

— Отраженный солнечный свет. Что это может быть? Стеклянный город?

— Невозможно.

Луис рассмеялся.

— Это еще мягко сказано. И все-таки оно размером с целый город. Или это огромное поле,

покрытое зеркалами. Может, это большой зеркальный телескоп?

— Если и так, то он давно бездействует.

— Откуда ты это знаешь?

— Мы же констатировали, что цивилизация Кольца в своем развитии вернулась в эпоху варварства. Будь иначе, они не позволили бы, чтобы такие огромные пространства превратились в пустыни.

Еще не так давно Луис согласился бы с этим аргументом, но теперь…

— Возможно, ты упрощаешь проблему. Кольцо больше, чем нам казалось. По-моему, здесь достаточно места и для высокоразвитой цивилизации, и для варваров, и для множества переходных стадий.

— Любая развивающаяся цивилизация стремится к завоеванию новых территорий.

— Верно, но…

Впрочем, они все равно скоро увидят, что это такое. Сверкающая точка была точно впереди по курсу.

Конструкторы скутера не предвидели, что его пассажир может захотеть кофе.

Луис глотал последние кусочки своего кирпичика, когда заметил на пульте два зеленых

огонька. Некоторое время он подозрительно разглядывал их, потом вспомнил, что еще вчера вечером отключил интеркомы Тилы и кзина. Он поспешно восстановил связь.

— Добрый день! — сказал кзин. — Ты видел рассвет, Луис? Это необычайно стимулирующее зрелище.

— Да, я видел. Привет, Тила.

Девушка не ответила.

Луис внимательно вгляделся в ее лицо. Оно было благостно, как в нирване.

— Несс, ты не пробовал тасп на моей женщине?

— Нет. Зачем мне это делать?

— Как давно она в таком состоянии?

— В каком состоянии? — заинтересовался Говорящий. — Последнее время она не слишком разговорчива, если ты это имеешь в виду.

— Ненис! Я имею в виду выражение ее лица!

Маленькая прозрачная головка Тилы над пультом управления невидящими глазами смотрела в бесконечность. Тила была идеально счастлива.

— Она кажется расслабленной, — заметил кзин. — Пожалуй, ей удобно. Более тонкие детали человеческой…

— Это неважно. Посади нас на землю, хорошо?

Она вошла в транс Маунт Лукиткета.

— Не понимаю.

— Достаточно будет, если ты сядешь.

Они начали снижаться. Желудок Луиса ощутил себя неважно в свободном падении, которым угостил их кзин, но, к счастью, сила тяжести вскоре вернулась. Луис разглядывал лицо Тилы, оно ни на секунду не изменило выражения. Она была идеально спокойна, уголки ее губ слегка поднимались вверх.

Мозг Луиса работал на максимальных оборотах. Он кое-что знал о гипнозе: двести лет смотря стереовизию, можно кое-что узнать. Если бы он еще мог это вспомнить…

— Хорошо, если бы удалось найти какую-нибудь долину, — обратился он к кзину. — Я хотел бы убрать с ее глаз этот чертов горизонт.

— Хорошо. Вы с Нессом переходите на ручное. Тилу посажу я.

Четырехугольный строй распался на три части. Говорящий повернул в направлении ручья, на который Луис уже обратил внимание. Луис с Нессом следовали за ним.

Теряя высоту, они пролетели над потоком. Говорящий повернул еще раз и летел теперь с минимальной скоростью вдоль течения, отыскивая

какой-нибудь луг или участок берега, свободный от деревьев.

— Растения очень похожи на земные, — заметил Луис.

Кзин и кукольник согласились с ним. Они вновь повернули, следуя за руслом потока.

Поперек ручья, растягивая длинную сеть, стояли туземцы. Когда подлетела маленькая эскадра, все посмотрели вверх и довольно долго стояли неподвижно с открытыми ртами, предоставив сеть самой себе.

Луис, Говорящий и Несс отреагировали совершенно одинаково: свечой взмыли вверх. Туземцы мгновенно уменьшились до едва заметных точек, ручей превратился в извилистую нитку. Буйный раскидистый лес поглотил все.

— Переключайтесь на автопилот, — распорядился кзин тоном, исключавшим возражения. — Садимся в другом месте.

«Он научился такому тону только потому, что жил среди людей, — подумал Луис. — Должность посла требует самых разных способностей».

Тила ничего не заметила.

— И что? — спросил Луис.

— Это были люди, — ответил кукольник.

— Ты тоже видел это? Я думал, что у меня гал-

люцинация. Откуда здесь взяться людям?

Никто даже не попытался ответить на этот вопрос.

12. КУЛАК БОГА

Они приземлились в небольшой долине, окруженной низкими холмами, поросшими лесом. Псевдогоризонт исчез за склонами, дуга на небе была не видна в сиянии солнца — короче, они вполне могли находиться на какой-то из заселенных людьми планет. Правда, трава здесь не слишком напоминала траву, но была зеленой и росла там, где должна расти трава. Под ногами были земля и камни, а вокруг — кусты с ветвями, изогнутыми почти знакомо.

Растительность, как еще раньше заметил Луис, была решительно земного типа. Кусты росли именно там, где и следовало ожидать, а голые каменистые участки находились в нужных местах. Анализаторы, которыми были снабжены скутеры, констатировали, что даже на молекулярном уровне местные растения родственны земным. Как Луис и кзин могли иметь когда-то общего предка, скорее всего, какой-нибудь вирус, так и эти деревья и кусты имели с земной растительностью общего предка.

Один из росших на краю поляны кустов пре-

красно подходил для изгороди: он рос вверх под углом в сорок пять градусов, выпускал буйную крону, спускался вниз, снова выпускал крону вверх под тем же самым углом, и так далее. Луис уже видел нечто подобное на планете Джумми-миджи, однако эта угловатая изгородь была зеленовато-коричневой, как будто росла на Земле. Луис назвал его «локтевым деревом».

Несс обошел поляну, собирая для анализа насекомых и пробы растений. Он был единственным, кто взял с собой скафандр, и тому, кто решил бы его атаковать, пришлось бы сначала управиться с необычайно прочным материалом.

Тила неподвижно сидела в своем скутере, ее мягкие ладони легко лежали на ручках приборов, уголки губ слегка поднимались вверх. Она сидела расслабленно и в то же время напряженно, будто позировала. Ее зеленые глаза смотрели сквозь Луиса и барьеры зеленых холмов в бесконечность абстрактного горизонта Кольца.

— Не понимаю, — сказал кзин. — Что с ней, собственно, случилось? Она не спит и в то же время не реагирует ни на что.

— Гипноз автострады, — объяснил Луис. — Она сама выйдет из него.

— Значит, прямой опасности нет?

— Сейчас уже нет. Я боялся, что она может выпасть из скутера или начнет мудрить с управлением. На земле ей ничего не грозит.

— Но почему она не обращает на нас внимания?

Луис принялся объяснять.

В окружающем Солнце поясе астероидов люди проводят полжизни, водя между скал маленькие одноместные кораблики и определяя свое положение по звездам. Шахтер, работающий в Поясе, много часов проводит глядя на звезды: фальшивые, являющиеся плазменными огоньками двигателей или ползущими поблизости астероидами, и настоящие, являющиеся отдельными звездами или целыми галактиками.

Человек может потерять среди звезд душу, и окружающие потом с удивлением обнаружат, что его тело совершало все необходимые действия, тогда как разум находился в местах, о которых ничего не помнит. Это называют «потерянным взглядом», и это очень опасно. Иногда душа не хочет возвращаться в тело.

Стоя на вершине Маунт Лукиткет, человек смотрит в бесконечность. Правда, высота Горы всего сорок миль, но человеческий взгляд, теряясь в тумане, видит именно бесконечность.

Влажный туман бел и бесформен, он тянется от склона Горы до горизонта. Пустота хватает своими когтями разум человека и крепко держит его, а сам он неподвижно стоит на краю бесконечности, пока кто-нибудь не придет и не заберет его оттуда. Это называют «трансом Маунт Лукиткет».

Кроме того, есть еще Кольцо, а на нем — несуществующий горизонт…

— Все это попросту самогипноз, — закончил Луис. Он заглянул в широко открытые зеленые глаза, и девушка беспокойно задрожала. — Пожалуй, я мог бы вывести ее из этого состояния, но зачем рисковать? Пусть пока поспит. Она проснется сама.

— Я не понимаю, что такое гипноз, — сказал кзин. — Знаю, что это такое, но не понимаю.

Луис кивнул.

— Ничего удивительного. Едва ли кзины поддаются гипнозу. Да и кукольники, по-моему, тоже, — добавил он, поскольку Несс кончил собирать пробы чужой жизни и присоединился к ним.

— Мы можем изучать то, чего не понимаем, — сказал он. — Например, мы знаем, что в человеке есть нечто, позволяющее ему принимать реше-

ния извне. Какая-то его часть хочет, чтобы кто-то другой сказал ему, что нужно делать. Гипнозу поддаются верящие гипнотизеру люди с большой способностью к концентрации.

— Но что такое сам гипноз?

— Навязанное извне состояние мономании.

— А почему человек впадает в мономанию?

На это у Несса не нашлось ответа.

— Потому что верит гипнотизеру, — подсказал Луис.

Говорящий покачал своей большой головой и отвернулся.

— Такая вера в кого-то другого есть нечто ненормальное. Признаться, я тоже не понимаю, что такое гипноз, — сказал кукольник. — А ты, Луис?

— Тоже не совсем.

— Это хорошо, — заметил Несс, и его головы посмотрели друг на друга. — Я не мог бы верить тому, кто понимает такое, что не имеет смысла.

— Ты узнал что-нибудь о здешних растениях?

— Как я уже сказал, они очень похожи на земные. Вот только некоторые из них гораздо сильнее специализированы, чем можно было ожидать.

— Ты хочешь сказать, что они старше?

— Возможно. А может это потому, что более спе-

циализированное растение легче может найти место и необходимые для жизни составляющие, особенно в ограниченной среде на искусственной планете, которой можно считать Кольцо. Самое же главное — то, что растения и насекомые достаточно похожи на нас, чтобы представлять для нас опасность.

— Но не только, я полагаю?

— О, да. Некоторые растения съедобны для меня, некоторые — даже для тебя. Правда, тебе еще придется самому проверить их, сначала на безвредность, а потом на вкус. Однако, есть очень много таких, которые можно переделать под привычные для нас в регенераторе пищи.

— Значит, мы не умрем с голоду.

— Этот единственный плюс не компенсирует различных неудобств и опасностей. Если бы наши инженеры догадались снабдить «Лгуна» звездным семенем!

— Звездным семенем?

— Это очень простое устройство, сконструированное тысячи лет назад по образцу настоящих звездных семян. Добравшись до звезды, они излучают очень характерное электромагнитное поле. Если бы у нас было такое, мы направили бы его на солнце и тем самым вызвали бы помощь.

— Но звездные семена передвигаются очень медленно! Мы могли бы ждать годами!

— Ты только подумай, Луис! Независимо от того, как долго пришлось бы ждать, нам не нужно было бы покидать безопасного корабля.

— И ты бы это выдержал? — презрительно фыркнул Луис, глядя на кзина. Взгляды их встретились.

Говорящий, сжавшись на земле в нескольких ярдах от него, смотрел ему прямо в глаза и улыбался, совсем как кот из «Алисы в Стране Чудес». Какое-то время они смотрели друг на друга, потом кзин с демонстративной развязностью встал, прыгнул, словно тигр, и исчез в зарослях.

Луис отвернулся. Он чувствовал, что произошло нечто важное, но что? И почему? Он пожал плечами.

Тила сидела в своем кресле в такой позе, словно все еще мчалась вперед. Луис вспомнил как это бывало с ним, когда он подвергался гипнозу в лечебных целях. Тогда он чувствовал себя как актер, удобно развалившийся на мягких подушках, в которые впитывалось его чувство ответственности. Он прекрасно знал, что все это было только игрой между ним и гипнотизером, что в любой момент он, Луис Ву, может встать и выйти.

Правда, он ни разу не сделал этого.

В глазах Тилы вдруг вспыхнуло сознание. Она тряхнула головой и посмотрела в их сторону.

— Луис! Мы сели? Каким образом?

— Самым обычным.

— Помоги мне, — она протянула руку, совсем как ребенок, забравшийся на высокий забор и не знающий, как с него слезть. Луис обнял ее за талию и ссадил на землю. Прикосновение ее тела вызвало дрожь наслаждения: он почувствовал, как по телу разлилось приятное тепло, и оставил свои ладони там, где они были.

— Я помню, что мы летели на высоте более мили, — сказала Тила.

— Больше не смотри так долго на горизонт.

— А что, я заснула за рулем? — засмеялась она, откидывая голову назад. Ее волосы рассыпались великолепным черным каскадом. — А вы испугались? Прости, Луис. Где Говорящий?

— Погнался за каким-то кроликом. Кстати, почему бы и нам не размяться, раз уж представился случай?

— Хорошая мысль.

Они посмотрели друг другу в глаза, читая скрытые мысли. Луис открыл багажник своего скутера и вытащил одеяло. — Готово.

— Вы меня удивляете, — сказал Несс. — Ни одна другая разумная раса не копулирует так часто, как вы. Ладно уж, идите. Только смотрите, на что садитесь. Не забывайте, что вокруг полно чужих форм жизни.

— А ты знаешь, — спросил Луис, — что «нагой» значило когда-то то же самое что «беззащитный»?

Ему самому казалось, что, снимая одежду, он лишается какой-то магической защиты. Кольцо обладало функционирующей биосферой, наверняка полной всевозможных насекомых, бактерий и зубастых созданий, питающихся свежим мясом.

— Нет, — сказала Тила. Стоя нагишом на одеяле, она вытянула руки к висящему над головой солнцу. — Как хорошо! Ты знаешь, я впервые вижу тебя нагого днем.

— Взаимно. Признаться, ты выглядишь неплохо. Смотри, я тебе кое-что покажу, — он поднял руку к своей безволосой груди. — Ненис!

— Я ничего не вижу.

— Все исчезло. В том-то все и дело, что «закрепитель» не оставляет никаких следов. Шрамы исчезают, и потом… — он провел ладонью по коже, но не почувствовал ни малейшего следа.

— Это было на Джуммиджи. Акула содрала с меня целую полосу кожи шириной дюйма в четыре, от плеча до пупка. Если бы она повторила атаку сразу же, то перекусила бы меня пополам. К счастью, она решила сначала проглотить первый, небольшой кусок, и он оказался для нее смертельным ядом: она тут же сдохла в страшных судорогах. А теперь от шрама не осталось и следа.

— Бедный Луис. Но у меня тоже нигде нет никаких шрамов.

— Это потому, что ты — статистическая аномалия, к тому же всего лишь двадцати лет от роду.

— Ох!

— Гмм… Ты такая гладенькая…

— Еще какие-то воспоминания?

— Однажды я плохо справился с шахтерским лазером… — он повел ее руку…

Луис лег навзничь, а Тила села верхом на его бедра. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, потом Луис сделал первое движение.

Женщина, когда на нее смотришь сквозь густеющий туман приближающегося оргазма, излучает какое-то ангельское сияние…

Что-то размером с кролика выскочило из-за деревьев, промчалось по груди Луиса и исчезло

на другой стороне поляны. Секундой позже из кустов появился Говорящий, крикнул: «Простите!» и помчался за добычей.

Когда все вновь собрались у скутеров, мех вокруг губ Говорящего был забрызган свежей кровью.

— Впервые в жизни, — сказал он с нескрываемым удовлетворением, — я добывал пропитание только с помощью клыков и когтей.

Впрочем, он последовал совету Несса и проглотил тройную дозу противоаллергического средства.

— Пожалуй, самое время поговорить о туземцах, — предложил Несс.

— О туземцах? — удивленно переспросила Тила.

Луис объяснил ей, в чем дело.

— Но почему мы удрали? Что они могли нам сделать? Это действительно были люди?

Луис ответил на последний вопрос, поскольку он и ему не давал покоя:

— Понятия не имею. Откуда здесь взяться людям?

— Нет никаких сомнений, — прервал его кзин. — Я верю своей интуиции, Луис. Может, они отличаются от тебя и Тилы, но это, несомнен-

но, люди.

— Откуда эта уверенность?

— Я почувствовал их запах, как только мы выключили звукопоглощающие барьеры. Где-то далеко отсюда их целая масса. Поверь моему чутью, Луис.

И Луис поверил. В конце концов, это было чутье охотника-хищника.

— Параллельная эволюция, — неуверенно предположил он.

— Вздор, — возразил Несс.

— Верно. Форма и строение человеческого тела были очень удобны для наделенного разумом создателя инструментов, но не более, чем любые другие. Разум проявлялся в самых разных формах.

— Мы только теряем время, — вставил Говорящий. — Проблема заключается не в том, откуда здесь взялись люди, а в том, как установить первый контакт. Тем более, что для нас любой контакт будет первым.

Кзин был прав. Эскадра скутеров наверняка двигалась быстрее, чем известие о ее прибытии. Разве что туземцы располагали чем-то вроде семафоров…

— Мы должны как можно больше узнать о по-

ведении и жизни людей на этом уровне развития. Луис? Тила?

— У меня есть некоторое понятие об антропологии, — признал Луис.

— Значит, говорить будешь ты. Будем надеяться, что автопилот справится с переводом. Попробуем установить контакт с первой же группой, на которую наткнемся.

Казалось, они едва поднялись в воздух, а густой лес уже сменился квадратами возделанных полей. А сразу после этого Тила заметила город.

Он немного напоминал прежние земные города и состоял, в основном, из огромного количества малоэтажных, стоящих рядами зданий. Над этой плотной массой поднимались единичные стройные башни, соединенные эстакадами коммуникационных трасс — на Земле в подобный период пользовались геликоптерами.

— Может, уже здесь мы найдем то, что ищем? — с надеждой в голосе спросил кзин.

— Держу пари, что он совершенно пуст, — ответил Луис.

Это было только предположение, но, как выяснилось, верное. Они убедились в этом сразу, как только оказались над городом.

В дни своего расцвета он был невообразимо

прекрасен. Одна его черта вызвала бы особую зависть у любого другого города во Вселенной: значительная часть зданий не стояла на земле, а висела в воздухе, соединяясь с почвой и соседними зданиями паутиной рамп и стволов лифтов. Эти летающие замки, свободные от ограничений, налагаемых силой тяготения, ошеломляли разнообразием форм и размеров.

Теперь же под скутерами была картина разрушения. Падая, летающие конструкции давили стоявшие под ними здания, поэтому сейчас вся площадь города была покрыта кучами битого кирпича, лопнувших бетонных плит и искореженных стальных конструкций.

Это дало Луису пищу для размышлений. Люди не строили летающих замков — для этого они были слишком осторожны.

— Вероятно, они упали все одновременно, — заметил Несс. — Нигде не видно ни следа ремонта. Несомненно, это была авария центральной энергетической станции. Говорящий, кзины так же строят свои города?

— Мы не любим высоты. Так могли бы строить люди, но они слишком ценят свою жизнь.

— Закрепитель! — воскликнул Луис. — Это наверняка из-за него. Они просто никогда не

изобретали ничего вроде нашего закрепителя.

— Да, возможно. Они жили недолго, поэтому не очень-то заботились об этой жизни, — рассуждал вслух кукольник. — Это звучит достаточно зловеще. Раз они не ценили свои жизни, значит, не будут волноваться из-за наших.

— Ты слишком рано начал беспокоиться.

— Скоро мы в этом убедимся. Говорящий, видишь то высокое здание? Светло-кремовое, с выбитыми стеклами?

Они пролетели над ним всего минуту назад. Луис, исполнявший обязанности пилота эскадры, широким виражом повернул к этому месту.

— Я был не прав. Видишь, Говорящий? Дым.

Здание оказалось башней, украшенной богатым орнаментом, с круглыми черными окнами. Большинство окон у самой земли были чем-то закрыты, а из немногих отверстий поднимался дым.

Башню когда-то окружали одно— и двухэтажные домики, которые теперь почти все были раздавлены огромным катящимся цилиндром, упавшим с неба; однако, не успев добраться до башни, он сам превратился в груду развалин.

Башня поднималась на краю города, и сразу же за ней стелились квадраты возделанных

полей. Когда скутеры пошли на посадку, путешественники заметили многочисленные фигуры, бегущие к городу.

Здания, которые сверху казались почти нетронутыми, вблизи оказались руинами, стоящими только по привычке. Авария энергетической системы и связанная с ней катастрофа произошли много поколений назад. Разрушение завершили вандализм, дожди и коррозия, а также все, благодаря чему земные археологи могли так много узнать о прошлом своей планеты.

Жители не отстроили своего города заново и не решились покинуть его — они просто жили в руинах, на растущей от поколения к поколению груде мусора и отбросов.

Мусор и отбросы: пустые коробки, нанесенная ветром пыль, остатки продуктов, кости, несъедобные части растений, испорченные инструменты. Все это непрерывно грудилось, поскольку жители руин были слишком ленивы или заняты, чтобы привести все в порядок. Везде росли огромные кучи отходов, оседающие под собственным весом, трамбуемые тысячами ног.

Первоначальный вход в башню уже давно оказался под слоем мусора. Когда эскадра скутеров приземлилась на утоптанном слое отбросов, де-

сятидюймовым ковром покрывающим бывшую стоянку для наземных экипажей, из окна первого этажа с достоинством вышли пять гуманоидов.

Окно было двойным, и небольшая процессия вышла без толчеи. Над проемом и по обеим его сторонам висело множество черепов, очень похожих на человеческие. Луис так и не понял системы, по которой их там размещали.

Пятеро туземцев направились к скутерам. Подойдя, они явно заколебались, не зная, кто из прибывших самый главный. Они очень походили на людей, но не до конца, и, безусловно, не принадлежали ни к одной из выделенных антропологами рас.

Каждый был на добрых шесть дюймов ниже Луиса. Кожа у них была очень светлой, а в сравнении с желто-коричневой кожей Луиса или светло-розовой Тилы казалась мертвенно-бледной. У всех были короткие туловища и очень длинные ноги, пальцы на руках были чрезвычайно длинны и тонки. В те времена, когда люди выполняли операции вручную, они могли бы быть отличными хирургами.

Однако, еще необычнее были их прически и бороды, они были старательно расчесаны, но наверняка ни одну из них никто и никогда не

подстригал. Из-под густых волос видны были только глаза. Не нужно добавлять, что все они выглядели совершенно одинаково.

— Какие волосатые! — шепнула Тила.

— Оставайтесь на скутерах, — негромко приказал Говорящий с Животными. — Подождите, пока они подойдут, и только тогда спускайтесь. У всех есть коммуникаторы?

Луис спрятал свой в левой ладони. Коммуникаторы были связаны с автопилотом «Лгуна» и должны были действовать, несмотря на разделяющее их расстояние. В свою очередь, автопилот должен был справиться с любым новым языком.

Однако так ли будет все на самом деле, им еще предстояло выяснить. Все было бы не так страшно, если бы не эти черепа…

На площадь сходились все новые туземцы, и вскоре собралась большая толпа. Обычно над такой толпой висит гул разговоров, шепот, здесь же царила полная тишина.

Возможно, присутствие стольких зрителей заставило пятерку сановников действовать. Они, наконец, выбрали Луиса Ву.

Вблизи они вовсе не казались такими уж одинаковыми. Прежде всего они различались по росту. Все были худыми, но если один напоми-

нал скелет, то у другого было даже что-то вроде мышц. Четверо были одеты в бесформенные серо-бурые одежды, пятый носил наряд того же покроя, только бледно-оранжевого цвета.

Заговорил самый худой. Его ладони украшала татуировка в виде птицы.

Луис ответил.

Татуированный сановник произнес короткую речь. Им повезло. Прежде чем начинать перевод, нужно было собрать данные.

Луис снова ответил.

Худой туземец продолжал, а четверо его товарищей надменно молчали, молчала и толпа.

Автопилот анализировал чужую речь.

Луису казалось, что эта необычная тишина свалится ему на голову каким-нибудь материальным грузом. Густая толпа широким кольцом окружала их четверых и пятерых волосатых гуманоидов. Тот, с вытатуированной птицей, все еще говорил.

— Мы называем эту гору Кулаком Бога, — он указал направление, с которого они прибыли. — Почему? А почему бы и нет, Инженер? — он явно имел в виду огромную гору, которую они увидели из борозды, пропаханной «Лгуном». Заметить ее отсюда было невозможно.

Луис слушал и учился. Автопилот отлично справлялся с переводом. Постепенно в мозгу Луиса создавался образ малой деревушки, обретающейся в руинах когда-то могучего города…

— Правда, Зигнамукликлик уже не так великолепен, как когда-то, но все же наши хозяйства гораздо лучше тех, которые мы могли бы построить себе там. Если начинает течь крыша, всегда можно спуститься этажом ниже и переждать непогоду. В зданиях легко удерживать тепло, а в случае войны в них легко защищаться, а нападающим трудно их поджечь. Поэтому-то, Инженер, хотя утром мы выходим на поля, по вечерам мы возвращаемся в наши дома на краю Зигнамукликлика. Зачем нам мучиться, строя новые дома, если старые все равно лучше?

Туземцы видели перед собой двух удивительных чужаков и двух почти людей без бород и необычно высоких. Все четверо прибыли на бескрылых металлических птицах, все четверо сами лопотали какую-то ерунду, но с помощью маленьких, округлых предметов говорили вполне разумно… Ничего странного, что туземцы приняли их за строителей Кольца. Луис решил не протестовать: объяснения могут затянуться на несколько дней. Кроме того, они были здесь, что-

бы учиться, а не поучать.

— В этой башне, Инженер, расположена резиденция наших властей. Нас здесь больше тысячи человек. Разве могли бы мы построить здание, более прекрасное, чем то, которые вы видите? Мы отгородили верхние помещения, так что стало легче удержать тепло в тех помещениях, которыми мы пользуемся. Когда-то мы защищали башню, сбрасывая сверху щебень и камень. Я помню, что нашей главной проблемой был страх высоты. И все же мы тоскуем о тех великолепных днях, когда в нашем городе жили тысячи тысяч людей, а дома и дворцы поднимались в воздух. Мы надеемся, что ты вернешь эти дни. Говорят, что в те времена этому миру придали его нынешнюю форму. Может, ты ответишь, так ли это было?

— Это было так, — подтвердил Луис.

— И эти великолепные дни вернутся?

Луис ответил, надеясь, что это прозвучит уклончиво, и почувствовал, что разочаровал своего собеседника.

Разглядеть выражение заросшего лица было делом совершенно безнадежным, а жесты всегда были своего рода кодом, который нужно знать, если хочешь его понимать: жесты бородача были

частью совершенно чужой, незнакомой культуры. Из-под пепельных волос смотрели карие глаза, но по ним, вопреки всеобщему мнению, многого не прочтешь.

Он говорил певучим, мелодичным голосом, как будто читал стихи. Автопилот переводил слова Луиса таким же напевом, хотя тот обращался к нему совершенно нормальным тоном. Луис слышал, как коммуникатор Несса тихонько посвистывает на языке кукольников, а у Говорящего — фыркает на Языке Героев.

Луис тем временем задавал вопросы…

— Нет, Инженер, мы не жаждем крови. Черепа? Их полно во всем Зигнамукликлике. Они лежат здесь со времени падения города, и мы используем их для украшения.

Говоривший торжественно поднял руку, показывая Луису сделанную на ней татуировку.

— …! — закричала толпа, но автопилот не перевел этого слова.

Впервые за все время заговорил кто-то другой, кроме оратора. Луис явно что-то проглядел и отлично понимал это. К сожалению, времени задуматься над этим не было.

— Покажи нам чудо, — потребовал худой бородач. — Мы не сомневаемся в твоей мощи, но

ты можешь уже никогда здесь не появиться. Мы хотим увидеть что-нибудь такое, о чем можно будет рассказывать нашим детям.

Луис задумался. Их уже видели летящими, подобно птицам, значит, этот номер отпадал. Может, в таком случае подойдет манна из пищевых регенераторов? Но даже рожденные на Земле люди отличались друг от друга, если говорить о терпимости к разного рода пище. Разница между вкусным блюдом и вызывающими отвращение отбросами чаще всего возникала из-за культурных условий, а не из-за какого-то чувства вкуса. Некоторые ели саранчу с медом, другие — копченых змей; что для одного было отличным сыром, для другого имело ценность кислого молока. Лучше не рисковать. В таком случае, может, лазер?

Когда Луис полез в багажник своего скутера, край черного прямоугольника коснулся солнечного диска. Отлично. В наступающей темноте демонстрация должна произвести еще большее впечатление.

Он установил небольшую мощность и широкий угол рассеивания, после чего направил свет на татуированного сановника, потом на четырех его соседей и, наконец, на толпу. Если даже они были удивлены, то хорошо скрывали это. Луис тоже не

ударил в грязь лицом: он скрыл разочарование такой слабой реакцией и направил лазер вверх.

Целью он выбрал маленькую резную фигурку, выступающую за край крыши башни. Луис передвинул регулятор, и фигурка осветилась белым светом. Луч сузился до тонкой зеленой линии, и на животе статуэтки появился огненный пупок.

Луис ждал восторженных возгласов.

— Ты сражаешься светом, — сказал мужчина с татуировкой на руке. — Это запрещено.

— …! — снова крикнула толпа.

— Мы не знали об этом и просим простить нас.

— Не знали? Как это не знали? Разве не вы построили Арку в знак Союза с Человеком?

— Какую Арку?

Хотя лицо туземца было скрыто под густой бородой, его удивление было видно совершенно ясно.

— Арку над Миром, о Инженер!

Только теперь Луис понял, в чем дело, и рассмеялся.

В ответ бородач размахнулся и неловко ударил его прямо в нос.

Удар оказался слабым, поскольку туземец был невысокого роста и не отличался силой. Слабым, но болезненным.

Луис не привык к боли. Большинство людей его времени не знали боли большей, чем от прищемленного пальца — слишком повсеместными были болеутоляющие средства, слишком легкодоступной медицинская помощь. Боль, испытываемая лыжником, который сломал ногу, длилась обычно не больше нескольких секунд, а воспоминание о ней хранилось в нижних слоях подсознания как нечто такое, чего здоровый разум не мог вынести. Все виды спортивной борьбы, вроде каратэ, дзюдо или бокса были запрещены задолго до рождения Луиса. Луис Ву был очень плохим воином. Он наверняка мог бы стать лицом к лицу со смертью, но не с болью.

Луис Ву вскрикнул и выпустил лазер.

Толпа бросилась на них. Двести казалось бы спокойных людей превратились в тысячу разъяренных демонов. Ситуация резко осложнилась. Худой предводитель схватил Луиса своими костлявыми руками, с истерической силой прижимая его к земле. Луис освободился одним паническим рывком. В следующую секунду он уже сидел в скутере, и тут прозвучал голос его разума.

Органы управления остальных скутеров подчинялись его машине. Если бы он стартовал, они тоже взлетели бы, независимо от того, где в

данный момент находились их пассажиры. Луис огляделся по сторонам.

Тила была уже в воздухе, наблюдая сверху за схваткой. Наверняка ей даже в голову не пришло помочь остальным. Кзин превратился в безумную, всеуничтожающую молнию. Он уже повалил полдюжины противников, а в тот момент, когда Луис на него взглянул, разбил прикладом лазера череп седьмого. Заросшие волосами туземцы неуверенно топтались на безопасном расстоянии от него.

Длинные тонкие пальцы пытались вытащить Луиса из кресла и были уже близки к успеху, хотя он упирался руками и ногами. Наконец ему пришло в голову, что нужно включить звукопоглощающий барьер, то есть силовое поле.

Когда невидимая сила отшвырнула нападающих от скутера, послышались испуганные крики. Однако один туземец по-прежнему сидел у Луиса на спине. Пришлось скинуть его, выключить на секунду поле и тут же снова включить его. Затем он огляделся в поисках Несса.

Кукольник пытался добраться до своего экипажа, и туземцы расступались в стороны, явно испуганные его необычным видом. Только один встал у него на пути, но в руке он держал длин-

ный металлический прут.

Несс увернулся от удара и крутанулся на передних ногах, поворачиваясь спиной к опасности и к своему скутеру.

Кукольник погибнет, если подчинится закодированному в генах стремлению бежать. Разве что Говорящий или Луис вовремя успеют ему помочь. Луис уже открыл рот, чтобы окликнуть кзина, когда Несс закончил поворот.

Луис закрыл рот.

Кукольник направился к скутеру, и больше никто не пытался его остановить. Копыто его задней ноги было в крови по самую бабку.

Группа поклонников воинских талантов кзина все еще держалась за пределами досягаемости его могучих рук. Говорящий презрительно сплюнул им под ноги, — жест, перенятый у людей, — и сел в свой скутер. Туземец, который пытался остановить Несса, неподвижно лежал в луже крови.

Все были уже в воздухе. Луис стартовал последним. Еще издали он увидел, что хочет сделать Говорящий с Животными, и изо всех сил закричал:

— Подожди! Не надо!

Кзин уже вытащил «модифицированный инструмент для копания».

— Почему? — спросил он, однако на спуск не нажал.

— Не надо! Это будет убийство! Что они могут сделать нам сейчас? Забросать камнями?

— Они могут использовать твой лазер.

— А вот и нет. Есть же запрещение.

— Так сказал тот худой. Ты ему веришь?

— Да.

Кзин отложил оружие, и Луис облегченно вздохнул: честно говоря, он ожидал, что Говорящий сравняет город с землей.

— Откуда взялось это запрещение? Может, была какая-то война?

— Или безумец с лазерным оружием. Жаль, что не у кого спросить.

— У тебя кровь идет из носа.

К тому же этот нос чертовски болел. Луис передал управление кзину, а сам занялся своими ранами. Под ними, в постепенно исчезающем из виду Зигнамукликлике, кружилась разъяренная, жаждущая мести толпа.

13. ЗВЕЗДНЫЕ СЕМЕНА

— Они должны были упасть на колени, — пожаловался Луис. — Это меня и сбило. Кроме того, автопилот везде говорил «инженер», а нужно было говорить «бог».

— Бог?

— Они сделали из строителей Кольца богов. Я должен был сразу обратить внимание на это молчание. Говорить можно было только жрецу. Они вели себя так, словно слушали старую, давно знакомую проповедь. Вот только я давал неправильные ответы.

— Значит, религия. Очень странно. Но, пожалуй, ты не должен был смеяться, — сказал интерком голосом Тилы. — Никто не смеется в соборе, даже туристы.

Они летели в гаснущем свете солнца. Кольцо всходило в небе пятнистой голубой дугой.

Сквозь звукопоглощающее поле пробился резкий, нарастающий вой. Мгновение он сверлил им уши, потом стих — они преодолели звуковой барьер.

Зигнамукликлик исчез позади. Городу не удаст-

ся отомстить демонам: вероятно, он их больше никогда не увидит.

— Это действительно выглядит как арка, — сказала Тила.

— Ты права, я не должен был смеяться. Но нам все равно повезло: мы оставляем позади свои ошибки и не чувствуем на себе их последствий. Нужно только следить, чтобы мы могли взлететь в любую минуту. Тогда мы будем в безопасности.

— И все же, последствия некоторых наших ошибок останутся с нами. И надолго, — вставил кзин.

— Забавно, что это говоришь именно ты, — Луис осторожно потрогал нос, которыми сейчас больше напоминал торчащий на лице кусок бесчувственного дерева. Он успеет зажить, прежде чем кончится действие болеутолителя.

— Несс? — сказал он после небольшой паузы.

— Да, Луис?

— Мне кое-что пришло в голову. Ты говорил, что тебя считают безумцем, потому что ты отважен, верно?

— О, Луис, твой такт и твоя деликатность…

— Я говорю серьезно. Ты и все прочие кукольники смотрели на это не с той стороны. Кукольник инстинктивно бежит от опасности, верно?

— Да, Луис.

— В том-то и дело, что нет. Кукольник инстинктивно отворачивается от опасности, чтобы ввести в действие свою заднюю ногу. А это смертельно опасное оружие, Несс.

Луис отлично помнил, как все это произошло: кукольник плавным движением повернулся и со страшной силой ударил твердым, как сталь, копытом. Головы его при этом были расставлены максимально широко, чтобы точнее определить расстояние до цели. Собственно говоря, Несс пинком выбил у несчастного сердце из груди.

— Я не мог бежать, — сказал он, — потому что тогда удалился бы от скутера. Это могло оказаться опасным.

— Но тогда ты вовсе не думал об этом. Ты действовал инстинктивно. Автоматически повернулся спиной к противнику и пнул. Нормальный кукольник поворачивается не для того, чтобы бежать, а чтобы сражаться. Вовсе ты не безумен, Несс.

— Ты ошибаешься, Луис. Большинство кукольников бегут от опасности.

— Но…

— А норма всегда определяется большинством.

— Стадное существо! — Луис сдался и поднял взгляд, чтобы увидеть последние лучи заходяще-

го в зените солнца.

«Последствия некоторых ошибок останутся с нами...»

Что имел в виду Говорящий с Животными?

Над их головами появилось кольцо черных прямоугольников. Тот, который заслонил солнце, был окружен ярким ореолом. Параболическая дуга Кольца пересекала звездное небо.

Это походило на конструкцию, сложенную из трехмерного меккано маленьким ребенком, слишком маленьким, чтобы понимать, что он делает.

После бегства из Зигнамукликлика маленькой флотилией управлял Несс, затем он передал обязанности пилота Говорящему, и тот пилотировал всю ночь. Над их головами из-за края гигантского прямоугольника показалось слабое зарево — приближался рассвет.

К этому времени Луис нашел, наконец, способ представить себе истинные размеры Кольца. Для этого следовало представить себе карту Земли в проекции Меркатора — то есть нормальную стенную карту, какими пользовались когда-то в школах — но чтобы экватор на этой карте был изображен в масштабе один к одному. Сорок таких карт, уложенных одна за другой, пересекли

бы поперек голубую ленту Кольца.

Поверхность такой карты была бы гораздо больше поверхности Земли, но если бы положить ее где-нибудь на Кольце, взглянуть в другую сторону, а потом попытаться найти — этот фокус мог бы не удаться.

Раз разбуженное воображение могло прыгать дальше безо всяких преград. Например, одинаковые океаны Кольца: каждый из них был больше самой крупной из населенных человеком планет. Если бросить в один из них Землю, она спокойно будет в нем плавать.

«Действительно, я не должен был смеяться», — мысленно согласился Луис. Прошло много времени, прежде чем ему удалось постигнуть величие всего этого… сооружения. Почему же туземцы должны быть в этом лучше его?

Несс понял это раньше. В ту ночь, когда они впервые увидели Арку Неба, кукольник кричал от ужаса и пытался спрятаться под собственным животом.

Ненис, что за… Впрочем, неважно. По крайней мере, сейчас, когда все ошибки остаются позади со скоростью двух тысяч миль в час.

Говорящий с Животными вышел на связь, передал управление Луису и заснул.

Со скоростью семисот миль в секунду навстречу им мчался рассвет.

Линия, отделяющая день от ночи, называется терминатором. Земной терминатор отлично виден с Луны и с орбиты, но на самой Земле увидеть его невозможно.

Резкие прямые линии, отделяющие на дуге Кольца день от ночи, были именно терминаторами.

Одна из таких линий мчалась навстречу флотилии скутеров. Она протянулась от земли до неба, от одного невидимого края до другого, и приближалась, как материализованная судьба, как стена, слишком большая, чтобы обойти или перескочить ее.

И вот она пришла. Зарево вверху набрало силу, чтобы вдруг вспыхнуть со всей яркостью, когда уходящий край черного прямоугольника открыл солнечный диск. Луис смотрел на уходящую влево ночь, приближающийся справа день и движущуюся через бескрайнюю равнину линию терминатора. Странный, необычный рассвет, демонстрируемый специально для Луиса Ву-туриста.

Далеко позади над размытой серостью сверкнула белая вершина.

— Кулак Бога, — вслух сказал Луис, смакуя необычное грозное название. Что за великолепное название для горы! Особенно, если принять во внимание, что это самая большая гора во Вселенной.

Луис Ву-человек испытывал сильную боль. Если его мышцы и суставы не начнут быстро приспосабливаться, он вскоре окостенеет в сидячем положении, и уже ничто не сможет поднять его с места. Еще хуже было то, что кирпичики, которые он получал для еды, постепенно приобретали вкус… кирпичей. Он до сих пор плохо чувствовал свой нос и, что самое плохое, не мог напиться кофе.

Однако Луис Ву-турист чувствовал себя вполне удовлетворенным.

Возьмем, к примеру, рефлекс бегства у кукольников. Никто даже не подозревал, что в принципе это рефлекс борьбы. Никто, кроме Луиса Ву.

А, скажем, звездные семена. Что за поэтическое название! Простое устройство, созданное тысячи лет назад, сказал Несс. И ни один кукольник никогда даже не заикнулся о нем. По крайней мере, до вчерашнего дня.

Но ведь кукольники были такими неромантичными.

Знали ли они, почему корабли Внешних летят в направлении сигналов, посылаемых звездными семенами? Наслаждались ли этим знанием, или просто сочли его ничего не стоящим и давно о нем за были?

Несс выключил свой интерком и, скорее всего, спал. Луис вызвал его: когда кукольник проснется, он увидит на своем пульте зеленый мерцающий огонек.

Знали ли кукольники?

Настоящие звездные семена были существами, буквально кишевшими вблизи ядра Галактики. Они питались рассеянным в вакууме водородом и передвигались благодаря огромным фотонным парусам. Сезонные миграции вели их обычно от ядра Галактики на самый ее край, а затем обратно, но уже без яйца. Новорожденное существо должно было само найти дорогу домой, летя вместе с фотонным парусом к теплому, изобилующему водородом ядру.

Следом за звездными семенами двигались Внешние.

Почему? Вопрос, может, и простой, но не лишенный некоторой тайны.

А может, и не такой простой. Примерно в середине первой войны между людьми и кзинами

одно из семян случайно свернуло со своего курса, сметенное в сторону резким порывом фотонного ветра. Летящий следом за ним корабль Внешних оказался возле Проциона и оставался там ровно столько времени, чтобы продать губернатору Нашего Дела планы гиперпространственного привода.

С тем же успехом он мог сделать это на одной из планет кзинов.

Не в это ли самое время кукольники изучали расу, к которой относился Говорящий?

— Ненис! У меня слишком разыгралось воображение. Дисциплина — вот что мне нужно.

Но ведь изучали же? Конечно, изучали. Сам Несс сказал об этом. Кукольники внимательно разглядывали кзинов, решая, нельзя ли их как-то безболезненно ликвидировать.

Война разрешила эту проблему. Корабль Внешних приземлился на Нашем Деле, а когда люди уже заполучили гиперпространственный привод, кзины перестали угрожать им и кукольникам.

— Они не решились бы, — испуганно прошептал Луис. — Если бы Говорящий… — даже думать об этом было страшно, — этот их дьявольский животноводческий эксперимент! Они использовали нас! Использовали нас!

— Совершенно верно, — сказал Говорящий с Животными.

На мгновение Луису показалось, что он спит, потом над пультом управления он увидел маленькую прозрачную головку кзина — он забыл выключить интерком.

— Ненис! Ты слышал?

— Невольно, Луис. Просто я не выключил интерком.

— Ох! — только теперь, слишком поздно, Луис вспомнил оскаленную улыбку кзина, сжавшегося на лугу, на расстоянии, делающим невозможным подслушивание, когда Несс закончил описание действия искусственных звездных семян. Уши кзина были ушами хищника, а его улыбка — рефлексом, обнажающим клыки для схватки.

— Ты говорил что-то о животноводческом эксперименте, — сказал кзин.

— Я просто… так себе…

— Кукольники стравили наши расы, чтобы ограничить экспансию кзинов. Уже тогда они располагали искусственными звездными семенами и воспользовались одним из них, чтобы направить корабль Внешних в населенный людьми район космоса и обеспечить вашу победу. Ты назвал это животноводческим экспериментом.

— Слушай, это только тонкая нить домыслов и предположений. Успокойся и…

— Однако, и ты, и я сумели ее заметить.

— Э-э-э…

— Я думал, не спросить ли Несса прямо сейчас… или лучше тогда, когда нам удастся покинуть Кольцо. Однако теперь, когда ты знаешь все, у меня нет выбора.

— Но… — начал Луис, однако не кончил. Не было смысла… Говорящий включил сирену, означавшую опасность.

Сирена исходила пронзительным воем, уходящим в инфра- и ультразвук, выдерживать его долгое время было совершенно невозможно. Над пультом управления появилась миниатюрная головка Несса.

— Что случилось?

— Вы помогали в войне нашим врагам?! — рявкнул кзин. — Ваши действия равнозначны объявлению войны Патриарху Кзина!

Тила включилась с небольшим опозданием, поэтому услышала только последнюю фразу. Луис энергично покачал головой: не вмешивайся!

Головы кукольника удивленно закачались.

— О чем ты говоришь? — сказал он своим чувственным голосом.

— Первая Война с Людьми. Звездные семена. Гиперпространственный привод Внешних.

Головы исчезли, словно их сдул ураганный порыв ветра, и один из скутеров резко ушел в сторону, удаляясь от остальных.

Возникшее положение не беспокоило его. Остальные два скутера были так далеко, что походили на серебристых мушек. Если бы дело дошло до схватки на земле, могло быть хуже. Но что могло случиться здесь, в воздухе? Скутер кукольника наверняка был быстрее экипажа кзина: Несс не был бы собой, если бы не побеспокоился об этом. Ему нужна была уверенность, что в крайнем случае он сможет сбежать.

Вот только кукольник вовсе не удирал. Он описывал большую дугу, приближаясь к Говорящему с Животными.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал кзин. — Если ты хочешь атаковать в воздухе, не забывай, что радиус действия твоего таспа может оказаться меньше радиуса действия этого модифицированного устройства для копания. СНАРЛ!

Убийственное восклицание кзина заморозило кровь в жилах Луиса, и он едва заметил маленькую серебряную точку, что отделилась от скутера Говорящего и полетела вниз. Зато он заметил

удивленно открытый рот Тилы.

— Я не собираюсь тебя убивать, — уже спокойнее повторил кзин. — Мне просто нужны ответы на несколько вопросов. Мы знаем, что вы умеете управлять звездными семенами.

— Да, — подтвердил Несс. Его скутер с огромной скоростью убегал вперед. Полное спокойствие кукольника и кзина было только иллюзией, вытекавшей из того, что Луис не видел выражения их лиц, а они не могли передавать своих чувств интонациями голоса.

Несс удирал, словно речь шла о его жизни, но кзин не покинул своего места в строю.

— Мне нужен ответ, Несс.

— Твои домыслы верны, — сказал кукольник. — Исследования, которые мы вели над хищными дикими кзинами, привели нас к выводу, что в вас таятся большие возможности, которые мы могли бы использовать с выгодой для себя. Поэтому мы предприняли некоторые шаги, чтобы довести вас до такого состояния развития, когда бы вы могли мирно сосуществовать с другими разумными существами. Мы использовали методы косвенные, и потому весьма безопасные.

— Действительно. Несс, мне это вовсе не нравится.

— Мне тоже, — добавил Луис.

От его внимания не ускользнуло то, что оба чужака все время разговаривали на интерволде. Если бы они использовали Язык Героев, содержание разговора осталось бы между ними, однако они предпочли включить в спор людей — и сделали совершенно верно, поскольку это было делом и Луиса Ву.

— Вы использовали нас, — сказал он. — Использовали нас точно так же, как и кзинов.

— Только на нашу погибель, — вставил Говорящий.

— В войне погибло много людей.

— Луис, отстань от него! — вмешалась Тила. — Если бы не кукольники, мы все были бы невольниками кзинов! Их удержали от уничтожения нашей цивилизации!

— У нас *тоже* была цивилизация, — заметил кзин со своей убийственной улыбкой.

Одноглазая голова кукольника напоминала выцветшего, но готового к атаке питона; вторая, скорее всего, управляла скутером.

— Кукольники использовали нас, — процедил Луис. — Использовали как инструмент для коррекции развития кзинов.

— И им это удалось!

Звук, вырвавшийся из горла кзина, мог бы испугать самого смелого тигра; теперь уже никто не спутал бы его гримасы с улыбкой.

— Им это удалось, — повторила Тила. — Теперь вы живете в мире и можете сотрудничать с…

— Замолчи, человек!

— …с другими разумными существами, — великодушно закончила она. — Вы не атаковали ни одной…

Кзин вытащил «слегка модифицированное» устройство для копания и подержал его перед интеркомом. Тила мгновенно умолкла.

— Это могли быть и мы, — буркнул Луис. Прочие посмотрели на него с интересом. — Если бы кукольники захотели для каких-то своих целей разводить людей… — он вдруг замолчал. — О, боже! Ясно: Тила.

Кукольник ни словом не отозвался.

Тила беспокойно зашевелилась под устремленным на нее взглядом Луиса.

— В чем дело, Луис? Луис!

— Прошу прощения. Мне тут кое-что пришло в голову… Несс, отзовись. Расскажи нам о Совете Человечества и Лотерее Жизни.

— Луис, ты сошел с ума?

— Ррр… — буркнул Говорящий. — Я сам должен

был это понять. Ну так как, Несс?

— Слушаю, — сказал кукольник.

Его скутер был уже только серебристой точкой, уменьшающейся с каждой минутой. С большим трудом можно было заметить его на фоне такого же серебристого сверкающего пятна, все еще удаленного от них больше, чем могут быть удалены две любые точки на поверхности Земли. Прозрачная потешная одноглазая головка не могла принадлежать грозному существу. Ни в коем случае не могла.

— Вы вмешались в демографические проблемы Земли.

— Да.

— Почему?

— Мы любим людей, доверяем им, поддерживаем с ними выгодные торговые отношения. Помогая им, мы действуем в собственных интересах, ибо они наверняка раньше нас доберутся до Магеллановых Облаков.

— Любите нас? Очень мило. И что с того?

— Мы хотели немного улучшить вас генетически. Но что мы могли поправить? Наверняка не разум. Не на нем основывается ваша сила, так же как и не на прозорливости, долговечности и доблести.

— И тогда вы решили одарить нас счастьем, — сказал Луис и рассмеялся.

Только теперь Тила поняла. Глаза ее округлились от ужаса, она хотела что-то сказать, но смогла издать только нечленораздельный звук.

— Разумеется, — сказал Несс. — Не смейся, Луис. У твоего вида было невероятно много счастья. В вашей истории полно счастливых случаев, предотвращенных катастроф, после которых от вас не осталось бы даже следа. Даже о взрыве ядра Галактики вы узнали совершенно случайно. Луис, почему ты все еще смеешься?

Луис смеялся, поскольку все это время смотрел на Тилу. Она покраснела до самых ушей. Ее глаза в панике бегали по сторонам, как будто ища место, где можно спрятаться. Не очень-то приятно узнать, что ты — лишь частица широкомасштабного генетического эксперимента.

— Мы изменили господствующие на Земле законы. Все вышло неожиданно просто и легко. Наше исчезновение из известного космоса вызвало крах на биржах, а благодаря небольшим финансовым манипуляциям многие члены Совета Человечества оказались на грани банкротства. Этих мы перекупили, других запугали, чтобы потом вскрыть степень их продажности

и перетянуть на нашу сторону. Вся операция была невообразимо дорога, но зато совершенно безопасна. Все кончилось просто: была организована Лотерея Жизни. Мы надеялись получить постепенно растущую популяцию счастливцев.

— Чудовище! — выкрикнула, наконец, Тила. — Чудовище!

Говорящий спрятал оружие.

— Тебя не очень-то задело, что кукольники управляли развитием моей расы, — сказал он. — Хотели вывести кроткого кзина и пользовались обычными, известными биологам-экспериментаторам методами: ликвидировали неудачные особи и разводили тех, которые сулили успех. Ты не видела в этом ничего плохого, — твердя, что это совершалось ради блага людей. И вот теперь ты возмущена. Почему?

Тила расплакалась от бессильной ярости и выключила связь.

— Кроткий кзин, — повторил Говорящий с Животными. — Вы хотели вывести кроткого кзина. Вернись к нам, Несс, если думаешь, что вам это удалось.

Кукольник не ответил. Его скутер исчез где-то вдали.

— Не хочешь присоединяться к нашей ма-

ленькой флотилии? Как же я буду защищать тебя от таящихся повсюду опасностей? Хотя… пожалуй, ты прав. Твои опасения не лишены оснований, — кзин лениво вытянул перед собой мощные ладони, вооруженные когтями. — Ваши попытки вывести людей, которым всегда везло бы, тоже кончились ничем.

— Неправда, — запротестовал Несс. — Такие есть. Это те, с которыми мне не удалось связаться. Им слишком везло.

— Вы пытались играть роль бога людей и кзинов. Не пытайтесь вернуться к нам.

— Я буду поддерживать контакт.

Лицо кзина исчезло.

— Луис, Говорящий отключился, — сказал кукольник. — Если мне будет нужно что-то передать ему, я сделаю это через тебя.

— Конечно, — рявкнул Луис и тоже выключил интерком. Почти сразу же на пульте управления загорелся одинокий зеленый огонек. Кукольнику не терпелось с кем-то поговорить.

Ну и черт с ним!

После полудня они пролетели над морем размером со Средиземное. Луис снизился, чтобы рассмотреть его повнимательнее; остальные два скутера повторили маневр. Значит, он по-преж-

нему управлял эскадрой — вот только никто не хотел с ним говорить.

Вдоль всего берега тянулся огромный город, от которого остались одни руины. За исключением портовой части, город почти не отличался от Зигнамукликлика. Луис не стал садиться: наверняка они не узнали бы здесь ничего нового.

Вскоре после этого суша начала подниматься, давление упало, и Луис время от времени чувствовал как бы фырканье в ушах. Зелень лесов и полей уступила место коричневым карликовым кустам, потом пустой тундре, голым скалам и наконец….

Из-за действия ветров и дождей на хребте, тянувшемся миль на пятьсот, не осталось ни кусочка почвы или скал, грозной серостью блестел конструктивный материал Кольца.

Наверняка, его строители не допустили бы такого. Упадок цивилизации Кольца явно начался очень давно, именно с таких явлений в местах, которых никто и никогда не посещал.

Далеко впереди перед скутерами ярко сверкало таинственное пятно. Оно могло быть в пятидесяти тысячах миль от них. Большое сверкающее пятно размером с Австралию.

Неужели снова открытый «пол» Кольца?

Огромная территория, с которой исчезла почва, высохшая и развеянная ветрами из-за отсутствия воды? Гибель Зигнамукликлика и аварии энергетических систем должны были произойти в конечную фазу упадка.

Сколько времени это могло продолжаться? Десять тысяч лет? А может, дольше?

Ненис! Хорошо бы с кем-то поговорить об этом. «Это может быть очень важно», — сказал Луис пульту управления.

Когда солнце неподвижно висит над головой, время ощущается совсем по-другому. Утро и полдень ничем не отличались друг от друга. Действительность казалась менее реальной, действия и решения как будто теряли всякое значение. Это было то же самое, что оказаться в растянутом по времени прыжке из одной трансферной кабины в другую.

Именно так! Они прыгали между двумя кабинами: одной на «Лгуне» и другой — на краю Кольца. Все их путешествие было только сном.

Они летели сквозь замороженное время.

Когда они в последний раз разговаривали друг с другом? Прошло уже несколько часов с той минуты, когда Луис вызвал Тилу, а сразу после этого — кзина. Оба игнорировали зеленые лам-

почки, мигавшие на пультах, так же как Луис не обращал внимания на ту, что горела у него.

— Хватит, — решил он наконец и включил интерком.

В уши ему ударила волна музыки. Только через минуту кукольник заметил, что связь восстановлена.

— Нужно сделать все, чтобы без кровопролития добиться прежней консолидации экспедиции, — сказал Несс. — У тебя есть какая-нибудь идея?

— Да. Однако не очень-то приятно начинать разговор с середины.

— Прошу прощения, Луис. Спасибо, что отозвался. Как ты себя чувствуешь?

— Одиноко и глупо. Это все из-за тебя. Никто не хочет со мной говорить.

— Я могу помочь?

— Возможно. Ты имел что-то общее с Советом Человечества и Лотереей Жизни?

— Я лично руководил этими проектами.

— Ненис! Это худший из возможных вариантов. Чтоб ты стал первой жертвой контроля за рождением! Нет никаких шансов на то, что Тила когда-нибудь заговорит со мной.

— Ты не должен был смеяться над ней.

— Пожалуй. Знаешь, что во всем этом пугает

меня больше всего? Вовсе не твоя невероятная дерзость, а то, что, принимая решение и начиная действия такого масштаба, ты можешь потом сделать нечто такое глупое, как…

— Тила нас слышит?

— Конечно, нет. Несс, ты вообще понимаешь, что сделал с ней?

— Если ты знал, что это ее ранит, зачем поднимал эту тему?

Луис застонал. Он решил некую проблему и пришел к определенным выводам. Ему и в голову не пришло, что и решение и выводы могут быть совершенно иными. Даже в голову не пришло.

— У тебя есть идея, как снова соединить нашу экспедицию? — спросил Несс.

— Да, — ответил Луис и выключил интерком. Пусть и кукольник познает сладкий вкус неуверенности.

Местность вновь понизилась и окрасилась зеленью.

Они пролетели над очередным морем и над большой треугольной дельтой какой-то реки. Однако ее русло, как и дельта, было совершенно сухим. Из-за перемены направления ветров высох находившийся где-то в горах источник воды.

Луис снизился, и стало ясно, что неисчислимые

каналы и канальчики дельты были не естественного происхождения, их старательно выкопали по заранее составленному плану. Строители Кольца не оставляли ничего на волю случая, и были правы: слой почвы был для этого слишком тонок. Требовалась рука инженера-художника.

Пустые, высохшие каналы выглядели просто отвратительно. Луис скорчил гримасу и увеличил скорость.

14. ИНТЕРЛЮДИЯ С СОЛНЕЧНИКАМИ

Вскоре перед ними появились горы.

Луис пилотировал всю ночь и еще довольно долго после восхода солнца. Впрочем, точно он не знал, сколько прошло времени. Неподвижно стоящее в зените солнце творило всевозможные чудеса со временем, сокращая его или растягивая.

Если же говорить о настроении, то Луис Ву находился в своем очередном Отрыве. Он почти забыл о том, что рядом с ним летят другие скутеры. Этот бесконечный полет над бескрайней, все время меняющейся поверхностью суши и моря немногим отличался от одиноких скитаний в небольшом кораблике по неизвестным просторам Космоса. Луис Ву был один на один со Вселенной, а Вселенная на время забросила все свои дела, занимаясь только Луисом Ву. Важнейший и одновременно единственный вопрос звучал так: доволен ли Луис Ву?

Неожиданно над пультом управления появилось лицо, покрытое оранжевым мехом.

— Ты, наверное, устал, — сказал кзин. — Передашь управление мне?

— Я предпочел бы сесть. У меня все тело затекло.

— Ну так садись. Ты же управляешь.

— Я не хотел бы никому навязывать своего общества, — только когда он произнес это, до него дошло, что он действительно так думает. Настрой Отрыва еще не прошел.

— Думаешь, Тила будет тебя избегать? Может, ты и прав. Она не говорит даже со мной, хотя меня постигло то же, что и ее.

— Ты принял это слишком близко. Эй, подожди! Не выключайся!

— Я хочу быть один, Луис. Это травоядное покрыло меня страшным позором.

— Но это было так давно! Не выключайся, сжалься над старым человеком. Ты следил за пейзажем?

— Да.

— Заметил эти голые пространства?

— Да. Местами эрозия дошла до самой конструкции. Видимо, система управления воздушными массами вышла из строя очень давно. Такие разрушения не происходят за день, даже на Кольце.

— Верно.

— Луис, как могло ничего не остаться от цивилизации, обладавшей такой мощью?

— Понятия не имею. Я уверен, что мы никогда этого не узнаем. Даже кукольникам не удалось достигнуть хотя бы сравнимого уровня развития. Откуда же нам знать, что вернуло их ко временам кулака и палицы?

— Нужно собрать больше информации о туземцах, — сказал кзин. — Те, которых мы встретили, ничем не помогут нам. Нужно искать других.

Именно этого Луис и ждал.

— У меня есть одна мысль. Мы сможем контактировать с туземцами так часто, как нам это будет нужно.

— Говори.

— Сначала я предпочел бы сесть.

— Тогда садись.

Поперек траектории их полета высился горный барьер. Вершины и перевалы сверкали знакомой серостью. Безумные ветры сдули тонкий слой почвы и стерли плащ скал, оставив отполированную поверхность конструкции Кольца.

Луис повел маленькую флотилию вниз, направляясь к округлым холмам предгорий, а точнее — к месту, где из гор вытекал серебряный поток, почти тут же исчезающий в бесконечной

чаще леса.

— Что ты делаешь? — неожиданно спросила Тила.

— Сажусь. Я очень устал. Однако, не выключайся, я хотел бы извиниться перед тобой.

Тила прервала связь.

— Это лучшее, чего я мог ожидать, — буркнул Луис без особой уверенности. Но теперь, когда она знала, что будет извинение, может, она охотнее согласится выслушать его.

— Эта идея осенила меня после разговора о богах, — сказал Луис. К сожалению, единственным его слушателем был Говорящий с Животными. Тила вышла из своего скутера, испепелила Луиса взглядом и скрылась в лесу.

Говорящий кивнул головой, его уши дрожали, будто китайские опахала, которые держат нервные руки.

— Пока мы находимся в воздухе, нам ничего не грозит, — продолжал Луис. — Честно говоря, при необходимости мы могли бы добраться до края без посадок или садясь только там, где эрозия обнажила конструкцию Кольца. Таким способом мы наверняка не встретили бы ни одной живой души, но и ничего бы не узнали. Кроме того, нам не удастся выбраться отсюда без помощи

местных жителей, ведь все указывает на то, что нужно будет как-то перетащить «Лгуна» почти на четыреста тысяч миль.

— Ближе к делу, Луис. Я хотел бы размять кости.

— Когда мы доберемся до края, нам нужно знать о туземцах гораздо больше, чем мы знаем сейчас.

— Несомненно.

— Тогда почему бы нам не изображать богов?

Говорящий заколебался.

— Это нужно понимать буквально?

— Да. Мы будем играть роль строителей Кольца. У нас нет такой мощи, как у них, но туземцам наши возможности все равно будут казаться неограниченными. Ты можешь быть богом…

— Спасибо.

— …а Тила и я — аколитами. Несс будет пойманным демоном.

Из мягких подушечек на ладонях кзина выглянули острые когти.

— Но Несса нет с нами. Он никогда не вернется.

— В том-то и дело. В…

— Этот вопрос не подлежит обсуждению, Луис.

— Очень жаль. Он нам нужен.

— Тогда придумай что-нибудь другое.

Луис не знал, что думать об этих когтях. Действительно ли они выглядывали помимо воли их хозяина? Но так или иначе, их все еще было видно. Если бы они говорили через интерком, Говорящий давно бы уже прервал связь. Именно поэтому Луис и предпочел говорить с ним лично.

— Взгляни, как это здорово задумано. Ты был бы великолепным богом. С точки зрения человека, ты производишь очень сильное впечатление… Хотя, полагаю, тебе придется поверить мне на слово.

— А зачем нам нужен Несс?

— Для раздачи кар и милостей. Ты, как бог, разрываешь на куски усомнившихся и пожираешь их на глазах толпы: это кара. Тех же, кто тебе угоден, ты награждаешь с помощью таспа кукольника.

— А нельзя ли обойтись без него?

— А ты можешь представить себе более божественную награду? Удар чистого наслаждения, направленный прямо в мозг. Никаких побочных эффектов, никакого похмелья. Тасп — это получше, чем секс!

— Мне это не нравится. Правда, туземцы всего

лишь люди, но я не хотел бы подчинять их себе. Уж лучше просто убить их. Впрочем, тасп кукольника действует только на Кзинов, а не на людей.

— Думаю, ты ошибаешься.

— Луис, мы же оба знаем, что тасп сконструировали так, чтобы он действовал на структуру мозга кзинов, я сам почувствовал это на себе. В одном ты прав: это, действительно, почти религиозный экстаз, а если точнее — дьявольский.

— Но откуда ты знаешь, что тасп не действует на людей? Я думаю, что действует. Я знаю Несса. Либо этот тасп действует и на тебя и на нас, либо у него есть еще один. Здесь не было бы ни меня, ни Тилы, если бы Несс не имел для нас какого-нибудь крючка.

— Это только домыслы.

— Так, может, спросим его?

— Нет.

— Почему?

— Ни к чему.

— Да, я забыл, что ты не любопытен, — обезьянье любопытство было чертой, неизвестной большинству разумных рас.

— Ты хотел пробудить мое любопытство, да? Понимаю. Ты собираешься заставить меня действовать согласно своим ожиданиям. Ничего

не выйдет. Пусть кукольник летит дальше. — И прежде чем Луис успел что-либо ответить, кзин повернулся и прыгнул в зеленые заросли. Это закончило дискуссию еще успешнее, чем выключение интеркома.

Весь мир ополчился против Тилы Браун, и она тихонько всхлипывала, оплакивая свою судьбу. Для этого ей удалось найти действительно прелестное местечко.

Основным мотивом здесь была темная зелень. Листва над ее головой образовывала плотный зонтик и не пропускала прямые лучи солнца, однако ближе к земле она становилась реже, и там можно было ходить безо всяких трудностей. Это был истинный рай для любителя природы.

Высокие отвесные скалы окружали глубокое хрустально-чистое озерко, чья вода лишь в одном месте была вспучена падающей колонной водопада. Тила купалась в озерке. Шум водопада заглушил бы ее отчаянные рыдания, если бы не амфитеатр скал — он усиливал даже самые слабые звуки. Казалось, что сама Природа плачет вместе с ней.

Луиса она не заметила.

Даже Тила, выброшенная после аварии в чужой мир, не ушла бы никуда без своего набора первой

помощи. Это была небольшая плоская коробочка; в ней был небольшой непрерывно действующий передатчик. Его сигнал и привел Луиса к одежде Тилы, сложенной на гранитной полке, что была почти вровень с водой.

Темно-зеленая иллюминация, шум водопада и усиленные скалами рыдания. Тила сидела на чем-то возле самого водопада, только плечи торчали над водой. Голова ее поникла, и черные волосы густой завесой закрывали лицо.

Не было смысла ждать, пока она сама придет к нему. Луис снял одежду и положил на гранитную полку. Откуда-то пришел заблудившийся порыв ветра. Луис задрожал и прыгнул в воду.

В ту же секунду он понял, как здорово ошибся.

Во время своих Отрывов он не слишком часто натыкался на планеты, похожие на Землю, а те, на которые попадал, были, по крайней мере, так же освоены и цивилизованы, как сама Земля. Луис не был глупцом и, если бы подумал, какую температуру может иметь вода…

Но он не подумал.

Вода приходила с ледника, тающего где-то высоко в горах. Если бы его голова не была глубоко под водой, Луис истошно заорал бы от неожиданности. Впрочем, он сохранил достаточно

рассудка, чтобы не открывать рот под водой.

Когда ему, наконец, удалось вынырнуть, он фыркал от холода и отчаянно хватал воздух.

А потом это начало ему нравиться.

Луис знал, как нужно вести себя в воде, хотя учился он этому не в полярных широтах. Он ритмично шевелил руками и ногами, держась на поверхности и чувствуя, как водопад омывает его кожу бодрящими подповерхностными потоками.

Тила не могла его не заметить. Она сидела неподвижно, ожидая его, и он поплыл к ней.

Ему пришлось бы кричать изо всех сил, чтобы она хоть что-то разобрала, а это не годится для слов извинений и любви. Однако он мог коснуться ее.

Тила не отодвинулась, только наклонила голову и вновь отгородилась от мира сплошной завесой волос. Она отталкивала его, и он чувствовал это каждой клеткой своего тела.

Он не стал настаивать.

Плавая вокруг, он разминал мышцы, одеревеневшие после восемнадцати часов, проведенных в кресле скутера. Вода была чудесной, однако, вскоре тело начало ныть от холода, и Луис решил, что не стоит напрашиваться на воспаление

легких.

Он коснулся плеча Тилы и указал на берег. На этот раз она кивнула и поплыла за ним.

Они лежали на берегу, дрожа от холода и обхватив себя руками. Разложенные термические скафандры грели их озябшие тела.

— Прости, что я смеялся над тобой, — сказал Луис.

Она кивнула головой, принимая к сведению факт извинения, но в этом кивке не было прощения.

— Пойми, это действительно было смешно. Кукольники, повсеместно считаемые самыми большими трусами Галактики, разводят людей и кзинов, как две породы скота! Они превосходно понимали рискованность своих поступков, — он знал, что говорит слишком много, но испытывал непреодолимое желание объяснить свое поведение. — И смотри, до чего они дошли. Кроткий, рассудительный кзин — это вовсе не глупая мысль. Я знаю кое-что о войнах с кзинами: они были по-настоящему жестокими. Предки Говорящего сравняли бы Зигнамукликлик с землей, но сам он этого не сделал. Но разведение людей с целью получения популяции счастливчиков…

— По-твоему, они ошиблись, делая меня такой,

какая я есть?

Ненис! Ты думаешь, я хочу тебя обидеть? Я только хотел сказать, что это забавная мысль. Особенно, если вспомнить, что она появилась у кукольников. Именно поэтому я и смеялся.

— И думаешь, что я тоже должна веселиться?

— Нет. Это был бы уже перебор.

— Это хорошо.

Она не чувствовала к нему ненависти. Она нуждалась в утешении и покое, а не в мести. Утешение и покой были в тепле, шедшем от скафандров и в прикосновении его тела.

Луис мягко гладил ее по спине, и Тила немного расслабилась.

— Мне хочется, чтобы все мы снова были вместе, — сказал он и сразу почувствовал, как напряглись ее мышцы. — Тебе не нравится эта идея?

— Нет.

— Несс?

— Я его ненавижу. Ненавижу! Он разводил нас, как… как зверей! — она вдруг успокоилась. — Но Говорящий застрелит его сразу, как только он появится, значит, не о чем говорить.

— А если бы мне удалось убедить Говорящего, чтобы он позволил кукольнику присоединиться

к нам?

— Интересно, как бы ты это сделал?

— И все-таки?

— Но зачем?

— «Счастливый Случай» по-прежнему принадлежит Нессу. Такой корабль — единственный шанс для человечества добраться до Магеллановых Облаков быстрее, чем за несколько сотен лет. Если мы покинем Кольцо без Несса, нам никогда больше не видать корабля.

— Это отвратительно, Луис.

— Подожди. Ты сама говорила, что если бы не то, что кукольники сделали с кзинами, мы были бы сегодня невольниками Говорящего. И это правда. Но если бы кукольники не вмешались в наши земные дела, ты вообще бы не родилась!

Она замерла. Ее чувства отражались на лице, а лицо было совершенно закрыто волосами.

Луис не сдавался.

— То, что сделали кукольники, они сделали очень давно. Неужели ты не можешь простить и забыть?

— Нет! — она откатилась в сторону, прямо в ледяную воду. Луис после секундного колебания последовал за ней. Когда он вынырнул, Тила сидела на прежнем месте у подножия водопада.

При этом она соблазнительно улыбалась. Как может настроение меняться так быстро?

Луис подплыл к ней.

— Прелестный способ велеть собеседнику заткнуться! — рассмеялся он, однако она вряд ли услышала его. Он сам себя не слышал, оглушенный грохотом падающей воды. Но Тила радостно засмеялась и протянула к нему руки.

— Все равно это были глупые аргументы! — крикнул он.

Вода была холодной, очень холодной, и тепло шло только от Тилы. Они стояли друг перед другом на коленях на узкой подводной скале.

Любовь была чудесной смесью холода и тепла. Занимаясь любовью, они не решали никаких проблем, зато могли хотя бы ненадолго уйти от них.

Возвращаясь к скутерам, они все еще дрожали в своих скафандрах. Луис молчал. Он только что узнал кое-что о Тиле Браун.

Она не могла от него отвернуться, не могла сказать «нет» и настоять на своем, не могла никого прогнать, используя умело дозированную неприязнь. У нее еще не было случая научиться всему этому.

Луис мог бы оскорблять ее ежедневно до скончания мира, а она не смогла бы его остановить.

Зато она смогла бы возненавидеть. Поэтому он молчал. Поэтому и потому, что просто *не хотел* ее оскорблять.

— Ну, ладно, — сказала она, наконец. — Если тебе удастся убедить кзина, можешь вызывать Несса.

— Спасибо, — ответил он, не скрывая удивления.

— Это только из-за «Счастливого Случая», — объяснила она. — Впрочем, тебе все равно не удастся.

У Говорящего с Животными было, наконец, время, чтобы как следует подкрепиться и заняться традиционными физическими упражнениями, то есть приседаниями. Было у него время и на менее традиционные упражнения — лазание по деревьям. Наконец он вернулся к своему скутеру; мех на его лице был идеально чист. Не теряя времени, он вынул из питателя два парных кирпичика субстанции, напоминающей свежие внутренности. «Великий охотник вернулся домой», — подумал Луис, делая вид, будто разглядывает небо.

Когда они садились, оно было покрыто тучами и теперь нисколько не прояснилось. Они взлетели.

Луис включил интерком и вернулся к разговору о Нессе.

— Ведь это было так давно!

— Чувство достоинства не слабеет со временем, но ты, конечно, не можешь об этом знать. Больше того, на нас до сих пор сказываются последствия их эксперимента. Почему Несс решил выбрать для этого путешествия именно кзина?

— Он уже объяснил это.

— А зачем ему Тила Браун? Он получил от Лучше-Всех-Спрятанного задание проверить, унаследовала ли она этот «счастливый» ген. Он хотел также убедиться, что кзины стали более кроткими. Он выбрал именно меня, поскольку посол на планете, жители которой известны своей дерзостью, должен обладать той кротостью, которая его интересовала.

— Я тоже думал об этом, — признал Луис. Он пошел дальше. — Может, Нессу поручили упомянуть о звездных семенах именно для того, чтобы проверить реакцию кзина?

— Это не имеет значения. Я утверждаю, что не стал более кротким.

— Тебе не надоело без конца повторять это слово?

— Почему ты так защищаешь кукольника, Лу-

ис? Зачем он тебе нужен?

«Хороший вопрос, — подумал Луис. — Нессу полезно немного поволноваться».

Или дело было только в том, что Луис Ву любил чужаков? А может, истина гораздо сложнее? Кукольник был *иным*, и его отличие имело свое немалое значение. Человеку в возрасте Луиса Ву вполне могла наскучить жизнь, и общество чужих было для него просто необходимо.

Скутеры набрали высоту, следуя за рельефом местности.

— Меня интересует его точка зрения, — сказал Луис. — Мы находимся в чужом, необычном месте и чтобы понять, что здесь вообще происходит, нужно как можно больше различных мнений.

Тила согласно кивнула: хорошо сказано! Луис подмигнул ей в ответ. Говорящий наверняка не заметил обмена этими знаками, свойственными только людям.

— Мне не нужен кукольник, чтобы объяснить то, что происходит вокруг. Мои глаза, мой нос и мои уши вполне меня устраивают.

— Возможно. Но тебе нужен «Счастливый Случай». Он всем нам нужен.

— Это — выгода, а честь главнее выгоды.

— Ненис! Но ведь «Счастливый Случай» нужен

не тебе или мне, он нужен всем людям и кзинам.

— Даже если прибыль принадлежит не только тебе, ее нельзя ставить выше чести.

— Моей чести ничто не грозит.

— Я в этом не уверен, — сказал кзин и выключил интерком.

— Очень полезная вещь этот выключатель, — язвительно заметила Тила. — Я так и знала, что он отключится.

— Я тоже. Трудно же его убедить!

За горами расстилалось бескрайнее море туч. Скутеры летели над матово-серой поверхностью, а над ними на светло-голубом небе чуть вырисовывалась дуга Кольца.

Горы остались позади, а вместе с ними — окруженное лесом озерко с водопадом. Больше они его никогда не увидят.

Внизу, на клубящемся ковре туч, было хорошо видно, как вслед за ними движется ударная волна. Впереди только одна деталь нарушала бесконечную, спокойную серость. Луис решил, что это либо гора, либо огромная, невероятно удаленная от них воздушная аномалия. Это «что-то» было размером с булавочную головку, если держать ее в вытянутой руке.

— Луис, справа перед нами просвет среди туч, —

сказал кзин.

— Я вижу.

— Он очень светлый, как будто солнечный свет отражается от земли.

— Действительно, — края просвета сияли ярким блеском. — Гмм… Может, мы снова летим над обнаженной конструкцией Кольца? Если так, то это самая большая плешь.

— Я хотел бы взглянуть на это поближе.

— Хорошо, — согласился Луис. Серебристая точка резко повернула и помчалась вперед и вправо, по направлению вращения Кольца. При скорости, в два раза превосходящей скорость звука, Говорящий едва успел кинуть взгляд на открытый участок.

Перед Луисом встала непростая проблема: на что, собственно, смотреть? На серебряную точку или на маленькую оранжевую головку над пультом управления? Если первое было реальным, то второе — более четким. Из обоих источников можно было получить информацию, правда, несколько различную.

Кончилось тем, что Луис стал смотреть и на то, и на другое.

Серебряное пятнышко влетело в просвет… и в интеркоме раздался испуганный рык кзина.

Скутер Говорящего засветился интенсивными вспышками, похожими по цвету на его оранжевое лицо. Он отчаянно зажмурил глаза, широко открыл рот и кричал, кричал…

Затем образ обрел прежнюю четкость — скутер кзина вновь оказался над слоем туч. Говорящий закрывал лицо руками, а мех, когда-то оранжевый, был опален до самой кожи.

Внизу, на серо-бурой поверхности виднелся яркий круг, словно следом за скутером перемещался сноп света от огромного прожектора.

— Говорящий! — крикнула Тила. — Ты видишь?

Кзин открыл лицо. Единственным местом, где мех остался нетронутым, были широкие круги вокруг глаз. От всего остального меха осталось только воспоминание и обугленные остатки; Кзин открыл глаза, закрыл, снова открыл.

— Я ослеп, — сказал он.

— Да, но хоть что-то ты видишь?

Потрясенный и испуганный, Луис не заметил ничего странного в этом настойчивом вопросе. Однако какая-то часть его мозга отметила тон Тилы: беспокойство, а кроме того — убежденность, что Говорящий ответил как-то не так, и что нужно спросить еще раз.

Сейчас на это не было времени.

— Говорящий, переключи управление на мой скутер! Нам нужно где-то укрыться.

— Сделано, — отозвался кзин через минуту. По его голосу было ясно, что он испытывает страшную боль. — О каком укрытии ты говоришь?

— В горах.

— Нет, так мы потеряем слишком много времени. Я знаю, что меня атаковало. Если я прав, то мы в безопасности до тех пор, пока находимся над тучами.

— Да?

— Ты сам убедился в этом.

— Тебя нужно полечить.

— Верно, но сначала нужно найти безопасное место, где можно приземлиться. Опускайся там, где облака погуще.

Под толстым слоем туч было довольно темно, однако немного света доходило даже сюда.

Они летели над бесконечной равниной, поросшей редкими растениями. Одиночными растениями, расположенными на равных расстояниях друг от друга. У каждого из них был один цветок, и каждый цветок поворачивался следом за Луисом Ву. Необычайно молчаливая и внимательная публика.

Луис приземлился возле одного из растений и вылез из скутера. Цветок был величиной с человеческое лицо, с наружной стороны он имел целую массу жилистых выпуклостей, похожих на сухожилия или мышцы, а внутренняя поверхность была гладкая и полированная — являя слегка вогнутое зеркало. В центре был короткий столбик с зеленым наростом на конце.

Все цветы смотрели прямо на Луиса, купая его в своем блеске. Он знал, что они пытаются его убить и беспокойно взглянул вверх: к счастью, тучи были на своем месте.

— Ты был прав, — сказал он в свой коммуникатор. — Это солнечники Славера. Если бы не тучи, мы были бы мертвы в тот момент, когда оказались над этой низменностью.

— Не думаю. Местность здесь ровная, солнечники не могут как следует сконцентрировать свои лучи, но все равно, светят убийственно.

— О, лапы Финагла, что с вами? — забеспокоилась Тила. — Луис, нужно быстрее садиться! Говорящий ранен и страдает.

— Это правда, Луис.

— Значит, придется рискнуть. Ладно, вылезайте. Будем надеяться, что ветер не разгонит тучи.

С минуту Луис прохаживался между цветами.

Все было так, как он и предполагал: в королевстве солнечников не было никого, кроме них. Ничто не росло, ничто не летало, ничто не рылось в испепеленной почве. На самих солнечниках не было паразитов и болезней: если один из них заболевал, остальные тут же его сжигали.

Зеркальный цветок был оружием страшной силы. Его основной задачей была концентрация солнечных лучей на том самом наросте в центре, где шел процесс фотосинтеза. Однако он мог концентрировать эти лучи и на животном или насекомом, мгновенно сжигая их. Все живое было врагом растения, существующего благодаря фотосинтезу, и потому все живое превращалось в удобрения для солнечников.

«Но откуда они взялись здесь, — задумался Луис. — Они же не могут сосуществовать с какой-либо другой формой жизни — для этого они слишком мощны. Следовательно, они происходили не с родной планеты строителей Кольца».

Мифические Инженеры наверняка посещали разные планеты в поисках полезных и декоративных растений. Возможно, они добрались и до Серебряноглазой, которая была сейчас уже в пределах известного Космоса. И, возможно, решили, что солнечники весьма красивы.

Но они должны были отгородить их какой-нибудь изгородью — любой дурень сделал бы именно так. Высокая изгородь и пояс обнаженной конструкции Кольца — это бы их удержало.

Только вот не удержало. Хватило одного зерна. Трудно сказать, насколько большую площадь они сейчас занимают. Это должно было быть именно то «серебряное пятно», которое они заметили вместе с Нессом.

Луис содрогнулся. Насколько хватало глаз, единственными живыми существами были солнечники. Кто знает, не покроют ли они когда-нибудь все Кольцо. Впрочем, на это им понадобится много времени. Кольцо огромно. Достаточно огромно, чтобы на нем разместились самые разные вещи.

15. ЗАМОК ИЗ СНОВИДЕНИЙ

— Луис! — вырвал его из задумчивости голос Говорящего с Животными. — Возьми из моего скутера устройство для копания и сделай укрытие для нас. Тила, займись моими ожогами.

— Укрытие?

— Да. Мы должны закопаться, как звери, и дождаться ночи.

— Ну конечно, — Луис взял себя в руки. Об этом должен был подумать он сам, а не тяжело обожженный кзин. Малейшая дыра в тучах, и им конец. Солнечникам хватит секунды солнечного света. А вот ночью…

Осматривая скутер Говорящего, Луис старался как можно меньше смотреть на кзина. Ему вполне хватило первого взгляда. Почти все тело кзина покрывала обугленная шерсть. Там, где кожа потрескалась, виднелось живое красное мясо. Невыносимый запах паленой шерсти лез в ноздри.

Наконец Луис нашел «слегка усовершенствованный» дезинтегратор Славера — двуствольное ружье с овальным прикладом. Рядом лежал ла-

зер, при виде которого Луис кисло улыбнулся. Хорошо, что кзин не приказал стрелять в солнечники из лазера. Потрясенный Луис наверняка послушался бы, и тогда…

Он взял оружие и быстро отошел в сторону, устыдившись своей слабости. Раны Говорящего жгли его огнем. Тила, которая ничего не знала о боли, могла помочь кзину гораздо лучше.

Он надел респиратор и направил ствол на землю под углом в тридцать градусов. Время не слишком торопило, поэтому он нажал только один спусковой крючок.

Отверстие росло быстро, хотя Луис не мог видеть, насколько, потому что оказался в центре густого облака пыли. С места, на которое падал луч, дул маленький ураган, и Луису, чтобы устоять, пришлось широко расставить ноги.

Земля и скалы, вдруг лишенные связующих их сил, окружали его туманом моноатомной пыли. Луис мысленно благословил маску.

Наконец он выключил дезинтегратор. Зияющая в земле яма выглядела достаточно большой, чтобы поместить всех троих и скутеры.

«Так быстро! — удивленно подумал он. — Интересно, сколько бы это заняло времени, если воспользоваться обеими лучами». Но тогда на-

чалось бы внезапное движение электрического тока, если воспользоваться эвфемизмом Говорящего, а в данный момент Луис не стремился к развлечениям.

Тила и кзин уже спустились со своих скутеров. Кожа кзина была теперь совершенно голой, красно-фиолетовой, в трещинах, за исключением большого куска на седалище и узких полос вокруг глаз. Тила брызгала на Говорящего чем-то пенящимся и белым.

Смрад паленой шерсти и горелого мяса не позволил Луису подойти ближе.

— Готово, — сказала Тила.

Кзин посмотрел на Луиса.

— Я снова вижу, Луис.

— Это хорошо, — он боялся, что окажется иначе.

— Это военные лекарства, они гораздо сильнее, чем обычные, — забормотал Говорящий с Животными. — Откуда это у него? Ведь кукольники не имеют дела с военным снаряжением, — в голосе кзина слышался гнев, вероятно, он подозревал какой-то подвох. И возможно, был прав.

— Я соединюсь с Нессом, — сказал Луис, осторожно огибая Тилу и кзина. Говорящий был с ног до головы покрыт белой пеной. Неприятный

запах исчез.

— Я знаю, где ты, Несс.

— Отлично. И где же?

— За нами. Исчезнув из виду, ты описал дугу и оказался за нашими спинами. Тила и Говорящий ничего об этом не знают.

— Но, надеюсь, они не думают, что кукольник будет прокладывать им дорогу?

— Полагаю, лучше, чтобы они думали именно так.

— Они согласятся, чтобы я снова присоединился к вам?

— Не сейчас. Может, попозже. Послушай, что произошло… — и Луис рассказал кукольнику о поле солнечников. Он со всеми подробностями описывал ожоги кзина, когда плоская голова кукольника исчезла из поля зрения камеры интеркома.

Луис подождал некоторое время, после чего выключил интерком. Несс наверняка скоро очнется от кататонии. Для него слишком важна его собственная жизнь.

До конца дня оставалось десять часов, и все это время они просидели в яме.

Кзин, по большей части, спал. Они помогли ему

спуститься в укрытие и дали снотворное. Белая пена, покрывающая его тело, загустела, и теперь кзин напоминал мягкую резиновую подушку.

— Единственный резиновый кзин в мире, — сказала Тила.

Луис пытался уснуть, и несколько раз это ему почти удавалось, но потом он просыпался от того, что ему снилось, будто среди солнечного дня на него наползает черная тень огромного прямоугольника.

Проснулся он весь в холодном поту. Если бы он встал спросонья, чтобы осмотреться, солнечники сожгли бы его на месте! Однако тучи висели на своих местах, мешая грозным цветам явить свою мощь.

Наконец начало темнеть, и Луис принялся будить своих товарищей.

Они летели ниже облаков: нужно было все время следить за солнечниками. Если бы к рассвету оказалось, что цветы еще под ними, пришлось бы быстро приземляться и готовить себе новое укрытие.

Время от времени Луис опускался еще ниже, чтобы разглядеть местность получше.

Час спустя солнечники начали редеть, потом появилась широкая полоса, на которой цветы

только что взошли среди головешек недавно сожженных деревьев: сами они не могли справиться даже с буйной, рвущейся к свету, травой. А потом они исчезли совсем, и Луис наконец-то смог поспать.

Спал он так крепко, словно кто-то подсыпал в его пищу наркотики, а когда проснулся, была еще ночь. Он огляделся по сторонам и немного вправо по курсу заметил мерцающий огонек.

Еще не придя в себя после глубокого сна, он подумал, что это, наверное, светлячок, сидящий на невидимой поверхности звукопоглощающего барьера, или что-нибудь в этом роде. Он протер глаза.

Тогда он вызвал Говорящего.

Огонек рос на глазах. На фоне погруженной в темноту поверхности Кольца он казался ярким, как луч солнечного света. Наверняка это были не солнечники. Ночью их не видно.

«Может быть, дом, — подумал Луис. — Только откуда такая иллюминация?» Кроме того, если бы это был только дом, он бы мелькнул перед ними и исчез. При такой скорости пересечение Северной Америки заняло бы у них два с половиной часа.

Огонек, теперь уже точно справа, медленно перемещался назад. Говорящий по-прежнему не

отвечал.

Луис усмехнулся и покинул строй. Флотилия, ведомая теперь кзином, состояла уже только из двух скутеров. Луис повернул в сторону экипажа Говорящего.

Ударные волны рисовали причудливые узоры на облаках. Скутер кзина и его серая фигура, похожая на духа, казались пойманными в сеть неэвклидовых линий.

Оказавшись совсем рядом с ним, Луис посветил прожектором, и дух ожил. Луис осторожно ввел свой скутер между кзином и таинственным огоньком и снова посветил.

— Да, Луис, — сказал голос кзина. — Я вижу какой-то свет справа и сзади.

— Взглянем на него?

— Охотно, — и кзин вошел в широкий вираж.

Они кружили в темноте, словно любопытные маленькие рыбки, трогающие носами тонущую бутылку. Таинственный огонек оказался замком десятиэтажной высоты, висевшим в тысяче футов над землей и освещенным, как пульт управления какой-нибудь древней ракеты.

За огромным панорамным окном, которое одновременно было стеной, частью пола и потолка, находилось помещение размером с концертный

зал. В центре приподнятый участок пола окружал лабиринт столов и стульев. Пятидесятифутовое пространство между полом и потолком было совершенно пустым, если не считать абстрактной скульптуры из проволоки.

Протяженность и доступность пространства на Кольце по-прежнему удивляла их. На Земле одним из самых страшных преступлений было управление скутером без включенного автопилота. Падающий экипаж попросту *должен был* кого-нибудь убить, независимо от того, где он упал. Здесь же они имели дело с тысячами миль полной пустоты, зданиями, летающими над городами, и залами, достаточно высокими, чтобы не пришлось пригибаться даже гостям с ростом в пятьдесят футов.

Под замком лежал город. Темный, без единого огонька. Говорящий промчался над ним, как охотящийся ястреб, осматриваясь в бледном полусвете Арки Неба. Вернулся он с сообщением, что город весьма похож на Зигнамукликлик.

— Нужно осмотреть его днем, — сказал он. — Думаю, что этот замок весьма важен. Он мог простоять, не изменяясь с момента упадка цивилизации.

— У него должен быть собственный источник

энергии, — думал вслух Луис. — Интересно, почему? В Зигнамукликлике мы не видели ничего подобного.

Тила направила свой скутер прямо под летающее здание. Глаза ее расширились от восхищения.

— Луис, Говорящий! — позвала она. — Смотрите!

Они не задумываясь полетели за ней. Когда Луис приблизился к ее скутеру, то почти физически ощутил тяжесть, висящую над головой.

Вся нижняя сторона замка была покрыта окнами и состояла из стыкующихся между собой под самыми разными углами стен, выступов, углов. Не могло быть и речи о посадке этой мощной конструкции. Кто ее построил? И почему именно таким способом? Бетон и сталь, сплетенные между собой самым причудливым образом… Как это, ненис, не рассыпалось на части? Желудок Луиса предостерегающе сжался, но он стиснул зубы и вместе с Тилой медленно пролетел под зданием, превосходящим своей массой большой пассажирский лайнер.

Тила обнаружила удивительную вещь: большой, ярко освещенный бассейн в форме ванны. Его прозрачное дно и стены граничили только с

открытым воздухом, за исключением одной, которая соединялась с чем-то вроде бара… а может, салона… Трудно было что-то утверждать, глядя сквозь две искажающие свет стены. Бассейн был сухим, а на дне его лежал огромный скелет, слегка напоминающий скелет бандерснатча.

— Они держали в домах довольно больших зверей, — заметил. Луис.

— Это бандерснатч джинксов? — спросила Тила. — Мой дядя много охотился и сделал комнату трофеев внутри скелета бандерснатча.

— Они встречаются на многих планетах. Некоторые даже их едят. Я бы вовсе не удивился, если бы оказалось, что они населяют всю Галактику. Не знаю только, почему их привезли *сюда*?

— Для развлечения, — просто сказала Тила.

— Думаю, это шутка, — бандерснатч напоминал гибрид Моби Дика с гусеничным бульдозером.

«Хотя, — подумал Луис, — почему бы и нет? Строители Кольца наверняка посетили много планет, чтобы выбрать формы жизни, которые хотели бы видеть на своем детище.

Впрочем, неважно. Лучше всего направиться прямо к краю. Никаких исследований, никаких открытий. Они уже преодолели расстояние, которое позволило бы им обогнуть Землю раз шесть

или семь. Красные глаза Финагла, как много здесь можно было открыть!

Чужие формы жизни. (Пока неопасные).

Солнечники. (Освещенный ими кзин, и рык боли в интеркоме).

Бандерснатчи. (Разумные и опасные. Наверняка здесь были такие же. Бандерснатчи везде одинаковы).

А смерть? Смерть тоже везде одинакова».

Они еще раз облетели замок, отыскивая вход. Да, окон было много — четырехугольники, восьмиугольники, круги, эллипсы и просто большие бесформенные плоскости — но все они были закрыты. Они нашли док для летающих экипажей с чем-то вроде разводного моста, на котором можно было сесть, но мост, как это обычно бывает с разводными мостами, был поднят. Они нашли спиральную лестницу в несколько сотен футов, свешивающуюся вниз, как оборванная пружина кровати, и заканчивающуюся в воздухе. Какая то могучая сила оборвала ее, оставив скрученные стальные балки и выщербленный бетонный край. На другом конце их ждали наглухо закрытые двери.

— Клянусь Финаглом, я разобью какое-нибудь окно! — воскликнула разозленная Тила.

— Стой! — крикнул Луис, уверенный, что она так и сделает. — Говорящий, сделай это дезинтегратором. Нам нужно войти внутрь.

В свете, льющемся из большого панорамного окна, кзин вынул дезинтегратор Славера.

Луис, пользуясь этим инструментом на поле солнечников, включил только один луч, нейтрализующий отрицательный заряд электронов. Здесь этого тоже вполне бы хватило. Однако, можно было догадаться, что Говорящий все равно использует оба.

Две удаленные друг от друга на несколько дюймов точки внезапно приобрели противоположные заряды: возникла разница потенциалов.

Вспышка была ослепительной. Луис сжал веки, пытаясь сдержать слезы и прогнать боль. Одновременно со светом ударил оглушительный даже сквозь звукопоглощающий барьер раскат грома. В тишине, наступившей после этого, Луис почувствовал, как на его затылке, плечах и верхней стороне ладоней оседают мелкие, едкие частицы. На всякий случай он все еще не открывал глаз.

— Ты должен был это проверить, — сказал он.

— Совсем неплохо действует. Это нам еще пригодится.

— Всего наилучшего, дружок. Только не цельс

из этого в папочку, а то папочка может рассердиться.

— Я не вижу поводов для шуток, Луис.

Наконец, глаза Луиса снова обрели способность видеть. Он сам и его скутер были покрыты слоем стеклянной пыли. Силовое поле задержало разлетевшиеся частицы, чтобы потом позволить им постепенно упасть и остаться на всех хотя бы слегка горизонтальных плоскостях.

Тем временем Тила уже входила в огромное помещение. Не колеблясь, они последовали за ней.

Луис просыпался постепенно, испытывая почти уже забытое чувство комфорта. Он лежал на чудесной мягкой поверхности, положив голову на руку, которая совершенно одеревенела.

Повернувшись навзничь, он открыл глаза.

Он лежал в постели, глядя на высокий белый потолок. Твердый предмет, упиравшийся ему в ребра, оказался ступней Тилы.

Все верно. Ночью они нашли эту кровать, огромную, как аэродром, в необъятной спальне, занимающей то, что в любом здании, стоящем на земле, можно было бы назвать подвалом.

Прежде чем попасть туда, они повидали множество чудес.

Замок действительно был замком, а не про-

сто стилизованным отелем. Банкетный зал с пятидесятифутовым окном уже сам по себе был чем-то необычайным. Расставленные в нем столы окружали центральный, округлый подиум, на котором стояло одинокое богато украшенное кресло с высокой спинкой. Вскоре Тиле удалось найти способ, позволявший подниматься вместе с креслом в воздух, и привести в действие устройство, усиливающее голос того, кто его занимал, почти до ураганного рева. Кресло могло еще и вращаться — при этом вращалась и висевшая над ним скульптура.

Сделана она была из проволоки и состояла в основном из воздуха. Все это казалось великолепной абстракцией, пока Тила не поставила ее под определенным углом. Тогда оказалось, что она изображает голову совершенно лысого мужчины.

Был ли он туземцем, членом общества, в обычаях которого было бритье лиц и голов? А может, представителем иной расы, живущей на противоположной стороне Кольца? Ничто не указывало на то, что они когда-нибудь узнают это. Одно было ясно — правильное симпатичное лицо принадлежало человеку, причем человеку, привыкшему приказывать.

Луис смотрел вверх и старался запомнить это лицо. Тяжесть ответственности покрыли его многочисленными морщинами и отягчила глаза отвисшими мешками. Художнику каким-то необычным способом удалось передать эти детали в почти невесомой, обозначенной лишь несколькими линиями скульптуре.

Вероятно, замок был резиденцией правительства. Все указывало на это — трон, банкетный зал, необычные окна и, наконец, сам замок, снабженный независимым источником энергии. Но для Луиса самым важным было это лицо.

Они начали осмотр. Этажи соединялись дивно украшенными лестничными маршами, однако лестницы не двигались, поэтому небольшая экспедиция отправилась вниз, чтобы не утомлять себя подъемом. В самом низу они нашли спальню.

Бесконечные дни и ночи, проведенные в креслах скутеров, поспешная любовь, когда они позволяли себе роскошь приземлиться — все это привело к тому, что вид кровати подействовал на Луиса и Тилу почти гипнотически. Они остались в спальне, а кзин пошел дальше один.

Трудно было сказать, много ли еще удалось ему обнаружить.

Луис приподнялся на локте. В онемевшую руку медленно возвращалась жизнь, но он старался пока не шевелить ею. В антигравитационной кровати это совершенно невозможно, подумал он. Впрочем, хорошо, что есть хотя бы такая…

За одной из стеклянных стен спальни был высохший бассейн и белый скелет огромного бандерснатча смотрел на Луиса пустыми черными глазницами. Через такую же прозрачную стену по другую сторону спальни был виден город, раскинувшийся в тысяче футов под ними.

Луис прополз по кровати и упал на пол, устланный мягким ковром, цвет которого довольно неприятным образом напомнил ему бороды туземцев. Добравшись до окна, Луис выглянул наружу.

(Что-то нарушало остроту видения, будто слабое мерцание стереовизионного изображения. Он не осознал этого до конца, и все же это раздражало).

Под белым бесформенным небом город переливался всеми оттенками серости. Большинство зданий были достаточно высоки, но несколько из них затмевали своими размерами все остальные: их крыши поднимались выше основания летающего замка. Когда-то это было не единственное

летающее здание — тут и там виднелись руины конструкций, весивших тысячи тонн.

Однако этот нереальный, как будто перенесенный из сна, замок имел свой собственный источник энергии. И в нем была спальня, достаточно большая, чтобы устроить в ней приличную оргию, с окном, через которое хозяин мог видеть своих подданных, как маленьких мошек, каковыми они и были в действительности.

Что-то едва заметное мелькнуло по ту сторону стекла.

Нить. Она зацепилась за торчащий карниз, но все еще падала с неба. Вероятно, она падала все время, пока он смотрел на город, вызывая то самое слабое мерцание.

Понятия не имея, что бы это могло быть, Луис просто отметил необычное явление, как очередную загадку. Он лежал нагишом на мохнатом ковре и разглядывал бесконечно падающую нить. Он чувствовал себя в безопасности и хорошо отдохнул, пожалуй, впервые с тех пор, как на «Лгуна» обрушился ливень лазерного огня.

Черная нить падала на город огромными петлями. Она была довольно тонка, и разглядеть ее можно было с трудом. Как оценить ее длину? А как сосчитать хлопья снега в бушующей метели?

И в этот момент Луис понял, что это такое.

— Рад снова видеть тебя, — сказал он, чувствуя, что внутри у него все холодеет.

Это была нить, соединяющая черные прямоугольники. Та, которую они порвали.

В поисках завтрака Луис прошел пять этажей.

Разумеется, он не надеялся, что кухня будет работать. Он хотел попасть в банкетный зал, но ненароком зашел на кухню.

Это подтвердило его раннее предположение. Владыка является настоящим владыкой только тогда, когда имеет слуг — здесь их когда-то было без счета. Кухня была просто чудовищных размеров. Требовалась целая армия поваров, поварят, лакеев и мойщиков посуды, чтобы приготовить обед, подать его в банкетный зал, убрать посуду, вымыть ее, высушить…

Он нашел корзины для овощей, а в них — пыль и какие-то почерневшие, засохшие остатки. Нашел морозильную камеру, где когда-то висели туши мяса и которая сейчас была пустой и теплой. Нашел большой холодильник, все еще действующий. Возможно, часть продуктов, стоявших на его полках, все еще годилась в пищу, но Луис предпочел не рисковать.

Однако он нигде не нашел воды. Краны были

сухими.

Кроме холодильника, он не заметил ни единой машины или устройств более сложного, чем автомат у дверей. В кухне не было ни регуляторов, ни термометров, нигде он не видел ничего похожего на жаровни и духовки. С потолка свисали связки высохших клубней, похожих на луковицы — приправы? Может, их использовали целиком?

Он уже хотел выйти, но напоследок еще раз окинул взглядом все помещение, и это позволило ему сделать важнейшее открытие.

Когда-то это была вовсе не кухня.

Но что же тогда? Склад? Стереозал? Вполне возможно. Одна из стен была совершенно гладкой, покрашенной более свежей, чем остальные, краской, на полу можно было заметить следы от кресел или диванов, когда-то стоявших там.

Когда-то здесь мог быть роскошный проекционный зал. Потом аппаратура испортилась и не было уже никого, кто знал бы, как ее исправить. Потом то же самое случилось с автоматической кухней.

Тогда зал переделали в обычную кухню, обслуживаемую людьми. Наверняка их становилось все больше и больше, по мере того, как портились сложные автоматические устройства. Продукты

доставляли наверх летающие грузовики.

А что произошло, когда и они один за другим вышли из строя?

Луис вышел.

Наконец, ему удалось попасть в банкетный зал, и вместе с тем — к единственному источнику пищи. Там он и съел завтрак, состоявший из обычного кирпичика.

Он уже заканчивал, когда в зал вошел Говорящий с Животными.

Кзин, должно быть, умирал от голода. Он молча направился к своему скутеру, проглотил три кровавых кирпичика и только тогда обратился к Луису.

Он уже не был «резиновым кзином». За ночь белая пенорезина закончила свое лечебное действие и отвалилась, обнажив здоровую розовую кожу, конечно, если считать, что кожа здорового кзина должна быть именно розовой. Только местами виднелись серые утолщения свежих шрамов и фиолетовая сетка жил.

— Иди за мной, — приказал кзин. — Я нашел комнату карт.

16. КОМНАТА КАРТ

О важности этого помещения говорило уже то, что оно располагалось на самом верху замка. Луис тяжело дышал, утомленный подъемом — ему приходилось здорово напрягаться, чтобы не остаться позади. Правда, кзин не бежал, но шел гораздо быстрее, чем обычно ходит человек.

Когда Луис поднялся на последнюю ступеньку, Говорящий как раз открывал большую двойную дверь у вершины лестницы.

Через проем Луис заметил горизонтальный чернильно-черный пояс шириной около восьми дюймов, находившийся в трех футах от пола. Машинально он поднял взгляд в поисках такого же пояса, только светло-голубого цвета с прямоугольными черными тенями, и нашел его.

Стоя в дверях, он осмотрелся по сторонам. Миниатюрное Кольцо занимало почти все помещение диаметром около ста двадцати футов. Внутри макета был большой прямоугольный экран, установленный на вращающейся оси. В данный момент он был повернут к двери обратной стороной.

Вдоль стены размещались десять вращающихся шаров, отличавшихся друг от друга размерами и скоростью вращения. Все они имели одинаковый голубовато-зеленовато-белый цвет, характерный для планет земного типа. Под каждым из шаров находилась карта его поверхности в конической проекции.

— Я провел здесь всю ночь, — сказы кзин. — Мне нужно многое показать тебе. Иди сюда.

Луис хотел уже проползти на четвереньках под миниатюрным Кольцом, но в последний момент остановился, осененный неожиданной мыслью. Тот человек с гордым лицом, чье изображение украшало банкетный зал, наверняка не сделал бы этого, даже если бы находился в этом святом месте совершенно один. Луис двинулся прямо на Кольцо и прошел сквозь него, не чувствуя ни малейшего сопротивления: это была только проекция.

Он занял место рядом с кзином.

Прямоугольный экран окружали управляющие механизмы. Все ручки — большие, массивные — были отделаны из серебра, и все изображали головы животных. Все стенки и плоскости проникали друг в друга богато украшенными арками. Слишком красиво, подумал Луис. Неужели де-

каданс?

Экран действовал. Изображение напоминало вид на Кольцо из района черных прямоугольников.

— Я уже пользовался этим раньше, — сказал кзин. — Если не ошибаюсь… — он коснулся одной из ручек, и изображение метнулось им навстречу так быстро, что рука Луиса рефлекторно потянулась к несуществующей рукояти управления кораблем. — Я хочу показать тебе край Кольца. Ррр… чуть в сторону… — он коснулся другой резной головки, и изображение переместилось. Перед ними был край огромной конструкции.

Где-то должны были стоять телескопы, благодаря которым они могли наблюдать за этим зрелищем. Но где? Неужели на черных прямоугольниках?

Они смотрели сверху вниз на стены тысячемильной высоты. Изображение все время увеличивалось, не теряя при этом четкости. Сразу за горами открывалась черная пропасть Космоса.

Наконец Луис заметил линию серебряных точек, тянущуюся вдоль исполинского хребта. Этого ему хватило.

— Линейный ускоритель.

— Точно, — сказал Говорящий с Животны-

ми. — При отсутствии трансферных кабин это единственный способ перемещаться на такие расстояния. Наверняка именно на этом основывалась их система коммуникаций.

— Но он на высоте в тысячу миль. Лифты?

— Да. Шахты вдоль всего края. Например, вон там.

Тем временем линия точек увеличилась до размеров маленьких колец, размещенных через равные промежутки и наверняка невидимых снизу, поскольку их заслоняли колоссальные вершины. У одного из колечек можно было заметить тоненькую ниточку шахты лифта, исчезавшую в раскинувшемся ниже вершины слое облаков.

— Кольца явно гуще в районе лифтов, — сказал кзин. — Очевидно, они были нужны только для старта, приземления и сообщения направления. Происходило это, видимо, так: экипажу придается скорость свободного падения, затем он выбрасывается за край Кольца с относительной скоростью семьсот семьдесят миль в секунду, после чего тормозит у очередного кольца.

— Таким способом дальние путешествия могли длиться дней десять, не считая разгона и торможения.

— И что с того? Чтобы добраться до Серебря-

ноглазой — вашей самой удаленной от Земли планеты — тебе нужно шестьдесят дней, а пересечение всего известного космоса заняло бы в четыре раза больше времени.

— Это правда. А здесь места больше, чем во всем известном космосе. Они построили это для того, чтобы иметь как можно больше пространства. Ты заметил какие-нибудь следы активности? Они еще пользуются этим ускорителем?

— Это не имеет значения. Смотри внимательно.

Изображение дрогнуло, резко двинулось, потом начало увеличиваться. Была ночь. Темные облака плыли над погруженной в темноту землей, а потом…

— Огни! Огни города… — Луис громко проглотил слюну. Честно говоря, такого он не ожидал. — Значит, не все погибло, и мы сможем получить помощь.

— Я бы не очень надеялся на это. Их будет нелегко найти, а кроме того…

— Что это? О, черные мысли Финагла!

Замок, явно *их* замок, величественно плывущий над морем огней. Окна, рекламы, мчащиеся во все стороны разноцветные огоньки летающих машин… Странные, великолепные здания…

— Ненис! Это же записи, старые записи. А я-то подумал, что это прямая передача, — всего несколько успокоительных секунд казалось, что их поиски увенчались успехом. Освещенные города, кипящие жизнью… картины, которые они видели, были наверное, очень старыми. Может, даже такими же старыми, как не существующая уже цивилизация…

— Я тоже так решил прошлой ночью, и начал подозревать правду только тогда, когда мне не удалось найти борозды, пропаханной «Лгуном». А ведь она длиной в несколько тысяч миль. Я должен был найти ее даже здесь.

Луис молча потрепал Говорящего по голому розовому плечу. При всем желании он не смог бы достать ни на сантиметр выше.

— Когда мне удалось локализовать наш замок, остальное уже не составило труда. Смотри, — пейзаж начал двигаться с огромной скоростью, не позволяя разглядеть какие-либо детали. Когда он остановился, на экране был огромный черный океан.

Увеличение немного уменьшилось.

— Видишь? На нашем пути находится залив одного из океанов. Сам океан гораздо больше, чем самые крупные на Кзине или Земле. Один

его залив сравним с ними по размерам.

— Снова задержка! Мы не сможем над ним пролететь?

— Может, и сможем. Но и там нас ждет преграда не меньше этой, — он снова потянулся к ручке.

— Подожди. Я хотел бы рассмотреть эти острова.

— Зачем? Думаешь, мы могли бы остановиться там для пополнения запасов?

— Нет… Ты заметил, что они собраны в маленькие архипелаги, отделенные друг от друга океаном? Вот здесь… — палец Луиса обвел на экране небольшое кольцо. — А теперь взгляни на эти карты.

— Не понимаю.

— Ну… эти острова в заливе, и эта карта позади на стене. В конической проекции контуры континентов немного искажены, но… видишь? Десять планет, десять архипелагов. Наверняка масштаб не один к одному, но держу пари, что этот остров не меньше Австралии. А судя по карте, в действительности этот континент был не больше Евразии..

— Что за чудовищная шутка! Луис, это типично для человеческого чувства юмора?

— Нет, нет. Это сантименты. Воспоминания.

Вот только…

— Да?

— Я не подумал об этом, а ведь это очевидно. Первое поколение покинуло свои родные планеты, но хотело иметь что-нибудь, напоминающее о них. Спустя три поколения это было уже просто смешно. Так бывает всегда.

Воцарилась тишина. Когда Говорящий убедился, что Луис закончил, он спросил без своей обычной уверенности в голосе:

— Вам, людям, кажется, что вы понимаете кзинов?

Луис улыбнулся и покачал головой.

— Это хорошо, — сказал кзин и сменил тему. — Прошлой ночью я долго разглядывал ближайший космический порт.

Они стали в центре миниатюрного Кольца, заглядывая сквозь прямоугольное окно в далекое прошлое.

А прошлое это было действительно великолепным. Говорящий увеличил на экране изображение космического порта, этакого выступа, торчащего с наружной стороны конструкции. Мягко закругленный, освещенный тысячей окон цилиндр как раз садился в своей электромагнитной колыбели. Поля сверкали пастельными

цветами, вероятно, для того, чтобы облегчить операторам управление ими вручную.

— Эта лента идет вкруговую, — сказал кзин. — Я уже посмотрел ее несколько раз. Пассажиры просто входят в стену Кольца, как будто просачиваются через нее.

— Ага, — буркнул Луис без особого энтузиазма. Он вдруг почувствовал сильную усталость. Порт находился далеко перед ними, если смотреть в направлении вращения Кольца. Так далеко, что расстояние, до сих пор преодоленное ими, казалось просто смешным.

— Я видел и старт тоже. Они вовсе не пользуются ускорителем, просто выталкивают корабль в Космос. Точно так, как догадался пожиратель листьев. Помнишь тот закрытый люк? Луис, ты слышишь меня?

Луис очнулся.

— Прошу прощения. Я задумался о том, что наш путь увеличится, по крайней мере, на семьсот тысяч миль.

— Может, нам удастся воспользоваться этим ускорителем на вершине боковой стены?

— Сомневаюсь. Скорее всего, он давно не действует. Цивилизация распространяется только в том случае, если располагает каким-то видом

транспорта, который может ей в этом помочь. Впрочем, даже если бы он действовал или нам удалось бы его починить, все равно рядом нет ни одной шахты лифта.

— Это правда, — признал кзин. — Я искал, но ничего не нашел.

На экране тем временем маленькие буксирные корабли подтащили к выходным шлюзам корабля длинные прозрачные туннели, которые вскоре заполнились выходящими пассажирами.

— Может, изменить направление полета?

— Нельзя. Порт по-прежнему остается нашим основным шансом.

— Правда?

— Ненис, конечно, правда! Кольцо огромно, но это только колония, а на всех колониях центрами цивилизации становятся именно космические порты…

— Поскольку именно туда прибывают корабли с родной планеты. Но ведь строители Кольца либо уничтожили свою, либо покинули ее.

— Но корабли могут прибывать, — настаивал Луис. — Хотя бы с каких-нибудь дальних, забытых планет. Или из прошлого. При таких небольших скоростях наверняка должны возникать расхождения в субъективном времени.

— Ты надеешься найти там космонавтов из прошлого, учащих своих потомков тому, что те уже успели забыть, — буркнул кзин. — Может, ты и прав. Вот только я уже слишком устал, а до порта еще очень далеко. Что еще ты хочешь увидеть?

— Какое расстояние отделяет нас сейчас от «Лгуна»? — неожиданно спросил Луис.

— Я уже сказал тебе, что не смог найти места нашего падения. Так же, как и тебе, мне пришлось бы играть в угадайку. Но зато я знаю, сколько нам еще осталось преодолеть: от замка до края около двухсот тысяч миль.

— Это много… А гора? Ты должен был найти гору.

— Нет.

— Ту большую, Кулак Бога. Мы разбились как раз на ее склоне.

— Я ее не нашел.

— Это мне не нравится. Говорящий, могли мы каким-то чудом сойти с намеченного курса? Ты должен был найти ее, двигаясь от замка в сторону противоположного края.

— Но не нашел, — закончил дискуссию кзин. — Хочешь еще что-нибудь увидеть? На некоторых лентах есть пустые места. Либо они полностью пришли в негодность, либо там есть какие-то

тайные области.

— Чтобы это проверить, нам нужно попасть туда.

Внезапно Говорящий с Животными развернул уши, как два оранжевых зонтика, повернулся к двери, припал к полу и прыгнул.

Луис удивленно заморгал. Что случилось? А потом услышал и он…

Принимая во внимание их возраст, машины в замке действовали удивительно тихо. Из-за двойных дверей доносилось приглушенное пофыркивание.

Луис вытащил свой лазер и осторожно вышел из комнаты карт.

Кзина он нашел на вершине лестницы, отложил оружие и вместе с Говорящим стал смотреть на поднимающуюся к ним Тилу Браун.

— Они едут только вверх, — сообщила ему девушка. — Вниз не хотят. А между пятым и шестым этажом вообще не действуют.

Луис выждал некоторое время, затем задал очевидный вопрос:

— Как ты включила их?

— Нужно взяться за столбик балюстрады и толкнуть его вперед. Они действуют, только когда ты этого хочешь. Это гораздо безопаснее. Я

открыла это совершенно случайно.

— Я думаю. Утром я поднялся пешком на десять этажей. А ты?

— Ни на один. Я как раз шла на завтрак, споткнулась на первой ступеньке, схватилась за столбик и…

— Довольно. Все сходится.

Тила сделала обиженное лицо.

— Я не виновата, что ты…

— Прошу прощения. Ты что, уже позавтракала?

— Нет. Я наблюдала за людьми. Вы знаете, что под этим замком есть что-то вроде рынка или главной площади?

Уши кзина стали торчком.

— Правда? И там кто-то есть?

— Да. С утра они собираются со всех сторон. Сейчас их уже несколько сотен, — лицо ее расплылось в улыбке. — И все поют.

Во всех коридорах замка были обширные ниши, точнее, альковы, выложенные мягкими коврами, с удобными диванами и столами, предлагая место для еды любому желающему. Одна из таких ниш на самом нижнем этаже замка имела выпуклое окно, занимающее не только стену, но и часть пола.

Луис слегка запыхался после второй за несколько часов прогулки по десяти этажам. Ему очень понравился стол, поверхность которого украшали вырезанные тарелки для супов, мисочки для салатов, бокалы для напитков. Десятки или даже сотни лет интенсивного использования оставили на твердой белой поверхности достаточно отчетливые следы.

— Вероятно, они не пользовались посудой, — вслух подумал Луис. — Клали пищу в эти углубления, а потом мыли весь стол. Это не слишком гигиенично, но… Они не забрали с собой ни мух, ни москитов, ни волков. Так зачем им было забирать бактерии? Для пищеварения, — ответил он самому себе. — Они необходимы для пищеварения. Хватило бы, чтобы мутировала одна-единственная, и тогда… Тогда ни один организм не сумел бы защититься. Может, именно таким образом погибла цивилизация Кольца? Каждой цивилизации требуется для выживания некое минимальное количество живых представителей.

Тила и Говорящий не обращали на него никакого внимания. Согнувшись у изгиба окна, они смотрели вниз. Луис присоединился к ним.

— Они по-прежнему там, — сказала Тила.

Луис прикинул, что на него смотрит примерно тысяча человек. Они уже не пели.

— Они не могут знать, что мы здесь, — сказал он.

— Может, они поклоняются самому зданию? — предположил кзин.

— Если и так, вряд ли они делают это ежедневно. Мы слишком далеко от края города, и они не успели бы добраться до полей.

— Тогда, возможно, мы попали сюда на какой-то их праздник?

— Или что-то случилось ночью, — вставила Тила. — Что-то необычное. Например, наше прибытие, если кто-то сумел его заметить. Или *это*, — она указала пальцем.

— Я думал над этим, — сказал кзин. — Как долго оно падает?

— По крайней мере, с утра. Совсем, как дождь или какой-то новый вид снега. Это нить, соединяющая черные прямоугольники. Но почему она падает именно здесь?

Луис подумал о шести миллионах миль, отделяющих друг от друга черные прямоугольники… о черной нити именно такой длины, разорванной «Лгуном» и падающей вместе с ним к поверхности Кольца… Ничего странного, что в конце

концов они с ней встретились.

Однако сейчас у него не было настроения говорить.

— Случайность, — буркнул он.

— Так или иначе, она, видимо, начала падать прошлой ночью и сейчас ее все больше. Что касается замка, то туземцы наверняка и раньше считали его святым местом, хотя бы потому, что он все еще летает.

— Подумайте, — неторопливо сказал кзин. — Если бы именно сегодня появились мифические Инженеры, это восприняли бы как логическое следствие необыкновенных событий. Луис, может, попробуем разыграть гамбит бога?

Луис хотел ответить, но не мог. Стиснув зубы, он изо всех сил пытался сохранить неизменным выражение своего лица. Может, это ему и удалось бы, но кзин продолжал говорить Тиле:

— Луис считает, что в контактах с туземцами мы должны играть роль строителей Кольца. Ты и Луис были бы аколитами, а Несс — пойманным демоном… впрочем, справимся и без него. Я был бы скорее богом, чем строителем, грозным богом войны, который…

Тила расхохоталась, Луис не выдержал и последовал ее примеру.

Высотой в восемь футов, — необычайно широкий в плечах и бедрах, кзин был созданием слишком большим и слишком зубастым, чтобы испугать кого угодно. Пожалуй, наименее импонирующим элементом его внешности был голый крысиный хвост. Сейчас вся его кожа была того же самого цвета — детски-розовой с молочными, толстыми гусеницами подживающих шрамов. Уши на его лишенной шерсти голове торчали, как два зонтика. Сохранившийся оранжевый мех на глазах ассоциировался с маской грабителя, а ниже спины — с носимой для удобства большой волосатой подушкой.

То, что насмехаться над кзином было так же опасно, как и расхаживать по канату, делало ситуацию еще более забавной. Луис, согнувшись пополам, держался за живот и беззвучно хохотал, не в силах вздохнуть. Он на ощупь пятился назад, надеясь наткнуться на стул.

Нечеловечески большая ладонь сжала его плечо и подняла вверх. Слезящиеся от смеха глаза Луиса впервые в жизни оказались на одном уровне с глазами кзина.

— Луис, ты должен объяснить свое поведение, — услышал он.

Сверхъестественным усилием воли ему уда-

лось на мгновение взять себя в руки.

— Г… г… гро… грозный бог вой… войны… — выдавил он, после чего снова залился смехом. Тила издавала слабые, писклявые звуки.

Кзин поставил его на пол и спокойно ждал, пока оба человека придут в себя.

— В тебе сейчас слишком мало величия, чтобы играть роль бога, — объяснил Луис спустя несколько минут. — Без меха ничего не выйдет.

— Может, они зауважают меня, если я разорву нескольких на куски?

— Тогда они будут поклоняться тебе издалека и из укрытий, а это нам ничего не даст. Нет, нужно подождать, пока у тебя вырастет новый мех. И даже тогда нам пригодился бы тасп Несса.

— Кукольник недосягаем.

— Но…

— Я сказал, что он недосягаем. Каким образом мы установим контакт с туземцами?

— Тебе придется остаться здесь. За это время осмотри еще раз комнату карт. Тила и я… — Луис посмотрел на нее, как будто увидел впервые в жизни. — Тила, ведь ты еще не была в комнате карт!

— А что это такое?

— В таком случае, ты останешься с Говорящим.

Я полечу один. Вы будете слышать меня через коммуникаторы и в случае чего придете на помощь. Говорящий, отдай мне свой лазер.

Кзин пробормотал что-то себе под нос, но спорить не стал. У него еще оставался «незначительно усовершенствованный» дезинтегратор Славера.

На высоте тысячи футов над головами толпы, он услышал, как набожная тишина уступает место удивленному ропоту. Они увидели его — блестящую точку, которая отделилась от одного из окон и начала падать к ним.

Ропот не исчез, только стал немного тише. Луис все время хорошо слышал его.

А потом они начали петь.

— Они страшно фальшивят, — предупредила его перед отправлением Тила. — Голосят каждый по-своему.

Ничего особенного, если после такого предупреждения он был удивлен — они пели гораздо лучше, чем он ожидал.

Их звукоряд явно имел двенадцать ступеней. «Октавный» диапазон, используемый на большинстве населенных людьми планет, тоже был, в принципе, двенадцатизвуковым, но никто его так не воспринимал. Ничего удивительного, что

Тиле показалось, будто они фальшивят.

А вот с тем, что они голосили, приходилось мириться. Это была церковная музыка — медленная, величественная, с рефренами, дисгармоничная. Но величественная.

Площадь была огромной, а тысяча людей после трех недель одиночества казалась невероятной толпой, но здесь их могло поместиться раз в десять больше. Благодаря репродукторам они пели бы одним хором, но здесь не было репродукторов. Одинокий мужчина размахивал руками с возвышения посредине, но никто не смотрел на него. Все смотрели на Луиса Ву.

Если принять все это во внимание, музыка была просто чудесной.

Тила не могла ее оценить. Музыка, которую она знала, звучала в записях стереовизии и проходила через целую систему микрофонов, микшеров, записывающих или усиливающих устройств. С нею можно было сделать все, что угодно — изменить голос, отсечь фальшивые звуки, добавить другие. Тила никогда в жизни не слышала «живой» музыки.

Совсем другое дело — Луис Ву. Он притормозил, чтобы дать необычным тонам добраться до самых удаленных уголков его души. Он отлично

помнил большие спевки на обрывах, вздымающихся над Разбитым Городом, в которых пели гораздо более многочисленные хоры, и которые звучали совершенно иначе, прежде всего потому, что в них участвовал он сам. Сейчас он впитывал в себя чужие звуки, находя удовольствие в неровном ритме, в постоянных рефренах, в медленном достоинстве гимна.

Он едва не присоединился к хору. «Не самая удачная мысль», — буркнул он себе под нос и пошел на посадку.

Возвышение в центральной части площади играло когда-то роль цоколя. Сверху Луис заметил два следа длиной по четыре фута — все, что осталось от статуи, стоявшей здесь когда-то. Сейчас на возвышении находилось что-то вроде треугольного алтаря; размахивающий руками человек стоял спиной к небрежно собранной конструкции.

Что-то розовое блеснуло над бурыми одеждами… Видимо, он носил какой-то головной убор, может, из розового шелка.

Луис решил приземлиться на самом цоколе, и уже почти касался его поверхности, когда дирижер повернулся к нему лицом. В результате Луис едва не разбил свой скутер.

Это розовое, мелькнувшее у него перед глазами, оказалось голым лысым черепом. Единственная в заросшей и кудлатой толпе лысая голова.

Вытянув перед собой руки, мужчина держал последний звук гимна… держал несколько секунд… после чего дал знак, и пение стихло, еще мгновение доносясь из отдаленных частей площади. В полной тишине мужчина повернулся к Луису.

Он был ростом с Луиса, то есть слишком высок для туземца. Кожа его лица и головы была светлой, почти белой, как у альбиноса с Нашего Дела. Брился он довольно давно и не слишком острой бритвой: свежая щетина добавляла к этой бледности отчетливую серую тень. В его голосе, когда он заговорил, прозвучала нота укоризны.

— Наконец-то вы прибыли, — перевел автопилот «Лгуна».

— Мы не знали, что вы нас ждете, — совершенно правдиво ответил Луис. Он не чувствовал себя готовым самостоятельно разыграть гамбит бога. За свою долгую жизнь он уже много раз успел убедиться, что придумать правдоподобную историю, связать друг с другом небылицы дьявольски сложно.

— У тебя волосы на голове, — сказал жрец. — Можно подумать, о Инженер, что твоя кровь не

совсем чиста!

Так вот как обстоят дела! Все Инженеры должны быть совершенно лысы, поэтому-то жрец и подражал им, скобля свою нежную кожу тупой бритвой. А может, Инженеры пользовались депиляторами или какими-то другими несложными средствами, ведомые исключительно модой или чувством эстетики? Лицо жреца не слишком отличалось от скульптуры в банкетном зале..

— Моя кровь тебя не касается, — сказал Луис, отметая эту тему. — Мы направляемся к краю мира. Что ты можешь сказать о нашем пути?

Лицо жреца выразило серо-белое удивление.

— Ты требуешь от меня информации? Ты, Инженер?

— Я не Инженер, — Луис все время держал руку на выключателе силового поля.

Однако жрец удивился еще больше — если это было возможно.

— Тогда почему у тебя почти нет волос? Как ты летаешь? Может, ты выкрал секреты на Небе? Чего ты хочешь от нас? Ты прибыл, чтобы забрать мою паству?

Самым важным казался последний вопрос.

— Мы направляемся к краю. Нам нужна только информация.

— Вы можете найти ее на Небе.

— Не шути так, — посоветовал Луис.

— Но ведь ты сам прибыл с Неба! Я видел своими глазами.

— А, замок! Мы обыскали его, но нашли немногое. Скажи-ка, у Инженеров действительно не было волос?

— Иногда я подозреваю, что они просто брились, как и я. Но твоя кожа кажется естественно безволосой.

— Я пользуюсь депилятором, — Луис посмотрел по сторонам, на море волосатых лиц, полных обожания. — А что думают они?

— Они видят, что мы разговариваем как равный с равным на языке Инженеров. Я хотел бы, чтобы так было и дальше, если ты не против, — поведение жреца из почти враждебного стало, пожалуй, дружеским.

— Благодаря этому ты укрепишь свое положение? Да, пожалуй, так, — жрец явно боялся, что потеряет свою паству. Любой жрец, чей бог сошел на землю и пытается лично говорить с народом, боялся бы так же. — Они нас понимают?

— Одно слово из десяти.

Автопилот оказался хорошим переводчиком. Луис понятия не имел, говорит ли жрец на том

самом языке, на котором говорили в Зигнамукликлике. Если бы он знал это, если бы он знал, чем и насколько отличаются эти языки, то мог хотя бы приближенно определить, когда начался упадок цивилизации Кольца.

— Почему этот замок называется Небом? — спросил он. — Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Легенды говорят о Зриллире, — ответил жрец, — и о том, как он правил землями, лежащими под Небом. На этом цоколе стоял когда-то памятник ему в натуральную величину. Земля давала Небу деликатесы, которые я могу перечислить, поскольку их названия сохранились до сих пор в ритуальных текстах, но их самих ты уже не попробуешь. Нужно ли…

— Нет, спасибо. И что дальше?

В голосе жреца появилась напевность. Наверняка он уже много раз слышал эту историю и много раз ее рассказывал.

— Небо возникло тогда, когда Инженеры создали весь мир и Арку Неба. Тот, кто правит в Небе, правит землей от края до края. Зриллир правил много поколений, швыряя в минуты гнева огненные стрелы. Но однажды пошел слух, что он уже не может их швырять. Народ перестал его слушать, перестал давать продукты, разбил

памятник. Когда ангелы Зриллира стали бросать сверху камни, люди только смеялись и прятались. И вот пришел день, когда народ решил подняться на Небо. Однако Зриллир уничтожил движущиеся лестницы, а его ангелы покинули Небо на летающих машинах. Потом стали жалеть, что Зриллира больше нет. Небо было вечно затянуто тучами, всходы уничтожал непрерывно падавший дождь. Мы молились о возвращении Зриллира…

— Как по-твоему, сколько в этом рассказе правды?

— Я считал, что все это неправда, пока не увидел тебя, прибывшего с Неба на летающей машине. Я очень испугался, о Инженер. Быть может, Зриллир решил вернуться и послал вперед своего внебрачного сына, чтобы тот убрал с дороги фальшивых жрецов…

— Я мог побрить себе голову. Это что-то изменило бы?

— Нет. Впрочем, неважно. У тебя были какие-то вопросы?

— Что ты можешь сказать об упадке цивилизации Кольца?

— А разве цивилизация должна пасть?

Луис тяжело вздохнул и отвернулся, чтобы

взглянуть на алтарь.

Он занимал центральную часть могучего цоколя и был сделан из темного дерева. На прямоугольной поверхности со слегка загнутыми вверх краями были вырезаны горы, реки и большое озеро. На эти приподнятые края опиралась золотая параболическая арка. Золото местами вытерлось, но шарик, висящий на тонкой нити, был отполирован до блеска.

— Разве цивилизация в опасности? Так много случилось: солнечная проволока, твое прибытие... Это действительно солнечная проволока? Может, солнце тоже собирается упасть на нас?

— Не думаю. Ты говоришь о той проволоке, что падает с утра?

— Да. Наша религия учит, что солнце привязано к Арке необычайно прочной проволокой. Эта проволока прочна — мы знаем об этом. Одна девочка пробовала ее поднять и лишилась пальцев.

Луис кивнул головой.

— Ничего на вас не упадет, — сказал он. «Даже черные прямоугольники, — добавил он мысленно. — Даже если перерезать все нити, и тогда они не столкнутся с Кольцом, а просто удалятся от солнца, остановившись на орбите, соответствующей их скорости. Строители Кольца наверняка

сделали так, чтобы эта орбита оказалась внутри их драгоценной конструкции.»

— А может, ты что-то знаешь о транспортной системе на краю? — спросил он без особой надежды и тут же почувствовал — что-то пошло не так. Это было как сигнал, знак приближающейся катастрофы — вот только что?

— Ты не мог бы повторить? — спросил жрец.

Луис повторил.

— Эта вещь, которая говорит за тебя, — сказал жрец, — в первый раз сказала… что-то другое. Что-то о запрещенном…

— Забавно, — буркнул Луис. На этот раз он тоже услышал. Коммуникатор заговорил на совершенно чужом языке, причем гораздо громче, чем раньше.

— Ты пользуешься запрещенной частотой, нарушая… дальше я не помню, — сказал жрец. — Лучше нам закончить разговор. Ты разбудил что-то старое и злое… — жрец замолчал, вслушиваясь в слова, идущие из коммуникатора, который снова заговорил на местном языке.

— …нарушая параграф двенадцатый, касающийся…

То, что сказал после этого жрец, никогда не было переведено.

Коммуникатор вдруг разогрелся докрасна, и Луис мгновенно отшвырнул его в сторону. Маленький огненно-белый диск упал на землю, не причинив никому вреда. Только тогда Луис почувствовал боль, и глаза его наполнились слезами.

С трудом он заметил, что жрец величественно кивнул ему головой. Он ответил тем же жестом, потом — поскольку все время разговора сидел в кресле скутера — слегка коснулся управления и взмыл к Небу.

Оказавшись один, он сморщился в пароксизме боли и произнес слово, которое впервые услышал на Вундерланде из уст человека, только что уронившего кристалл Стейбена тысячелетней древности.

17. ГЛАЗ ЦИКЛОНА

Скутеры покинули Небо. Они летели чуть ниже серо-стального клубящегося слоя облаков. Он спас им жизнь над полем солнечников, но теперь эти облака действовали на всех угнетающе.

Луис установил на пульте постоянную высоту. Делал он это очень осторожно, поскольку его правая ладонь, покрытая толстым слоем целебной мази, а перед этим, разумеется, обезболенная, весьма напоминала кусок дерева. Некоторое время он разглядывал ее, думая, насколько хуже могло все кончиться, если бы…

Над пультом появилась оранжевая голова Говорящего.

— Луис, разве мы не поднимемся над облаками?

— Мы можем что-нибудь проглядеть. Оттуда ничего не видно.

— Но у нас есть карты.

— А на них обозначены поля солнечников?

— Ты прав, — согласился кзин и выключил свой интерком.

Пока Луис беседовал с бритым жрецом, Говоря-

щий и Тила не теряли времени в комнате карт. Они сделали контурные карты трассы их полета, нанеся на них города, когда-то кипевшие жизнью, которые видели на большом экране.

Значит, кому-то (или чему-то) не понравилось, что они пользуются запрещенной частотой. Кем запрещенной? Когда? Почему? Почему об этом было сказано только теперь? Луис подозревал, что речь могла идти о какой-либо машине вроде лазерного охотника, сбившего «Лгуна». Возможно, она действовала с перерывами.

Коммуникатор кзина тоже разогрелся докрасна в его ладони. Пройдет несколько дней, прежде чем он сможет снова владеть ею, даже при использовании лучших лекарств из «военного» ассортимента. Сожженной ткани нужно время для регенерации.

Сейчас, когда у них были карты, они летели уже не вслепую. Если цивилизация могла где-то возродиться, то наиболее вероятным местом были крупные метрополии. Зная где их искать, они внимательно изучали бы их с воздуха, выискивая огни или клубы дыма.

На пульте управления вспыхнул еще один огонек: Несс хотел поговорить. Луис включил интерком и увидел спутанную гриву кукольника

и его покрытый нежной кожей хребет, поднимавшийся и опускавшийся в ровном ритме дыхания. На мгновение ему показалось, что кукольник еще не вышел из кататонии или же снова впал в нее, но в этот момент показалась треугольная одноглазая голова.

— Привет, Луис! — пропел Несс. — Что нового?

— Мы нашли летающее здание, — ответил Луис, — с комнатой карт, — и он рассказал кукольнику о замке, названном Небом, о комнате карт, об экране, картах и глобусах, о жреце и его рассказе, и о модели вселенной. Отвечая на очередной вопрос, он подумал, что пора бы задать и свой.

— Кстати, твой коммуникатор действует?

— Нет, Луис. Он разогрелся до белого каления и очень меня испугал. Если бы я так сильно не боялся, наверняка бы на минуту ушел.

— Понятно. Другие тоже не действуют. Мы с Говорящим сожгли ладони, а у Тилы — дыра в багажнике. Знаешь что? Нам нужно изучить местный язык.

— Разумеется.

— Жаль, что этот жрец не знал ничего об упадке древней цивилизации Кольца. У меня была одна идея… — и он познакомил кукольника со

своей теорией мутировавших пищеварительных бактерий.

— Это вполне возможно, — сказал Несс. — Если они утратили навыки превращения элементов, им уже никогда не подняться.

— Это почему?

— Посмотри по сторонам, Луис. Что ты видишь?

Луис осмотрелся. Он видел формирующийся перед ним грозовой фронт, холмы, долины, далекий город, двойную вершину, блестящую полупрозрачной серостью конструктивного материала Кольца…

— Сядь в любом месте и начни копать. Что ты найдешь?

— Почву, — сказал Луис. — И что с того?

— А глубже?

— Тоже почву. Скалы. Конструкцию… — и в ту же секунду пейзаж резко переменился. Грозовые тучи, горы, города — один справа, другой сзади, таинственный блеск за несуществующим горизонтом, который мог оказаться морем или очередным полем солнечников — все вдруг стало искусственным и плоским. Разница между *этим* и настоящей планетой была так же велика, как между резиновой маской и человеческим

лицом.

— Если бы ты начал копать на какой-нибудь настоящей планете, — продолжал кукольник, — то рано или поздно наткнулся бы на руду какого-нибудь металла. Здесь, прокопав сорок футов земли, уткнешься в основание Кольца. И это все. Пробиться сквозь него нельзя, а по ту сторону ты нашел бы только пустоту.

Если цивилизация, которая построила Кольцо, хочет на нем жить и развиваться, ей необходима дешевая технология превращения элементов. Если она ее утратит — что ей останется? На Кольце нет никаких минеральных богатств. Ищи хоть миллион лет — ничего не найдешь. Цивилизация должна пасть. И навсегда.

— Когда ты пришел к такому выводу? — спросил Луис.

— Достаточно давно. Это не относилось к тому, что непосредственно влияло на нашу безопасность.

— Значит, ты просто молчал. Ясно. — Сколько же времени Луис ломал над этим голову! А сейчас все оказалось ясным и простым. Что за ловушка, что за невероятная ловушка для мыслящих существ!

Луис посмотрел вперед, заметив краем глаза,

что голова кукольника исчезла с пульта управления. Гроза была все ближе. Звукопоглощающие барьеры, наверняка, справятся с ней, но…

Лучше ее обогнуть, поднявшись повыше. Луис потянул на себя рычаг, и скутеры начали подниматься к непроницаемому слою серых облаков, которые висели над ними с той минуты, как они добрались до замка, называемого Небом.

Луис лениво думал. Овладение местным языком займет у них какое-то время. Изучение нового языка после каждого приземления просто невозможно. В данный момент именно этот вопрос вырастал до ранга важнейшей проблемы. Как давно обитатели Кольца живут в дикости? Как давно в едином языке начали возникать наречия и диалекты? Как сильно отличаются они от праязыка?

Раскинувшийся вокруг пейзаж потемнел, потом совсем исчез — они вошли в облака. Щупальца серого липкого тумана гладили невидимую оболочку, окружавшую скутер Луиса. Наконец, они оказались над серым покровом.

С уходящего в бесконечность горизонта смотрел на Луиса Ву огромный небесный глаз. Если бы у Бога была голова размером с Луну, то глаз был бы именно такого размера.

Осознание того, что он видит, заняло у Луиса несколько секунд. Следующие несколько секунд его разум категорически отказывался принять это. Невероятное зрелище поблекло, как плохо освещенная голограмма.

Сквозь слабый звон в ушах он услышал чей-то крик.

«Может, я уже умер? — подумал он. — Может, это Несс? Но ведь кукольник прервал связь…»

Это была Тила. Тила, которая еще никогда в жизни ничего не пугалась. Сейчас она закрыла лицо руками, прячась от этого чудовищного голубого взгляда.

Глаз был прямо перед ними. Казалось, он притягивает их с какой-то невероятной силой.

«Может, я умер, и это Творец, который должен меня судить?»

Пришло время, когда Луис Ву должен был решить, в какого Творца он верит, если верит вообще.

Глаз был голубовато-белым: белая бровь и темный зрачок. Белый благодаря облакам, голубой — благодаря расстоянию. Так, будто он был частью неба.

«Это не может быть правдой, — мысленно повторял Луис. — Вселенная велика, но некоторые

вещи попросту невозможны.»

— Луис!

Луис вновь обрел голос.

— Это ты, Говорящий? Что ты видишь?

Кзин на мгновение замолчал, а когда заговорил снова, его голос был удивительно бесцветным.

— Прямо перед нами я вижу огромный человеческий глаз.

— Человеческий?

— Ты тоже его видишь?

Одно это слово, которого Луис никогда бы не произнес, меняло все. Человеческий. Человеческий глаз. Если бы это была галлюцинация или какое-то сверхъестественное явление, кзин должен был бы видеть глаз кзина или вовсе ничего.

— Значит, это что-то реальное, — сказал Луис. — Что-то действительно существующее.

Тила с надеждой вглядывалась в него.

Но почему он притягивает их к себе?

Луис потянул рычаг вправо. Скутеры послушно свернули в сторону.

— Ты сходишь с курса, — тут же сказал Говорящий с Животными. — Вернись или передай управление мне.

— Надеюсь, ты не собираешься пролететь *сквозь* это?

— Оно слишком велико, чтобы его огибать.

— Не больше, чем кратер Платона. Через час мы вновь ляжем на курс. Зачем же рисковать?

— Если боишься, лети один. Ты тоже, Тила. Встретимся на той стороне.

— Но почему? — хрипло спросил Луис. — Ты считаешь, что это… этот случайный узор облаков заключает в себе вызов твоему мужеству?

— Почему? Луис, здесь дело не в моих способностях к размножению, а в моей смелости.

Скутеры продолжали мчаться вперед со скоростью тысячи миль в час.

— Причем здесь твоя смелость? Ты должен мне рассказать…

— Нет, не должен. Если хотите, можете обогнуть Глаз.

— А как нам потом найти тебя?

— Это, действительно, проблема, — признался кзин. — Луис, ты слышал когда-нибудь о ереси Кдапта-проповедника?

— Нет.

— В мрачный период, наступивший после Четвертого Перемирия с людьми, Кдапт-проповедник провозгласил новую религию. Он был разорван в поединке самим Патриархом, но его религия тайно существует до сих пор. Кдапт-

проповедник считал, что Бог создал человека по своему образу и подобию.

— Человека? Но… ведь Кдапт был кзином?

— Да. Вы всегда выигрывали, Луис. В течение трехсот лет вы выиграли четыре войны. Последователи Кдапта во время служб носили маски, изображающие человеческие лица. Они надеялись обмануть Творца и победить в войне.

— Значит, когда ты увидел глаз, смотрящий на нас из-за горизонта…

— Именно.

— Понятно.

— Мне кажется, моя теория гораздо правдоподобнее твоей. Случайный узор облаков! Ну знаешь, Луис!..

Мозг Луиса медленно начинал работать.

— Вычеркни слово «случайный». Может, строители Кольца поместили это здесь сознательно, например, для украшения или вроде какого-то указателя?

— И на что, по-твоему, это должно указывать?

— Не знаю. На что-нибудь большое. Луна-парк или суперсобор. А может, на кабинет Главного Окулиста. Принимая во внимание технику и пространство, которыми они располагали, это может быть что угодно.

— Например, тюрьма для любителей подглядывать! — неожиданно пришла на помощь Луису Тила. — Университет для частных детективов! Контрольный экран самого крупного во Вселенной приемника стереовизии! Я боялась почти так же, как и ты, Говорящий, — сказала она уже нормальным тоном. — Думала, что это… Сама не знаю, что я думала. Но я не оставлю тебя. Мы пролетим сквозь это вместе.

— Отлично, Тила.

— Если в этот момент он мигнет, мы погибнем.

— Норму обычно устанавливает большинство, — сказал Луис. — Я вызову Несса.

— О Финагл, конечно! Ведь он уже пролетел либо через это, либо вокруг него.

Луис рассмеялся громче, чем обычно. Он здорово трусил.

— Не думаешь ли ты, что Несс прокладывает нам дорогу?

— Что?

— Ведь это же кукольник. Он описал огромную дугу, зашел к нам в тыл, после чего наверняка переключил управление на скутер Говорящего. Таким образом, Говорящий его наверняка не схватит; а со всеми опасностями, которые могли бы его ждать, сначала должны будем справиться

мы!

— Меня удивляет твое умение думать, как трус, — сказал кзин.

— Не следует недооценивать этого. Мы находимся на чужой территории, и неизвестно, кто в конечном итоге будет прав.

— Хорошо. Поговори с ним, раз уж вас объединяют такие родственные души. Что касается меня, то я лечу прямо в Глаз. Я должен знать, что за ним или в нем.

Луис вызвал кукольника.

Кукольник снова спал.

— Несс, — позвал Луис. — Несс! — повторил он громче.

Кожа на хребте кукольника нервно задрожала, появилась удивленная треугольная голова.

— Я уже думал, что придется включать сирену.

— Что-то случилось? — к первой голове присоединилась вторая, и обе беспокойно огляделись по сторонам.

Луис был не в состоянии смотреть в немигающий голубой глаз. Он отвернулся.

— Еще нет, но случится. Мои безумные приятели решили совершить самоубийство. Я не уверен, можно ли им это разрешить.

— Объясни, пожалуйста.

— Взгляни прямо перед собой и скажи, видишь ли ты скопление облаков в форме человеческого глаза?

— Вижу.

— Ты знаешь, что это может быть?

— Скорее всего, какая-нибудь буря. Что-то вроде циклона. Надеюсь, ты догадываешься, что на Кольце не может быть спиральных ветров?

— Что? — Луис даже не задумывался над этим.

— Спиральные ветры, циклоны, например, возникают благодаря действию силы Кориолиса и разницам в скорости перемещения воздушных масс на разных высотах. Каждая планета является вращающимся сфероидом. Когда две массы воздуха движутся к месту, где возникла относительная пустота, молекулярные силы как бы натаскивают их друг на друга, и возникает явление вихря.

— Несс, я *знаю*, как возникают циклоны.

— Значит, ты должен знать, что на Кольце все воздушные массы движутся с идеально равными скоростями. Никаких вихрей.

— Ну, а ветер? Таким образом не возникнет даже легчайшего дуновения. Не будет никакого движения воздушных масс.

— Неправда. Теплый воздух будет подниматься

вверх, а холодный — опускаться вниз. Но такие явления не могут стать причиной того, что мы видим перед собой.

— Верно.

— Что собирается сделать Говорящий?

— Пролететь через самую середину. И Тила собралась последовать за ним.

Кукольник засвистел настолько чисто, насколько чист бывает свет рубинового лазера.

— Это может быть опасно. Силовые поля скутеров защитят их от любого обычного ветра, но этот ветер не обычный…

— Я думаю, не искусственно ли он создан.

— Да… Инженеры могли придумать какой-нибудь способ вызвать циркуляцию ветра. Но такая система остановилась бы, когда прекратилась подача энергии. Не понимаю… Ага! Ясно, Луис.

— Что такое?

— Представь себе место, находящееся где-то в центре бури, в котором воздух просто исчезает, оставляя после себя пустоту. Все остальное уже очевидно. Воздушные массы движутся к этому месту спереди и сзади, если глядеть в направлении вращения Кольца, благодаря…

— И с боков тоже.

— Это неважно, — отмахнулся от его замеча-

ния кукольник. — Воздух, движущийся против «течения», будет немного легче, а по «течению» — тяжелее.

Луис мобилизовал все свое воображение, но напрасно.

— Почему?

— Воздух, вращающийся вместе с Кольцом, движется чуть быстрее, из-за чего подвергается действию минимальной центробежной силы. Он просто тяжелее и опускается вниз. Это нижнее веко глаза. Верхнее образует воздух, движущийся против «течения». Разумеется, здесь тоже возникает явление вихря, но ось его горизонтальна, тогда как на любой другой планете она была бы вертикальной.

— Здесь это, собственно, побочный эффект.

— Побочный и одновременно единственный. Нет ничего, что могло бы его остановить. Явление, которое ты видишь перед собой, может оставаться неизменным хоть тысячу лет.

— Может, и так, — сейчас Глаз казался не таким ужасающим. Кукольник прав, это было нечто вроде циклона: «Веки» были облаками, освещенными солнцем, а «зрачок» — его центром.

— Единственная проблема — то таинственное место, где исчезает воздух. Почему это проис-

ходит?

— Может, там работает какая-нибудь помпа?

— Сомневаюсь, Луис. Будь это так, циркуляции воздуха в этом районе были бы старательно запланированы.

— Значит?

— Ты обратил внимание на места, в которых конструктивный материал Кольца вышел из-под слоя земли и скал? Наверняка такая странная эрозия не была запланирована сознательно. Ты заметил, что такие места мы встречаем все чаще. Действие Глаза нарушило распределение воздушных масс на многие тысячи миль, на площади большей, чем поверхность моей или твоей планеты.

Теперь уже Луис протяжно свистнул.

— Ненис! Понимаю! В центре этого циклона должен быть метеоритный кратер.

— Именно. Понимаешь, какое это имеет значение? Конструктивный материал Кольца все-таки можно уничтожить.

— Для нас он вечен, принимая во внимание то, чем мы располагаем.

— Согласен. Но так или иначе, нужно проверить, действительно ли там есть отверстие, пробитое метеоритом.

Недавняя паника казалась Луису полузабытым сном. Аналитический холод вывода кукольника успокаивающе подействовал на него. Луис Ву отважно взглянул в огромный глаз и сказал:

— В этой частичной пустоте должен быть просто чистый и спокойный воздух. Хорошо, я передам им добрую весть. Мы все пролетим сквозь глаз циклона.

Когда они были уже возле зрачка, небо над ними потемнело. Неужели приближалась ночь? Установить это было трудно. Толстый слой облаков делал темным и мрачным даже ясный солнечный день.

От края до края Глаз был, по крайней мере, ста миль длиной, а его высота составляла около сорока миль. Сейчас его контуры казались скорее голубыми, чем белыми. Они видели полосы и утолщения развеваемых облаков. Зрачок оказался туннелем, образованным клубящимися ветрами, однако целое все еще выглядело как гигантский глаз.

Они летели прямо в глаз Бога. Зрелище было потрясающее, ужасающее и почти карикатурное. Луис готов был одновременно смеяться и кричать от ужаса. Или повернуть. Вполне хватило бы и одного разведчика, чтобы проверить, действи-

тельно ли в основании Кольца есть отверстие. Луис мог бы обогнуть Глаз по кругу и…

Однако они были уже в центре.

Они влетели в черный коридор, освещенный непрерывно вспыхивающими молниями. Воздух вокруг них был идеально спокоен, тогда как за пределами зрачка клубились облака, вспененные, словно волны. Они двигались быстрее самого мощного циклона.

— Пожиратель листьев был прав, — рявкнул Говорящий. — Это просто буря.

— Самое забавное, что он единственный не впал в панику, увидев это! — крикнул в ответ Луис. — Видимо, кукольники не суеверны.

— Я вижу что-то! Вон, впереди! — крикнула Тила.

Дыра в конце туннеля. Луис оскалил зубы в нервной усмешке и осторожно положил руки на рычаги управления. Над дырой могло сильно болтать.

Сейчас он был явно менее напряжен и взволнован, чем когда они влетели в Глаз. Что могло грозить ему в месте, которого не боялся даже кукольник?

Облака и молнии окружали их все более тесными кольцами.

Они притормозили и зависли над отверстием, уравновесив силу всасывания тягой двигателей. Приглушенный барьером рев циклона обручем сдавливал головы.

Это было так, словно они заглядывали в трубу. Разумеется, в ней исчезал воздух, но просто ли его выкачивало или, может, высасывало и отбрасывало в притаившуюся по ту сторону тонкой ленты Кольца пустоту?

Луис не заметил, когда Тила направила свой скутер вниз. Она была слишком далеко от него, мерцающий призрачный свет был слишком необычен, а он смотрел прямо в черное отверстие трубы. Правда, он заметил исчезающую в ней серебристую искорку, но не придал этому никакого значения. Только потом он услышал сдавленный испуганный крик Тилы.

Изображение ее лица на интеркоме было отчетливым. Тила смотрела вниз и была в ужасе.

— Что случилось? — крикнул Луис.

— ...поймал меня! — с трудом донесся до него ответ.

Он снова посмотрел вниз.

В заполняющей отверстие трубы пустоте царило полное спокойствие, яростно вихрились только ее края. Их освещало странное зарево,

основанное не на электрических разрядах, а на катодных эффектах, возникающих благодаря разнице потенциалов в почти полной пустоте. На самом дне что-то мерцало… будто искра. Это мог быть скутер, если бы нашелся кто-нибудь настолько глупый, чтобы нырнуть в ревущий Мальстрем только затем, чтобы взглянуть вблизи на дыру, за которой могла быть только пустота.

Луис почувствовал какую-то невероятную слабость. Ничего уже нельзя было сделать. Ничего. Он отвернулся.

Над пультом управления он увидел лицо Тилы. Широко открытые глаза вглядывались во что-то ужасное. Из носа текла кровь.

Ужас медленно исчезал с лица девушки, оставляя после себя трупно-бледное спокойствие. В любой момент она могла потерять сознание. Аноксия? Звукопоглощающий барьер не выпустил бы воздуха из своего внутреннего пространства, но для начала его нужно было включить.

Полубессознательные глаза Тилы смотрели прямо на Луиса Ву. «Сделай что-нибудь — молили они. — Сделай что-нибудь!»

Ее голова безвольно опустилась на пульт управления.

Луис чувствовал во рту вкус крови, он даже

не заметил, что почти откусил себе нижнюю губу. Он взглянул вниз, в освещенную неоновым светом трубу. Она напоминала увеличенный до чудовищных размеров водоворот, образующийся в ванне, когда выпускают воду, и заметил серебряную искорку, которая наверняка была скутером Тилы… внезапно свернувшую в сторону и с огромной силой врезавшуюся в боковую стену трубы.

Спустя несколько секунд далеко перед ними, уже за пределами Глаза, появился инверсионный след. Луис ни на секунду не сомневался, что это скутер Тилы.

— Что случилось? — донесся до него вопрос кзина.

Луис только покачал головой. Он был буквально оглушен. Ему казалось, что в его контурах логического мышления вдруг произошло короткое замыкание, сделавшее невозможным даже простейшее умозаключение.

Изображение над пультом управления показывало только опущенную голову и черные волосы Тилы. Она была без сознания в скутере, мчавшемся вслепую с двойной скоростью звука. Что-то нужно было делать. Но что?

— Она должна была умереть, Луис. Неужели

Несс привел в действие какое-то скрытое управляющее устройство?

— Нет. Я бы хотел, чтобы было так, но… Нет.

— А я считаю, что именно это и случилось, — заявил Говорящий с Животными.

— Ты же видел, что произошло! Она потеряла сознание, ударилась головой о пульт управления, и ее скутер рванулся в сторону, как будто за ним гналась тысяча чертей. Просто она разблокировала своим лбом рули, а ее тело толкнуло рычаг в нужную сторону.

— Ерунда.

— Ага… — Луис мечтал только о том, чтобы уснуть и перестать думать.

— Задумайся над вероятностью, Луис, — кзин только теперь до конца все понял, и челюсть его от удивления отвисла. Только после долгой паузы он сумел выдавить: — Нет, это невозможно.

— Ага… — повторил. Луис.

— Она не была бы здесь с нами. Нессу никогда не удалось бы ее найти. Она осталась бы на Земле.

Ударила очередная молния, освещая длинный крутящийся туннель. Тонкая прямая линия указывала след скутера Тилы, а сам скутер уже исчез вдали.

— И прежде всего, мы никогда не попали бы в

катастрофу!

— Именно над этим я сейчас и думаю.

— Может, лучше подумать, как спасти ей жизнь?

Луис кивнул головой. Без лишней спешки он нажал кнопку вызова Несса — кзин никогда бы этого не сделал.

Кукольник ответил почти сразу, как будто все время ждал сигнала. Луис с удивлением заметил, что кзин не выключил свой интерком. Он коротко рассказал Нессу, что произошло.

— Похоже, мы оба были неправы в отношении Тилы, — констатировал кукольник.

— Вот именно.

— Она летит на форсаже, а его невозможно включить ударом головы. Собственно, его вообще невозможно включить случайно.

— А как это делается? — спросил Луис. Когда кукольник показал ему, он буркнул: — Она могла сунуть туда палец просто из любопытства.

— В самом деле?

— Что мы теперь можем сделать? — вмешался Говорящий.

— Дайте мне знать, когда она придет в себя, — сказал Несс. — Я покажу ей, как уменьшить скорость, и она вернется к нам.

— А пока?

— Пока мы можем только ждать. Существует опасность перегрузки двигателя, однако, пока она летит, скутер сам будет огибать препятствия и наверняка нигде не разобьется. Она удаляется от нас со скоростью четыре Маха. Единственное, чего следует опасаться — это аноксии, но я уверен, что ей ничего не грозит.

— Почему? Ведь аноксия может привести к повреждению мозга.

— Для этого Тила слишком удачлива, — ответил кукольник.

18. СЛУЧАЙНОСТИ ТИЛЫ БРАУН

Была глубокая ночь, когда они, наконец, оказались по другую сторону Глаза. Они не видели ни одной звезды, но сквозь немногочисленные просветы в облаках время от времени до них доходил голубой отблеск Арки Неба.

— Я передумал, — сказал Говорящий с Животными. — Если хочешь, Несс, можешь к нам вернуться.

— Хочу, — сказал кукольник.

— Нам нужен твой образ мыслей. Однако знай: я никогда не забуду, что твоя раса сделала с моей.

— Я вовсе не собираюсь вмешиваться в твою память.

Луис едва обратил внимание на эту победу практичности над гордостью, разума над ксенофобией. Он смотрел по сторонам, выискивая инверсионный след, оставленный скутером Тилы, но нигде не мог его найти.

Тила по-прежнему была без сознания. Один раз ее голова слегка шевельнулась, но Луису, несмотря на многочисленные попытки, не удалось добиться ничего большего.

— Мы ошибались относительно нее, — сказал Несс. — Не пойму только, почему? Почему наша экспедиция закончилась катастрофой, если ее везение так велико?

— То же самое я говорил Луису!

— Однако, если ее счастье не имеет никакой силы, — продолжал кукольник, — то как объяснить включение форсажа? Я считаю, что был прав с самого начала: у Тилы Браун есть везение, которое нужно рассматривать в категориях наследственных психических способностей.

— В таком случае, почему тебе удалось ее завербовать? Почему «Лгун» потерпел катастрофу? Ответь-ка!

— Успокойтесь, — попробовал остановить их Луис, но они не обратили на него внимания.

— Вероятно, ее счастье действует не всегда, — сказал Несс.

— Если бы оно подвело хоть раз, она была бы мертва.

— Если бы она была мертва или ранена, я не взял бы ее в путешествие. Нужно оставить немного места и случайности. Не забывай, Говорящий, что теория вероятности признает существование случая.

— Но не колдовства. Я никогда не поверю в

наследственное счастье.

— Придется, — просто сказал Луис, и на этот раз его услышали. Он мог говорить дальше. — Я должен был понять это гораздо раньше. Не потому, что ее обходили все несчастья. Я имею в виду разные мелочи, некоторые свойства ее личности. Ей действительно везет, Говорящий, можешь поверить.

— Луис, как ты можешь говорить такой вздор?

— С ней никогда не случалось ничего плохого. Никогда.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Она знала все о наслаждении, но ничего о боли. Помнишь, что она сказала, когда тебя атаковали солнечники? Спросила, видишь ли ты. «Я ослеп», — ответил ты, а она на это: «Но ты *видишь*?» Она не поверила тебе. Или сразу после катастрофы: она пыталась босиком пройти по дымящейся лаве.

— Просто она не слишком умна, Луис.

— Ненис, совсем наоборот! Просто она не знает, что такое боль! Когда она обожгла себе подошвы, то сбежала вниз по поверхности в тысячу раз более скользкой, чем лед, и не упала! Впрочем, эти подробности ни к чему. Достаточно увидеть, как она ходит. Такое впечатление, что она в любую

минуту может упасть. Но не падает, не разбивает себе локтей, ничего не роняет и не разливает. Она никогда этого не делала, просто не знала, что это возможно, понимаешь? Ей вовсе не нужно быть ловкой и аккуратной.

— У созданий, отличных от людей, то, о чем ты говоришь, вовсе не было бы таким очевидным, — с сомнением сказал кзин. — Я верю тебе на слово, Луис. Но как мне поверить в наследственное счастье?

— А я верю. Вынужден верить.

— Если бы ее счастье было постоянным, — вставил Несс, — она, прежде всего, никогда не пробовала бы ходить по горячей лаве. Однако время от времени это счастье берет нас под свои крылья. Утешающе, правда? Мы бы уже давно были мертвы, если бы именно над полем солнечников не было плотного слоя облаков.

— Вот именно, — подтвердил Луис. Однако облака расступились настолько, чтобы солнечники могли ощутимо поразить кзина. В Небе Тила ехала по движущимся лестницам, тогда как Луису пришлось идти пешком. Его ладонь, как и ладонь кзина, была в повязке, а Тила отделалась дырой в багажнике скутера. — Однако ее счастье лучше защищает ее самое, чем нас, — сказал он.

— Это очевидно. Ты чем-то озабочен, Луис?

— Может, и да… — Приятели Тилы давно уже перестали рассказывать ей о своих хлопотах. Тила просто не понимала, что это такое. Объяснить ей, что такое боль, было также трудно, как объяснить слепому, что такое цвет.

Бешенство сердца? Тила никогда не переживала страданий любви. Мужчина, которого она хотела, приходил к ней и был, пока не надоедал, а потом уходил.

Время от времени, благодаря своим особым свойствам, Тила становилась… слегка отличной от остальных людей. Конечно, она по-прежнему оставалась женщиной, но наделенной необычайной силой, иными способностями и слабостями… И именно такую женщину Луис полюбил. Странно…

— Она тоже меня любила, — буркнул Луис. — Очень странно. Я ведь не в ее вкусе. А если она меня не любила, то…

— Луис, ты говоришь со мной?

— Нет, Несс, я говорю сам с собой… — Почему все-таки она решила присоединиться к Луису Ву и его пестрой команде? Загадка все более усложнялась. Неужели ее счастье велело ей влюбиться в неподходящего мужчину, принять участие в

утомительной и опасной экспедиции, где ей в любую секунду грозила смерть? Это не имело никакого смысла.

Он заметил какое-то движение над пультом управления. Тила пришла в себя и подняла голову. Она взглянула, ничего не понимая… и глаза ее наполнились ужасом. Она смотрела вниз. По ее прелестному лицу пробежала тень безумия.

— Спокойно, — мягко сказал Луис. — Только спокойно. Расслабься. Все в порядке.

— Но… — произнесла она каким-то чужим, высоким голосом.

— Мы уже вышли из смерча. Он далеко позади. Посмотри по сторонам.

Она повернула голову, и довольно долго Луис видел лишь спутанные черные волосы. Когда она подняла голову, лицо ее было почти спокойным.

— Несс, скажи ей.

— Более получаса ты летишь с четырехкратной скоростью звука, — заговорил кукольник своим нежным голосом. — Тебе необходимо затормозить. Вложи указательный палец в отверстие, обозначенное зеленым цветом…

Все еще испуганная, она выполнила распоряжение.

— Теперь ты должна вернуться к нам. Ты уда-

лилась по огромной дуге, а поскольку у тебя нет нужных приборов, придется все время следовать моим указаниям. Для начала поверни в направлении, обратном вращению Кольца.

— Это куда?

— Поворачивай влево до тех пор, пока не увидишь перед собой основание Арки.

— Я не вижу его. Нужно подняться над облаками.

Казалось, она вполне пришла в себя, но все еще здорово боялась. Луис никогда в жизни не видел настолько перепуганного человека. И уж тем более Тилу.

А видел ли он иногда-нибудь испуганную Тилу?

Он коротко глянул через плечо. Земля была невидима в темноте, но Глаз, голубой в голубом зареве Арки Неба, смотрел на них сосредоточенно и безжалостно.

Луис глубоко задумался, и тут его кто-то позвал.

— Да? — пришел он в себя.

— Ты не злишься?

— Злюсь? — задумчиво повторил он. Собственно, ее поступок следовало назвать безумством и чудовищной глупостью. Он попытался вызвать в

себе гнев, как пытаются вызвать старую забытую зубную боль. Бесполезно.

Поведение Тилы Браун нельзя было оценивать с позиций здравого смысла.

— Пожалуй, нет. А, собственно, что ты там увидела?

— Я могла погибнуть, — сказала Тила с нарастающим гневом. — Не качай головой, Луис, я могла погибнуть! А тебя это ничуть не волнует!

— А тебя?

Она откинула голову, будто он дал ей пощечину. Он еще заметил движение ладони, затем она исчезла. Однако спустя секунду появилась снова.

— Там была дыра! — с яростью фыркнула она. — Дыра и туман.

— Большая?

— Откуда мне знать? — она снова исчезла.

Верно. Как она могла оценить ее размеры, не имея ничего для сравнения?

«Рискует жизнью, — подумал Луис, — а потом злится на меня за то, что я не злюсь на нее. Может, она просто пыталась привлечь к себе внимание? И как давно она это делает?

Если бы на ее месте оказался кто-нибудь другой, он давно бы уже был мертв».

— Но не она, — сказал он в полный голос. — Не

она…

«Боюсь ли я за Тилу Браун? А может, я просто спятил?»

В его возрасте все могло случиться. Такой старый человек, как Луис Ву, часто видел, как происходят невозможные вещи. Для него граница между фантазией и действительностью могла стереться или даже полностью исчезнуть. Он мог впасть в ультраконсерватизм, отбрасывая невозможное, даже когда оно становилось реальностью. Как Краген Перел, который не хотел поверить в существование безинерционного привода, поскольку это противоречило второму закону термодинамики. С другой стороны, он мог верить во все, что ему скажут, как Зеро Хале, который бродил по известному Космосу, скупая мнимые реликвии Славера.

Везде поджидало безумие.

Нет! Если Тила Браун избегает верной смерти только потому, что ударяется головой о пульт управления, это нечто большее, чем случайность.

Почему же произошла катастрофа со «Лгуном»?

Между Луисом и скутером кзина появился новый объект.

— Привет, — сказал Луис.

— Спасибо, — ответил Несс. Судя по тому, как быстро он явился, он тоже воспользовался форсажем. Говорящий пригласил его не более десяти минут назад.

Поверх пульта управления на Луиса смотрели две треугольные полупрозрачные головы.

— Сейчас я чувствую себя в безопасности. Через полчаса, когда к нам присоединится Тила, это чувство станет еще сильнее.

— Почему?

— Счастье Тилы Браун защищает и нас, Луис.

— Не думаю, — Луис с сомнением покачал головой.

Кзин молча прислушивался к разговору. Только Тилы не было на связи.

— Меня беспокоит твое нахальство, — сказал Луис. — Разведение людей и кзинов свидетельствует о дьявольском нахальстве. Ты слышал когда-нибудь о Дьяволе?

— Я читал о нем в книгах.

— Сноб. Но твоя глупость еще больше нахальства. Ты беззаботно признаешь очевидным, что хорошее для тебя хорошо и для Тилы. Почему ты так считаешь?

— Ну… — Несс помолчал. — Это, пожалуй, есте-

ственно. Если мы закрыты в одной кабине, то удар метеорита так же опасен для нее, как и для меня.

— Верно. Однако допустим, что вы пролетаете над местом, где Тила хочет приземлиться, а ты — нет. Если именно в этот момент произойдет авария двигателя, это будет выгодно только для Тилы.

— Что за ерунда! Зачем Тиле приземляться на Кольце? Она ведь даже не знала о его существовании, пока я ей об этом не сказал!

— Ей просто везет. Если она должна была прибыть сюда, не зная о его существовании, то наверняка и прибыла. Такое счастье трудно назвать спорадичным, правда, Несс? Оно действовало бы все время. Это вопрос счастья, что ты ее все-таки нашел. Это вопрос счастья, что тебе не удалось связаться ни с одним другим кандидатом. Помнишь эти постоянные ошибочные соединения? Это вопрос счастья, что мы разбились. Помнишь, как ты ругался с Говорящим, кто должен руководить экспедицией? Ну вот, теперь ты знаешь.

— Но *почему*?

— Понятия не имею, — Луис провел ладонью по отрастающим волосам.

— Тебя беспокоит этот вопрос, Луис? Меня —

очень. Что на Кольце могло оказаться для нее привлекательным? Ведь здесь… здесь опасно. Странные бури, плохо запрограммированные автоматы, поля солнечников, непредсказуемые туземцы — все это составляет угрозу для наших жизней.

— Ха! — триумфально воскликнул Луис. — Верно. Это часть ответа. Просто для Тилы не существует опасности, понимаешь? Прежде, чем мы начнем действовать, нужно принять это к сведению.

Кукольник несколько раз открыл и закрыл свои одинаковые рты.

— Это слегка усложняет ситуацию, правда? — захохотал Луис. Разрешение проблем представляло для него интерес само по себе. — Но это только часть ответа. Если мы примем, что…

Вдруг кукольник пронзительно закричал.

Луис был потрясен. Он никак не предполагал, что это так подействует на Несса. Кукольник кричал еще какое-то время, а потом спрятал обе головы под живот. Интерком показывал теперь только густую спутанную гриву. Рядом с ней появилось лицо Тилы.

— Вы говорили обо мне, — сказала она почти бесстрастно. (Она не сумела скрыть обиду. Мо-

жет, умение скрывать обиды составляло один из факторов, определяющих способность к выживанию?) — Я пыталась что-нибудь понять из этого, но не смогла. Что с ним случилось?

— Это все мой болтливый язык. Я испугал его. Не знаю, как мы теперь тебя найдем.

— Ты не можешь сказать мне, где я нахожусь?

— Локатор есть только на скутере кукольника. Вероятно, по той же причине, по которой он позаботился о том, чтобы мы не могли включить форсаж.

— Мне тоже так кажется.

— Он хотел быть уверенным, что ему удастся удрать от разъяренного кзина. Впрочем, неважно. Как много ты поняла?

— Немного. Вы спрашивали друг друга, почему я хотела сюда прилететь. Так вот, я не хотела, Луис. Я прилетела сюда с тобой, потому что люблю тебя.

Луис кивнул головой. Ясно. Если Тила прибыла сюда, у нее должен быть какой-то мотив. В этом не было ничего странного.

Она любила его потому, что так ей велело ее счастье. А ему на мгновение показалось, что она любит его ради него самого…

— Я пролетаю над городом, — сказала вдруг

Тила. — Вижу несколько огней. Когда-то здесь жила масса людей. Город наверняка есть на карте Говорящего.

— Стоит рассмотреть его повнимательнее?

— Я же говорю, что здесь *огни*. Может… — изображение и звук внезапно исчезли, словно отрезанные ножом.

Довольно долго Луис вглядывался в пустоту над пультом.

— Несс? — неуверенно выдавил он.

Тишина.

Он включил сирену.

Танцующие на длинных шеях головы кукольника напоминали семейство змей, бегущих из горящего зоопарка. В других обстоятельствах это могло показаться смешным: извивающиеся шеи, изогнутые в два вопросительных знака.

— Что случилось, Луис?

Появилось и лицо кзина. Он сидел в полной готовности, ожидая информации и объяснений.

— Что-то произошло с Тилой.

— Это хорошо, — сказал кукольник и спрятал головы под живот.

Луис выключил сирену, подождал немного, после чего включил ее снова. Кукольник среагировал так же, как и в первый раз. Теперь Луис

заговорил первым.

— Если мы не проверим, что с ней случилось, я тебя убью, — спокойно сказал он.

— У меня есть тасп, — ответил Несс. — Мы сделали его так, чтобы он действовал и на людей, и на кзинов.

— Думаешь, это меня удержит?

— Да, Луис, я думаю именно так.

— На что спорим? — медленно спросил Луис.

Кукольник на секунду задумался.

— Попытка спасения Тилы наверняка будет безопаснее такого пари. Я забыл, что она твоя самка, — одна из его голов взглянула на приборы. — Она исчезла с локатора, и я не знаю, где она сейчас.

— Значит ли это, что ее скутер поврежден?

— Да. Передатчик размещен возле двигателя. Вероятно, она оказалась в пределах действия какого-то автомата, вроде того, который уничтожил наши коммуникаторы.

— Гммм… Не знаешь, где она была, когда прервала контакт?

— Я знаю направление, но не расстояние. Мы можем только догадываться о нем на основании не очень точных расчетов.

Они повернули в направлении, которое ука-

зал кукольник. Спустя два часа никаких огней по-прежнему не было видно, и Луис начал подумывать, не потерял ли он след.

В трех с половиной тысячах миль от Глаза должен был находиться порт, а за ним — залив размером с Атлантический океан. Тила наверняка не улетела дальше него. Порт был их последним шансом…

Неожиданно на склоне горы появились огни.

— Стоп! — прошептал Луис сквозь стиснутые зубы, сам не зная, почему, но кзин уже успел остановить их в воздухе.

Они висели неподвижно, разглядывая окрестности.

Город, повсюду город. Внизу, в голубом зареве Арки Неба, они видели дома с круглыми окнами, отделенные друг от друга переулками, слишком узкими, чтобы их можно было назвать улицами. Впереди дома поднимались все выше и выше, пока не вырастали на несколько десятков этажей. Некоторые все еще висели в воздухе.

— Здесь строили иначе, — прошептал Луис. — Не так, как в Зигнамукликлике. Разные стили…

— Небоскребы, — сказал Говорящий с Животными. — Зачем их ставить, когда имеешь в своем распоряжении столько места?

— Чтобы доказать, что можешь. Хотя нет, это бессмысленно. После постройки Кольца им ничего не нужно было доказывать.

— Может, эти высокие дома строили уже позднее, в период упадка цивилизации?

Огней было много: ослепительно-белые ряды окон, несколько огромных башен, освещенных от подножия до крыши. Все они находились в пределах того, что некогда было центром города, поскольку именно там группировались все летающие здания. Их было шесть.

И было еще кое-что: яркое оранжевое пятно вдали от центра.

Они сидели вокруг карты кзина на третьем этаже одного из домов, похожих на ульи.

Говорящий настоял, чтобы ввести скутеры внутрь — забота о безопасности. Свет шел от фар его машины, направленных на изогнутую стену. Стол со столешницей, украшенной тарелками и мисками, рассыпался в прах, когда Луис коснулся его. Пол был покрыт толстым слоем пыли. Украшавшая некогда стену картина осыпалась разноцветным порошком.

Луис чувствовал, что возраст города каменной тяжестью ложится ему на плечи.

— Когда делались записи, которые мы нашли в

Небе, это был один из крупнейших городов Кольца, — сказал кзин и провел кривым когтем по карте. — Поначалу город строился по старательно обдуманному плану, в виде полукольца, опирающегося на берег моря. Небо, вероятно, построили гораздо позже, когда этот город разросся далеко за первоначальные границы.

— Жаль, что ты не сделал его плана, — заметил Луис. На карте кзина виднелось только смазанное полукольцо.

Говорящий сложил карту.

— Такая огромная метрополия наверняка скрывает множество тайн. Мы должны быть очень осторожны. Если цивилизации Кольца суждено возродиться когда-нибудь, то именно здесь нужно искать тайники утраченных технологий.

— А как быть с металлами и другим сырьем? — спросил Несс. — Эта цивилизация уже никогда не достигнет былых высот. Здесь нет руды, нет жидкого топлива. Единственными доступными материалами остаются дерево и кость.

— Но мы же видели огни…

— Разбросанные безо всякого порядка. Просто они светят там, где еще действуют источники энергии. Впрочем, может вы и правы. Если здесь живут те, кто начал снова создавать сложные

инструменты, мы должны с ними связаться. Но ставить условия будем мы.

— С чего ты взял, что они еще не запеленговали наши интеркомы?

— С того, что они действуют в закрытом контуре.

Луис слушал этот разговор одним ухом. В его голове бродили беспокойные мысли. «Может, она ранена. Может, лежит где-то, ожидая помощи».

И все-таки он не мог в это поверить.

Все указывало на то, что Тила наткнулась на какой-то старый автомат или оружие, которое вывело из строя передатчик и двигатель. А может, и еще кое-что…

Тогда почему он не мог заставить себя действовать быстро? Луис Ву, как бесчувственный компьютер, взвешивает все «за» и «против», в то время как его женщине грозит опасность…

Его женщине… Но здесь было и кое-что другое.

Как глупо со стороны Несса было считать, что человек, на чьей стороне счастье, будет думать точно так, как другие люди! Если бы на месте Тилы оказался какой-нибудь кукольник, неужели он думал бы так же, как, скажем, Хирон?

Разве что страх был уже закодирован в его генах.

Но каждый человек должен научиться бояться.

— Можно предположить, что счастье Тилы Браун покинуло ее на время, — говорил тем временем кукольник. — Из этого следует, что с ней ничего не случилось.

— Что? — удивился Луис. Это было так, словно Несс подслушал его мысли.

— Авария скутера должна была бы повлечь ее смерть. Если она выжила, то была спасена сразу же, как только ее счастье вернулось к ней.

— Это смешно! Не думаешь ли ты, что психическая сила подчиняется каким-то законам!

— Логика неумолима, Луис. Я утверждаю, что Тиле не грозит никакая реальная опасность. Если она жива, то может подождать. А мы подождем до утра, чтобы осмотреть местность.

— А что потом? Как мы ее найдем?

— Если ей повезло, и она попала в хорошие руки, нам придется их найти. Если это не удастся, не останется иного выхода, как ждать какого-нибудь сигнала. Она может использовать много способов.

— Они пользуются светом, — вставил Говорящий.

— Верно. И что с того?

— Возможно, фары ее скутера еще действуют.

Если так, она наверняка оставит их включенными. Ты же утверждаешь, что она умна.

— Так оно и есть!

— И не может представить себе опасности. Она захочет, чтобы ее нашли, и ей даже в голову не придет мысль, что ее может найти кто-нибудь другой. Если фары не действуют, есть еще лазер.

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем найти ее днем? Ты прав, — признал Луис.

— Прежде всего, нам нужно осмотреть город при свете дня, — повторил Несс. — Если мы найдем каких-нибудь жителей, прекрасно. Если нет, то завтра вечером начнем поиски Тилы.

— Ты хочешь позволить ей лежать где-то тридцать часов! Ты, хладнокровный… Ненис! Это оранжевое пятно… Это может быть именно она! Горящие здания!

— Верно! — Говорящий вскочил с места. — Мы должны это исследовать.

— Я Лучше-Всех-Спрятанный этого флота. Повторяю, что ценность Тилы Браун не оправдывает риска ночного полета над чужим городом.

Кзин уже сидел в своем скутере.

— Мы находимся на потенциально враждебной территории, поэтому я беру командование на себя. Мы отправляемся на поиски пропавшего

члена экспедиции.

Кзин стартовал, осторожно проведя скутер через овальное окно. Снаружи ждал безымянный город.

Остальные скутеры стояли на первом этаже. Луис спускался по лестнице как мог быстро, и в то же время осторожно, поскольку многие ступени рассыпались при малейшем давлении.

Несс посмотрел вниз.

— Я остаюсь здесь, Луис. Считаю это бунтом.

Луис не ответил. Его скутер поднялся вверх и присоединился к экипажу кзина.

Ночь была холодной. Свет Арки Неба разукрасил город синими тенями. Два скутера помчались в направлении ярко-оранжевого пятна, в сторону от ярко освещенного центра города.

Город, город, город… нигде даже кусочка парка или сквера. Зачем строить так тесно, когда вокруг так много свободного места? Даже на перенаселенной Земле люди не любили толкать друг друга локтями и предпочитали простор.

— Летим невысоко, — донесся голос кзина. — Если окажется, что это, например, уличное освещение, возвратимся к Нессу. Однако нельзя исключать, что Тила была сбита.

— Хорошо, — сказал Луис, однако подумал:

«Смотрите, какой он осторожный перед лицом чисто гипотетического противника!» Известный своей отвагой кзин в сравнении с бравадой Тилы казался трусливым, как кукольник.

Где она сейчас? Раненая, мертвая или только испуганная?

Искать цивилизованных жителей Кольца они начали еще до вынужденной посадки «Лгуна». Неужели сейчас их ждет удача? Пожалуй, только эта возможность удерживала Несса от того, чтобы предоставить Тилу самой себе. Угрозы Луиса ничего не значили, и кукольник прекрасно понимал это.

Если эти цивилизованные жители Кольца окажутся их врагами… Что ж, это вполне возможно.

Скутер начал слегка забирать влево, и Луис поправил курс.

— Луис… — неуверенно сказал Говорящий. — Похоже, здесь какие-то помехи… — потом резким, привыкшим отдавать приказы, голосом он крикнул: — Возвращайся! Немедленно возвращайся!

Казалось, голос кзина ввинчивался прямо в мозг. Луис мгновенно выполнил приказ.

Скутер по-прежнему летел вперед.

Луис всем телом налег на рычаг управления. Безрезультатно. Скутер мчался в направлении

освещенного центра города.

— Что-то схватило нас! — крикнул Луис, и в ту же секунду его обуял ужас. Они были марионетками! Великий и всезнающий Повелитель марионеток двигал ими по известному только ему сценарию, и Луис Ву знал его имя.

СЧАСТЬЕ ТИЛЫ БРАУН.

19. В ЛОВУШКЕ

Практичный и трезво мыслящий кзин включил сирену. Она выла и выла, и Луис уже начал думать, что кукольник вообще не отзовется. Ему вспомнилась история о мальчике, который крикнул «Волк!» на один раз больше, чем требовалось… Однако в ту же секунду в интеркоме ожил взволнованный голос Несса:

— Слушаю! Что случилось?

Ну, разумеется, ему же нужно было сначала спуститься вниз!

— На нас напали, — сказал кзин с удивительным спокойствием. — Контроль над скутерами утрачен. Сейчас мы летим неизвестно куда. Что ты предлагаешь?

Невозможно было угадать, о чем думает кукольник. Его широкие губы непрерывно двигались, но из этого было трудно сделать какой-нибудь вывод. Сможет ли он помочь? А может, снова впадет в панику?

— Поверните интеркомы так, чтобы я мог видеть, куда вы летите. Вы ранены?

— Нет, — ответил Луис. — Но мы ничего не

можем сделать. Даже выскочить. Летим слишком высоко и слишком быстро. Направление — прямо на центр города.

— Куда?

— На ту группу ярко освещенных зданий. Помнишь?

— Да. — Кукольник задумался. — Какой-то сильный сигнал заглушает вас. Говорящий, сообщи мне показания приборов.

Пока кзин передавал цифры, их подтянуло совсем близко к освещенной части города.

— Пролетаем над теми оранжевыми огнями, — прервал кзина Луис.

— Это действительно уличное освещение?

— И да, и нет. Свет идет из всех дверных проемов. Он какой-то странный. Думаю, когда-то это действительно было освещением.

— Я тоже так думаю, — заметил кзин.

— Мне не хотелось бы тебя подгонять, Несс, но мы все ближе. Похоже, нас ведут к самому большому зданию в центре.

— Я его вижу. Двойной конус с освещенной верхней половиной.

— Точно.

— Я попробую вас вырвать. Луис, переключи управление на меня.

Луис сделал это.

Скутер под ним рванулся, словно огромная ступня пнула его в самый нос, двигатель взревел в агонии и стих.

Перед Луисом и за его спиной надулись амортизационные баллоны, сдавливая его, как пара заботливо сложенных ладоней. Луис едва мог двинуть головой.

Он падал.

— Я падаю, — сообщил он. Его ладонь, прижатая к пульту управления пневматической оболочкой, по-прежнему касалась выключателя управления. Он подождал немного, надеясь, что скутер все же подчинится приказу кукольника. Однако дома внизу росли слишком быстро, и Луис снова включил управление.

Никаких перемен. Он продолжал падать.

— Говорящий, не включай управление, — сказал он со спокойствием, удивившим его самого. — Это бесполезно.

Поскольку они видели его лицо, он старался выглядеть достойно. Он ждал последней встречи с Кольцом.

Вдруг их резко затормозили. Скутер перевернулся вверх дном, благодаря чему Луис Ву встретил ускорение в пять «же», вися головой

вниз, и потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что находится в том же положении, и не упал только благодаря сжимающим его баллонам. У него было чувство, что через секунду его голова лопнет, а в мозгу появилось размазанное изображение озлобленного Повелителя марионеток, пытающегося распутать веревочки, тогда как марионетка Луис Ву подрагивал на сцене головой вниз.

Висящее в воздухе здание было низким, широким и богато украшенным. Когда скутеры приблизились к нему, в стене открылись широкие ворота и поглотили их.

Они медленно двигались по темному помещению, когда скутер кзина безо всякого предупреждения перевернулся вверх дном. Мгновенно выстрелили баллоны, спасая Говорящего от гибельного падения. Луис кисло улыбнулся. Он уже достаточно долго был в этом невеселом положении, чтобы оценить ценность чьего-либо общества.

— Ваше положение указывает на то, что в воздухе вас держит электромагнитное поле, — говорил Несс. — Такое поле может поддерживать металлы, но не органику, поэтому…

Луис осторожно шевельнулся. Если бы он вы-

скользнул из баллонов, его ждала бы верная смерть. Двери за ними захлопнулись слишком быстро, и Луис не успел адаптироваться к темноте. Он не видел абсолютно ничего, и понятия не имел, как высоко висит.

Потом до него донесся вопрос Несса.

— Можешь дотянуться туда рукой? — и ответ кзина:

— Да, если протиснусь... Уррр! Ты был прав: обшивка горячая.

— В таком случае, двигатель сгорел. Скутеры больше никуда не годятся.

— Хорошо, что кресло не проводит тепла.

— Трудно удивляться, что Инженеры в совершенстве овладели электромагнитными полями. В конце концов, они не знали многого другого: гиперпространственного привода, искусственной гравитации, поля Славера...

Луис изо всех сил старался что-нибудь увидеть. Он кое-как повернул голову, чувствуя, как жесткая обшивка баллона царапает щеку. Впрочем, это не помогло — вокруг царила непроницаемая темнота.

Дюйм за дюймом передвигая ладонь, он наконец почувствовал под пальцами выключатель главных фар. Луис почти не надеялся, что они

еще действуют, но все-таки на всякий случай нажал его.

Снопы белого света прорезали тьму, достав до изогнутой дальней стены.

Вокруг на той же высоте висели другие экипажи, примерно дюжина. Одни были малюсенькие, немногим больше реактивного ранца, другие — размером со скутер, было даже что-то вроде грузовика с застекленной кабиной.

Среди этого летающего хлама находился тоже перевернутый вверх дном скутер Говорящего. Из-под вздутых баллонов выглядывала голая голова и вытянутая рука кзина.

— Свет, — сказал Несс. — Отлично. Я как раз собирался предложить вам попробовать. Вы понимаете, что это значит? Все электрические и электромагнитные цепи ваших скутеров перегорели в момент атаки. Повторная атака на Говорящего, а может, и на тебя, произошла, когда вы оказались внутри здания…

— Которое, вероятно, просто тюрьма, — простонал Луис. Ему казалось, что вместо головы у него баллон, в который налили в два раза больше воды, чем он способен вместить. Говорить было все труднее. Однако он не мог позволить, чтобы за него все делали другие, даже если это «все»

заключалось только в предположениях.

— А если это действительно тюрьма, — продолжал он, — откуда нам знать, нет ли здесь хитроумного устройства, поставленного на случай, если кто-то из пленников окажется здесь вместе со своим оружием? Как мы, например.

— Наверняка есть что-нибудь такое, — сказал кукольник. — Однако свет твоих фар доказывает, что оно не действует. Это должен быть автомат, иначе вас охранял бы какой-нибудь стражник. Я думаю, Говорящий может спокойно воспользоваться дезинтегратором Славера.

— Отлично, — выразил свое мнение Луис. — Вот только я смотрю по сторонам и…

Он и Говорящий с Животными плавали вверх ногами в воздушном Саргассовом море. У одного из трех архаичных реактивных ранцев по-прежнему был хозяин — скелет был небольшой, но наверняка принадлежал человеку. На белых костях не осталось ни клочка кожи, только цветные остатки одежды, сделанной из какого-то необычайно прочного материала.

Два других ранца были пусты, но не растворились же кости в воздухе… Луис отклонил голову назад… еще немного…

Пол напоминал огромную воронку, вокруг стен

которой находились камеры. На дно, усеянное белеющими костями, вела спиральная лестница.

Ничего удивительного, что владелец ранца не решился расстегнуть ремни. Правда, другие, захваченные так же, как и он, — предпочли короткий полет к смерти медленному умиранию от голода и жажды.

— Я не представляю, для чего здесь можно использовать дезинтегратор, — сказал Луис.

— Я тоже думаю над этим…

— Если сделать дыру в стене, это нам ничего не даст. То же самое с потолком, до которого мы, впрочем, и не дотянемся. Если же повредить генератор электромагнитного поля, нас будет ждать падение с высоты девяноста футов. Однако, если не делать ничего, мы скоро начнем умирать. Тогда единственной альтернативой будет падение.

— Согласен.

— «Согласен»? И это все?

— Мне нужно больше данных. Мог бы кто-то из вас подробно описать то, что видит вокруг себя? В интерком я вижу только кусок изогнутой стены.

Они говорили по очереди. Кзин включил фары своего скутера, и в тюрьме стало почти совсем светло.

Однако, когда Луис замолчал, рассказав все,

что мог, он по-прежнему висел вниз головой над грозной пропастью.

Он чувствовал крик, нарастающий где-то глубоко в горле, пока еще скрытый под многими слоями спокойствия, но вскоре эти слои начнут один за другим лопаться, и крик будет подниматься все выше…

Неужели Несс предоставит их самим себе?

Ответ на этот вопрос был почти очевиден. Все говорило за то, что он сделает именно так, и ничто не подтверждало обратного. Вот разве что кукольник до сих пор лелеял надежду найти здесь развитую цивилизацию.

— Вид этих экипажей и возраст скелетов свидетельствуют о том, что сюда очень долго никто не заглядывал, — сказал кзин. — После ухода людей из города сюда еще попала пара машин, а затем уже некому было попадать. Потому эти устройства еще действуют — все это время ими просто не пользовались.

— Возможно, — сказал Несс. — Кто-то нас подслушивает.

Луис навострил уши, заметив, что Говорящий сделал это в буквальном смысле слова.

— Нужна необычайно тонкая техника, чтобы перехватить направленный сигнал в замкнутом

контуре. Интересно, понимает ли подслушивающий, о чем мы говорим?

— Что ты знаешь о его положении?

— Я знаю только направление. Источник помех расположен недалеко от нас. Не исключено, что прямо над вами.

Луис попытался взглянуть вверх. Напрасно. Между ним и потолком были два надутых баллона и шасси скутера.

— Значит, мы все-таки нашли цивилизацию Кольца, — громко сказал он.

— Цивилизованное существо исправило бы третий автомат… там, в вашем помещении. Мне нужно подумать.

И кукольник запел Бетховена, а может, «Битлз» — во всяком случае, что-то классическое. Насколько Луис понял, вскоре начались его собственные вариации.

Когда Несс сказал: «Мне нужно подумать», он понимал это совершенно буквально. Музыка звучала, казалось, без конца. Луису хотелось пить. И есть. У него болела голова.

Он успел уже несколько раз потерять всякую надежду, когда кукольник, наконец, заговорил:

— Я предпочел бы воспользоваться дезинтегратором Славера, но что делать… Луис, это будет

задание для тебя. Ты лучше кзина справишься с подъемом…

— С подъемом?

— Если будешь задавать вопросы, я замолчу. Возьми лазер и проткни его лучом баллон перед собой. Когда почувствуешь, что падаешь, ухватись покрепче за его поверхность и поднимись по ней на верх скутера. Потом…

— Ты сошел с ума, Несс.

— Дай мне закончить. Речь идет о выводе из строя всех автоматических устройств, которые могли бы среагировать на использование оружия. Вероятнее всего, их одно-два над или под дверями, другое где-то еще. Единственное, что можно сказать о нем — оно наверняка ничем не отличается от первого.

— А если и отличается — не бери в голову. Может, объяснишь мне, как, по-твоему, я ухвачусь за оболочку взрывающегося баллона, чтобы… Нет, это невозможно.

— А как я могу добраться до вас, зная, что окажусь в пределах действия устройства, которое уничтожит мой скутер так же, как и ваши?

— Не знаю.

— Может, ты думаешь, что Говорящий сделает это за тебя?

— А разве коты не умеют лазить?

— Я происхожу от низинных котов, Луис, — вставил кзин. — У меня еще не зажила ладонь, и я не могу взбираться быстро. Впрочем, все равно предложение травоядного остается чистым безумием. Неужели ты не понимаешь, что он просто ищет повод нас покинуть?

Луис отлично понимал это. Похоже, на его лице отразилась по крайней мере часть страха, который он испытывал, потому что Несс сказал:

— Пока что я не покину вас. Подожду. Может, вы придумаете лучший план. А может, появится тот, кто подслушивает. Я подожду.

Ничего странного, что висящий головой вниз между двумя баллонами Луис потерял чувство времени. Вокруг ничего не менялось, ничего не двигалось. Он слышал в интеркоме посвистывание кукольника, и это было все.

Наконец, он начал считать удары своего сердца. Семьдесят два в минуту… примерно.

Ровно через десять минут он сказал:

— Семьдесят два. Минута. Что я делаю?

— Ты что-то сказал, Луис?

— Ненис! Говорящий, с меня довольно. Лучше умереть, чем сойти с ума. — И он начал высвобождать руки.

— Луис, мы находимся в боевой обстановке. Я приказываю тебе сохранять спокойствие и ничего не делать!

— Мне очень жаль. — Рывок, отдых. Рывок, отдых. Еще немного…

— Предложение кукольника — это верная смерть.

— Возможно. — Наконец, лазер был у него в руках. Он направил его вперед — попутно, видимо, он уничтожит пульт управления, но это уже не имело особого значения.

Он нажал на спуск.

Продырявленный баллон начал медленно опадать; тот же, что находился за спиной Луиса, толкал его вперед, занимая освобождающееся пространство. Луис торопливо спрятал лазер за пояс и крепко ухватился за опадающую оболочку.

Он почувствовал, что выскальзывает из кресла… судорожно сжал пальцы… и спустя секунду уже висел на руках под скутером.

— Говорящий!

— Да, Луис. У меня дезинтегратор. Проткнуть второй баллон?

— Да!

Баллон не опадал, как первый, он просто пре-

вратился в облачко невесомой пыли. Кзин не пожалел заряда.

— Лапы Финагла! — буркнул Луис. — Хорошо еще, что ты прицелился. — И он начал подниматься.

По оболочке баллона лезть было нетрудно. Проблемы начались, когда он добрался до самого скутера. Взобраться на него было не так-то просто, тем более, что машина явно накренилась в его сторону.

Прижавшись к скутеру как можно теснее, обняв конструкцию руками и ногами, Луис начал его раскачивать.

Говорящий с Животными издавал какие-то странные звуки.

Скутер заходил взад и вперед, все больше и больше раскачиваясь. Луис исходил из того, что большинство металлических частей расположены в нижней части экипажа. Будь это иначе, скутер переваливался бы с боку на бок, не занимая никакого стабильного положения. Тогда Несс, пожалуй, не предложил бы свой рискованный план…

Скутер раскачивался теперь, как морская яхта во время шторма. Луис чувствовал подступающую тошноту. Если бы он сейчас начал блевать и

подавился, с ним бы было все кончено.

Еще одно качание, и машина, сделав полный оборот, накренилась набок, еще раз, снова оборот, еще один… Луис, распластавшись, как жаба, открыл рот и выметнул — что? Вчерашний завтрак? Неважно. Он блевал, прижимаясь лицом к гладкой металлической поверхности, и не сдвинулся при этом ни на дюйм.

Скутер еще немного покачивался, но уже висел в нормальном положении. Луис отважился взглянуть вверх — и увидел, что за ними следит женщина.

Она казалась совершенно лысой. Черты ее лица напомнили Луису проволочную скульптуру, висящую в банкетном зале Неба. Черты лица и его выражение. Она была спокойна, как богиня или покойник. А он мечтал только о том, чтобы где-нибудь спрятаться.

— Говорящий, за нами следят, — сказал он вместо этого. — Передай Нессу.

— Минутку, Луис, я должен прийти в себя. Я наблюдал за твоим подъемом. Этого не стоило делать.

— Хорошо. Она… Я думал, она совершенно лысая, но нет: у нее узкая полоса длинных волос, почти до плеч. — Он не сказал, что волосы эти

густы и черны, и падают ей на одно плечо, когда она наклоняет голову, с интересом разглядывая его. Не сказал он и того, что у нее прекрасно сформированная челюсть, а взгляд прошивает его, как маслину, брошенную в мартини.

— Думаю, она Инженер. Или принадлежит к этой расе, или воспитана в их традициях. Ты все понял?

— Да. Где ты научился так подниматься? Кто ты, Луис?

Луис громко рассмеялся, судорожно прижимаясь к останкам своего скутера. Это отняло у него последние силы.

— Признайся, что ты приверженец религии Кдапта-проповедника, — сказал он.

— Меня воспитали в этой вере, но науки не пошли мне на пользу.

— Ясно. Есть связь с Нессом?

— Да. Я включил сирену.

— Тогда передай ему: она футах в двадцати надо мной. Смотрит на меня, будто я змея. Я не говорю, что она мной интересуется, скорее, ее не интересует ничего, кроме меня. Она моргает, но ни на секунду не отводит взгляда. Сидит в чем-то вроде застекленной будки. То есть когда-то застекленной. Сейчас это просто огороженная платформа.

Сидит на полу со свешенными вниз ногами. Вероятно, оттуда и раньше разглядывали узников. На ней… Не скажу, чтобы мне это нравилось. Что-то пузыристое… Внизу до колен, вверху до локтей. Впрочем, это неинтересно кзину и кукольнику. Материал наверняка искусственный. Или новый, или необычайно прочный и долговечный… — Луис замолчал, поскольку девушка что-то сказала.

Он ждал, и она повторила — что бы это ни было — не слишком длинную фразу.

После чего грациозно встала и вышла.

— Она ушла. Вероятно, я ей надоел.

— Или вернулась к своим подслушивающим устройствам.

— Возможно. — Если слушающий находился в этом здании, то Принцип Оккама требовал признать что это была именно она.

— Несс говорит, чтобы ты поставил лазер на малую мощность и широкий радиус и воспользовался им как прожектором, когда эта женщина вернется. Я не должен показывать дезинтегратора. Вероятно, женщина может убить нас одним движением пальца. Она не должна видеть у нас никакого оружия.

— Тогда как избавиться от этих автоматических датчиков?

Ответ кзина пришел с секундным опозданием.

— Мы не будем от них избавляться. Несс говорит, что мы попробуем кое-что другое. Он собирается сам сюда явиться.

Луис позволил своей голове свободно упасть на холодную металлическую поверхность. Облегчение, которое он почувствовал, было так велико, что он не мог ее поднять, пока снова не услышал кзина:

— Мы все трое окажемся в одной ловушке. Луис, как отговорить его от этого?

— Скажи ему это. Или нет, не надо. Если бы он не был уверен, что это абсолютно безопасно, он никогда бы так не поступил.

— Но как это может быть безопасно?

— Не знаю. Дай мне отдохнуть.

Кукольник наверняка знает, что делает. Им не оставалось ничего, кроме как верить его трусости. Луис прижался щекой к гладкому металлу…

Постепенно он погрузился в дрему.

Его подсознание все время помнило, где он и в каком положении, поэтому при малейшем движении скутера, он тут же открывал глаза. Его сон более походил на какой-то невероятный кошмар.

Когда вспыхнул свет, он сразу проснулся.

Свет лился через широкое горизонтальное отверстие, служившее здесь дверями. В слепящем свете внутрь величественно вплыл перевернутый вверх ногами скутер кукольника. Его хозяин висел головами вниз, удерживаясь в кресле больше специальными ремнями, чем баллонами.

Двери закрылись.

— Добро пожаловать, — процедил Говорящий. — Можешь повернуть меня вверх головой?

— Пока нет. Девушка появлялась во второй раз?

— Нет.

— Придет. Люди очень любопытны, Говорящий. Наверняка она никогда прежде не видела ни тебя, ни меня.

— И что с того? Мне уже надоело это висение! — простонал кзин.

Кукольник коснулся какой-то кнопки на пульте управления, и произошло чудо: машина стала в нормальное положение.

— Как? — только и сумел сказать Луис.

— Когда они захватили контроль над скутером, я выключил все, что можно было выключить. Даже если бы электромагнитное поле не схватило меня, я всегда успел бы в последнюю минуту включить двигатели. Сейчас все должно полу-

читься. Когда девушка снова сюда придет, ведите себя дружески. Луис, можешь вступить с нею в сексуальную связь, если считаешь, что это нам чем-то поможет. Говорящий, Луис — наш господин, а мы — его слуги: женщина может страдать ксенофобией. Если она увидит, что кошмарные существа слушаются приказов человека, она может стать более благосклонной.

Луис совершенно искренне расхохотался. Кошмарный полусон все же освежил его.

— Не думаю, чтобы она оказалась благосклонной, не говоря уже о чем-то большем. Ты ее не видел. Она была холодна, как ледяные пещеры Плутона. По крайней мере, в отношении меня. Честно говоря, я нисколько не удивлен. Ведь она видела, как я извергаю свой последний обед. Такое зрелище трудно назвать романтичным.

— Она будет счастлива каждый раз, как взглянет на нас, — сказал Несс, — и находясь в другом месте будет чувствовать, что ей чего-то не хватает. Если же она приблизится к кому-нибудь из нас, ее счастье возрастет…

— Ненис! — воскликнул Луис. — Ну, конечно!

— Понимаете? Это хорошо. Кстати, я понемногу учил местный язык и, похоже, мое произношение и грамматика безукоризненны. Если бы еще

знать, что значат слова, которыми я пользуюсь…

Говорящий перестал даже жаловаться. Какое-то время он ругал Луиса и Несса за то, что они не могут ему помочь, но потом затих.

Луис снова задремал, но, услышав сквозь сон какое-то звяканье, мгновенно проснулся.

Она сходила по лестнице, бренча колокольчиками, висящими на сандалиях. На этот раз на ней было длинное платье с большими, оттопыривающимися карманами. Длинные черные волосы свешивались на одно плечо.

И только спокойное достоинство ее лица ничуть не переменилось.

Она села на платформу, свесив ноги над пропастью, и посмотрела на Луиса Ву. Она не двигалась. Луис тоже. Несколько бесконечных минут они смотрели друг на друга, прямо в глаза.

Потом она потянулась к одному из карманов, вынула что-то размером со сжатый кулак, а цветом похожее на апельсин, и бросила это в направлении Луиса, так, чтобы оно пролетело в нескольких дюймах от его вытянутой руки.

Луис узнал, что это: сочный плод, точно такой же, какие он нашел несколько дней назад на одном кусте. Он загрузил их в контейнер пищевого регенератора, даже не проверив, какой у

них вкус.

Плод оставил красное пятно на крыше одной из камер. В ту же секунду Луис едва не захлебнулся собственной слюной и почувствовал невероятную, животную жажду.

Она бросила ему следующий. На этот раз он пролетел ближе, так, что он мог бы его достать, но при этом перевернул бы скутер. И она отлично знала об этом.

Третий плод ударил его прямо в спину. Он плотнее прижался к скутеру, мрачно гадая, что еще его ждет.

И тут в поле ее зрения появился скутер кукольника. Девушка улыбнулась.

До сих пор Несс скрывался за мощными останками воздушного грузовика. Сейчас, снова перевернувшись вверх ногами, он подплыл к Луису, как будто принесенный случайным сквозняком.

— Можешь ее соблазнить? — шепотом спросил он.

Луис фыркнул от ярости, но вовремя понял, что кукольник не смеется, а спрашивает совершенно серьезно.

— Нечего и пытаться, — ответил он. — Она думает, что я — какое-то животное.

— В таком случае можно попробовать иную

тактику.

Луис прижался лбом к холодному металлу. Пожалуй, еще никогда в жизни он не чувствовал себя так плохо.

— Попробуй ты, — сказал он. — Меня она наверняка не сочтет равным себе, а с тобой, может, будет иначе. Она не будет сравнивать себя с тобой, ты слишком отличаешься от нее.

Скутер кукольника был уже в нескольких футах от него. Несс громко сказал что-то на том языке, на котором говорил лысый дирижер хора: на святом языке Инженеров.

Девушка не ответила, но… Что ж, это трудно было назвать улыбкой, но все же уголки ее губ слегка поднялись вверх, а в глазах появилась искорка оживления.

Несс начал с малой мощности. С очень малой мощности.

Он произнес новую фразу, и на этот раз получил ответ. Ее голос был холоден и мелодичен, но это не удивило Луиса, поскольку он ожидал чего-то подобного.

Голос кукольника мгновенно стал похож на голос девушки.

А потом начался урок языка.

Для Луиса, неуверенно балансирующего над

кошмарной пропастью, этот урок был просто скучным. Время от времени он выхватывал какое-то слово, разумеется, понятия не имея, что оно означает. Через некоторое время девушка бросила Нессу оранжевый плод — они уже установили, что он называется «трумб». Несс поймал его.

Внезапно его собеседница встала и вышла.

— И что? — спросил Луис.

— Наверное, ей надоело, — сказал Несс. — Во всяком случае, она ничего не сказала.

— Я умираю от жажды. Нельзя ли попробовать этот «трумб»?

— «Трумб» означает только цвет его кожицы, Луис.

Кукольник направил свой экипаж к Луису и вручил ему плод.

Луис отважился освободить только одну руку. Это означало, что грубую шкуру ему придется срывать почти исключительно зубами. Он так и сделал, а потом вгрызся в сочную мякоть. Это была самая вкусная вещь, которую он пробовал на последние двести лет.

— Вернется? — спросил он, почти покончив с плодом.

— Будем надеяться. Я работал таспом очень осторожно, на уровне подсознания. Ей будет не

хватать этого. Зависимость с каждым разом будет все глубже. Луис, а может, направить ее чувства на тебя?

— Нечего и думать. Она считает меня туземцем, дикарем. Кстати, кто она?

— Не знаю. Она не пыталась это скрыть, просто не говорила на эту тему. Впрочем, я еще слишком слабо знаю язык. По крайней мере, пока.

20. МЯСО

Несс приземлился, чтобы осмотреть нижнюю часть помещения. Отрезанный от интеркома Луис попытался разглядеть, что там делает кукольник, но через некоторое время отказался от своих попыток.

Через какое-то время он услышал шаги. На этот раз без колокольчиков.

— Несс, — крикнул он, приложив ладонь ко рту.

Звук несколько раз отразился от стен и сконцентрировался на дне воронки. Кукольник подскочил, одним прыжком занял место в своем скутере и стартовал, точнее полетел вверх как мыльный пузырь. Видимо, он включал двигатель, чтобы противостоять действию поля, а теперь просто выключил его.

Когда шаги остановились над ними, он уже как ни в чем не бывало плавал среди металлического лома.

— Ненис! — прошептал Луис. — Что она делает?

— Терпение. Не жди, что она попадет в полную

зависимость с первого раза.

— Так пусть наконец до твоих пустых безмозглых голов дойдет, что я не могу балансировать бесконечно!

— Но так нужно. Чем я могу тебе помочь?

— Воды… — Луис не был уверен, язык ли у него во рту или же двухъярдовый свернутый рулон фланели.

— Ты хочешь пить? Но как я могу подать тебе воду? Если ты повернешь голову, то потеряешь равновесие.

— Знаю, не нужно мне напоминать. — Тело Луиса содрогнулось. Это просто смешно — чтобы старый космический волк так сильно боялся высоты! — Что с Говорящим?

— Я беспокоюсь за него. Он уже давно без сознания.

— Не кис…

Шаги.

Пожалуй, у нее мания переодеваться, подумал Луис. На этот раз на ней было что-то волнистое в зеленых и оранжевых пятнах. Как и предыдущие наряды, этот не позволял представить формы ее тела.

Она присела на край наблюдательной платформы, с холодным вниманием разглядывая их.

Луис, не шевелясь, ждал развития событий.

Лицо ее смягчилось, глаза расширились, уголки губ поползли вверх.

Несс заговорил первым.

Она, казалось, задумалась, потом сказала что-то похожее на ответ. А затем вышла.

— Ну и что?

— Нужно ждать.

— Меня уже тошнит от ожидания!

Неожиданно скутер кукольника двинулся вперед и вверх, чтобы через секунду стукнуться о край наблюдательной платформы, совсем как пристающая к набережной лодка.

Несс ловко выскочил на «берег».

Девушка вышла ему навстречу. То, что она держала в левой ладони, походило на оружие, но вторая рука коснулась одной из голов и, после мгновенного колебания, погладила.

Несс издал возглас удовольствия и восторга.

Она повернулась и, не оглядываясь, начала подниматься по лестнице. Вероятно, она считала, что Несс пойдет за ней покорно, как собака. Что он и сделал.

«Хорошо, — подумал Луис. — Будь милым, будь вежливым, заслужи ее доверие».

Когда звуки их шагов стихли вдали, в тюремной

камере стало тихо, как в опустевшей гробнице.

Скутер Говорящего висел в каких-нибудь тридцати футах от Луиса. Из-под зеленых баллонов выглядывала забинтованная ладонь и оранжевое лицо с закрытыми глазами. Приблизиться к нему не было никакой возможности. Кзин мог уже давно умереть.

Среди покрывающих пол костей была почти дюжина черепов. Кости, почти ощутимая древность, ржавый металл и тишина. Луис судорожно цеплялся за свой скутер, ожидая, когда его покинут силы.

Он снова погрузился в дрему, когда вдруг почувствовал — что-то происходит. Скутер заколыхался…

Жизнь Луиса зависела от того, сумеет ли он сохранить равновесие. Мгновенное колебание вызвало у него панику, и он торопливо осмотрелся, двигая только глазами.

Неподвижные останки машин по-прежнему окружали его со всех сторон. Однако *что-то* двигалось…

Какой-то экипаж закачался и вдруг полетел вниз.

Нет, он приземлился на крыше одной из камер. Один за другим то же повторяли остальные

экипажи.

Скутер Луиса перевернулся в каком-то водовороте электромагнитного поля и тяжело ударился боком о твердую поверхность. Луис мгновенно ослабил хватку и откатился на несколько футов.

Он попытался встать на ноги, но не смог — он был не в силах удерживать равновесие. Его руки стали бесполезными крючьями, сведенными болью. Тяжело дыша, он лежал на боку, думая, что для кзина, наверное, уже поздно. Скутер Говорящего должен был при приземлении раздавить висящего под ним кзина.

Он лежал совсем недалеко, перевернувшись на бок, однако, чтобы доползти до него, Луису потребовалось немало времени. Кзин дышал, но был без сознания. Тяжесть скутера не сломала ему шею, вероятно, потому, что у Говорящего шеи не было. Луис с трудом вытащил из-за пояса лазер и проколол держащие кзина баллоны.

И что теперь? Он вдруг вспомнил, что умирает от жажды. Зато голова перестала кружиться. Он встал и на глиняных ногах отправился на поиски воды, ни о чем другом он просто не мог думать.

Оказалось, что воронка пола образована концентрическими кругами камер. Говорящий и Луис приземлились на четвертом круге, считая

от центра. Два остальных скутера лежали ступенью ниже.

Чувствуя, что при каждом шаге у него подгибаются ноги, Луис спускался по лестнице, соединяющей соседние уровни. Его мускулам было еще далеко до прежней эластичности.

При виде пульта управления он покачал головой. Надписи и вообще весь его вид были так таинственны, что наверняка никто не рискнул бы украсть у кукольника его скутер. Единственной очевидной вещью была прозрачная гибкая трубка.

Вода была дистиллированная, теплая и имела какой-то странный вкус. Но прежде всего — она была чудесна.

Когда Луис утолил жажду, он попробовал кирпичик из питателя. Его вкус был *слишком* странным, и Луис на всякий случай решил его не есть. Он мог содержать составляющие, убийственные для человеческого организма. Лучше спросить Несса.

Говорящему он принес воды в ботинке — первом резервуаре, который попался ему на глаза — и осторожно влил в полуоткрытый рот кзина. Говорящий проглотил ее и улыбнулся, не приходя в сознание. Луис отправился за следую-

щей порцией, но прежде чем он сумел добраться до скутера кукольника, его оставили силы: он и так держался чересчур долго.

Он свернулся в клубок на крыше какой-то камеры и закрыл глаза.

Безопасность. Наконец-то, безопасность…

Он должен был сразу уснуть каменным сном, но что-то не давало ему покоя.

Ноющие мышцы, синяки на ладонях и внутренней поверхности бедер, страх перед падением, который не покидал его даже сейчас… И что-то еще.

— Ненис… — пробормотал он, садясь и скрещивая ноги.

Говорящий?

Кзин спал, свернувшись клубком возле дезинтегратора Славера. Он дышал быстро и неглубоко. Хорошо это или плохо?

Несс должен знать это. А пока пусть спит.

— Ненис, — повторил Луис себе под нос.

Он был один, но это одиночество не имело ничего общего с радостным одиночеством Отрыва. На нем лежала ответственность за жизнь других. В то же время его жизнь зависела от того, удастся ли Нессу заморочить безумную женщину, которая их захватила. Ничего странного, что Луис не

мог уснуть.

И все-таки…

Взгляд Луиса остановился на скутере.

Его скутер с продырявленными, опавшими баллонами. Рядом — скутер кзина и сам кзин. Ниже — скутер кукольника… и четвертый, без баллонов. *Четыре* скутера.

В первый раз, горячечно ища воду, он не обратил на это внимания. Скутер Тилы. Вероятно, до этого он прятался за одним из крупных экипажей. Без баллонов. Без баллонов…

Она должна была выпасть, когда скутер перевернулся вверх дном. Или же ее выбросило напором воздуха, когда при скорости в 2 Маха перестал действовать барьер.

Как это сказал Несс? «Вероятно, ее счастье действует не всегда». А Говорящий: «Если бы ее счастье подвело хотя бы раз, она уже была бы мертва».

Она умерла. Наверняка умерла.

«Я прилетела сюда с тобой, потому что люблю тебя».

— Тиле не повезло, — сказал Луис. — Не повезло, что ты вообще встретила меня.

После этого он свернулся клубком и заснул.

Открыв глаза, он увидев склоненное над собой

лицо Говорящего. Дикий, голодный взгляд…

— Ты можешь есть пищу пожирателя листьев? — спросил кзин. — Похоже, только я не имею никаких источников питания.

Голодный взгляд… У Луиса зашевелились волосы на затылке.

— Ты отлично знаешь, что имеешь, — сказал он так спокойно, как только смог. — Вопрос только в том, воспользуешься ли ты им.

— Конечно, нет. Если честь будет требовать, чтобы я умер с голоду, я так и сделаю.

— Это хорошо. — Луис повернулся на другой бок и сделал вид, что засыпает.

Через несколько часов он проснулся, зная, что на самом деле крепко спал. Видимо, его подсознание полностью доверяло кзину. Раз он сказал, что умрет от голода, то и вправду умрет.

Луис чувствовал давление на мочевой пузырь, чувствовал невыносимый смрад и боль перенапряженных мышц. Воронкообразный колодец помог разрешить первый вопрос, затем водой из скутера кукольника он смыл с комбинезона засохшую рвоту и заковылял к своему экипажу за аптечкой первой помощи.

Это не было коробкой с лекарствами. Аптечка могла сама приготовить некоторые лекарства и

даже диагностировать болезни, но сейчас от нее осталась только почерневшая, никуда не годная упаковка.

Свет все больше меркнул.

В крышах камер были люки с прозрачными глазками. Луис лег на живот и заглянул в один из них: кровать, довольно необычный туалет и… солнечный свет, льющийся через окно.

— Говорящий! — позвал Луис.

Воспользовавшись дезинтегратором, они через боковую стену попали внутрь. Большое прямоугольное окно было роскошными и совершенно неожиданным элементом обстановки камеры. Стекла были выбиты, осталось только несколько острых осколков.

Может, оно было для того, чтобы узник мучился, вспоминая утраченную свободу?

Снаружи царил полумрак, словно занавес, приближалась линия терминатора. Перед ними открывался вид на порт: кубы, которые когда-то были складами, разваливающиеся доки, элегантные краны… Все это почти насквозь проржавело.

Вправо и влево тянулся изогнутый берег. Кусочек пляжа, доки, снова кусочек пляжа… Видимо, так и проектировали береговую линию: маленький пляж, как на Вайкики, потом сразу — бездна,

отлично подходящая для устройства порта — и так далее, по очереди.

А дальше тянулся океан. Бескрайний, исчезающий за несуществующим горизонтом. Совсем, как если бы они смотрели через Атлантику.

Справа надвинулся черный занавес ночи. Вспыхнули еще действующие огни, освещая башни центра. Остальной город и порт скрыла темнота. Далеко слева еще светлел удаляющийся день.

Говорящий лежал на овальной постели.

Луис улыбнулся. Воинственный кзин выглядел самым невинным существом на свете. Сон лучше всего лечит раны, а они, должно быть, порядком измотали его. А может, он спал, чтобы не чувствовать голода?

Луис тихо вышел из камеры.

В царящей внутри тюрьмы темноте он отыскал скутер Несса. К этому времени он уже так оголодал, что проглотил предназначенный для Несса кирпичик, не обращая внимания на его странный вкус. В темноте он чувствовал себя неуверенно, поэтому включил фары нессова скутера, а потом сделал то же самое со всеми остальными машинами. Когда он закончил, огромное помещение было уже хорошо освещено, а тени стали совсем не страшными.

Что же задержало Несса?

В прежней, воздушной тюрьме было не так уж много возможностей для развлечений. Спать можно было только урывками, но Луис уже с избытком израсходовал свою порцию. Правда, можно было думать о том, что — о, красные лалы Финагла! — так долго делает Несс, но вскоре появилась мысль, что тот просто решил спасать свою шкуру.

Несс не был каким-то там простым чужаком. Это был кукольник Пирсона, с прошлым, состоящим в основном из более-менее удачных опытов в манипулировании людьми. Если бы возник шанс договориться с Инженером, он наверняка не колеблясь оставил бы на произвол судьбы и Луиса, и Говорящего с Животными. Не было бы никаких причин поступить иначе.

Зато имелись по крайней мере две причины поступить именно так.

Говорящий почти наверняка предпримет еще одну попытку завладеть «Счастливым случаем», чтобы не дать людям гиперпространственный привод Квантум II. Во время этой попытки кукольник может быть ранен, если не хуже. Лучше разрешить эту проблему уже сейчас, оставив кзина на Кольце. А при случае — и Луиса вместе

с ним.

Кроме того, оба они слишком много знали. Сейчас, когда Тила была мертва, только Луис и Говорящий знали факты, касающиеся вмешательства кукольников в развитие обеих рас. Звездные семена, Лотерея Жизни — если Несс получил приказ изучить реакцию своих спутников на эти откровения, то ему наверняка поручили избавиться от них сразу после эксперимента.

Это были вовсе не новые мысли. Луис ожидал чего-нибудь подобного с момента, когда Несс признался в сознательном заманивании корабля Внешних в район Проциона. Хуже всего было, что он мог только сидеть и ждать.

Желая хоть чем-то занять галопирующие мысли, Луис вломился в очередную камеру. Он установил луч своего лазера на минимальное рассеивание и максимальную мощность, и вскоре был внутри.

После первого же вдоха он почувствовал страшную вонь. Пользуясь лазером, он осветил помещение — здесь кто-то умер, причем уже после того, как перестала действовать вентиляция. Мертвец опирался на окно, сжимая в ладони черепок разбитого кувшина.

Очередная камера оказалась пустой, и Луис

занял ее.

Потом он обошел колодец, чтобы добраться до камер по другую сторону здания. Из ее окна виднелся абсолютно неподвижный циклон, вглядывающийся в него. Принимая во внимание то, что их разделяли две с половиной тысячи миль, размеры его вызывали уважение. Огромное, совершенно спокойное око.

Слева поднималось длинное узкое здание, немного похожее формой на пассажирский космический корабль. Луис на секунду дал волю фантазии: представил, что это действительно ловко укрытый корабль и достаточно только…

Это было плохое развлечение, и оно быстро наскучило ему.

Он постарался запомнить топографию города — это могло им пригодиться. Это было первое место за все их путешествие, где они встретили рудименты цивилизации.

Спустя час он сидел на овальной кровати, смотря на спокойно разглядывающий его Глаз, когда рядом с ним в какой-то невообразимой дали заметил небольшой зеленовато-коричневый треугольник.

— Мммм… — задумчиво произнес он. Треугольник имел минимальные размеры, однако можно

было определить его форму. Он торчал из серо-белого хаоса бесконечного горизонта, а это означало, что там был еще день.

Луис отправился за биноклем.

Глядя в него, он увидел все детали так же отчетливо, как кратеры на Луне. Неправильный треугольник, зеленовато-коричневый у основания, грязно-белый у вершины… Кулак Бога. Гораздо больший, чем он мог предполагать. Факт, что он видел его с такого расстояния, указывал на то, что значительная часть горы выступала за атмосферу.

С момента вынужденной посадки на Кольце скутеры пролетели более ста пятидесяти тысяч миль. Кулак Бога должен был иметь по крайней мере тысячу миль высоты.

Луис протяжно свистнул и вновь приложил бинокль к глазам.

Сидя в полумраке, он услышал шедшие сверху звуки и высунул голову из камеры.

— Привет, Луис! — рявкнул Говорящий, махая ему окровавленной полусъеденной тушей чего-то, похожего размерами на крупную козу. Он откусил кусок размером с человеческую голову, потом еще один и еще. Его зубы были созданы, чтобы резать, а не жевать.

Говорящий указал Луису на оторванную заднюю ногу жертвы, еще с кожей и копытом.

— Это для тебя, Луис. Не слишком свежее, но это не имеет значения. Нужно торопиться. Пожиратель листьев предпочел не смотреть, как мы едим. Он наслаждается видом из моей камеры.

— Он очень удивится, если заглянет в мою, — сказал Луис. — Мы ошибались относительно Кулака Бога. В ней по крайней мере тысяча миль высоты. То, что у нее не вершине — это не снег, а…

— Луис, ешь!

Рот Луиса наполнился слюной.

— Надеюсь, это можно как-нибудь поджарить…

Действительно, можно было. Говорящий содрал за него шкуру с окорока, после чего Луис положил мясо на ступеньку и поджарил рассеянным лучом лазера.

— Мясо и вправду несвежее, — сказал подозрительно смотревший на него кзин, — но разве следует сразу же жечь его?

— Что с Нессом? Он узник или хозяин?

— Я бы сказал — частично хозяин. Посмотри вверх.

Маленькая фигурка девушки сидела на краю

наблюдательной платформы.

— Видишь? Она боится потерять его из виду.

Наконец, Луис решил, что мясо готово. Поедая его, он чувствовал на себе нетерпеливый взгляд кзина, следившего, как человек бесконечно долго жует каждый кусок. Самому же Луису казалось, что он ест, как хищный зверь. Он был *голоден*.

Щадя чувства кукольника, они выбросили объедки через разбитое окно, после чего все собрались у его скутера.

— Она уже частично попала в зависимость, — сказал Несс. Он как-то странно дышал… может, от запахов сырого и горелого мяса. — Мне удалось многое узнать от нее.

— Ты знаешь, почему она нас схватила?

— Да. Я знаю и кое-что еще. Нам повезло — она принадлежала к команде космического корабля.

— Большой шлем на руках,[1] — сказал Луис Ву.

---

[1] Примечания: 1

Самое выгодное расположение карт для играющего в бридж, позволяющее взять все взятки.

21. ДЕВУШКА ИЗ-ЗА КРАЯ

Ее звали Халрлоприллалар Хотруфан, и на протяжении двухсот лет она входила в состав экипажа корабля «Пионер», как после недолгого колебания перевел Несс его название.

«Пионер» обслуживал круговую линию, включающую четыре солнечные системы: пять планет с кислородной атмосферой и Кольцо. Один полный рейс длился двадцать четыре года, причем «год» не имел ничего общего с Кольцом. Это была традиционная мера времени, перенесенная с одной из покинутых планет.

Перед возникновением Кольца два из посещаемых «Пионером» мира были очень густо населены, но сейчас на них никто не жил, так же, как и на остальных. Там были только руины городов, частично скрытые дикой растительностью.

Халрлоприллалар имела за плечами восемь рейсов. На покинутых планетах росли растения и жили звери, которые не могли приспособиться к условиям Кольца из-за отсутствия цикла зима-лето. Некоторые из этих растений использовались как приправы, некоторые из зверей

были источником мяса. Что касается остальных, Халрлоприллалар ничего не знала о них, и это ее не волновало.

Она не имела ничего общего с обработкой грузов.

— Точно так же она не занималась ни управлением, ни консервацией приборов и машин. Понятия не имею, что она там вообще делала, — признался Несс. — Экипаж «Пионера» состоял из тридцати шести человек. Наверняка, их было слишком много. Скорее всего, она не имела ничего общего ни с чем, что могло повлиять на судьбу команды и корабля. Для этого она слишком глупа.

— Ты спросил, каково было соотношение полов?

— На тридцать шесть членов экипажа были три женщины.

— Значит, можешь больше не гадать, что она делала.

Двести лет путешествий и приключений… Вдруг, под конец восьмого рейса, Кольцо не ответило на вызов «Пионера».

Ускоритель не действовал, им не удалось заметить активности *ни в одном* из портов.

Пять планет, которые корабль посещал во вре-

мя каждого рейса, не имели электромагнитных пушек, служащих для торможения корабля. Для этого «Пионер» располагал запасом топлива. Корабль мог садиться, оставался только вопрос: где?

Наверняка, не на поверхность Кольца. Управляемые автоматами лазерные орудия разнесли бы их в пыль.

Они не получили разрешения на посадку ни в одном из портов, кроме того, что-то там было не в порядке.

Возвращаться на одну из покинутых планет? Это равнялось бы основанию новой колонии из тридцати трех мужчин и трех женщин.

— Они были невольниками обычая, и не способны были принять такое решение. Началась паника, — продолжал Несс. — Вспыхнул бунт. Пилот сумел забаррикадироваться в рубке и с помощью двигателей посадить корабль в одном из портов. За то, что он подверг корабль и экипаж опасности, его убили, хотя мне кажется, это произошло из-за того, что он нарушил традицию и самовольно приземлился на двигателях, а не в безопасной электромагнитной колыбели.

Луис почувствовал на себе чей-то взгляд и посмотрел вверх.

Девушка все время следила за ними. Одна из голов Несса, левая, тоже ни на мгновенье не спускала с нее пристального взгляда.

Значит, в ней и находился тасп. Именно поэтому Несс постоянно смотрел вверх. Девушка не хотела ни на секунду потерять его из виду, а он боялся отпустить ее за пределы действия своих чар.

— После убийства пилота они покинули корабль, — продолжал Несс, — и только тогда поняли, какой вред он им нанес. ЧИЛТАНГ БРОНЕ была испорчена, а они оказались по другую сторону стены высотой в тысячу миль. Я не нашел никакого эквивалента для этого названия ни в интерволде, ни в Языке Героев, знаю только, как это действует. Это имеет для нас огромное значение.

— Тогда рассказывай дальше, — поторопил его Луис.

Строители Кольца снабдили его соответствующими предохранителями. Может показаться, что они предвидели упадок цивилизации, как будто следующие друг за другом периоды расцвета и варварства навсегда вписаны в прошлую и будущую историю человека. Сложная конструкция Кольца не могла быть повреждена. Потомки

Инженеров могли забыть, как обслуживать воздушные шлюзы и электромагнитные пушки, как передвигать планеты и строить летающие экипажи. Цивилизация могла перестать существовать, Кольцо — нет.

Например, лазерные орудия, служащие для защиты от метеоритов, были настолько надежны, что Халрлоприллалар…

— Называй ее Прилл, — предложил Луис.

— …что Прилл и весь экипаж ни на секунду не подумали, что они могут испортиться.

Но что же с космическим портом? На что бы годилась его надежность, если бы какой-нибудь идиот открыл одновременно все двери шлюзов?

Ответ был прост: никаких шлюзов! Вместо них была именно ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Машина эта создавала поле, в котором конструктивный материал Кольца, а значит и его основание, и боковые стены, пропускал все твердые тела, оказывая только слабое сопротивление. Когда ЧИЛТАНГ БРОНЕ действовала…

— Осмотический генератор, — подсказал Луис.

— Возможно. Мне кажется, что «БРОНЕ» это какое-то непристойное определение.

Когда генератор действовал, воздух постепенно уходил на ту сторону, а люди в скафандрах шли

как бы против сильного, дующего с постоянной скоростью ветра. Более крупные объекты можно было перевозить тягачами.

— А контейнеры со сжатым воздухом для дыхания? — спросил кзин.

— Необходимый воздух они получали на месте, снаружи.

Да! Кольцо располагало дешевой технологией превращения элементов, причем дешевой она была только в том случае, если использовалась в больших масштабах. Имелись и другие ограничения. Например, само устройство — оно было просто гигантским. В порту их было два, превращавших свинец в кислород и азот.

Осмотические генераторы были весьма безопасными устройствами. В случае аварии шлюза им грозила потеря большого количества воздуха, мчащегося со скоростью урагана, если же выходила из строя ЧИЛТАНГ БРОНЕ, это значило только, что проход закрыт.

В том числе и для вернувшихся космонавтов.

— И дня нас, — добавил Говорящий.

— Не так быстро, — успокоил его Несс. — Похоже, что осмотический генератор — именно то, что нам нужно. Нам вообще не понадобится двигать «Лгуна» с места. Достаточно направить ЧИЛТАНГ

БРОНЕ… — он произнес это название так, словно оно начиналось с чиха, — на основание Кольца непосредственно под «Лгуном». Корабль попросту провалится на другую сторону.

— И застрянет в противометеоритной губке, — закончил кзин, а через секунду добавил: — Поправка. Там мы могли бы использовать дезинтегратор.

— Вот именно. К сожалению, у нас нет доступа ни к одной ЧИЛТАНГ БРОНЕ.

— Но она же здесь! Значит, она как-то сюда проникла.

— Да…

Имевшиеся среди экипажа специалисты по магнитогидродинамике были вынуждены практически изучить новую специальность, прежде чем приступить к ремонту ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Это заняло у них несколько лет. Авария произошла во время работы, поэтому устройство частично оплавилось, частично рассыпалось. Им пришлось сделать совершенно новые части, такие, о которых было известно, что они все равно испортятся, но можно было надеяться, что они проработают достаточно долго, чтобы…

Во время работы произошел несчастный случай. Неточно направленный осмотический луч

прошел через корпус «Пионера». Два члена экипажа погибли, вплавленные в металлические переборки, семнадцать других получили неизлечимые повреждения мозга.

Остальным шестнадцати удалось пройти. Они забрали с собой семнадцать кретинов и саму ЧИЛТАНГ БРОНЕ, на случай, если новое Кольцо окажется менее благосклонным, чем было когда-то.

Они оказались в диком, примитивном мире, и спустя несколько лет часть из них решила вернуться на «Пионер».

ЧИЛТАНГ БРОНЕ снова сломалась, замуровав четырех из них в наружной стене. Это был конец. Они уже знали, что нигде на Кольце не найдут нужных запасных частей.

— Не понимаю, почему упадок произошел *так* быстро, — сказал Луис. — Один рейс «Пионера» продолжался двадцать четыре года, верно?

— Двадцать четыре года бортового времени.

— А-а… Ну, разве что так.

— Именно. Для корабля, движущегося с ускорением, которое имеет Кольцо, звезды находятся на расстоянии от трех до шести лет друг от друга. На самом же деле расстояния эти огромны. Прилл упоминала о покинутом районе в каких-нибудь

двухстах световых годах отсюда, почти в плоскости Галактики, в котором три солнца находятся на расстоянии десяти световых лет друг от друга.

— Двести лет… Это близко от известного космоса.

— Подозреваю, что уже в нем. Кроме ближайших окрестностей вашего Солнца, не встречено такого скопления планет с кислородными атмосферами. Халрлоприллалар упоминала о способах делать планеты пригодными для жизни, применявшихся перед строительством Кольца. Однако, они были слишком медленны, и от них отказались.

— Это могло бы многое объяснить. Вот только… Впрочем, неважно.

— Ты имеешь в виду приматов, Луис? Есть достаточно много доказательств того, что твой вид возник и развивался на Земле. Вот только именно Земля могла оказаться очень удобной базой для изменения окружающих планет. Инженеры могли привезти с собой самых разных зверей…

— …например, обезьян и неандертальцев? — Луис нетерпеливо пожал плечами. — Это только домыслы. Кроме того, это сейчас не имеет значения.

— Разумеется. — Кукольник продолжал, одно-

временно пережевывая свой вегетарианский кирпичик. — Трасса кругового полета «Пионера» насчитывала более трехсот световых лет. За это время могли произойти существенные перемены, хотя обычно ничего подобного не было. Общество, в котором жила Прилл, было весьма стабильно.

— Откуда она знала, что все Кольцо охватила волна варварства? Как долго они искали остатки цивилизации?

— Не слишком долго, но этого явно хватило. Она была права. Нет ни малейшей надежды исправить ЧИЛТАНГ БРОНЕ.

— Откуда ты знаешь?

— Прилл пыталась объяснить мне, что здесь произошло, со слов одного из членов экипажа. Разумеется, он сделал это настолько просто, чтобы она смогла понять. Не исключено, что весь процесс начался задолго до последнего полета «Пионера»... Когда-то существовало десять обитаемых планет. Когда закончили строительство Кольца, их предоставили самим себе — они больше не были нужны. Представьте себе такую планету: Континенты, покрытые огромными городами на разных стадиях развития. Трущоб немного, но где-то их наверняка оставили, хотя

бы как исторический памятник. Всюду полно разнообразнейшего мусора: использованных упаковок, испорченных машин, разодранных книг и микрофильмов, одним словом всего, что нельзя переработать, а также множество такого, что все-таки можно. К океанам столетиями относились как к огромным свалкам, в том числе и для радиоактивных материалов. Что же странного в том, что живущие в них существа приспособились к новым условиям? Что странного в том, что они научились жить благодаря мусору?

— Нечто похожее произошло когда-то на Земле, — сказал Луис. — Дрожжи, кормящиеся полиэтиленом, съедали пластиковые сумки для покупок. Сейчас они уже вымерли, поскольку полиэтилен больше не производят.

— Представьте себе десять таких планет. Бактерии изменились, чтобы иметь возможность питаться соединениями свинца и цинка, пластиком, красками, изоляцией, отбросами свежими, и теми, что насчитывали уже сотни лет. Это не имело бы значения, если бы не космические корабли. Они регулярно посещали покинутые планеты в поисках форм жизни, о которых забыли, или которые не могли приспособиться к царящим на Кольце условиям. Кроме того, они

забирали с собой и другие предметы: сувениры и произведения искусства, забытые или просто оставленные для позднейшей транспортировки. Наиболее ценные коллекции перевозили по одному экземпляру, чтобы не потерять в катастрофе большого их числа. Вместе с одним из транспортов прибыла плесень, способная пожрать внутреннюю структуру действующего при комнатной температуре сверхпроводника, используемого почти во всех сколько-нибудь сложных приборах. Плесень действовала медленно. Она была молода, примитивна и, по крайней мере сначала, легко уничтожалась. Однако с очередными транспортами на Кольцо прибывали все новые ее разновидности, пока, наконец, одна не оказалась достаточно сильна. Поскольку она действовала медленно, аварии на кораблях происходили через много времени после прибытия в порт, а ЧИЛТАНГ БРОНЕ отказывалась повиноваться после того, как плесень проносили сквозь внешнюю стену Кольца. Приемники энергетических потоков взрывались непонятно почему спустя много времени после разнесения ее по всей конструкций паромами, поддерживающими сообщение между портами.

— Приемники энергетических потоков?

— Энергия вырабатывалась на черных прямоугольниках термоэлектрическими цепями, а потом направлялась узким лучом на Кольцо. Похоже, это тоже было надежное и абсолютно безопасное устройство. Поток энергии автоматически прервался, когда вышли из строя приемники.

— Но ведь можно было создать новый сверхпроводник, — сказал кзин. — Нам известны две основные молекулярные структуры, каждая из которых имеет разновидности.

— Этих структур по крайней мере четыре, — поправил его Несс. — Ты прав, Кольцо должно было пережить Упадок Городов. Молодое, более гибкое общество наверняка выжило бы. Однако, представь себе ситуацию, в которой они оказались. Значительная часть правивших погибла в останках падающих на землю зданий. Без энергии не могло быть и речи о проведении экспериментов, имеющих целью создание нового сверхпроводника. Собранные заблаговременно запасы энергии были либо конфискованы властями, либо служили небольшим анклавам цивилизации, жители которых надеялись что кто-то другой одолеет возникшую проблему. Был отрезан доступ к космическим кораблям, поскольку не действо-

вала ни одна ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Те, кто мог бы что-то сделать, были не в состоянии добраться друг до друга. Компьютер, управляющий электромагнитным ускорителем, был просто грудой металлолома, а до самого ускорителя не доходил ни один эрг энергии.

— Королевство погибло, «потому что в кузнице не было гвоздя», — буркнул Луис.

— Я знаю эту историю, но это не совсем то, — сказал кукольник. — Здесь, несмотря ни на что, можно было кое-что сделать. Собранной энергии вполне хватило бы для сжижения гелия. Ремонт приемников энергетических потоков не имел никакого смысла, но можно было запустить ЧИЛТАНГ БРОНЕ, используя в качестве сверхпроводника охлажденный гелием металл. Благодаря этому открылся бы доступ к портам, корабли полетели бы к черным прямоугольникам, чтобы возобновить поставки энергии, благодаря которым можно было снова сжижать гелий и, используя очередные сверхпроводники, привести в действие очередные приемники… Однако, чтобы начать, нужна была собранная энергия, а ее израсходовали на освещение улиц, поддержание в воздухе немногочисленных летающих зданий и для приготовления пищи. Вот так и погибла

цивилизация Кольца.

— А при случае — и мы, — добавил Луис.

— Именно. Нам повезло, что мы встретили Халрлоприллалар. Она избавила нас от совершенно ненужного путешествия. Нет смысла лететь к краю.

Луис почувствовал пульсацию крови в висках. Похоже, что у него разболится голова.

— Повезло… — повторил за кукольником Говорящий. — Действительно. Если нам повезло, то почему мне не весело? Мы утратили нашу цель, последнюю ничтожную возможность спасения. Наши экипажи ни на что не годятся, а один из членов экспедиции пропал.

— Она умерла, — глухо сказал Луис, а когда они удивленно посмотрели на него, показал им скутер Тилы. — Сейчас мы можем рассчитывать только на свое собственное везение, — добавил он.

— Да. Ее счастье действовало спорадически. Будь это иначе, она никогда не попала бы на борт «Лгуна», и мы никогда не разбились бы на Кольце. — Кукольник помолчал, потом добавил: — Я сочувствую тебе, Луис.

— Нам будет не хватать ее, — пробормотал кзин.

Луис кивнул головой. Он должен был чувство-

вать что-то большее, но то, что произошло в Глазе, значительно изменило его отношение к Тиле. С тех пор она казалась ему менее человечной, чем Несс или Говорящий с Животными. Она была мифом, а они — настоящими.

— Мы должны найти новую цель, — сказал Говорящий. — Нужно найти какой-то способ вытолкнуть «Лгуна» в космическое пространство. Признаться, у меня нет никаких идей.

— А у меня есть, — заявил Луис.

— Уже? — удивленно спросил кзин.

— Это еще нужно обдумать. Я не уверен, имеет ли это вообще какой-то смысл и выйдет ли. Так или иначе, нам потребуется какой-нибудь экипаж. Подумаем…

— Может, сани? Большие сани, например, из целой стены какого-нибудь здания. Может, скутер кукольника смог бы их потянуть.

— Мы можем получить кое-что получше. Я уверен, что смогу убедить Халрлоприллалар показать мне машины этого здания. Может, мы сумеем использовать его как средство передвижения.

— Попробуй, — кивнул головой Луис.

— А ты?

— Мне нужно время.

Внутренность здания почти целиком заполняли машины. Часть их поддерживала здание в воздухе, часть приводила в движение вентиляторы, холодильники и водяные конденсаторы. Отдельный блок управлял генераторами электромагнитного поля, которое втащило их в ловушку. Несс работал, Луис и Прилл стояли рядом, старательно делая вид, что не обращают друг на друга внимания.

Говорящий по-прежнему находился в тюрьме — Прилл решительно отказалась выпускать его на свободу.

— Она тебя боится, — сказал Несс. — Конечно, я мог бы это исправить, велев ей поднять вверх скутер, в котором сидел бы ты, и подвести его к платформе.

— А она на полпути выключила бы поле. Нет уж, спасибо.

Зато она не имела ничего против Луиса.

Он посматривал на нее, делая вид, что вообще ее не замечает. У нее был узкий, почти безгубый рот, маленький прямой нос и ни следа бровей.

Ничего странного, что ее лицо не имело определенного выражения. Оно походило на незаконченную маску бездушной куклы.

После двух часов непрерывной работы Несс,

наконец, поднял головку.

— Я не смогу переделать двигатель так, чтобы он действовал по горизонтали, но мне удалось ликвидировать устройство, удерживающее нас на одном месте. Сейчас здание подвержено действию ветров.

Луис улыбнулся.

— Или буксирного троса. Мы привяжем канат к твоему скутеру, и ты потащишь нас за собой.

— В этом нет необходимости. Скутер снабжен двигателем, действующим без реактивной струи, поэтому может оставаться внутри.

— Ты уже все обдумал, верно? Но это огромная сила… Если бы ему удалось освободиться…

— Да… — процедил кукольник и сказал что-то Прилл на святом языке Инженеров, после чего обратился к Луису. — У них здесь есть запас ультратвердого пластика. Мы обложим им скутер, оставив снаружи только управление и пульт.

— Мне кажется, это лишнее.

— Луис, если скутер вырвется, мне будет плохо!

— Гммм… Возможно. В случае чего, ты сможешь приземлиться?

— Да.

— Тогда хорошо. Беремся за дело.

Луис отдыхал без сна. Он лежал навзничь на огромном ложе, широко открытыми глазами вглядываясь в занимающее весь потолок и часть стены выпуклое окно.

Из-за края черного прямоугольника шел отчетливый свет. Рассвет был уже близко, но Арка Неба все еще светила мягкой голубизной.

— Я, пожалуй, спятил, — сказал Луис Ву.

Но был ли у них выбор?

Спальня, вероятно, входила в состав апартаментов губернатора. Сейчас здесь была рубка управления. Вместе с Нессом они поместили в одном из шкафов скутер кукольника, после чего облили его быстро твердеющим пластиком. Шкаф был как раз нужных размеров.

Кровать пахла стариной и скрипела.

— Кулак Бога, — сказал в темноте Луис. — Я видел ее. Тысяча миль высоты. Нет смысла строить такую гору, когда… — он не закончил.

Вдруг он сел на кровати, как будто его кольнула пружина.

— Нить из черных прямоугольников! — воскликнул он.

В комнату вошла какая-то тень. Луис неподвижно замер. Вход был совершенно черным, но в этой черноте он заметил плавные движения и

мягкие формы идущей в его сторону обнаженной женщины.

Галлюцинация? Дух Тилы Браун? Она дошла до него, прежде чем он успел что-либо решить. Сев перед ним на кровать, она вытянутой рукой коснулась его лица, потом погладила по щеке.

Она была почти лысой. Густые, волнистые волосы росли узкой полоской рядом с макушкой. В темноте черты ее лица расплывались, но тело у нее было чудесное. Он видел ее впервые: тоненькая, с мышцами профессиональной танцовщицы, с высокими, тяжелыми грудями.

Если бы ее лицо было так же прекрасно, как ее фигура…

— Уйди, — мягко сказал Луис и взял ее за запястья, прерывая то, что ее ладони делали с его лицом. Это напоминало успокаивающий, расслабляющий массаж. Он встал, заставляя ее сделать то же самое, и взял ее за плечи. Что бы она сказала, если бы сейчас он повернул ее к себе спиной и шлепнул по заду?

Она погладила его по затылку самыми кончиками пальцев. Теперь она делала это уже обеими руками. Потом коснулась какого-то места на его груди, потом еще здесь… и здесь… И внезапно Луиса Ву охватило безумное, неудержимое во-

жделение. Он сжал руками ее плечи.

Она стояла неподвижно, ожидая, пока он снимет блузу и брюки, а когда он разделся, коснулась еще здесь… и здесь… и каждый раз это было так, словно она прикасалась к центру наслаждений в его мозгу.

Он дрожал, как в лихорадке. Если бы она теперь его оттолкнула, он применил бы силу. Он должен был обладать ею…

Однако какая-то часть его сознания все время отдавала себе отчет, что она может остудить его так же быстро, как и возбудила. Луис чувствовал себя молодым сатиром, хотя одновременно его не покидало неясное ощущение, что он безвольная марионетка.

Однако в тот момент это мало его волновало.

А лицо Прилл вообще не имело никакого выражения.

Она довела его до грани оргазма и держала на ней… держала… так что, когда, наконец, эта минута пришла, она была, как удар бесконечно длящейся, дрожащей в экстазе молнии.

Когда все кончилось, он даже не заметил, как она ушла. Видимо, она отлично понимала, насколько он выработался. Луис заснул прежде, чем она успела дойти до двери.

Проснулся он с мыслью: «Почему она это сделала?»

«Не будь таким аналитиком, — ответил он сам себе. — Она одинока и была одинока уже долгое время. У нее давно не было случая попробовать свое умение…»

Умение. Вероятно, она знала анатомию лучше многих профессоров. Докторантура по проституции? Это было вовсе не смешно. Луис Ву мог узнать специалиста независимо от области, в которой тот специализировался. Эта женщина была специалистом высшего класса.

Нужно коснуться в определенной последовательности следующих нервных окончаний, чтобы получить определенную реакцию… Такое знание может сделать из человека марионетку…

…скачущую на шнурочках счастья Тилы Браун…

И тут он понял. Он так близко подошел к ответу, что когда, наконец, увидел его, даже не особенно удивился.

Несс и Халрлоприллалар появились в дверях холодильника, таща за собой одетое в какие-то немыслимые одежды тело нелетающей птицы, превосходящей размерами взрослого человека. Одежда была идеей Несса: так ему не нужно было

касаться губами мертвой туши.

Луис заменил его, став рядом с Прилл. Как и ей, ему пришлось схватить птицу обеими руками. Он ответил на ее приветственный кивок, после чего спросил:

— Сколько ей лет?

— Не знаю, — без тени удивления ответил кукольник.

— Она приходила ко мне ночью. — Этого было мало, поскольку для Несса это ничего не значило. — Ты ведь знаешь, то, что мы делаем для размножения, порой делается только для удовольствия?

— Знаю.

— Так вот, мы делали именно это. Она молодец. Она настолько хороша, что должна иметь по крайней мере тысячелетнюю практику.

— Это вовсе не невозможно, Луис. Ее цивилизация знала средство гораздо более действенное, чем ваш «закрепитель». Сегодня даже малейшее его количество стоит ровно столько, сколько потребует его хозяин. Одна полная доза равняется пятидесяти годам молодости.

— Может, ты знаешь, сколько доз она приняла?

— Нет, Луис. Но я знаю, что она дошла сюда

пешком.

Они подошли к лестнице, ведущей вниз, к тюремным камерам.

— Дошла… откуда?

— С края.

— ДВЕСТИ ТЫСЯЧ МИЛЬ?!

— Почти.

— Ты должен рассказать мне об этом. Что с ними случилось, когда они перебрались на эту сторону стены?

И кукольник принялся рассказывать эту историю. Она сводилась примерно к следующему.

Первая группа варваров, на которую они наткнулись, сочла их богами. Так должно было продолжаться всегда, с одним исключением.

Божественность позволила им разрешить одну проблему — несчастные, которым неправильно нацеленный осмотический луч повредил мозг, могли остаться под опекой жителей отдельных деревень. Как боги, они пользовались уважением и почетом, а поскольку были не вполне разумны, не могли использовать свою божественность для низких целей.

Оставшаяся живой и разумной часть экипажа «Пионера» разделилась на две группы: семеро двинулись в направлении вращения Кольца, а

остальные, в том числе и Прилл — в обратную сторону. Каждая группа собиралась двигаться вдоль края, ища следы цивилизации. Каждая поклялась прислать помощь, если возникнет такая необходимость.

Все принимали их за богов. Все, за исключением других богов. Упадок Городов оставил после себя некоторое число уцелевших: некоторые из них были безумны, но все принимали продлевающее жизнь средство, если могли его найти. Все искали анклав цивилизации, и никто не думал о том, чтобы основать собственный.

По мере течения времени к ним присоединялось все больше богов, так что скоро они образовали уже целый пантеон.

Во всех встреченных по дороге городах они находили обломки разбитых воздушных башен. Башни эти строились в первой фазе заселения Кольца, за тысячи лет до появления эликсира молодости. Поколения, которые уже пользовались им, стали более осторожными. Те, которые могли позволить себе пользоваться им, держались вдали от летающих зданий, разве что их выбирали на какие-нибудь официальные должности. Тогда они ставили многочисленные предохраняющие устройства или же независимые генераторы

энергии.

Часть летающих зданий еще висела в воздухе, но большинство рухнуло на кишевшие жизнью города в ту самую секунду, когда прекратилась поставка энергии с термоэлектрических цепей черных прямоугольников.

Однажды кочующий пантеон наткнулся на заселенный по окраинам город, в котором еще тлели искорки былой цивилизации. Здесь им не удалось разыграть гамбита бога. В обмен на неправдоподобное количество эликсира они получили большую исправную машину. Через некоторое время машина отказалась повиноваться. Они уже выбились из сил, а может, не видели смысла в дальнейшем путешествии. Паломничество богов закончилось в одном из разрушенных, покинутых городов.

Но у Прилл была карта. Ее родной город находился уже недалеко. Она убедила одного из мужчин сопровождать ее и отправилась в путь.

Повсюду они изображали из себя богов. Через некоторое время Прилл надоело общество мужчины, и дальше она пошла сама. Где не хватало ее божественности, она продавала небольшие количества эликсира. Где и этого оказывалось мало…

— Есть еще один способ, с помощью которого

она подчиняла себе людей. Она пыталась мне объяснить, но не думаю, чтобы я понял.

— Я понимаю, — успокоил его Луис. — Это что-то вроде таспа.

Когда наконец, она добралась до города, то была уже почти безумна. Поселилась она в полицейском управлении, которое без особых повреждений приземлилось на одной из площадей, и после многочасовых проб ей удалось поднять здание в воздух. Несколько раз она едва не теряла контроль над сложной системой управления.

— Действовали еще генераторы электромагнитного поля, служащие для захвата экипажей, нарушающих правила движения, — закончил Несс. — Она включила их, надеясь таким образом найти кого-нибудь, кто подобно ей пережил Упадок Городов. Если он пользуется летающей машиной, значит не является варваром.

— Тогда почему она закрывает всех в этой свалке?

— На всякий случай. Это знак того, что она приходит в себя.

Луис нахмурился. Туша птицы уже съехала вниз на одном из разбитых экипажей, и Говорящий занялся ею.

— Мы могли бы осветить это здание, — сказал

Луис. — И уменьшить его вес почти вполовину.

— Как?

— Достаточно отрезать всю нижнюю часть. Но сначала нужно вызволить оттуда Говорящего. Как думаешь, удастся тебе это?

— Попробую.

22. ИСКАТЕЛЬ

Поскольку Халрлоприллалар по-прежнему панически боялась Говорящего с Животными, Несс старался уменьшить ее страх, усиливая действие таспа, как только могучая оранжевая фигура появлялась в поле зрения девушки. Он утверждал, что со временем вид кзина станет для Прилл таким же приятным, как и его, но пока и он, и девушка избегали общества Говорящего.

Именно поэтому на наблюдательной платформе, глядя в мрачную бездну тюремной камеры, находились теперь только Луис и Говорящий.

— Начинай, — сказал Луис.

Кзин нажал оба спуска.

Раздался раскат грома, повторенный многократным эхом, и на стене, сразу под потолком, появилась ослепительно белая точка. Она двигалась по часовой стрелке, оставляя после себя кроваво-красный след.

— Режь по частям, — посоветовал Луис. — Если все это упадет разом, мы почувствуем себя, как блохи на спине у бешеной собаки.

Говорящий послушно изменил направление

разреза.

И все же, когда отпал первый кусок конструкции, здание закачалось как пьяное. Луис отчаянно вцепился в уходящий из-под него пол. Сквозь вырезанный кусок виднелось солнце, город и люди.

Прямо вниз он смог взглянуть только несколько минут спустя, когда перестали существовать еще несколько сегментов здания.

Он увидел деревянный алтарь, а на нем — блестящую модель в форме плоского прямоугольника, накрытого параболической дугой. Мгновением позже рядом рухнула часть отрезанной стены, погребая алтарь под развалинами. Люди разбежались гораздо раньше.

— Люди! — пожаловался Луис Нессу позднее. — В центре покинутого города, по крайней мере в дне пути от полей! Откуда они здесь взялись?

— Они воздают честь своей богине, Халрлоприллалар. Благодаря им у нее есть пища.

— А-а, жертвы и тому подобное…

— Именно. Почему это тебя беспокоит?

— Они могли погибнуть.

— Может, с некоторыми так и случилось.

— На мгновенье мне показалось, что там, внизу, я вижу Тилу.

— Нонсенс, Луис. Можем ли мы проверить наши горизонтальные двигатели?

Скутер кукольника был почти полностью погружен в оболочку сверхтвердого пластика. Несс занял место у открытого пульта управления. Через панорамное окно открывался великолепный вид на весь город: порт, стройные башни центра, буйные джунгли, которые когда-то явно были парком. Все это было в нескольких тысячах футов под ними.

Луис прикрыл глаза…

Чувствуя на себе взгляды всего экипажа, героический командир стоял на мостике. Поврежденные двигатели могут в любой момент взорваться, но это неважно! Нужно остановить военные корабли кзинов прежде, чем они ударят по земле, сея смерть и разрушение!

— Это не имеет смысла, — сказал Луис Ву.

— Почему? Напряжения материала не должны…

— Летающий замок! О, красные лапы Финагла! Я только теперь понял, что это безумие! Мы как будто лишились разума: тащиться домой в верхней половине небоскреба…

Здание закачалось, и Луис оперся о стену — кукольник включил двигатель скутера.

Город все быстрее двигался за окном. Через некоторое время Несс выключил ускорение, которое и так не превышало каких-то тридцати сантиметров в секунду за секунду. Они летели со скоростью около ста миль в час и не чувствовали даже малейшей качки.

— Нам удалось хорошо закрепить скутер, — сказал Несс. — Как видите, пол горизонтален, а само здание не собирается опрокидываться.

— Все равно, это бессмысленно.

— Черт побери, ничто не бывает без смысла! Куда мы летим?

Луис не ответил.

— Куда мы летим, Луис? Ни у Говорящего, ни у меня нет никаких планов. Давай направление, Луис.

— Обратно.

— Отлично. Точно тем же курсом?

— Да, пока, не окажемся за Глазом. Там поверни на сорок пять градусов в направлении, обратном движению Кольца.

— Ты хочешь найти город с башней, которую назвали Небо?

— Да. Найдешь?

— Нет проблем. Мы летели оттуда три часа, значит, должны вернуться за тридцать. А что

потом?

Образ был таким отчетливым… Правда, это была чистая теория, смешанная с еще более чистой фантазией, но… Луис Ву спал наяву.

Такой отчетливый — но реальный ли?

Его самого поразила легкость, с которой он усомнился в возможностях летающей башни. А ведь она летала. И для этого вовсе не требовался Луис Ву.

— Похоже, пожиратель листьев не противясь повинуется твоим приказам, — заметил Говорящий.

В нескольких футах от них тихо урчал скутер кукольника. За окном непрерывно двигался пейзаж. Глаз равнодушно разглядывал их издалека, незаметно приближаясь к ним с каждой минутой.

— Пожиратель листьев спятил, — ответил Луис. — Надеюсь, что хотя бы ты остался в своем уме.

— Скажешь тоже. Если у тебя есть какая-то цель, я охотно помогу тебе, но если нам придется с кем-то сражаться, я хотел бы знать об этом заранее.

— Угу.

— Я хотел бы знать что-либо, независимо от того, будем мы сражаться или нет.

— Хорошо сказано.

Говорящий ждал.

— Мы возвращаемся за нитью, соединяющей черные прямоугольники, — сказал, наконец, Луис. — За той, которую разорвал «Лгун». Она падала на город петля за петлей, без конца. Сейчас там наверное, несколько сотен тысяч миль, больше, чем может нам потребоваться.

— А зачем она нам нужна, Луис?

— Сначала нужно ее получить. Думаю, если Прилл как следует попросит, а Несс воспользуется своим таспом, у нас не будет с этим особых проблем.

— А потом?

— Потом мы убедимся, действительно ли я спятил.

Летающее здание мчалось вперед, как мощный аэростат. Ни в одном космическом корабле они не могли бы иметь так много места. Точно так же не выдерживал сравнения ни один из кораблей, движущихся в пределах атмосферы: шесть палуб, по которым можно лазить. Роскошь.

Зато других удобств не хватало. Запасы продуктов ограничивались мороженым мясом,

овощами из холодильника и кирпичиками из скутера кукольника. По мнению Несса, его пища не содержала никаких питательных веществ, усваиваемых людьми или кзинами, поэтому каждый прием пищи Луисом выглядел одинаково: кусок мяса, поджаренного лучом лазера, и оранжевый плод.

Кроме того, у них не было воды.

И кофе.

Они убедили Прилл принести несколько бутылок местного алкоголя и в импровизированной рубке устроили крестины корабля. Кзин тактично удалился в дальний угол, а Прилл все время крутилась возле двери. Никто не хотел принять предложение Луиса и дать новому кораблю название «Невозможный», поэтому совершились четыре крещения, каждое на другом языке.

Алкоголь был… ну, в лучшем случае, кислым. Говорящий не мог его проглотить, а Несс даже не пробовал. Зато Прилл одна опорожнила целую бутылку, после чего старательно спрятала остальные.

Церемония крещения превратилась в урок языка, во время которого Луис усвоил несколько основных понятий языка Инженеров. Говорящий делал успехи гораздо быстрее, чем он, и в этом не

было ничего удивительного, поскольку и кзин, и кукольник уже знали несколько земных языков, а значит, были знакомы с бытующими в них способами формулирования и выражения мыслей. Здесь они имели дело почти с тем же.

Потом они сделали перерыв на обед. Несс ел один, пользуясь пищевым регенератором своего скутера, чтобы не видеть, как Луис и Прилл поедают печеное, а Говорящий — сырое мясо.

После еды лекция продолжалась. Луису это постепенно надоедало. Другие уже настолько вошли в курс дела, что рядом с ними он чувствовал себя кретином.

— Но, Луис, должен же ты научиться! Мы движемся очень медленно, и нам не раз придется контактировать с туземцами, чтобы добывать продукты.

— Знаю, знаю. Но у меня никогда не было способностей к языкам.

Стало темно. Хотя они находились еще далеко от Глаза, небо было полностью закрыто тучами, а ночь была черна, как желудок огромного дракона. Луис потребовал перерыва. Он устал, был раздражен, и часто вообще не знал, о чем идет речь. Остальные трое вышли, позволив ему лечь спать.

Примерно через десять часов они должны были достигнуть Глаза.

Он был уже на грани сна, когда вернулась Прилл. Луис почувствовал гладящие его ладони и потянулся к ним.

Она отступила на шаг.

— Ты вождь? — спросила она на своем языке, максимально упрощенном для понимания Луиса.

Он на минуту задумался.

— Да, — сказал он, наконец, поскольку действительная ситуация была слишком сложна, чтобы он смог ее объяснить.

— Вели двухголовому отдать мне его машину.

— Его что?

— Его машину, которая делает мне счастье. Я хочу ее. Забери у него.

Луис рассмеялся.

— Ты хочешь меня? Забери ее, — нетерпеливо повторила Прилл.

У кукольника было что-то, что она хотела иметь. Поскольку он не был человеком, она не имела на него влияния. Единственным человеком рядом, которого она могла заставить делать все, что хотела, был Луис Ву, до сих пор всегда было так. Разве она не была богиней?

Возможно, ее сбили с толку волосы Луиса. Вероятно, она считала его членом варварского низшего класса, ну, может, полу-Инженером, поскольку у него не было бороды, но не выше. Это означало, что он родился уже после Упадка Городов, а значит, не принимал эликсира и был действительно молод.

— Ты совершенно права, — сказал Луис на интерволде. Ее кулаки сжались от ярости, поскольку не нужно было особо напрягаться, чтобы услышать насмешку в его голосе. — В твоих руках любой тридцатилетний размяк бы, как воск. Но я немного старше. — И он снова рассмеялся.

— Машина. Где она? — Она наклонилась над ним. Голая кожа черепа слабо поблескивала, черные волосы падали на одно плечо. Луис почувствовал тепло ее дыхания.

Он с трудом нашел подходящие слова.

— Что-то внутри, на кости. Голова.

Прилл яростно фыркнула. Она наверняка поняла: тасп вживлен хирургически. Повернувшись, она молча вышла.

У Луиса мелькнула мысль: не пойти ли за ней? Он желал ее больше, чем сам осмеливался себе признаться. Однако, она могла полностью овладеть им, а цели, к которым они стремились, вовсе

не были одинаковы.

Свист ветра постепенно усиливался. Луис закрыл глаза… и попал в объятия неглубокого эротического сна.

Вскоре он проснулся.

Прилл лежала на нем, как демон в женском обличьи, неторопливо водя пальцами по коже его груди и живота. Потом она пару раз шевельнула бедрами, и Луис не смог удержаться, чтобы не ответить ей тем же. Она играла на нем, как на каком-то инструменте.

— Когда я кончу, ты будешь мой, — прошептала она. Ее голос дрожал от наслаждения, но это не было наслаждение женщины, занимающейся любовью с мужчиной. Это было наслаждение от неограниченной власти.

Прикосновение ее тела было сладким и тяжелым, как сироп. Она уже давно познала один из самых старых секретов мира: в каждой женщине от рождения есть мощный тасп и, если она научится им пользоваться, для нее не будет ничего невозможного. Она могла действовать им до тех пор, пока Луис на колеях не стал бы просить ее принять его службу…

Внезапно в ней что-то изменилось. Этого нельзя было заметить по лицу, но Луис услышал мягкий

стон наслаждения и почувствовал перемену в ее движениях, все более быстрых и стремительных, пока, наконец, они не слились в одновременном финале. Сдавленный далекий звук, похожий на гром, показался Луису продуктом его воображения.

Она оставалась с ним всю ночь. Время от времени они просыпались, любили друг друга, и снова засыпали. Если Прилл и ощущала какую-то неудовлетворенность, то не давала этого почувствовать, а заметить это сам он тоже не мог. Он знал только, что уже не был безвольным инструментом — теперь они играли дуэтом.

Что-то с ней случилось, и, кажется, Луис знал, что именно.

Утреннее небо было серым и облачным. Ветер свистел в изгибах старого здания, а дождь потоками заливал панорамное окно, затекая внутрь сквозь выбитые стекла на других этажах. «Невозможный» был совсем близко от Глаза.

Луис оделся и вышел из рубки.

Внизу он увидел идущего куда-то Несса.

— Эй! — крикнул он.

— Да, Луис?

— Что ты сделал с Прилл?

— Ты должен быть мне благодарен, Луис. Она

хотела подчинить тебя себе, заставить повиноваться. Я все слышал.

— Ты воспользовался таспом!

— Когда вы были заняты воспроизводительной деятельностью, я дал на три секунды малую мощность. Сейчас *она* подчинена, а не ты.

— Ты чудовище! Эгоистичное чудовище!

— Не подходи, Луис.

— Прилл человек, как и я, и тоже имеет право на свободу воли!

— А что с твоей волей?

— Не бойся, ей ничего не грозило. Прилл не сумела бы меня окрутить.

— Тебя еще что-то беспокоит? Луис, вы были не первой парой людей, за которыми мы наблюдали во время воспроизводительной деятельности — мы должны были знать о вас все… Повторяю, не подходи ближе.

— Ты не имел права! — Разумеется, Луис не собирался нападать на кукольника. Правда, от ярости он сжал кулаки, но ни в коем случае не воспользовался бы ими. Он сделал шаг вперед…

…и почувствовал неописуемый экстаз.

В центре чистейшего наслаждения, какого не испытывал еще никогда в жизни, он отлично понимал, что Несс воспользовался своим таспом.

Не задумываясь о возможных последствиях своих действий, он изо всех сил замахнулся ногой.

Обезволенный чудесным чувством, силы этой он имел не так уж и много, но ее вполне хватило, чтобы пнуть Несса в гортань, прямо под левую челюсть.

Последствия этого поступка были удивительны. Несс сказал: «Глуп!», подался назад и выключил тасп.

В ту же секунду на плечи Луиса Ву свалились все заботы и горести мира. Он повернулся и пошел, не глядя даже, куда идет. Ему хотелось плакать, но еще больше он хотел скрыть от кукольника выражение своего лица.

Он шел наугад видя перед собой только царившую в его душе темноту, и случайно наткнулся на лестничную клетку.

Он отлично понимал, что случилось с Прилл. Даже балансируя над девяностофутовой пропастью, он испытывал смешанные чувства, когда Несс использовал против нее тасп. Когда-то он видел, как выглядят те, кто долго оставался под его воздействием.

Подчиненная! Как подопытное животное! К тому же, она понимала это! В эту ночь она предприняла последнюю, неудачную попытку

вырваться из-под ужасающего очарования таспа.

Теперь Луис почувствовал на себе то, с чем она боролась.

— Я не должен был этого делать, — вслух сказал он. — Пусть все будет по-прежнему.

Это было глупо даже в черном отчаянии, в котором он сейчас находился. Ничего нельзя было исправить.

Случайно он направился по лестнице вниз, а не вверх. Случайно, а может, его подсознание все-таки зарегистрировало тот глухой гром несколько часов назад.

Когда он встал на платформе, на него, заливая косыми струями дождя, накинулся безумный ветер. Неприятное чувство заставило его уделить часть внимания тому, что творилось вокруг. Он медленно приходил в себя после черного отчаяния, которое испытал, выйдя из-под действия таспа.

Когда-то Луис Ву поклялся себе, что будет жить вечно. Сейчас он знал, что выполнение этого обещания потребует многих жертв.

«Я должен ее спасти, — решил он. — Но как? Пока она не выказывала никаких признаков депрессии… Но это не значило, что в любой момент она не может выйти через разбитое окно. А как

мне спасти *себя*? Где-то в глубине его души по-прежнему раздавался отчаянный крик и никак не хотел стихать.

Подчинение было ни чем иным, как подпороговой памятью. Если дать ей большую дозу эликсира, эта память должна стереться…»

— Ненис! Она нужна нам.

Она слишком много знала о машинах «Невозможного», и никто не мог ее заменить.

Не оставалось ничего другого, как заставить Несса не пользоваться больше таспом. Какое-то время нужно будет внимательно наблюдать за ней. Сначала она будет крайне подавлена…

В этот момент до Луиса дошло то, что уже довольно долго стояло перед глазами.

Экипаж, похожий по форме на небольшую стрелу с узкими поясами окон, находился футах в двадцати ниже платформы, поднимаясь в безумствующем ветре, схваченный путами электромагнитного поля, которое никто не выключил.

Луис внимательно присмотрелся, чтобы убедиться, что за передним стеклом действительно маячит чье-то лицо, потом помчался по лестнице вверх, окликая Прилл.

Он не знал подходящих слов, поэтому просто

схватил ее за локоть и повел вниз. Увидев в чем дело, она кивнула и вернулась в машинное отделение.

Через минуту стрела подошла к краю платформы. Первый пассажир выбрался на четвереньках, поскольку ветер дул уже, как безумный.

Это была Тила Браун. Луис даже не особенно удивился.

Второй пассажир выглядел так, словно только что сошел со страниц комиксов. Луис не выдержал и расхохотался.

На лице Тилы появилось выражение удивления и обиды.

Они пролетали мимо Глаза. Через открытую лестничную клетку ветер проникал на первый этаж и гулял по коридорам. Выше, сквозь выбитые окна, лил дождь.

Тила, ее спутник и экипаж «Невозможного» собрались в рубке или спальне Луиса. Спутник Тилы разговаривал в углу с Прилл, которая старалась при этом не спускать глаз с кзина и панорамного окна. Остальные собрались вокруг Тилы, слушая ее рассказ.

Когда скутер Тилы оказался в полицейском поле, в нем перестало действовать почти все: локатор, интерком, звукопоглощающий барьер и

пищевой регенератор.

Она выжила только благодаря тому, что устройство, генерирующее силовое поле, имело небольшой запас энергии, позволяющей поддерживать его еще несколько десятков секунд. За это время скорость скутера упала с 2 Махов до разрешенной в пределах города. Электромагнитное поле немедленно выпустило ее, оставив двигатель неповрежденным.

Но для Тилы этого было достаточно. Еще совсем недавно она едва не погибла в Глазе, и очередная атака произошла слишком быстро. Она направила скутер вниз, стараясь найти в темноте какое-нибудь место для посадки.

Она увидела что-то вроде улицы, ярко освещенной оранжевым светом, идущим из овальных входных отверстий. Скутер приземлился достаточно жестко, но ей было уже все равно: важно, что она оказалась на земле.

Она едва успела вылезть из машины, как та сама поднялась в воздух. Тила полетела кувырком, а когда пришла в себя настолько, чтобы взглянуть вверх, скутера уже не было.

Она расплакалась.

— Видимо, ты приземлилась там, где стоянка была запрещена, — сказал Луис.

— Мне было неважно, почему так произошло. Я чувствовала… — она не могла найти подходящих слов; — Я хотела сказать кому-нибудь, что потерялась, но никого не было. Тогда я села на одну из каменных лавок и начала плакать. Не знаю, как долго это продолжалось. Я боялась уходить оттуда, потому что знала — вы будете меня искать. А потом… пришел *он*, — она кивнула на своего спутника. — Он очень удивился, когда увидел меня, и о чем-то спросил, но я не поняла. Тогда он попытался меня утешить. Я была счастлива, что он есть, хотя он ничем не мог мне помочь.

Луис кивнул. Тила доверилась бы кому угодно. Она ждала бы помощи и опеки от каждого, на кого бы ни наткнулась. И ничего бы ей не грозило.

Нужно признать, что ее опекун производил впечатление.

Он был героем: хватало одного взгляда, чтобы понять это. Даже не нужно было видеть, как он сражается с драконами, достаточно было взглянуть на его мышцы, фигуру, черный короткий меч и острые, сильные черты лица, похожего на проволочную скульптуру из банкетного зала Неба. К этому добавлялась галантность, с какой он относился к Прилл, вовсе не акцентируя того факта, что его собеседница — женщина. Может,

потому, что она была женщиной другого мужчины?

Он был чисто выбрит. Хотя нет, пожалуй, это было невозможным. Уж скорее в его жилах текла кровь Инженеров. У него были длинные, светло-пепельные волосы — кстати, не слишком чистые — и благородный контур бровей. Вся его одежда состояла из короткой юбки, сделанной из шкуры какого-то животного.

— Он накормил меня, — продолжала Тила, — и опекал. Вчера на нас напали четверо мужчин, а он расправился с ними этим своим мечом! И выучил много слов интерволда!

— Правда?

— Он очень легко изучает языки.

— Это уже удар ниже пояса.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Он уже стар, Луис. Когда-то давно он принял большую дозу чего-то вроде нашего закрепителя. Говорит, что получил ее от злого колдуна. Он так стар, что помнит, как его деды рассказывали об Упадке Городов. Знаешь, чем он занимается? — игриво улыбнулась она. — Совершает великое путешествие. Когда-то он дал обет дойти до основания Арки и с тех пор идет туда. Идет уже

несколько сотен лет.

— До основания Арки?

Тила кивнула. Она все время улыбалась, явно развлекаясь тем, что сказала. Но в глазах ее было нечто большее.

Луис уже видел любовь в глазах Тилы Браун, но никогда еще не видел нежности.

— Похоже, ты гордишься им! Идиотка, разве ты не знаешь, что нет никакой Арки?

— Знаю, Луис.

— Тогда почему не скажешь ему?

— Если *ты* скажешь ему, я навсегда возненавижу тебя. Ведь он идет почти всю жизнь! Другим от этого тоже немалая польза: он многое умеет и учит тех, кого встречает на пути.

— Что он может знать? Он не кажется особо разумным.

— Так оно и есть. — Судя по тону, каким это было сказано, это обстоятельство не имело для нее никакого значения. — Но если бы я шла вместе с ним, то могла бы научить многих людей многим полезным вещам.

— Я знал, что произойдет нечто подобное, — сказал Луис Ву. Все-таки ему было больно.

Понимала ли это Тила? Она старательно смотрела в сторону.

— Мы сидели на этой улочке весь день, пока я не поняла, что вы будете искать мой скутер, а не меня. Он рассказал мне о Хал… Хал… о богине и летающей башне, которая притягивала все, что движется. Мы пошли туда и добрались до самого алтаря, разыскивая наши скутеры, но башня вдруг начала распадаться. Потом Искатель…

— Искатель?

— Так его зовут. Когда кто-нибудь спрашивает, почему он рассказывает о своем паломничестве к основанию Арки и приключениях, которые пережил по дороге… Понимаешь?

— Ага.

— Он начал запускать двигатели в старых экипажах, сказал, что когда они попадали в полицейское поле, водители выключали двигатели, чтобы их не уничтожили.

Луис, Говорящий и Несс переглянулись. Половина мнимых обломков могла быть еще на ходу!

— Мы нашли один, который действовал, — продолжала Тила, — и отправились в погоню, но, вероятно, разминулись с вами ночью. К счастью, мы превысили допустимую скорость, и поле захватило нас.

— Действительно. Ночью мне казалось, будто я что-то слышу, но я не был уверен.

Искатель закончил разговор с Прилл и небрежно оперся о стену спальни, с легкой улыбкой разглядывая Говорящего. Кзин ответил ему таким же взглядом. Луису показалось, что эти двое прикидывают, что произошло бы, сойдись они в поединке.

Прилл выглянула в окно, а когда повернулась, на лице ее был ужас. Она задрожала, когда одновременно с сильным порывом раздался вой ветра.

Наверняка она не раз видела подобные явления, возникающие над небольшими кратерами от метеоритов, но эти кратеры молниеносно заделывали, и всегда это происходило где-то далеко, так далеко, что она узнавала об этом из передач стереовизии, или чего-то в этом роде. Тем не менее, это всегда вызывало содрогание — ревущая, ураганная утечка воздуха в бездонную пустоту на той стороне.

Ветер снова усилился.

— Надеюсь, это здание достаточно прочно, — сказала Тила Браун.

Луис онемел от удивления: как она изменилась! Хотя, она же на себе испытала опасности, поджидавшие в Глазе.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она. — Я

хочу быть с Искателем.

— Ага.

— Он тоже хочет быть со мной, но у него какое-то совершенно повернутое чувство достоинства. Я пробовала рассказать ему о тебе, а он стал каким-то странным и перестал со мной спать. Считает, что я твоя собственность.

— Рабство?

— Мне кажется, только для женщин. Ты скажешь ему, что это не так?

Луис почувствовал, что у него перехватило дыхание.

— Пожалуй, будет проще, если я продам тебя ему. Конечно, если ты этого хочешь.

— Я хочу, Луис, путешествовать с ним по Кольцу. Я люблю его.

— Разумеется. Вы же созданы друг для друга и должны были встретиться. А те несколько сотен миллиардов других пар…

Она неуверенно смотрела на него.

— Ты стараешься говорить саркастически?

— Еще месяц назад ты не отличила бы сарказма от транзистора. Нет, самое смешное здесь то, что я говорю это безо всякого сарказма. Несколько сотен миллиардов других пар не имеют никакого значения, поскольку не были частью проклятого

эксперимента кукольников.

Воцарилась полная тишина. Все смотрели прямо на него. Даже Искатель взглянул в их сторону, желая знать, что привлекло внимание остальных.

Однако Луис видел только Тилу Браун.

— Мы разбились на Кольце, — мягко сказал он, — поскольку местные условия как будто специально созданы для тебя. Ты научилась вещам, которым не могла бы научиться ни на Земле, ни где-либо в известном Космосе. Наверняка были и другие причины, например, этот их эликсир молодости или гигантское пространство, но важнейшей причиной твоего появления здесь было знание.

— Знание? Чего?

— Боли. Страха. Неуверенности. Ты сейчас совершенно другая женщина, нежели в тот момент, когда оказалась здесь. До этого ты была… абстракцией. Тебе когда-нибудь прежде случалось ушибить палец?

— Не знаю… Наверное, нет.

— А обжечь ноги?

Она взглянула на него. Все-таки, она поняла.

— «Лгун» разбился для того, чтобы ты могла оказаться на поверхности Кольца. Потом

мы проделали несколько сотен тысяч миль исключительно для того, чтобы ты могла встретить Искателя. Твой скутер доставил тебя к нему, а электромагнитное поле перехватило в единственно подходящий момент, поскольку он — именно тот человек, которого ты должна была полюбить.

Тила улыбнулась. Луис — нет.

— Тебе требовалось время, чтобы получше узнать его, поэтому мы с Говорящим более двадцати часов висели головами вниз…

— Луис!

— …над девяностофутовой пропастью. Но это еще не самое худшее.

— Это зависит от точки зрения, — буркнул кзин.

Луис не обратил на него внимания.

— Ты полюбила меня, потому что благодаря этому нашла повод присоединиться к экспедиции. Сейчас ты меня уже не любишь, поскольку тебе это не нужно. Ты уже здесь. И я любил тебя по той же самой причине, поскольку счастье Тилы Браун сделало из меня безвольную марионетку… Но настоящей марионеткой являешься ты. До конца жизни ты будешь танцевать на веревочках своего собственного счастья. Сомневаюсь,

что когда-нибудь ты получишь свободу, и даже если это произойдет, ты не будешь знать, что с ней делать.

Тила с побледневшим лицом неподвижно стояла почти по стойке «смирно». Еще недавно она наверняка не смогла бы этого сделать.

Что же касается Искателя, то он скорчился под стеной, глядя то на одного, то на другого и водя пальцем по острию своего меча. Он не мог не заметить, что Тилу обижают, но по-прежнему думал, что девушка принадлежит Луису Ву.

Луис повернулся к кукольнику и не очень удивился, увидев, что Несс спрятал под себя обе головы, и свернулся в плотный шар, прервав тем самым на неопределенное время свое существование во Вселенной.

Луис взял его за колено задней ноги и обнаружил, что может без особого усилия перевернуть кукольника на спину. Он весил не больше, чем сам Луис.

И явно очень боялся. Колено дрожало в руке Луиса.

— Все это произошло из-за твоего чудовищного эгоизма, — сказал он. — Этот эгоизм поражает меня почти так же, как ошибки, которые ты совершил. Я не могу понять, как можно одновре-

менно быть таким могучим, готовым на все, и таким глупым. Понимаешь ты, наконец, что все постигшее нас — абсолютно *все*! — является просто-напросто побочным эффектом счастья Тилы?

Теплый, мягкий шар сжался еще сильнее. Искатель восторженно разглядывал его.

— Можешь вернуться на планеты кукольников и сказать им, что эксперименты по разведению людей могут плохо кончиться. Несколько таких Тил, и ничего не останется от теории вероятности. Даже основные законы физики — это не что иное, как действующая на атомном уровне теория вероятности. Скажи им, что Вселенная — слишком опасная игрушка для таких осторожных существ. Скажи им это, когда мы вернемся домой. А пока разворачивайся, и живее! Мне нужна нить, соединяющая черные прямоугольники, и ты должен ее найти. Мы уже почти за Глазом. Ну, чего ты ждешь?

Кукольник распрямился и встал на свои три ноги.

— Мне очень стыдно, Луис… — начал он.

— И ты смеешь говорить это *сейчас*?

Кукольник замолчал, повернулся к окну и с интересом стал смотреть на удаляющийся Глаз.

23. ГАМБИТ БОГА

Туземцы, поклоняющиеся Небу, оказались вдруг обладателями двух летающих башен.

Как и в первый раз, площадь с алтарем быстро заполнилась людьми. Луис попытался найти в толпе лысого жреца, но его нигде не было видно.

Несс тоскливо поглядывал на вздымающийся рядом с ним замок. Рубка «Невозможного» находилась на том же уровне, что и комната карт.

— В первый раз у меня не было случая осмотреть это место, — сказал он, — теперь же я не могу туда попасть.

— Мы можем сделать дезинтегратором дыру и спустить тебя на веревке, — предложил Говорящий с Животными.

— И все-таки я останусь здесь.

— Но ведь ты уже делал гораздо более опасные вещи.

— Да, стремясь к знаниям. Но теперь я знаю столько, сколько мне нужно. Если я и решусь на какой-нибудь риск, то только затем, чтобы вернуться с этим знанием к тем, кто меня послал. Луис, вот твоя нить.

Луис молча кивнул головой.

Над частью города словно поднимался густой, вытянутый в длинную полосу дым. Это и была нить, ее набралось уже очень много.

— Но как нам ее забрать?

— Понятия не имею, — признался Луис. — Нужно внимательнее осмотреть ее.

Они посадили «Невозможного» неподалеку от главной площади. Несс не выключал двигатели — если бы здание осело всем своим весом, оно раздавило бы наблюдательную площадку, служившую сейчас платформой.

— Нужно что-то придумать, — сказал Луис. — Может, нужны какие-нибудь рукавицы? Или катушка из конструктивного материала Кольца?

— Ничего подобного у нас нет, — ответил Говорящий с Животными. — Придется договариваться с туземцами. У них могут быть какие-нибудь старые легенды, инструменты, или реликвии. Кроме того, у них было три дня, чтобы освоиться с этим явлением.

— В таком случае мне придется спуститься с вами, — с явной неохотой сказал кукольник. — Говорящий, ты слишком слабо владеешь их языком. Придется оставить Прилл, чтобы она в случае необходимости могла быстро стартовать.

Разве что… Луис, местный любовник Тилы может вести переговоры от нашего имени?

Луису было неприятно, что кукольник так говорит об Искателе.

— Даже Тила не считает его гением, — резко ответил он. — Пожалуй, я не доверял бы ему до такой степени.

— Я тоже. Луис, нам действительно нужна эта нить?

— Не знаю. Если я не сошел с ума, то да. В противном случае…

— Понятно, Луис. Я пойду…

— Ты вовсе не обязан верить мне на…

— Я пойду. — По бархатной коже кукольника пробежала волна дрожи. Самым удивительным в его голосе было то, что он мог быть таким чувственным и чистым и одновременно не выражать никаких чувств. — Я знаю, что она нам понадобится. Случай привел к тому, что она упала на нашем пути, а все случаи имеют какую-то связь с Тилой Браун. Если бы она нам не требовалась, она бы здесь не упала.

Луис расслабился, но не потому, что высказывание кукольника имело какой-то смысл. Просто слова Несса подтвердили верность выводов, к которым пришел Луис. Именно поэтому он принял

их за чистую монету, и не говорил кукольнику, что тот несет околесицу.

Они спускались вниз по лестнице, ведущей на платформу: Луис со своим лазером, Говорящий — с дезинтегратором Славера. Мышцы кзина двигались с пружинистой, мягкой грацией, отчетливо проступая под полудюймовым мехом. Несс не взял с собой никакого оружия. Он больше всего доверял таспу и своему инстинкту бегства.

Искатель держал наготове короткий острый меч. Вся его одежда состояла из завязанной вокруг бедер желтой шкуры какого-то животного. Мышцы перекатывались под его кожей так же, как у кзина.

Тила шла с пустыми руками.

Наверняка эти двое остались бы на борту «Невозможного», если бы не торговая сделка, проведенная утром. И все из-за Несса. Луис, используя его как переводчика, предложил Искателю купить Тилу Браун.

Искатель серьезно кивнул головой и предложил капсулу эликсира молодости, примерно на пятьдесят лет жизни.

— Хорошо, — согласился Луис. Он считал, что это было выгодное предложение, хотя не собирался даже пробовать это средство. Действие,

которое он мог оказать на человека, сто семьдесят лет принимавшего земной закрепитель, могло существенно отличаться от того, какое предвидели его создатели.

— Я не хотел его обидеть или допустить мысль, что ты продаешь Тилу за бесценок, — сказал ему позднее кукольник. — Поэтому я потребовал больше. Теперь он получил Тилу, а ты капсулку, содержимое которой можно будет подвергнуть на Земле детальному анализу. Кроме того, до тех пор, пока мы не получим достаточного количества нити от черных прямоугольников, Искатель будет исполнять роль нашей охраны.

— И чем же он будет нас защищать? Этим перочинным ножом?

— Я хотел только, чтобы он хорошо относился к нам.

Тила, разумеется, увязалась за ним, — ведь он был ее мужчиной и подвергался опасности. Сейчас Луис задумывался, не этого ли хотел добиться Несс? В конце концов, Тила была старательно выведенным кукольником ходячим счастьем…

Так близко от Глаза Небо должно было быть закрыто тучами. В сером свете висящего в зените солнца они двинулись к поднимающейся вверх полосе дыма.

— Не касайтесь ее, — предупредил Луис, вспомнив, что говорил жрец о девочке, которая хотела ее поднять.

Скопление черной нити даже вблизи выглядело, как полупрозрачный дым. Сквозь него было видно разрушенный город: местами поднимались лучше сохранившиеся большие здания с фасадами, сделанными из материала, напоминающего стекло. На Земле или какой-нибудь населенной людьми планете в них могли бы размещаться универсальные магазины.

Сама нить была настолько тонка, что ее можно было заметить на расстоянии не более дюйма. Луису пришло в голову сравнение с молекулярным волокном Синклера.

— Попробуй перерезать ее дезинтегратором, — сказал он Говорящему с Животными.

В туче серого дыма появилась ослепительно сверкающая точка.

Возможно, это было принято за кощунство — *сражаетесь светом?* — однако, вероятнее всего, туземцы еще раньше решили расправиться с чужаками. Когда сверкнул свет, со всех сторон послышались яростные крики, и из окружающих зданий появились одетые в лохмотья фигуры, вооруженные… Чем? Мечами и палками?

Бедняги, подумал Луис, настраивая лазер на большую мощность и малый радиус действия.

Световые мечи и переносные лазеры использовались почти на всех обитаемых планетах. Правда, Луис прошел обучение более ста лет назад, а война, к которой его готовили, так и не началась, но навыки были слишком простыми, чтобы их забыть.

Чем дольше действие луча, тем глубже разрез.

Луис водил стволом вправо и влево быстрыми, мягкими движениями. Нападающие отступали, хватаясь за кровоточащие животы, но их заросшие лица не выражали ни следа боли.

В случае атаки превосходящих сил противника следует делать быстрые движения, рассекая плоть неглубоко, чтобы сдержать напор атакующих.

Луис чувствовал сожаление и отвращение. Несчастные фанатики были вооружены только мечами и палками. У них не было ни малейших шансов…

Однако, один из них дотянулся своим мечом до вооруженной дезинтегратором руки кзина. Говорящий выронил оружие. Его тут же схватил другой нападающий, но в ту же секунду умер, поскольку здоровая рука Говорящего буквально

вырвала у него из спины позвоночник. Третий мужчина схватил дезинтегратор и бросился наутек. Он даже не пытался воспользоваться им, просто удирал. Луис не мог достать его лучом своего лазера, поскольку именно теперь до него начало доходить, что он сражается за свою жизнь.

Всегда цельсяв туловище.

До сих пор он еще никого не убил, но теперь, пользуясь перерывом в атаке, расправился с двумя ближайшими противниками.

Не допускай слишком близкого контакта с неприятелем.

Говорящий убивал голыми руками: здоровой он раздирал, а раненой пользовался как палкой. Каким-то образом он сумел избежать удара мечом, схватив его владельца. Он был окружен со всех сторон, но туземцы никак не могли решиться на массированную атаку: в их глазах кзин был огромной оранжевой смертью с оскаленными зубами.

Искатель с окровавленным мечом стоял, прижавшись спиной к стене. Перед ним лежали три неподвижных тела. Сжавшаяся рядом с ним Тила выглядела, как типичная героиня фантастических комиксов.

Несс, низко наклонив одну и высоко подняв другую голову, мчался к «Невозможному». Нижняя голова внимательно посматривала по сторонам, верхняя служила для панорамного охвата ситуации.

До сих пор Луис не получил даже царапины. Он очищал район вокруг себя, по мере возможности помогая своим товарищам. Лазер быстро двигался в его руке, сея вокруг зеленую смерть.

Никогда не целься в зеркало.

Отражающая броня может преподнести вооруженному лазером воину весьма неприятный сюрприз. Однако здесь давно забыли об этом способе.

Прямо перед Луисом как из-под земли появился укутанный в зеленое одеяло человек с огромным молотом в руке. Размахивая своим грозным оружием, он двинулся на него. Луис провел лучом по его животу, но мужчина продолжал идти дальше.

Одежда того же цвета, что и луч твоего лазера, не менее опасна, чем отражающие доспехи.

Клянусь Финаглом, хорошо, что он только один! Луис направил луч на волосатую шею.

Какой-то туземец стал на пути Несса. Он был очень храбр, раз решился атаковать такого чу-

довищного противника. Луис не мог хорошо прицелиться в него, да это и не потребовалось, потому что туземец тут же погиб от удара задней ноги кукольника. Несс помчался дальше и тут…

Луис хорошо видел, как это произошло. Кукольник как раз повернул в узкий проход, когда его поднятая вверх голова внезапно отделилась от туловища и покатилась по земле. Несс застыл на месте.

Из перерезанной с хирургической точностью шеи пульсирующим фонтаном ударила красная кровь, ничем не отличающаяся от человеческой.

Вторая голова издала пронзительный, жалобный крик.

Туземцы загнали его в ловушку из нитей черных прямоугольников.

Луис прожил уже двести лет и не раз видел смерть своих друзей. Он продолжал сражаться, направляя луч лазера туда, куда падал его взгляд. «Бедный Несс. Но сейчас может быть и моя очередь…».

Наконец, туземцы отступили с ужасающими потерями.

Тила широко открытыми глазами смотрела на умирающего кукольника, помимо своей воли поднеся ко рту стиснутые кулаки. Говорящий

и Искатель отступали в направлении «Невозможного».

Минуточку! У него же есть еще одна!

Луис побежал к кукольнику и бросил кзину свой лазер. Тила вытянула в его сторону шейный платок. Луис буквально вырвал тряпицу у нее из руки. Наклонившись, чтобы избежать натянутой между двумя стенами нити, он сильно ударил Несса в бок, повалил на землю. Казалось, еще секунда, и одноголовый кукольник бросится бежать.

Луис потянулся к поясу.

Его не было!

А ведь он должен быть!

Ничего, есть еще шейный платок Тилы…

Луис затянул его вокруг кровоточащего обрубка. Несс с ужасом вглядывался в то место, где еще минуту назад находилась его вторая голова. Потом единственный его глаз закрылся, и кукольник потерял сознание.

Луис затянул узел еще крепче, чтобы остановить кровотечение, а потом поднял кукольника на спину и тяжело побежал следом за Искателем, который был готов в случае повторной атаки проложить ему путь. Туземцы следили за ними, но никто не пытался помешать.

Тила пришла в себя и двинулась следом за Луисом. Последним явился Говорящий с Животными. Он остановился у платформы, подождал, пока Тила исчезнет внутри «Невозможного», после чего повернулся и помчался в ту сторону, откуда они пришли.

Времени обдумать этот вопрос не было, и Луис начал подниматься. Когда он добрался до рубки, ему показалось, что кукольник весит раз в пять больше, чем в начале подъема. Он положил Несса у залитого пластиком скутера, залез в машину, достал оттуда комплект первой помощи и приложил его к кровоточащей ране. Комплект этот, в отличие от того, который имел Луис, был соединен пучком проводов с пультом управления скутера. Несколько секунд спустя из пищевого регенератора выскочила длинная гибкая трубка и вонзилась в кожу на шее кукольника. Выглядело это довольно необычно. Луис содрогнулся… Внутривенное питание. Кукольник явно был еще жив.

«Невозможный» уже поднялся в воздух. Они были так смущены, что даже не заметили старта. Говорящий сидел на наблюдательной площадке, осторожно держа что-то в ладонях.

— Кукольник умер? — спросил он.

— Нет, но потерял много крови. — Луис тяжело опустился возле кзина. Он чувствовал, что крайне устал. — Может ли кукольник впасть в шок?

— Откуда мне знать? Сам механизм шока еще недостаточно изучен. Нам потребовалось несколько столетий исследований, чтобы понять, почему люди, если их пытать, умирают так быстро. — Кзин явно думал о чем-то другом. — Это тоже часть счастья Тилы Браун? — спросил он, наконец.

— По-моему, да.

— Но почему? Что она может получить от беды, постигшей пожирателя листьев?

— Чтобы понять, ты должен взглянуть на это моими глазами, — сказал Луис. — Когда я познакомился с ней, она была… словом, односторонней. Как в одной истории… В ней действовали девушка и рыцарь. Он был полным циником и отправился искать девушку только потому, что ее окружала Легенда. Найдя ее, он никак не мог поверить, что Легенда является правдой — до тех пор, пока она не повернулась к нему спиной. Тогда он увидел, что сзади она совершенно пуста. Она была только маской, необыкновенно точной, изображающей всю фигуру, а не только лицо. Никоим образом ее нельзя было ни обидеть, ни задеть. Именно это и

нужно было рыцарю. Все женщины, с которыми он имел дело прежде, рано или поздно чувствовали себя обиженными, и он думал, что это его вина. Это ему изрядно надоело.

— Я ничего не понимаю, Луис.

— Когда Тила появилась здесь, она была только маской. Она не знала, что такое боль. Ее личность не была человеческой личностью.

— Это плохо?

— Да, поскольку она должна была стать человеком, если бы Несс не сделал из нее нечто другое. Ненис! Понимаешь, что он сделал? Он хотел создать бога по своему образу и подобию, а получил Тилу Браун. Она стала тем, чем хотел бы быть каждый кукольник. С ней не может случиться ничего плохого. Ей не может быть неудобно, разве что она сама захочет этого. Именно поэтому она и оказалась здесь. На Кольце она может пережить все, что сделает ее человеком. Сомневаюсь, что таких, как она, много. Они должны были тоже оказаться на борту «Лгуна». Хотя… Может быть и так, что их тысячи. Начнут твориться странные вещи, когда они поймут, насколько могущественны. Нам придется по возможности скорее убираться с их дороги.

— Что мы сделаем с головой пожирателя ли-

стьев? — спросил кзин.

— Она не могла никому сочувствовать, — продолжал Луис, — поэтому должна была увидеть, как ее товарища постигло несчастье. Неважно, что это могло стоить жизни Нессу. Знаешь, чем я остановил кровь? Ее шейным платком. Она дала мне его, догадываясь, что я хочу делать. Впервые перед лицом опасности она вела себя так, как должна.

— Зачем она сделала это? Ведь с ней все равно ничего бы не случилось.

— До сих пор она не знала, что способна на нечто такое. Она никогда не была вынуждена действовать.

— Я все-таки ничего не понимаю.

— Осознание собственных ограничений составляет часть процесса взросления. Тила не могла стать взрослой, пока не оказалась лицом к лицу с настоящей, физической опасностью.

— Наверное, это присуще только людям, — констатировал Говорящий, и Луис понял, что это утверждение равносильно признанию абсолютной невозможности понять людей.

— Я думаю сейчас, правильно ли мы сделали, остановив «Невозможного» выше замка, который туземцы называют Небом, — добавил кзин. —

Возможно, они атаковали нас потому, что сочли это святотатством. Хотя, это все равно не имеет значения, раз все происходит так, как того хочет счастье Тилы Браун…

Луис никак не мог разобрать, что это Говорящий так осторожно держит в ладонях.

— Ты возвращался за головой? Если да, то напрасно потерял время. Мы все равно не сможем ее сохранить.

— Нет, Луис. — И Говорящий показал, что он держит. — Не касайся этого — можешь потерять пальцы…

Это была как бы длинная рукоять, расширяющаяся на одном конце и сужающаяся на другом. Более узкий конец переходил в тонкую черную нить.

— Я знал, что туземцы могут как-то манипулировать ею, раз устроили засаду, и вернулся, чтобы увидеть, как они это делают. Они просто нашли один конец. Видимо, это зацеп, соединяющий нить с черным прямоугольником. Нам повезло, что удалось его найти.

— Конечно! Теперь мы можем тащить ее за собой. Она не должна ни за что цепляться, она все разрежет!

— Куда мы летим, Луис?

— Обратно. К «Лгуну».
— Разумеется. Нужно спасать Несса. А потом?
— Посмотрим.

Он оставил Говорящего на платформе, а сам пошел наверх, чтобы проверить, осталось ли еще хоть немного сверхтвердого пластика. Осталось. С его помощью они прикрепили конец нити к стене. Пластик затвердел, и кзин смог наконец покинуть свой пост на свежем воздухе.

Тилу, Искателя и Прилл они нашли в машинном отделении.

— Мы отправляемся в другую сторону, — сразу сказала Тила. — Эта женщина говорит, что может приблизиться к летающему замку. Можно попробовать залезть туда через разбитое окно.

— И что дальше? Вы погибнете, если вам не удастся сдвинуть его с места.

— Искатель говорит, что знает какой-то способ. Я уверена, что он справится.

Луис даже не пытался убеждать ее, предпочитая уйти с ее пути, как уступил бы дорогу атакующему бандерснатчу.

— Если будут какие-то сложности с запуском двигателей, просто нажимай первую попавшуюся кнопку, — посоветовал он.

— Запомню, — улыбнулась она и добавила се-

рьезней. — Позаботьтесь о Нессе.

Когда через двадцать минут Искатель и Тила покидали «Невозможного», обошлись без прощаний. Луис, хотя и мог много сказать, не произнес ни слова. Зачем объяснять ей, какой мощью она обладает? Пусть учится сама методом проб и ошибок, а ее счастье позаботится о том, чтобы с Тилой не случилось ничего плохого.

В течение нескольких следующих часов тело кукольника остывало все больше, пока наконец не стало холодным, как труп. Огоньки на комплекте первой помощи таинственно мигали. Вероятно, все процессы, идущие в его теле, были замедлены до минимума.

«Невозможный» двинулся в путь, таща за собой то натягивающуюся, то безвольно провисающую нить. Десятки, а потом и сотни зданий превратились в развалины, словно рассеченные огромным ножом, а прикрепленный к стене зацеп даже не дрогнул.

Город не мог исчезнуть за горизонтом, поскольку того попросту не было. Они видели его еще несколько дней, все более уменьшающийся, потом контуры стерлись расстоянием.

Прилл сидела рядом с Нессом. Она не могла ему помочь, но и не желала отходить от него. Она

явно очень страдала.

— Мы должны что-то сделать для нее, — сказал Луис. — Она была подчинена таспом, а сейчас, когда его нет, убьет либо себя, либо Несса, либо меня!

— Надеюсь, ты не ждешь совета от меня.

— Нет. Пожалуй, нет.

Желая помочь страдающему человеку, можно играть роль терпеливого, все понимающего слушателя. Луис попытался использовать этот метод, но, во-первых, слишком плохо знал язык, а, во-вторых, Прилл не хотела говорить. Оставшись один, он кусал губы от бессилия, но, приходя к Прилл, пробовал в очередной раз.

Она постоянно была у него перед глазами и рядом. Если бы он мог как-то от нее отделаться, его совесть, возможно, и успокоилась бы, однако, Прилл ни на секунду не покидала рубки.

Постепенно он изучал язык, и постепенно Прилл начала говорить. Он пробовал рассказать ей о Тиле, о Нессе, о гамбите бога…

— Я действительно думала, что я бог, — сказала она. — Действительно. Почему? Ведь это не я построила Кольцо.

Она тоже училась, используя простые фразы и еще более простые слова. Два времени, почти ни-

каких прилагательных, излишне старательное произношение.

— Так тебе сказали.

— Но я чувствовала. Знала.

— Каждый хочет быть богом. — Каждый хотел бы иметь счастье и ни за что не отвечать.

— Потом появился он, Двухголовый. У него была машина?

— У него был тасп.

— Тасп, — старательно повторила она. — Я знала. Тасп сделал его богом. Он потерял тасп, и больше не является богом. Двухголовый умер?

Ответить было трудно.

— Для него глупо быть мертвым, — сказал Луис.

— Глупо дать отсечь себе голову. — Шутка. Она пыталась шутить.

Постепенно она начинала интересоваться другими вещами: сексом, уроками языка, тянущимся за окнами пейзажем. Они наткнулись на поля солнечников, которых Прилл никогда прежде не видела. Не обращая внимания на неуклюжие попытки молодых растений сжечь их слабым блеском своих еще не развитых до конца цветов, они выкопали небольшой росток и посадили его в большом горшке на крыше «Невозможного»,

после чего обогнули по широкой дуге территорию, занятую взрослыми растениями.

Когда у них кончились продукты, Прилл окончательно потеряла интерес к кукольнику, и Луис решил, что она вылечилась.

В ближайшей деревне Прилл и Говорящий разыграли гамбит бога. Луис беспокойно ждал, надеясь что кзин сумеет удержать свои нервы в узде. Он хотел побрить себе голову и идти с ними, но его ценность как аколита была невелика — он слишком плохо знал язык.

Посланцы вернулись с дарами. Теперь у них была еда.

Дни объединялись в недели, а они повторяли все то же, достигнув настоящего совершенства. Мех кзина обрел прежнее великолепие, и теперь он снова походил на огромную оранжевую пантеру — настоящего бога войны. Луис только посоветовал ему, чтобы он не распускал своих веерообразных ушей.

Впрочем, гамбит бога подразумевал и кое-какие обязанности. Однажды вечером кзин пришел к Луису с проблемой.

— У меня нет сложностей с изображением бога, — сказал он. — Но я хочу изображать его хорошо.

— Что ты имеешь в виду?

— Они задают вопросы, Луис. Женщины задают вопросы Прилл, и она на них отвечает, а я обычно не понимаю ни вопросов, ни ответов. Мужчины тоже должны спрашивать Прилл, потому что она человек, а я — нет. Однако они спрашивают именно меня. Меня! Почему от меня, чужака, они ждут решения их проблем?

— Ты бог, — сказал Луис. — Бог войны, даже если он абсолютно реален, прежде всего остается символом. Символом мужественности.

— Мужественности? Смешно. Ведь у меня даже нет внешних половых органов. А у тебя, полагаю, есть.

— Но ты большой и вызываешь страх. Это автоматически делает тебя символом мужественности. Она неразрывно связана с твоей божественностью.

— В таком случае нам нужна какая-то система связи, чтобы ты мог отвечать за меня на эти вопросы.

Прилл удивила их. Когда-то «Невозможный» был собственностью полицейских властей, и в одном из складов Прилл нашла комплект переносных интеркомов, питающихся энергией, передаваемой из главного энергетического цен-

тра здания без проводов. Правда, не все они были исправны, но после небольшого ремонта два действовали без замечаний.

— Ты хитрее, чем я думал, — сказал ей ночью Луис. Он недостаточно хорошо знал язык, чтобы сказать это более тактичным образом. — Хитрее, чем я ожидал от проститутки.

Прилл рассмеялась.

— Глупый ребенок! Ты сам говорил мне, что ваши корабли летают очень быстро, почти так же быстро, как наши.

— Гораздо быстрее. Быстрее света.

— Тебе нужно подправить этот рассказ, — снова рассмеялась она. — По нашей теории это невозможно.

Это заставило ее задуматься. Луис научился угадывать ее чувства скорее по напряжению мышц, чем по выражению обычно пустого лица.

— Во время долгих путешествий, когда корабль летит с планеты на планету, скука становится страшной, — сказала она. — Развлечения должны быть разными и легко доступными. Проститутка должна знать строение тела и души, должна уметь любить и разговаривать. Она должна знать, как действует корабль, чтобы не стать причиной несчастного случая. Она должна быть

здорова и играть на каком-нибудь инструменте.

Луис смотрел на нее, широко открыв рот. Прилл мелодично засмеялась, после чего, коснулась его здесь… и здесь…

Интеркомы действовали отлично, несмотря на то, что их наушники были приспособлены для ушных раковин человека, а не кзина. Луис научился мыслить молниеносно и давал именно такие ответы, каких можно было ожидать от могучего бога войны. В этом ему помогало сознание, что даже в случае какой-то ошибки они могли перемещаться быстрее, чем разойдется весть о них. Каждая встреча была первой.

Проходили месяцы.

С некоторого времени район поднимался вверх, постепенно превращаясь с пустыню. Они уже отчетливо видели перед собой Кулак Бога, гора с каждым днем становилась все больше. Луис втянулся в повседневную рутину и не сразу понял, что это означает.

Однажды он подошел к Прилл.

— Ты слышала когда-нибудь об индукционном токе? — спросил он и объяснил, что имеет в виду. — Если действовать непосредственно на мозг током небольшого напряжения, можно вызывать в нем чувства наслаждения или боли. Именно

так действует тасп.

Он продолжал говорить, и речь его заняла не менее двадцати минут.

— Я знала, что у него есть машина, — наконец прервала его Прилл. — Зачем ты ее сейчас описываешь?

— Мы покидаем цивилизацию и больше не встретим никаких деревень. Ближайший источник пищи — на нашем корабле. Я хотел, чтобы ты все знала о таспе, прежде чем примешь решение.

— Какое решение?

— Может, ты хочешь сойти в ближайшем поселке? Или полетишь с нами к «Лгуну» и там примешь управление «Невозможным»?

— На «Лгуне» для меня есть место, — сказала она тоном, не терпящим возражений.

— Да, но…

— С меня достаточно варваров. Я хочу вернуться в настоящую цивилизацию.

— Могут возникнуть сложности с адаптацией. Например, там почти все носят волосы, такие как у меня. — За время путешествия у Луиса выросла густая шевелюра. — Тебе придется носить парик.

Прилл скривилась.

— Как-нибудь справлюсь. — Потом неожидан-

но рассмеялась. — А ты хотел возвращаться один, без меня? Этот большой, оранжевый, не заменит женщины.

— Это единственный аргумент, который я всегда готов принять.

— Я помогу вам, Луис. Вы так мало знаете о сексе.

24 КУЛАК БОГА

Земля становилась все суше, а воздух — разреженнее. Кулак Бога, казалось, убегал от них. Кончились запасы плодов, да и мяса оставалось не так уж много. Они летели над пустынным склоном, непрерывно поднимающимся вверх, чья поверхность, по оценке Луиса, была больше поверхности Земли.

Ветер немолчно свистел в закоулках «Невозможного». Над ними на ночном небе резко и отчетливо сверкала голубизной Арка Неба, звезды светили ровным неизменным светом.

Говорящий глянул вверх через большое панорамное окно.

— Ты смог бы найти ядро Галактики? — спросил он Луиса.

— Зачем? Ведь мы и так знаем, где находимся.

— И все же попробуй.

Луис нашел несколько знакомых звезд и созвездий, к которым успел привыкнуть за долгие месяцы, проведенные под этим небом.

— Пожалуй, оно там. За Аркой.

— Именно. Ядро Галактики находится в плос-

кости Кольца.

— Я так и сказал.

— А материал, из которого сделано Кольцо, задерживает большую часть нейтрино. Скорее всего, он остановит и другие виды излучения. — Кзин явно пытался что-то ему втолковать.

— Ты прав! Кольцо защищено от последствий взрыва ядра! Когда ты это понял?

— Только что. Раньше я не был уверен, где находится ядро Галактики.

— Все же часть излучения пройдет, особенно вблизи края.

— Можешь не сомневаться — когда сюда придет ударная волна взрыва, счастье Тилы Браун поместит ее так далеко от края, как это будет возможно.

— Двадцать тысяч лет… — прошептал Луис. О, лапы Финагла! Как можно думать в таком масштабе?

— Болезнь и смерть не относятся к самым счастливым событиям, Луис. Принимая это во внимание, Тила должна жить вечно.

— Но… Ты прав. Так считает не она, а ее счастье. Великий, смотрящий на нас сверху вниз Повелитель марионеток…

Последние два месяца Несс провел в виде тру-

па, хранящегося при комнатной температуре, и все-таки не начал разлагаться. Огоньки на его комплекте первой помощи непрерывно мигали. Это был единственный признак того, что кукольник еще жив.

Луис разглядывал Несса, когда ему пришла в голову некая мысль.

— Кукольники… — задумчиво сказал он.

— Что? — удивленно посмотрел на него кзин.

— Я вот думаю: не потому ли их так назвали, что они старались манипулировать всеми, кого встречали. Людей и кзинов они воспринимали именно как кукол, лишенных собственной воли.

— Но счастье Тилы Браун сделало такую же куклу из Несса.

— Каждый из нас когда-то играл роль бога. — Луис кивнул в сторону Прилл, которая прислушивалась к разговору, понимая из него лишь каждое третье слово. — Она, ты и я. Как ты себя чувствовал, Говорящий? Ты был добрым богом или злым?

— Не знаю. Я был богом для чужаков. Три недели назад я предотвратил войну. Помнишь, я доказал обеим сторонам, что и те и другие должны проиграть?

— Да. Только это была моя мысль…

— Разумеется.

— Тебе придется сыграть эту роль еще раз. На Кзине.

— Не понимаю.

— Кукольники разводили людей и кзинов для своих целей. Это привело к ситуации, в которой естественный отбор будет отдавать предпочтение мирно настроенным кзинам, верно?

— Да.

— Что бы случилось, узнай об этом Патриарх?

— Война, — коротко ответил Говорящий. — Немедленно стартовал бы мощный флот, чтобы после двухлетнего путешествия атаковать планеты кукольников. Возможно, к нам присоединились бы и люди. Кукольники оскорбили и нас, и вас.

— Ясно. А потом?

— Потом травоядные уничтожили бы нас до последнего котенка. Луис, я никогда и никому не скажу ни о звездных семенах, ни об экспериментах кукольников. Можно рассчитывать на то, что ты поступишь так же?

— Да.

— Ты имел в виду именно это, говоря, что мне придется еще раз сыграть роль бога, на этот раз на своей родной планете?

— Да. И еще одно: «Счастливый Случай». Ты

по-прежнему хочешь его захватить?

— Возможно.

— Тебе не удастся. Но, допустим, что это тебе удалось. Что тогда?

— Тогда у кзинов будет гиперпространственный привод Квантум II.

— И?..

Прилл почувствовала, что внешне спокойный разговор касается необычайно важных вопросов и встала, словно собираясь разнять их, если они сцепятся.

— Вскоре у нас был бы флот кораблей, способный преодолеть световой год за минуту и пятнадцать секунд. Мы покорили бы весь известный Космос, подчинив себе все населяющие его расы.

— А потом?

— Нет никакого «потом», Луис. На этом кончаются наши амбиции.

— Неправда. Вы не остановились бы на этом. Имея такой привод, вы распространились бы во всех направлениях, захватывая каждую планету, до которой сумели бы добраться. Вы захватили бы больше, чем можете удержать… и когда-нибудь в этом огромном пространстве, наткнулись бы на что-то действительно грозное: например,

флот кукольников, второе Кольцо, бандерснатчей с руками или кдалтино на мощных военных крейсерах.

— Маловероятно.

— Ты же видел Кольцо. И планеты кукольников. Откуда ты знаешь, что это предел?

Кзин ничего не ответил.

— Не спеши, — сказал Луис. — Подумай. Впрочем, все равно ты не сможешь украсть «Счастливый Случай». Ты убил бы всех, включая и себя.

На следующий день «Невозможный» нашел отчетливую, тянущуюся, казалось бы, в бесконечность, борозду. Они повернули и двинулись вдоль нее, направляясь прямо на Кулак Бога.

Казалось, что гора выросла, совершенно не приближаясь к ним. Больше какого-нибудь астероида, почти идеально конусообразная, она напоминала обычную гору с покрытой снегом вершиной, правда, раздутую, словно в кошмарном сне. Сне, от которого невозможно было проснуться, потому что гора все росла и росла.

— Не понимаю, — сказала Прилл. Она была явно обеспокоена. — Я никогда такого не видела. Зачем это построили? Такие горы нужны только на краю, чтобы задерживать воздух.

— Так я и думал, — буркнул Луис и больше не

сказал ни слова.

В тот же день они увидели маленькую стеклянную бутылку, брошенную кем-то в месте, где кончалась борозда.

«Лгун» лежал так, как они его оставили: почти вверх дном на гладкой, почти лишенной трения поверхности. Луис подавил в себе чувство облегчения — они были еще не дома.

Прилл остановила «Невозможного» так низко над «Лгуном», что они смогли перейти прямо на корабль. Луис без затруднений открыл внешние и внутренние люки шлюза, однако, не сумел выровнять давление в кабине и снаружи. Этим следовало бы заняться Нессу, но по всем внешним признакам кукольник был мертв.

Тем не менее они уложили его на койку автолекаря. Инженеры и техники кукольников наверняка спроектировали его так, чтобы он мог справиться даже с труднейшими случаями. Однако предвидели ли они обезглавливание?

Оказалось, что предвидели. В банке органов находились две запасные головы, а кроме того, столько различнейших органов, что из них можно было сложить нескольких целых кукольников. Вероятно, все эти части получили способом клонирования из клеток Несса — черты

обеих голов казались удивительно знакомыми.

Прилл спустилась на «Лгуна» и, конечно, приземлилась на голову. Пожалуй, еще никогда в жизни Луис не видел настолько удивленного человека. Он совершенно забыл ее предупредить.

Несколько минут царила тишина, потом ее прервал дикий крик Луиса.

— Кофе! Душ! — заорал он и помчался в каюту, которую занимал когда-то вместе с Тилой. Сразу после этого из нее донесся очередной крик: — Прилл!

И Прилл пришла.

Кофе ей не понравился. Она считала, что только сумасшедший может вливать в себя эту горячую, горькую жидкость, и не замедлила сказать об этом Луису.

Когда Луис объяснил ей, как нужно пользоваться душем, в ее памяти проснулось воспоминание об этом когда-то бывшем, а потом надолго утраченном удобстве.

Больше всего ей понравились антигравитационные постели.

Говорящий праздновал возвращение домой по-своему, и скоро Луис стал побаиваться, что кзин лопнет от обжорства.

— Мясо! — рычал Говорящий в перерывах меж-

ду огромными кусками. — Наконец-то свежее мясо!

— То, что ты ешь, сделано из… — попытался осторожно напомнить ему Луис.

— Знаю. Но вкус, как у свежего!

Прилл провела ночь на кушетке в кают-компании. Она была в восторге от антигравитационных постелей, но считала, что они должны служить иным целям, нежели простому спанью. Луис не смог отказать себе провести ночь в состоянии невесомости.

Проснулся он через десять часов, голодный как волк. Под его ногами ярко горело солнце.

Он вернулся на «Невозможного» и лазером отрезал прикрепленный к стене конец черной нити. На ней осталось еще немного пластика, твердого, как скала.

Луис не решился просто так занести ее на борт корабля. Режущая все нить представляла собой слишком большую угрозу, а серая поверхность была слишком скользкой. Луис полз на четвереньках, таща за собой оклеенный пластиком зацеп.

Говорящий молча смотрел на него из дверей шлюза.

Луис поднялся наверх по веревочной лестни-

це, протиснулся мимо оранжевого тела кзина и направился на корму корабля. В конце, в самой узкой ее части, было отверстие диаметром в фут, сквозь которое проходила связка кабелей, некогда соединявших рубку с крылом, приборами и двигателями. Сейчас, когда крыла не было, отверстие закрывала металлическая пломба. Луис вытолкнул ее и выбросил наружу конец нити.

Потом он направился на нос, время от времени проверяя положение нити. Делал он это, отрезая кусочки от предложенной ему автокухней палки колбасы и окрашивая почти невидимую нить желтой отражающей краской.

Когда нить натянется, она наверняка разрежет часть переборок и некоторые элементы оборудования. Главной заботой Луиса было не повредить какие-нибудь элементы системы жизнеобеспечения.

Луис вышел наружу, подождал, пока к нему присоединится Говорящий с Животными, после чего закрыл внешний люк шлюза.

— Именно для этого мы и вернулись? — спросил кзин.

— Сейчас я тебе объясню, — ответил Луис. Он осторожно прошел вдоль корпуса, поднял облепленный пластиком зацеп и потянул. Нить не

дрогнула. Он потянул сильнее. То же самое. Дверь шлюза держала ее крепко.

— Я не могу испытать это по-другому, — сказал он. — Я не был уверен, что давление двери окажется достаточно сильным, не был уверен, что нить не разрежет самого корпуса. Да я и сейчас не уверен. Но, ты прав, мы вернулись именно для этого.

— А что будем делать сейчас?

— Откроем дверь шлюза. — Через минуту она была уже открыта. — А теперь занесем зацеп обратно на «Невозможный» и прикрепим к стене.

Нить тянулась за летающим зданием на тысячи миль, возможно, доходя до города, над которым парил замок, называемый Небом.

Теперь она проходила также через внутренность корпуса «Лгуна», а конец ее был прикреплен пластиком к стене «Невозможного».

— Пока все в порядке, — сказал Луис. — Теперь нам понадобится Прилл… Ненис! Я совсем забыл, что у нее нет скафандра!

— Скафандра?

— Мы летим на «Невозможном» на Кулак Бога, а ведь эта развалина не герметична. Нам придется ее здесь оставить.

— На Кулак Бога, — повторил Говорящий. —

Луис, двигатель скутера слишком слаб, чтобы втащить туда «Лгуна». Он может сломаться.

— А я и не собираюсь его тащить. Хочу только провести через «Лгуна» черную нить.

— Это должно получиться, — сказал, подумав, Говорящий. — Если не хватит мощности, можно отрезать еще несколько этажей. Но… зачем ты это делаешь? Что ты надеешься найти на вершине?

— Я мог бы тебе сказать — это всего одно слово — но тогда ты, наверное, рассмеешься мне в лицо. Если окажется, что я не прав, клянусь, ты никогда не узнаешь, что я планировал.

Мне придется объяснить Прилл, чего я от нее жду, подумал он. И закрыть пластиком отверстие в корме «Лгуна».

«Невозможный» никоим образом нельзя было назвать космическим кораблем. Сила, поддерживающая его в воздухе, была электромагнитного происхождения и действовала, отталкивая его от поверхности Кольца. К счастью, поверхность эта постоянно поднималась вверх, поскольку гора Кулак Бога была полой внутри. Правда, летающее строение то и дело пыталось соскользнуть вниз. Двигатель скутера должен был не только удерживать его от этого, но и толкать вперед.

Нужно было чем-то помочь ему.

Еще перед началом подъема они забрались в свои скафандры. Луис уныло посасывал из трубки питательное пюре и с тоской думал о бифштексе, поджаренном лучом лазера. Говорящий потягивал подогретую искусственную кровь, а о чем думал — неизвестно.

Им больше не нужна была кухня, поэтому они отрезали часть здания, в которой она размещалась. Точно так же отрезали этажи, на которых стояла вентиляционная аппаратура и различное полицейское оборудование вместе с генераторами электромагнитного поля, которые когда-то пленили их. Отрезали большую часть перекрытий и стен, оставив только те, что были необходимы для нормальной жизни.

С каждым днем они приближались к зияющему на вершине горы кратеру, в котором свободно поместился бы любой астероид из тех, которые Луису приходилось видеть. Край кратера выглядел довольно необычно: можно было подумать, что конструктивный материал Кольца был вытолкнут изнутри…

Вверх тянулись огромные расщелины и скалы. Между двумя из них показался вдруг довольно широкий проход.

— Ты хочешь добраться до кратера? — спросил

кзин.

— Да.

— Тогда нужно идти в этот проход. Выше нам не подняться.

Говорящий управлял «Невозможным», регулируя тягу двигателя скутера. Стремясь максимально облегчить здание, они обрезали даже механизмы, стабилизирующие его положение. Кзин демонстрировал чудеса ловкости, чтобы удержать неустойчивую конструкцию вертикально.

— Вызываю Прилл, — сказал Луис в интерком. — Вызываю Халрлоприллалар. Ты слышишь меня, Прилл?

— Слышу, Луис.

— Останься там, где находишься. Через двадцать минут мы будем на месте.

— Хорошо. Долго же это продолжалось.

Арка Неба горела над ними голубым огнем. С высоты тысячи миль над поверхностью Кольца они видели, как Арка соединяется со стенами края, постепенно переходя в равнину. Луис чувствовал себя так же, как сотни лет назад чувствовали себя первые люди, поднявшиеся в космос и увидевшие, что Земля и в самом деле круглая.

— Мы не могли об этом знать, — тихо сказал Луис, однако Говорящий услышал и взглянул на него. Луис не обратил внимания на странный взгляд кзина. — Это избавило бы нас от многих неприятностей… Мы могли бы вернуться сразу, как только нашли нить. Ведь мы могли бы втащить «Лгуна» нашими скутерами. Но тогда Тила не встретила бы Искателя.

— Снова счастье Тилы Браун?

— Разумеется. — Луис опомнился. — Я говорил вслух?

— Да.

— Мы должны были догадаться, — продолжал Луис. Кратер был уже очень близко, и он чувствовал непреодолимое желание говорить. — Инженеры никогда не построили бы здесь ТАКОЙ высокой горы. Если считать оба края, у них есть горные цепи длиной более миллиарда миль.

— Но Кулак Бога существует, Луис.

— В том-то и дело, что нет. Это только скорлупа. Посмотри вниз. Что ты видишь?

— Конструктивный материал Кольца.

— Увидев это впервые, мы решили, что это грязный лед. Грязный лед в вакууме! Но неважно. Помнишь, как ты искал на карте Кулак Бога и не мог ее найти? Знаешь, почему?

Кзин молчал.

— Потому, что ее не было. Когда создавались те карты, горы просто не было. Прилл, ты там?

— Да. Где же мне еще быть?

— Хорошо. Закрой шлюз. Повторяю, закрой шлюз. Только смотри, чтобы нить не порезала тебя на кусочки.

— Это *мы* изобрели эту нить, Луис. — В интеркоме воцарилась тишина, прерываемая только треском помех. — Наружные и внутренние люки закрыты, — доложила, наконец, Прилл.

«Невозможный» проходил между двумя острыми вершинами.

— Луис, что ты, собственно, хочешь найти в этом кратере?

— Звезды.

— Не смейся надо мной. Мое чувство…

Они были уже в кратере. Кулак Бога действительно была только пустой скорлупой.

Они падали. И кратер был полон звезд.

У Луиса Ву было отличное воображение, и он легко представил себе, что здесь когда-то произошло.

Он видел идеально чистую, прозрачную модель Кольца: никаких кораблей, паромов, спутников. Только солнце типа С2 и Кольцо.

Видел, как из межзвездного пространства прилетел астероид. Он летел очень быстро… пока не финишировал на внешней стороне Кольца.

В представлении Луиса астероид был размером с Луну.

За долю секунды он превратился в ионизированную плазму. Метеоры меньших размеров, летящие с небольшими скоростями, после входа в атмосферу планеты горят, как сухое дерево, исчезая еще до того, как долетят до поверхности. Однако здесь не было атмосферы, и плазме, вдавленной чудовищным ударом во внешнюю сторону конструкции, некуда было деваться. Она продолжала двигаться вперед, выдавливая перед собой материал Кольца, потом твердая поверхность лопнула, выпуская огненный шар на свободу.

Территория, превосходящая поверхность Земли, оказалась вдруг на десятки и сотни миль выше, чем была до сих пор. Нарушился детально разработанный механизм движения воздушных масс и расклад температур. Тысячемильной высоты Кулак Бога…

— Кулак Бога? Ненис! Ну, конечно! Для наблюдателей, находящихся на Кольце, это должно было выглядеть так, словно какой-то чудовищ-

ный огненный кулак одним ударом пробил тонкую, как лист бумаги, конструкцию.

Они должны были быть довольны, что материал, из которого построено Кольцо, оказался таким ковким. Через кратер мог бы уйти весь воздух, которым они дышали. К счастью, кратер находился на тысячемильной высоте…

И был полон звезд. Внезапно выключилась искусственная гравитация. Этого Луис не предвидел.

— Держись за что-нибудь! — крикнул он. — Если выпадем — погибнем!

— Конечно, — согласился с ним Говорящий, крепко хватаясь за металлические поручни. Луис тоже вцепился в них.

— Ну что, кто был прав? Звезды!

— Действительно. Но откуда ты знал?

Вернулась тяжесть. «Невозможный» повернулся набок.

— Держит! — радостно крикнул Луис, стоя на том, что еще минуту назад было стеной рубки. — Надеюсь, Прилл чем-нибудь пристегнулась. У нее будет не самая ровная дорога. На вершину Кулака Бога, потом через край кратера и….

Они посмотрели вниз, на внешнюю сторону Кольца — бесконечную, изрезанную поверх-

ность. В центре ее было коническое углубление с блестящим дном. «Невозможный» закачался, как маятник, подвешенный на длинной нити; и кратер на мгновение осветился солнечным светом.

— …и вниз. Когда и она, и мы вылетим в пространство со скоростью 770 миль в секунду, мы сможем приблизиться к ней, пользуясь двигателем скутера. А откуда я знал? Да ведь я все время говорил об этом. Разве я не упоминал о пейзаже?

— Нет.

— Именно это подсказало разгадку. Эти нагие, эродированные пространства и упадок цивилизации, насчитывающей всего полтора тысячелетия! А все потому, что два метеоритных кратера совершенно изменили картину ветров. Знаешь ли ты, что вся трасса нашего путешествия пролегала от одного кратера к другому?

— Это малоубедительное рассуждение, Луис.

— Но оно оказалось верным.

— Да. И благодаря этому я еще увижу закат солнца, — тихо сказал кзин.

Луис удивленно взглянул на него.

— Ты?

— Да, иногда я люблю посмотреть на заходящее солнце. А теперь поговорим о «Счастливом Случае».

— Давай.

— Если бы я завладел «Счастливым Случаем», моя раса подчинила бы себе весь известный Космос, пока не наткнулась бы на еще более могучую цивилизацию. Мы забыли бы обо всем, чему с таким трудом научились, если говорить о мирном сосуществовании с другими видами.

— Это правда, — признал Луис. Тяготение не изменилось. «Лгун», подвешенный на конце нити длиной в десять тысяч миль, взбирался следом за ними по склону горы.

— Правда, это могло бы оказаться не так легко, если бы счастье нескольких сотен Тил Браун сочло необходимым защищать Землю от нас. Однако честь требует, чтобы я хотя бы попробовал. — Кзин говорил совершенно спокойно, но Луис видел, что его товарищ испытывает противоречивые чувства. — Смог бы я увести своих братьев с дороги славы, ведущей к войне? Мои боги прокляли бы меня за это.

— Лучше не быть богом, Говорящий. Это тяжело и больно.

— К счастью, проблемы нет вообще. Ты сказал, что если бы я попытался, мы все могли бы погибнуть. И ты прав. Привод кукольников потребуется нам, чтобы уйти от взрыва ядра Галактики.

— Это правда.

— А если я лгу? — неожиданно спросил кзин.

— Против этого я бессилен. Мне не перехитрить существо твоего уровня разумности, — ответил Луис.

В кратере вновь на мгновение вспыхнуло солнце.

— Подумай, как мало мы все-таки увидели, — задумчиво сказал Луис. — Мы преодолели сто пятьдесят тысяч миль за пять дней, а потом проделали тот же путь за два месяца. Это только одна седьмая ширины Кольца. А Тила с Искателем хотят пройти его вдоль…

— Глупцы.

— Мы даже не увидели края. Они увидят его. Интересно, что еще прошло мимо нас? Их корабли могли добираться даже до Земли. Может, они забрали оттуда китов и кашалотов еще до того, как мы их уничтожили? Мы даже не добрались до океана.

А люди, которых они встретят на своем пути… А пространство… Ведь Кольцо так огромно…

— Мы не можем туда вернуться, Луис.

— Нет. Конечно, нет.

— По крайней мере, пока не побываем дома и не получим нашей награды.